М. ГОРЬКИЙ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1939
ГОСЛИТИЗДАТ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт мировой литературы имени А. М. Горького

АРХИВ А. М. ГОРЬКОГО

Под общей редакцией
академика И. К. ЛУППОЛА

ТОМ I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА • 1939

М. ГОРЬКИЙ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА • 1939

РЕДАКТОРЫ ТЕКСТА
И. П. ЛАДЫЖНИКОВ И М. М. ЮНОВИЧ
ПРИМЕЧАНИЯ СОСТАВЛЕНЫ
М. М. ЮНОВИЧ

Исключительное право перевода и издания на иностранных языках принадлежит Литературному Агентству В/О «Международная Книга», Москва.

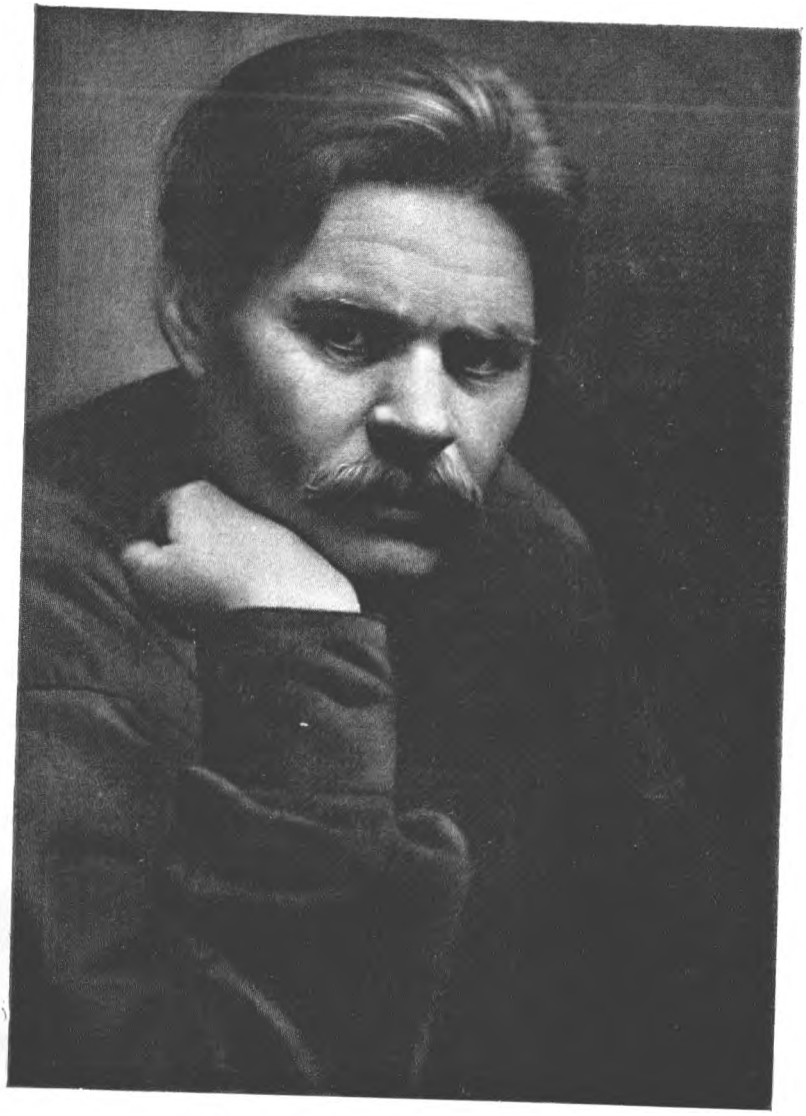

ФОТО 1906 г. ВОСПРОИЗВОДИТСЯ ВПЕРВЫЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Впервые публикуемая полностью по рукописи работа М. Горького представляет собою крупнейший историко-литературный труд великого народного писателя.

Замысел работы относится к концу 1907 года; непосредственно над рукописью Горький работал в 1908—1909 гг.

Рукопись черновая, сохранилась не во всем своем первоначальном объеме: нехватает страниц, нет начала некоторых глав, другие не имеют конца. По содержанию и плану работы видно, что нехватает целых глав — звеньев историко-литературного процесса. Тем не менее, дошедший до нас материал, объемом около двадцати печатных листов, содержит связное изложение почти всех важных событий русской литературы двух столетий и, давая ясную картину историко-литературной концепции Горького, представляет выдающийся интерес.

Сохранившиеся части работы охватывают вторую половину XVIII века и XIX век. Но замыслы Горького, их выполнение были несравненно более широки. Это явствует из писем Алексея Максимовича 1907—1908 гг., об этом говорят и книги по истории и литературе, собранные в то время Горьким или по его заданию.

Процесс работы Горького над рукописью можно представить в таких общих чертах: на основе плана писались отдельные части, посвященные наиболее важным проблемам общественной жизни, литературным направлениям, крупнейшим писателям.

Особенностью рукописи является то, что отдельные части и главы имеют авторскую пагинацию, но нет сквозной, объединяющей весь труд авторской пагинации. Однако внимательное изучение работы вскрывает не только тесную связь отдельных ее частей, но и последовательность их, закономерность расположения материала. Сохранились наброски плана работы, как она была задумана автором, есть указания на последовательность изложения в тексте рукописи; некоторые указания дают и второстепенные признаки — почерк, чернила. Изучение всей совокупности признаков позволило расположить отдельные части и главы в последовательности, отвечающей замыслу писателя, его историко-литературной концепции и на этой основе дать единую пагинацию рукописи. Налицо — не собрание отдельных очерков

монографического характера, не разрозненные главы, посвященные тем или иным явлениям литературы; пред нами, хотя и незаконченная, неполная, но *история литературы*.

Работа открывается теоретическим вступлением, в котором Горький дает определение сущности литературы, вскрывает ее отличие от науки и философии, намечает главные пути развития русской литературы. Первая часть посвящена XVIII веку: Горький дает общую характеристику эпохи, выделяет Фонвизина как зачинателя реализма, дает сжатые характеристики Новикова и Радищева. Переходит к Жуковскому и романтическому направлению и в связи с этим делает большой экскурс в историю западноевропейского романтизма. Попутно характеризуется развитие буржуазной реалистической литературы. Пушкину предшествует сжатый очерк движения декабристов. Пушкин выступает как поэт, для которого — «литература — национальное дело первостепенной важности». Анализ творчества Гоголя связан с очерком славянофильства. Затем Горький дает широкую картину «общего хода русской жизни в сороковые годы». Он рассказывает о развитии мещанства, об экономическом и социальном разложении дворянства, о положении духовенства, о том, как складывалась, росла и разделялась на группы различных социальных направлений среда разночинцев. Горький говорит о все более возраставшем значении в русском обществе интеллигенции из среды разночинцев и выделяет роль Белинского.

Далее Горький выдвигает проблему «дворянской самокритики», как основную проблему русской литературы прошлого века, и анализирует типы Онегина, Печорина, Рудина, Бельтова — так называемых «лишних людей». Попутно даются характеристики Лермонтова и Тургенева.

Вторая часть работы посвящена русской литературе от декабристов и Пушкина до Герцена включительно; она заканчивается небольшой главой, в которой Горький определяет характерные черты «драмы русского барства». Глава эта по-новому ставит и в известной степени завершает разработку проблемы «лишнего человека», «умной ненужности», как говорит Горький вслед за Герценом.

В особой главе Горький рассматривает литературу крестьянской тематики. Он вскрывает отношение «барина к своему крепостному мужику» на материале таких произведений, как «Записки охотника» Тургенева, повести Григоровича, повести молодого Толстого, написанные до реформы 1861 года. Названным писателям противопоставлен Шевченко — подлинно «народный поэт». Анализу литературы, героем которой является крестьянин, предшествует картина крестьянских восстаний, и рельефно выступает вывод автора: «человек массы, бунтующий мужик» остался в стороне в произведениях Тургенева, Григоровича, Л. Толстого. Горький выделяет Герцена, который поставил и пытался разрешить в революционном духе великие вопросы общественной

жизни и борьбы того времени и который оказал громадное влияние на развитие общественной мысли в России.

Небольшая глава отведена петрашевцам. Коротко останавливаясь на революционном движении 30-х годов, М. Горький рассказывает о положении русских писателей и литераторов после событий 1848 года, в общих чертах рисует социальную обстановку 50-х годов и останавливается на значении такого события, как поражение николаевской монархии в Крымской войне.

Третья часть работы обнимает период от шестидесятых годов до Льва Толстого включительно. Внимание Горького сосредоточено на «литературе разночинца-интеллигента». Писатель дает характеристику демократической литературы, выделяет роль «Искры», намечает разграничительную линию между демократами-шестидесятниками и позднейшей «народолюбивой» интеллигенцией и ее литературой. Останавливается Горький на общественной борьбе в 70-е годы, определяя ее реальное содержание как борьбу против царизма.

Большое место отведено Писареву в связи с разработкой проблемы индивидуализма. Этой же задаче подчинена глава о Достоевском. Дальше следует небольшой очерк творчества Глеба Успенского, на примере которого заострен коренной вопрос всей русской литературы второй половины прошлого века — интеллигенция и народная масса в их взаимоотношениях. Мимоходом останавливается Горький на Осиповиче-Новодворском, Лескове, говорит о гении, о громадном значении Салтыкова-Щедрина. Творческим портретом Льва Толстого, чья литературная деятельность была «итогом всего пережитого русским обществом за весь XIX век», — завершается, верней обрывается рукопись.

Работа писалась более тридцати лет тому назад; в ней сказался, естественно, уровень исторических знаний того времени: некоторые характеристики и оценки отстают от суждений современной советской науки, в том числе от суждений самого Горького, высказанных им в советскую эпоху. Он, например, в настоящей работе предъявил Радищеву, декабристам требования, на которые эти деятели, по условиям своего времени, не могли ответить. Опровергая буржуазные легенды о Радищеве и декабристах, Горький недооценил их значение. Правильно указывая на ошибочность воззрений Чернышевского на общину, Горький преувеличил значение этого момента в общей деятельности великого демократа, не выделил, не показал его роли в революционном и литературном движении второй половины прошлого века. Он дал одностороннюю, а потому неверную характеристику Рахметова — героя романа «Что делать», дал одностороннюю, а потому неверную характеристику Гоголя. Эти ошибочные суждения не выражают ни в какой степени существа взглядов Горького. Напротив, во всей своей работе Горький твердо проводит мысль о значении культурного наследства, оставленного поколениями революционеров, деятелей литературы и науки для рабочего класса, для

его революционной борьбы. Эту же мысль, как известно, Горький развивал во всей своей литературной работе: в многочисленных критических и публицистических статьях Горький давал неизменно высокие оценки Радищева, революционных демократов 60-х годов, чей образ был воссоздан Чернышевским, и неоднократно указывал на громадное значение реалистических произведений Гоголя — «Ревизора», «Мертвых душ».

Нельзя забывать, что настоящая работа дошла до нас как черновой автограф и не во всем своем первоначальном объеме, в ней, как во всяком незаконченном, начерно написанном труде, есть неточные формулировки, есть сокращенные заметки «для себя». Их подлинный смысл проясняется при сопоставлении со всем идейным строем историко-литературной работы Горького.

«Наша тема, — пишет Горький, — русская литература, русская интеллигенция в их отношениях к народу». Под этим углом зрения и взята Горьким вся история русской литературы. Алексей Максимович показывает, что ни один крупный писатель прошлого не проходил мимо народа, что перед деятелями литературы, общественной мысли, культуры, перед интеллигенцией всех классов и групп общества неизменно стоял вопрос отношения к народной массе. Общественное положение, труд и борьба народа, прямо или косвенно отраженные в литературе, — по-разному в различных исторических условиях — определяли ее развитие. Горький стремится вскрыть закономерность этого развития, он показывает, как с необходимостью одни идеи и формы художественного творчества сменялись другими. Он показывает их преемственность. Причиной, определяющей художественное развитие общества, являются, по мысли Горького,«общественно-экономические отношения», он объясняет литературу всей совокупностью социальных условий: экономикой, борьбою классов, в которой выделена борьба народных масс, политикой царизма, идейными воздействиями, влияниями, идущими из других стран. При этом Горький не забывает условий развития личности — творческой индивидуальности писателя.

Давая небольшие очерки этапов общественного развития, Горький сочетает конкретное исследование с художественным творчеством и показывает, как создавались типические характеры различных классов в различных исторических условиях.

Таково в общих чертах содержание рукописи.

В рукописи шестьдесят восемь больших четырехстраничных, исписанных с двух сторон листов и двенадцать заметок, вкладок на отдельных листках. В тексте имеется много исправлений. Горький иногда по нескольку раз возвращался к одной и той же мысли, искал соответствующего ей выражения, исправлял и дополнял содержание, давал новое развитие, новые оттенки мысли. Имеется также много зачеркнутых слов, фраз, целых абзацев, многие слова не дописаны. Путем специального фотографирования удалось восстановить зачеркнутые места, за исклю-

чением нескольких случаев, указанных в тексте значком (нраб).

Зачеркнутые Горьким слова и выражения даны под страницей в сносках, обозначенных арабскими цифрами. Сокращенно написанные и недописанные слова раскрыты путем введения квадратных скобок. Там, где скобки даны Горьким или автором цитированного сочинения, применены круглые скобки.

Особенностью рукописи как первоначальной, черновой редакции является наличие в ней многих ссылок на тексты художественных произведений и на исторические источники. Горький большей частью не выписывал ни цитат, иллюстрирующих его мысли, ни заметок, необходимых для работы. Он делал ссылки, указывая автора, иногда — очень редко — название художественного произведения или исторического, историко-литературного сочинения, большею частью обозначая том, страницы, год издания журнала или в единичных случаях определенное издание книги. Так, например, ссылка:

Бильб. 2-й 198
Д. и Н. Р. т. 2-й, 152—

означает книгу В. А. Бильбасова «История Екатерины II», т. II, стр. 198 и журнал «Древняя и новая Россия» — т. II, стр. 152. Страницей этой начинается напечатанная во втором томе «Древней и новой России» за 1877 год статья В. И. Семевского «Волнение крестьян, приписанных к Олонецким заводам». В главе о Пушкине ссылка—«II т. 141 стр.» означает: II том собрания сочинений Пушкина, изд. «Просвещение», 141 стр., которой начинается стих. «Моя родословная или русский мещанин». В той же главе о Пушкине ссылка — «Стр изд. 11 стр.» означает «старое», по терминологии Горького, берлинское издание стихотворений Пушкина 1861 г., стр. 11, которой начинает стих. «Noël — Сказки».

Основываясь на подобных авторских указаниях, исходя из содержания, нужно было найти именно те издания, на которые ссылался Горький, и ввести в текст рукописи те цитаты, которые он имел в виду.

С этой целью была обследована в первую очередь личная библиотека писателя. В ней сохранились книги, которыми пользовался Алексей Максимович в своей работе. Его отметки в книгах и ссылки в рукописи дают более или менее точные указания на содержание цитат и гарантируют от ошибок и домыслов. К сожалению, большая часть книжных богатств, использованных Горьким, не сохранилась в его библиотеке. Но удалось найти все издания, им названные, и ввести в текст рукописи соответственные цитаты или раскрыть содержание ссылок в примечаниях.

Горький иногда отмечал в книгах или называл в рукописи ряд страниц художественных, исторических сочинений. В некоторых, немногих случаях такие обозначения ряда страниц пред-

ставляют собою заметки для памяти, для дальнейшей работы. Эти случаи оговорены в примечаниях, причем коротко изложено содержание указанных страниц или глав.

Большею частью подобные ссылки раскрыты как цитаты и введены в текст, возможно точно по указаниям автора. В некоторых случаях, когда указаниями этими выделялись цитаты чересчур большого объема, из них выбирались наиболее яркие места, наиболее соответствующие мысли автора, контексту рукописи. Цитаты, таким образом введенные в рукопись, в отличие от написанных Горьким, печатаются узкой колонкой. Цитаты, отмеченные писателем в книгах, оговорены в примечаниях.

Примечания носят строго фактический характер. В них даны лишь пояснения к непонятным местам рукописи, определены художественные, историко-литературные, исторические сочинения, цитированные Горьким, источники ссылок, некоторых приводимых им фактов. В первую очередь определялись источники, которыми пользовался или мог пользоваться Горький, а затем уже — первоисточники.

Мелкие неточности в цитатах и фактах и явные описки исправлены без оговорок в примечаниях. В случаях сколько-нибудь значительного расхождения между подлинным текстом художественного, исторического сочинения и цитатой из него, приводимой Горьким, оставлено написание Горького, в примечаниях же дан точный текст источника.

В примечаниях оговорены некоторые фактические ошибки, недомолвки, неизбежно присущие черновой редакции работы, оговорены и те случаи, когда литературный или исторический материал, которым располагал Горький в 1907—1909 гг., устарел по сравнению с современными данными.

Примечания обозначены звездочкой.

Рукопись печатается по современной орфографии с сохранением, однако, особенностей, характерных для М. Горького.

Рукопись не имеет названия; по содержанию она названа — «История русской литературы».

Вся работа по подготовке рукописи к печати, расшифровке ее, восстановлению последовательности текста, отысканию и раскрытию источников и цитат произведена И. П. Ладыжниковым и М. М. Юнович.

М. ГОРЬКИЙ

[ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ]

[ВВЕДЕНИЕ]

Литература — образное выражение идеологий — чувств, мнений, намерений и надежд — общественных классов и групп. Она является наиболее чутким [1] и верным отображением междуклассовых отношений [2]; она пользуется для своих целей всем опытом нации, класса, группы, она берет этот опыт и тогда, когда он уже организован в формы религиозные, философские, научные, и сама, своими силами, старается организовать опыт этот.

Литература — роман, повесть и т. д. — является наиболее распространенным и успешным приемом пропаганды тех или иных идей. Это особенно хорошо понимали французы XVIII века, представители воинствующей против феодализма буржуазии, а особенно такие головы, как Вольтер. [3]

Чем же сильна литература? [4]

Насыщая идеи плотью и кровью, [5] она дает [6] им бóльшую наглядность, бóльшую убедительность, чем философия или наука. [7]

Будучи более читаемой и вследствие живости своей убедительной, чем философия, литература этим самым является и наиболее распространенным, удобным, простым и победоносным способом пропаганды классовых [8] тенденций.

Там, где классы организованы наиболее прочно и стройно, где классовые традиции вросли глубоко в сознание — там и литература является наиболее сжатой, наиболее насыщенной классовым содержанием.

Диккенс. Бальзак. [9] Но — по самому характеру техники [10] роман всегда [11] объективнее философского трактата: книга фило-

---

[1] а у нас и обыкновенным и полным

[2] желаний, чаяний

[3] Бомарше и прочие

[4] Вольтер, Бомарше, Достоевский, Толстой

[5] вооружая ими человека, она придает идеям активность, оживляет их, сопоставляет, показывает их роль в жизни, их силу и слабость

[6] мыслям и идеям

[7] Вертер, Базаров, Грелу-Фальк, вызванные ими подражания

[8] идей

[9] Толстой

[10] лит[ература]

[11] шире

софская ставит тезис,[1] и тезис этот является прокрустовым ложем для живых фактов, он их[2] усекает, он сжимает их, сглаживает и шлифует так, чтоб они, как кирпичи, плотно прилегали один к другому и философская колокольня была б тверда и незыблема.[3] «Существует только человек, все же остальное есть его идеи» — это мертвое грамматическое предложение, это посылка, которую я[4] могу изменить так или иначе.[5] И мы видим, что метафизическая философия, ставя такие посылки, преблагополучно доказывала их правильность — что, однако, ни на шаг не подвинуло вперед наших знаний о мире и не увеличило знаний человека о себе самом.

Роман тоже, конечно, имеет тенденцию достичь возможно большей убедительности и внутренней стройности, но — для романа мало голых мыслей, грамматически правильных фраз, связанных логикой, — для романа необходимо лицо, необходим человек со всею сложностью психики своей, очень спутанной в нашем обществе, полном противоречий.

Когда писатель делает человека вместилищем одних только пороков или одних лишь добродетелей — мы недовольны этим, нас это не убеждает, ибо мы знаем, что доброе и злое или, вернее, индивидуальное и социальное, переплетено в психике нашей.[6]

Если б Тургенев наделил Базарова мечтательностью Рудина, человека 40-х годов, — мы не поверили бы Тургеневу, ибо это свойство было[7] вне психики разночинца 60-х годов. Если б Арцыб[ашев] сделал Санина рабочим-с[оциал]-д[емократом] — мы не поверили бы Арцыб[ашеву], ибо мы знаем, что социальный индиферентизм не может быть связан с социализмом.

Романист всегда шире своих тенденций потому именно, что для вящей убедительности данной идеи, защищаемой им, он принужден ставить эту идею в круг[8] идей враждебных и таким образом, хотя и в искаженной форме, но он знакомит нас с тем, что, м[ожет] б[ыть], и враждебно лично ему.

Возьмем «Воскр[есение]» Толстого.

Рассказать работу над романом.

Итак — роман, являясь могучим и в высшей степени[9] убедительным средством пропаганды клас[совых] тенденций, в то же

---

[1] напр., «мир есть мое представление»

[2] подстроит в ряды

[3] «Мир есть мое представление»

[4] и вы

[5] сообразно моему стремлению, тенденции доказать тот или иной тезис.

[6] Злое начинается там, где человек говорит — «я есть самодовлеющее и целое», доброе — там, где он говорит — «я есть часть целого».

[7] уже

[8] ...проти...

[9] попу[лярным]

время [1] заставляет [2] писателя, вопреки его [3] намерениям, отмечать попутно тенденции и факты чуждые и враждебные тем, кои проповедует он сам, как идейный представитель той или иной общественной группы.

Нам, в интересах наших, очень важно отметить этот часто невольный, бессознательный объективизм писателя-художника, нам нужно знать, что в любом романе и рассказе, при внимательном чтении, [4] мы всегда можем найти, несмотря на внешнюю убедительность фактов и характеров, внутреннее, непримиримое противоречие, оправдывающее нашу точку зрения на взаимные отношения общества и личности, муж[чины] и женщины, на все вопросы внутренней жизни и экономического быта. Но зная это, мы, однако, должны помнить, что враг наш — хитер и часто бывает, что его объективизм, ценный для нас, — является только [5] ловким прикрытием классовой тенденции.

Форты покрыты дерном — ах, как красив пригорок!

Теперь посмотрим, что такое сам писатель, как [6] аппарат, воспринимающий и воспроизводящий [7] факты, чувствования, [8] идеи.

Всякая индивидуальность — есть результат социальной группировки. Она всегда как бы выдвигается вперед коллективом — подобно, скажем, щупальцу головоногого. Источник ее психической энергии — всегда коллектив. Чем плотнее сложился коллектив, чем ясней сознает он свои интересы — тем выразительнее характер его слагаемых, [9] ярче личность. Кто является наиболее деятельным и умным лицом современности? Финансист, капиталист Рокфеллер, Ротшильд — представитель наиболее стройно организованного класса. Класс противоборствующий со своей стороны выдвигает в жизнь Дицгенов, Бебелей, а процесс экономического разложения среднебуржуазных групп создает психику декадента. [10]

Рассматривая всякого человека, как продукт эпохи, племени, класса, [11] мы, разумеется, под таким же углом должны рассматривать и писателя, допустив, однако, что писатель суть человек

---

[1] невольно
[2] автора
[3] задачи
[4] отношении
[5] ширмой
[6] выразитель тех или иных взглядов, идей, чувствований
[7] идеи
[8] события
[9] отдельных
[10] дегенерата. Эта точка зрения должна быть усвоена, что мне кажется воистину...
[11] сословия, экономической группы

более других насыщенный опытом — знанием жизни и в силу[1] давления опыта обладающий способностью облекать впечатления свои в форму образов.

Переполнение вместилища опыта — т[ак] наз[ываемой] души — впечатлениями бытия и убеждает человека организовывать свои наблюдения и чувствования тем более экономно, чем обильнее их запас, а экономнейший способ организации мысли и есть образ.

Чем шире опыт — тем менее в нем места субъективному, личному, тем более властно выступает вперед общезначимое и тем ярче социальный образ художника: чем решительнее отказывается писатель от своей личности, тем легче теряет он мелкое и ничтожное и глубже, шире открывается его восприятию значительное, объективное в окружающем его мире.

Достигая этой высоты, писатель является для нас тем более точным и правдивым свидетелем происходящего в жизни, чем объективнее он рассказывает, как люди думают, как относятся друг к другу, и мы видим, почему иные думы, иные отношения невозможны, хотя бы сам писатель и проповедывал их.

Возьмем опять Толстого:[2] задача — найти для дворянина достойное его место в жизни. Попутно автору пришлось коснуться всех сторон жизни, впасть в очевидные для нас и поучительные противоречия с основной своей идеей, много раз нарушать ее цельность, наконец, ему, проповеднику пассивного отношения к жизни,[3] пришлось признать и почти оправдать в «Воскр[есении]» активную борьбу.

[4]Богатый опытом писатель всегда противоречив, ибо обилие опыта требует широких организующих идей, а эти идеи враждебны узким целям групп и классов. Поэтому у каждого русского писателя вы найдете излишек фактов, избыток мыслей, остающихся за пределами его тенденции и противоречащих ей по существу. Вы найдете эти противоречия даже у писателей Запада, таких, как Диккенс, Бальзак, Золя; я говорю д а ж е, потому что западный литератор — человек более стройной психики, чем писатель русский.[5] Диккенс более тверд в защите воззрений своего класса, чем его ученик Михайлов-Шеллер, и это потому, что в Англии между- и внутриклассовые отношения людей сложились прочно, уже приняли характер традиций, а у нас эти отношения лишь только начинают слагаться, но пока еще неясны для писателя нашего.

Русская литература особенно поучительна, особенно ценна широтою своей — нет вопроса, который она не ставила бы и не пыталась разрешить. Это по преимуществу литература вопросов:

---

[1] богатств[а]

[2] Нехлюдов

[3] проповеднику подчинения лично[сти]

[4] Большой, т. е.

[5] ибо он более

Что делать?
Где лучше?
Кто виноват? — спрашивает она. [1]

Наша литература удобно может быть разделена на две линии — дворянскую, которая по силе социальной необходимости проповедывала демократизм, и демократическую — литературу разночинца-интеллигента, который, тоже по необходимости, проповедывал социализм.

И та, и другая линия одинаково исторически ценна для нас, ибо дает нам богатейший материал для суждения о путях русской мысли, о задачах разных общественных групп и, главное, убеждает нас в полном бессилии, в полной невозможности для той или иной группы решить свои задачи [2] без участия широких демократических масс.

Это бессилие сознавалось самими литераторами и [3] на его почве [4] привилась идея сотрудничества классов, любезная почти всем нашим писателям.

Это же [5] ощущение своей социальной слабости побудило российского писателя обратить внимание на народ, внушило ему идею необходимости [6] пробудить потенциальную энергию народа [7] и превратить ее в активное орудие для завоевания политической власти. Именно это бессилие сделало огромное большинство русских писателей [8] отчаянными демагогами, которые всячески льстили народу, заигрывая то с крестьянством, то с рабочими. [9]

Русская революционная интеллигенция воспитывалась [10] на русской литературе [11] и, как мы увидим позднее, сильно заразилась демагогией. *

[12] На этом пока и кончим характеристику литературы, как формы и средства пропаганды, заключив характеристику нашу [13] словами Пушкина, который, назвав литераторов самой мощной и опасной аристократией, воскликнул:

«Уважайте класс писателей, но не допускайте же его овладеть вами совершенно!» *

---

[1] Некуда! — отвечает она в 70-х гг. на вопрос, куда итти человеку, желающему тихо, мирно работать культурную работу.

[2] отдельно для себя и...

[3] в нем именно коренится

[4] выросла

[5] сознание

[6] организовать

[7] разбудить.

[8] да и интеллигентов

[9] Та часть русской интеллигенции, которая еще вчера шла

[10] гораздо более

[11] чем на западной философии

[12] «Аристократия самая мощная, самая опасная — есть аристократия людей, которые на целые поколения... налагают свой образ мыслей»...*

[13] умными и верными

[НАБРОСКИ ПЛАНА]

I

*Россия при Екатерине — общая картина быта. Очерк психической физиономии слагавшихся в ту пору общест[венных] групп. Причины, побуждавшие Екат[ерину] организовать новый обществ[енный] слой: власть дворянства, боязнь дворцовой революции, Павел, необходимость поощрять развитие промышленности и т. д. Двойственность [1] позиции Екатерининой между тенденциями Новикова-Радищева и стремлениями [2] крупных помещиков-дворян.

II

Возникновение литературы. Роль мелкопоместного дворянства. Державин и др. Ломоносов. Его биография, как одна из причин, побудивших литераторов того времени [3] обратить внимание на народную песню и сказку.

Фонвизин.

[4]Примеры воздействия народной поэзии на литературу: издание песенников [5], Жуковский, Карамзин, Сумароков и далее до Цыганова, Дмитриева, до няни Пушкина, как символа крестьянской России. [6] Влияние французской литер[атуры]: Расина и Корнеля, Руссо и Вольтера.

III

[7]От Екатерины до 40-х годов. Павел, его отношение к дворянству, литературе. [8] Участие народа в войне с Наполеоном, роль национального возбуждения в литературе, отражение его в на-

---

[1] положения

[2] дворян

[3] Карамзина, Богданович

[4] Тредьяковским указано основание русского стиха в народной песне. Отсутствие в литер[атуре] «героя»

[5] сказки Чулкова, Богдановича

[6] подсказывающие поэту темы.

[7] Роль национального возбуждения

[8] Александр и Жуковский

род[ной] песне. Националисты. Крылов. Грибоедов. Кольцов, как народный поэт. Рылеев. [1] Декабристы в их отношении к народу [2]. Поэты до Пушкина — анализ их стиха со стороны формы и содержания. Пушкин, его отношение к народн[ому] творчеству, его жизнь, как иллюстрация нравов эпохи. «Герои» — Онегин, Чацкий [3]. Влияние Гофмана и Стерна — Гребенка, Вельтман, Соллогуб; Шатобриана, Ламенне, де-Местра. Разочарование западной буржуазии в силе разума и его отражение в русской литер[атуре].

Лермон[тов]. Баратын[ский].

Предшественники Гоголя — Нарежный...

IV

Гоголь — и расширение круга литературных тем. Провинция в литературе. [4] Предчувствие Гоголем неизбежности социальной катастрофы. Народ у Гоголя. Романтизм и скептицизм автора [5].

Попытки найти Россию свободной от влияния Запада приводили к консерватизму: Грибоедов, Гоголь, Остр[овский], Писем[ский], Мельников, Мей, Тютчев, Лесков и т. д.

---

[1] Одоевский

[2] Пушкин

[3] корнет Отлетаев

[4] Гребенка, Вельтман, малороссы и великороссы.

[5] Зависимость от...

[ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII СТОЛЕТИЯ. — ЦАРСТВОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II. — ХАРАКТЕРИСТИКА КЛАССОВЫХ ОТНОШЕНИЙ, ОБЩЕСТВЕННОЙ БОРЬБЫ И МЫСЛИ. — ФОНВИЗИН. — РАДИЩЕВ. — МАСОНЫ. — НОВИКОВ]

*[1]Ек[атерина] вступила на престол 28 июня [1]762 г[ода], а того же года октября 2-го уже открыт заговор против нее в войсках. [2]

Бильб[асов] 170 *

[3]Этот страх заговора преследовал Ек[атерину] [4] два года, вплоть до Шлис[сельбургского] бунта [1]764 г[ода], во время которого действительный наследник престола Иван Антон[ович] был убит.

346 *

[5]Через три недели по восш[ествии] на прест[ол] Ек[атерина] издает указ о лихоимстве.

190—2 *

В то же время она уничтожила «тайную канцелярию» — место пыток, [6] а через два дня после этого указа она издает указ об иностра[нных] поселенцах в России.

[1]94 *

Во всех этих действиях Ек[атерины] [7] ясно виден ее большой ум, недюжинные организаторские способности, но — когда нет

---

[1] царствования Ек[атерины] — царствования, полного непримиримых противоречий.

Чем объясняются эти противоречия?

[2] заговор, который

[3] Здесь необходимо отклониться в сторону от литературы, дабы очертить еще раз двойственное поведение царицы, либерализм начала ее царствования, консерватизм конца.

Далее как известно

[4] долго

[5] Но возвратимся к началу царст[вования]

[6] к коим потом сама же прибегала в деле Хрущева

[7] умной женщины

материала для организации, что можно организовать? Царица стояла в среде своекорыстного класса крепостников и должна была рано или поздно подчиниться его воле, признать его стремления и служить им.

Ее намерения поднять культуру страны были, очевидно, искренни, как мы видим это из приглашения немцев на Волгу и сербов в Новороссийский край, а также из учреждения в [1]765 г[оду] В[ольно]-э[кономического] о[бщества]. Целью этого общества Ек[атерина] поставила распространение среди народа полезных для земледелия и домоводства знаний, изучение земледелия и хозяйственной жизни страны, а также ознакомление с сельскохозяйств[енной] техникой западных стран. В первый перио[д] сущ[ествования] О[бщест]ва были поставлены на очередь вопросы, к[ото]рые обсуждаются и в наше время: учр[еждение] запасных хлебных магазинов, общественных запашек и т. д. Сама царица возбудила вопрос о выгодах общинной и частной форм землевладения и о преимуществе для сельского хозяйства свободного и крепостного труда.

Но членами Общества явились те же малокультурные дворяне, и результаты их работ в Ек[атерининское] время выразились в ряде недоуменных вопросов [1] из среды помещиков, испуганных присланными им из Питера опросными листами о количестве и роде посевов, пахотной и луговой земли.

Тамб[овский] дворян[ин] Колюпатов прислал в О[бщест]во жалобу, в коей писал — «хлебопашное дело от господа зависимо и человеки в нем ничесо же разуметь могут, сколь бы много и лукаво не мудрствовали о сем. Понеже господь пошлет дождь во время и хорошо будет, а ежели прогневается — бумагою от гнева его не защитимся». *

Другой помещик в [17]68 г[оду] пишет в О[бщест]во «от лица суседей, друзей, родных и многих других добромысленных людей Пензенских»: «Почтительнейше и любезнейше просим оповестить нас не гораздо ли вольно о[бщест]во ваше? Потому как уже самый ваш запрос про то, как лучше землю пахать — мужиковыми руками или дворянскими — издевкой над заслуженными людями кажется нам, а еще того больше угрожает великим смущением глупых мужиков наших, кои и без того довольно озверели и во многих местах свирепствуют невыносимо супротив благодетелей и отцов их». *

Каких-либо практических результатов В[ольно]-э[кономическое] о[бщество] в царствование Ек[атерины] не добилось и не могло добиться, если не считать массы писем и заявлений тревожного и резко крепостнического характера, вызванных вопросом Ек[атерины] о преимуществах вольного и рабского труда. Огромная литература, рожденная этим вопросом, приведена в книге Семевского «Крестьянский вопрос» *, и она должна была

[1] курьезов по вопросу

убедить Ек[атерину], что мысль об освобождении крестьян преждевременна, ибо непримирима с интересами помещиков и враждебна им, что у нее, царицы, нет сил провести эту реформу. Не надо забывать, что ее возвели на престол дети этих помещиков и что [1] ими уже были сделаны две попытки [2] низвести ее.

К деятельности В[ольно]-э[кономического] о[бщества]: в [18]47 г[оду] выпущен «Свод мнений о средних ценах на хлеб»; 1866 — совместно с Геогр[афическим] о[бщество]м посылка экспед[иции] для изучения хлебной торговли и производительности в Рос[сии]. Исслед[ования] Докучаева о русском черноземе— [18]76 г[од]. Наиболее энергическая деятельность просвет[ительного] хар[актера] падает на вторую половину 90-х годов.

Чем было вызвано основание В[ольно]-э[кономического] о[бществ]а? [3]

Исключительно волнениями крестьян, принимавшими характер массовых [4] восстаний.

С первых же дней царствования в народе разнесся слух, что Петр третий [5] лишен престола за его симпатии к старообрядцам, а в [17]63 г[оду] — за десять лет до Пугачева — на Дону говорилось, что царь Петр жив, убежал от жены, скрывается в Сербии и что это он посылает сербов в Малороссию. Слух этот был настолько [6] упорен, что около Уфы поп с дьяконом отслужили молебен о чудесном спасении царя. В [17]64 г[оду] слух этот является в Полтавщине. Говорили — «Государь ждет от своих подданных посажения его, батюшки, на прародительский престол». * В течение [17]62—[17]72 год[ов] разного рода [7] люди неоднажды принимали имя Петра, стараясь поднять бунт — таковы были беглые солдаты Кремнев и Чернышев, армянин Асланбеков, беглый крестьянин Богомолов. Пойманный Чернышев на вопрос — почему он принял имя царя, ответил: потому и принял, что «в разные времена, будучи в кабаках и шинках», слыхал от народа, что государь еще жив *.

[17]69—[17]71 года были годами бунта олонецких крестьян.

Бильб[асов]. 2-й. 198. Д[ревняя] и н[овая] Р[оссия]. Т. 2-й 152. *

Остановимся на этом явлении подробнее, ибо оно ясно рисует положение заводского крестьянства и дает ключ к пониманию Пугачевщины.

Картина времени. *

---

[1] до той поры

[2] в пользу Ивана Антоновича

[3] и вообще. внимание, другие меры Ек[атерины], клонившиеся к разви...

[4] явлений

[5] неправильно

[6] жив

[7] бродяги и беглые солдаты

[1]В [1]766 г[оду] Ек[атерина] II собрала комиссию для сост[авления] проекта Нов[ого] улож[ения]: были собраны [2] благонадежные лица из провинций — купцы, пром[ышленники], духовные, казачество. Оказалось, что все эти не дворянские классы ничего не имели против института креп[остного] права, горячо возражали против монополии этого права дворянами и требовали себе такого же права — приобретать крестьян.

Это вожделение рисует нам [3] духовную сторону городского общества, кое в ту пору насчитывало всего-навс[его] 1 300 т[ысяч] душ.

По переп[иси] [18]97—16 мил.= 13%. *

Чем было в ту пору дворянство — главенствующий и культурный класс? [4] Отцы, живя в провинции, заботились [5] об утверждении своей власти над крест[ьянами], указывая, что: *

И требовали права наказывать крестьян сажанием в колодки, палками и плетьми. [6] Некоторые помещики имели свои пыточные, где поднимали на дыбу, жгли кален[ым] желез[ом] и до смерти засекали кнутьями.

> Болотов — О крестья[нах]. За 5 лет. [С 17]64—[17]69— по Моск[овской] губер[нии] крепост[ные] убили 21 мужч[ину] и 9 женщ[ин] дворянс[кого] сос[ловия] да 5 покуш[ений] неудач[ных]. *

[7]Так жили в провинции отцы, а дети в столицах читали вместе с Екат[ериной] и, подражая ей, Вольтера; [8] вели либеральные разговоры на французском языке. Жили шутя, жили весело, чувствуя свою силу и не задаваясь особенно сложными вопросами.

Державин писал...

Дмитриев:

> Пой, скачи, кружись, Параша!
> Руки в боки подпирай! *
>
> Прочь от нас, Катон, Сенека!
> Прочь, угрюмый Эпиктет!
> Без утех для человека
> Пуст, несносен был бы свет. *

А в это время только что кончалась страшная московская чума и начинался Пугачевский бунт.

Литератор того времени был человек, готовый на все руки; существовал он по воле вельможного дворянства и для его потреб-

---

[1] Взойдя на престол волею дворянства

[2] сведу...

[3] нравственный и гуман...

[4] тому мы имеем ряд примеров; провинциальное дворянство явно было с одной стор...

[5] о вящем укреплении

[6] У предка поэта

[7] Экономический рост шел довольно быстро

[8] и Руссо

ностей: воспевал военные и гражданские доблести дворян, сочинял за вельможу послания в стихах его возлюбленной и т. д., главным же образом, писал торжественные оды на всякие случаи жизни.

Общество, т. е. столичное дворянство, пользуясь и развлекаясь стихами, говорило о литературе так:

«Литература — вещь дрянная, и занятия ею никого не приводят к счастию».

[1]Белинский [2] сказал однажды: «Русская литература есть не туземное, а пересадное растение... Идея поэзии выписана [3] в Россию по почте из Европы... Ее понимали, как искусство слагать вирши на разные торжественные случаи». *

По тому времени писателю некуда было итти, негде искать читателя, и он шел в прихожую [4] вельможи [5] поставщиком прозы и стихов, [6] «гишпанских повестей, итальянских идиллий и английского гумора».

Большинство писателей вербовалось из рядов служилого дворянства и чиновничес[тва]. «Лейб-гвардии капрал, асессор, офицер, какой-нибудь подьячий иль из кунсткамеры антик в пыли ходячий, уродов страж — народ все нужный, должностной...»

Ода Дмитриева «Чужой толк».

Но умные люди и сама Екат[ерина] прекрасно понимали значение литературы, как средства пропаганды, мирволили ей, поощряли писателя и старались прикормить его к своему вельможному двору.

Екатер[ина], как женщина умная, не могла не видеть, что опора ее трона — дворянство, в сущности, класс духовно-маломощный, культурно-ничтожный, что, как строитель государства, этот класс ненадежен и что у него нет какой-либо объективной идеи, коя охватывала бы интересы всей страны.

Было ясно, что дворяне, кроме укрепления власти своей над страной, ни о чем не мечтают и что в эту сторону жадность их простирается за линию горизонта.

Исчисляя все привиллегии, данные дворянам за годы своего царствования, Екат[ерина] видела, что вся страна в руках этого класса, но что сей класс, кроме грабежа, ничему не научен.

Присматриваясь к литературной деятельности самой царицы, в ее комедиях видишь намерения не токмо обличительные, не

---

[1] Писатели, подавленные таким взглядом на их труд

[2] говорит

[3] у нас

[4] и во двор

[5] придворным

[6] Держался писатель неважно: драматург Сумароков из угождения... Писали много, а еще больше переводили с иностранных языков все

только желание осмеять безобразное модничество, развратишко и мотовство бар, но заметно стремление установить какие-то новые принципы поведения, новую мораль; иногда кажется, что автор говорит кому-то невидимому и как бы через головы своего читателя; иначе — автор ищет новых людей, нового читателя.

Те же [1] предчувствия новорожденного, идущего на смену [2] старине человека, волновали Новикова: в его журналах «Живописец» и «Трутень».

Фонвизин, осмеявший дворянство столь жестоко [3] и безнаказанно, и целая полоса сатирического, отрицательного отношения к дворянству — все это было бы непонятно, если не принять во внимание, что где-то, между дворянством строился и слагался иной класс, более жизненный, с более широкими взглядами на государство, народ и на свои задачи.

[4]«Наш низкий народ никаких благородных чувствий еще не имеет» *, сказал Сумароков и как бы в ответ ему показаны целые ряды [5] Недорослей и Скотининых.

[6]Было уже сказано, что литература Екатерининской эпохи почти вся сосредоточивалась *, имеет характер подражательный, что, главным образом, она является литер[атурой] переводов и переделок с французского. [7] Оригинальное творчество, которое черпало бы сюжеты из русской жизни, почти отсутствовало.

[8]Так как жизнь светских придворных кругов строилась на французский лад, тоже являясь переводом с французского, то первое время этот вид литературы удовлетворял читателя.

[9]Пропагандистом литературы в о[бщест]ве являлся двор

---

[1] намерения

[2] дворянина

[3] в «Бриг[адире]» и «Недор[осле]»

[4] Книга Радищева не могла изумить своею резкостью

[5] Митрофану[шек]

[6] Фонвизин. 1745 г. из фамилии лифляндских дворян-рыцарей, прибывших в Москву еще в XVI в[еке].

[7] иногда применительно к нравам светского...

[8] Но жизнь требовала литературы: она...

[9] Но по мере количественного роста культурного общества, по мере того, как развивалось чиновничество и наезжало на службу в столицы молодое дворянство, ⟨формы⟩ литература начала постепенно изменяться с внутренней стороны.

Затем постепенно началось применение иностранных комедий к русским нравам: авторы брали... Раньше сюжетом, распространенной в ту пору франц[узской] комедии, являлись любовные приключения молодых дворян, осмеяние провинциалов-буржуа.

Преобладающей формой литературы была трагедия, или переводная — Корнеля и Расина и других, или же подражателей их — Сумарокова, Озерова, Хераскова. Но отношение общества к театру было ниже всякой критики.

и императрица. Как увидим ниже, Екатерина придавала книге и театру огромное воспитательное значение, — это понятно, если не забывать, что в ту пору русское дворянство находилось на такой же, приблизительно, высоте духовного развития, как московское купечество времен Островского. Прибавьте к этому сознание дворянством своей силы в государстве, кичливость происхождением своим и полную свободу действий по отношению к другим классам.

Отношение общества и правительства к театру рисуется такими фактами: при Елиз[авете] в [1]754 г[оду] на французскую комедию собралось так мало публики, что импер[атрица] приказала разослать верховых по знатным людям с вопросом: почему они не приехали в театр, и с предупреждением, что впредь, за неприезд на представление [1] с лиц, уклонившихся, будет взыскан штраф в 50 р[ублей] через полицию *.

Вспомнив, как Елиз[авета] заботилась о просвещении, вспомнив, что первый русский универ[ситет] открыт ею, в ее угрозе загонять публику в театр силой полиции следует видеть не одно проявление самовластия и деспотизма, а желание во что бы то ни стало воспитать дикое об[щест]во, приобщить его к европейской культуре.

Тот факт, что на литературу смотрели педагогически, как на средство исправления нравов, как на воспитание человека, подтверждается и предпочтением комедии, обличающей нравы, другим родам литературы и огромным количеством переводных и оригинальных басен, вышедших при Екатерине. Басни писали и переводили почти все литераторы того времени: Хемницер и Дмитриев, Фонвизин и Сумароков, Озеров и Херасков, переводились же басни Вольтера, Лафонтена, Гольберга, Флориана и т. д.

Басня. *

Заметно стремление правительства приближать литераторов ко двору: почти все названные лица, а также Жуковский, Карамзин, Крылов, Батюшков, Ломоносов, Державин, Дмитриев состояли на госуд[арственной] службе. Дмитриев был даже мин[истром] нар[одного] просв[ещения]. Это стремление власти сделать литературу орудием своих целей мы заметим и позднее вплоть до появления на сцене литер[атора]-разночинца, т. е. до 50-х годов.

С воцарением Ек[атерины] заметно сильное изменение нравов [2]. Мы должны объяснить это не только естественным ростом [3] образования в дворянстве столиц, но и тем, что развитие государственных учреждений вызвало к жизни новую об[ществе]нную группу — чиновничество, которое, [4] происходя по большей

---

[1] полиция

[2] больший интерес к искусству

[3] культуры

[4] будучи более...

части из среды духовенства и мещан, сразу увидало себя более образованным и работоспособным, чем изленившаяся в праздности масса среднего и мелкопоместного дворянства. Естественно было со стороны этих новых людей эпохи стремление к еще бо́льшим завоеваниям знаний, образования и всего, что называется культурой — увеличение умственной силы было их орудием борьбы с дворянином за место в жизни. Мелкопоместный, постепенно разорявшийся дворянин тоже примкнул к этой группе; любопытно отметить, что большинство[1] оппозиционно настроенных литераторов того времени — мелкопоместные дворяне, выходцы из духовенства и т. д.

Степень культуры даже в столичном дворянстве рисуется следующими фактами:

В «Вечерах» — сатирическом журнале 1770—1771 годов помещено следующее письмо:

С [Древняя] и н[овая] Р[оссия] — № 3 — 314.

Господа издатели! Усерднейше прошу вас дать пристойно восчувствовать нашим согражданам, в чем состоит цель в установлении театров, и что на таковые позорища, как комедия и трагедия, ездят, чтобы слушать, а не только глядеть или себя казать и смотреть других, и что благоразумное воспитание учит в собраниях, где чего бы то ни было и какое-либо сообщество собралось слушать, если сам слушать не хочешь, то другим не мешать. Мне случилось быть в театре, когда русского «Беверлея» представляли; истинно с крайнею прискорбностью слышала: во-первых, что не умолкали говорить; многие дамы для прохлаждения медку из караульни посылали просить, другие кушали, наконец, в театре хохотали, на что, конечно, другой причины тем забавным людям не было, как только название комедии, в которую, по их мнению, надлежало смеяться. Молчание и тихость не прежде восстановились, когда в самом деле только глазами, а не слухом внимание иметь должно, то есть, в балете. Размышляя о сем, мне пришла на ум и та неутешная мысль, что нам пред чужестранными и тем извинить не можно, что парадис, или в других местах, партер, всякого состояния людьми в вольных позорищах наполняется, потому что в императорский театр, кроме благородных, положено не впускать, почему титулованные особы суть одни в нем зрители *.

В Моск[ве], в доме князе Мещер[ского], устраивались аристократией петуш[иные] и гусиные бои, вельможи ездили зимою на бои кул[ачные] на Мос[ква]-реку. Хотя женщин воспевали в стихах, но били их, не щадя костей.

---

[1] культур...

Таков был культурный класс в ту эпоху, таковым он является пред нами в произведениях Фонвизина. Этот писатель не только по времени, но и по смыслу дарования, является самой типичной, цельной фигурой первой половины века Ек[атери]ны, наиболее [1] точным выразителем [2] тенденций времени.

Он первый начал применять иностранные комедии к [3] нравам времени, которые во многом тоже были переведены с французского.

Взяв, например, пьесу француза Грессе, Фонвизин переделывает ее на русский лад и, назвав «Корион», ставит на сцене. Главные типы, сюжет и строение этой плохой комедии — все осталось, как у француза, но уже есть несколько внешних черточек, чисто русских.

Следующая пьеса Фонвизина — «Бригадир» — представляет собою уже несомненный прогресс в нашем умении перешивать чужое платье по русскому плечу: т. е. применять чужие обобщения к русскому быту, измерять русскую жизнь идеями запада.

Герой «Бригадира» — Иванушка — взят Фонвизиным из комедии датского писателя Гольберга —

«Иван из Франции» *
Иванушка Фонвизина —

почти ничем не разнится от датского оригинала, но все другие лица комедии — советник, бригадир, бригадирша — уже русские типы.

Комедия имела серьезный успех при дворе и в публике, ее называли «первой комедией из русских нравов», автора же — Мольером.

«Недоросль» был еще более крупным шагом по пути приближения к русской действительности: в этой комедии заимствования у иностранных авторов уже мелочны, а типы Скотинина, Простаковых, Кутейкина и Цифиркина — верные рисунки характеров того времени, верное отражение невежества и грубости командующего класса.

Но следует иметь в виду, что выражением своего социального идеала гуманности и культуры Фонвизин сделал скучнейшего педанта Стародума и что это — в то же время идеал Новик[ова], Р[адищева] и самой Екатер[ины].

[4]Состоя на службе в министерстве иност[ранных] дел у графа

---

[1] полным

[2] новых

[3] нашим

[4] С этой комедии начинается реалистическая русская литература, от нее позднее пойдут Грибоедов, Гоголь, Щедрин, Глеб Успенский, Чехов, точно так, как от Жуковского и Карамзина пойдет другая линия — сентиментального романтизма, которой в свое время послужат Пушкин и Тургенев, Толстой и Тютчев, Фет, вплоть до нашего современника. Остановимся же на Ф[он]ви[зине], как на родон[ачальнике] реалист[ической] литер[атуры], более подробно.

Панина, Фонвизин составляет любопытный проект государственных реформ, по которому предпол[агает] предоставить законодательную власть сенату и обеспечить «два главнейшие блага государства и народа: вольность и собственность», для чего необходимо освобождение крестьян.

«Представьте себе... — говорит Фонвизин, — государство, где люди составляют собственность людей, где человек одного состояния-сословия имеет право быть вместе истцом и судьею человека другого сословия, где каждый, следственно, может быть тираном или жертвой» *.

Однако эти слова мы не должны считать чем-то присущим исключительно Фонвизину, — нет, они выражают собою общее направление мысли начала царствования Ек[атерины].

Напр[имер], главнок[омандующий] Мос[квы] Брюс запретил представление трагедии, в которой встречаются такие стихи:

Исчезни навсегда сей пагубный устав,
Который заключен в одной монар[шей] воле!
Льзя ль ждать блаженства там, где гордость на престоле,
Где властью одного все скованы сердца?
В монархе не всегда находим мы отца. *

1422

Ек[атерина] была недовольна запрещением и приказала пьесу напечатать. Дворянство самодовольно ухмылялось: оно видело в этом поступке [1] сознание царицей своей зависимости от него и понимало этот либерализм, как любезное самоограничение власти в его пользу.

Однако Ек[атерина] была твердо убеждена, что «всякое другое правление не только было бы России вредно, но и в конец разорительно». *

О своих беседах с философом Дидро она говорила: «Я долго и часто беседовала с Дидро, но более ради любопытства, чем с пользою. Если б я доверилась ему, пришлось бы все перевернуть в моей империи: законодательство, администт[рацию], пол[итику], финансы, я должна была бы все уничтожить ради его непрактичных теорий. Я ему откровенно сказала: г. Дидро, я с большим удовольст[вием] слушала все, что внушил вам ваш блестящий ум; но из ваших общих принципов, которые я вполне понимаю, можно составить очень хорошие книги и лишь очень дурное управление страною... Вы забываете различие наших положений: вы трудитесь над бумагою, которая все терпит — она гладка, покорна и не представляет препятствий ни вашему воображению, ни перу вашему; между тем как я, императрица, работаю на человеческой шкуре, которая, напротив, очень раздражительна и щекотлива». *

[1] только

БИБЛИОТЕКА
ЧЕЛЯБИНСКИЙ РАЙОНН
Инв. № 518

Во фр[анцузской] революции она видела движение прямо противное духу Вольт[ера] и философов: «Что же сделают фр[анцузы] с своими лучшими писателями, к[ото]рые все, даже Вольтер — роялисты, все проповедуют порядок и спокойствие? Сожгут ли французы произв[едения] своих фил[ософов]? Если же не сожгут, то почерпнут из этих произведений принципы, противоречащие их системе» *.

Вы видите здесь здоровый реалистический ум немецкой [1] мещанки, той, которая, стоя во главе полуазиатского о[бщест]ва, пишет ему законы, создает промысла, развивает торговлю, организует войско, пытается просветить народ. [2] Она учится у французских буржуа, «обкрадывает» Монтескье в своем Наказе, переводит сама Мармонтеля.

Бильб[асов] 3. 234 *

Она смотрит на Россию, как на свое хозяйство,[3] и упорно ищет среди ее ленивого, распущенного дворянства добрых помощников себе. [4]

Франц[узский] посланник рассказывает, что она жаловалась на недостаток людей, понимающих ее задачи; анг[личанин] Букингэм говорит о ней: «Ек[атерина] по своим талантам, образованию и трудолюбию выше всех ее окружающих, характер и наклонности множества их она должна презирать».* Он был прав: Ека[терина] почти не имела [5] опоры в крепостническом, враждебном культуре о[бщест]ве, и строения ее на песце — четыре года царствования Павла едва не разрушили всех ее начинаний.

[6]18-ти лет Фонвизин — сержант гвардии — пишет басню: «Лисица-Кознодей».

В Ливийской стороне правдивый слух промчался,
Что лев, звериный царь, в большом лесу скончался.
Стекалися туда скоты со всех сторон,
Свидетелями быть огромных похорон.

Явилась, конечно, и лиса.

...При мрачном сем обряде,
С смиренной харею, в монашеском наряде...

---

[1] буржуа

[2] Милую, родную Германию она проме...

[3] умеет найти

[4] Но у нее все-таки зыбкая почва под ногами

Мы знаем, что фран[цузский] бур[жуа] уже в начале XIX века не только отверг В[ольтера], но объявил гонение на него, и заменил его в сердце своем Шатобрианом.

[5] мало

[6] Она была умна, следует сказать еще раз, и вот доказательства этому: ...

и произнесла льву похв[альное] слово, восхваляя его доброту, щедрость, говоря, что

В его правление невинность не страдала,
И правда на суде бесстрашно председала;
. . . . . .
«О, лесть подлейшая! — шепнул собаке крот; —
Я знал льва коротко: он был пресущий скот,
И зол, и бестолков, и силой вышней власти,
Он только насыщал свои тирански страсти!
. . . . . .
В его правление любимцы и вельможи
Сдирали без чинов с зверей невинных кожи;
. . . . . .
Вот мудрого царя правление похвально!
Возможно ль ложь сплетать столь явно и нахально!»
Собака молвила: «Чему дивишься ты,
Что знатному скоту льстят подлые скоты?
Когда же то тебя так сильно изумляет,
Что низка тварь корысть всему предпочитает,
И к счастию бредет презренными путьми:
Так видно, никогда ты не жил меж людьми».

Екатерина осталась не очень довольна этой басней [1], вызвавшей общий ропот «особ придворных и властных» [2].

Еще более не понравилось ей и особам Фонвизина «Послание к слугам моим» с требованием разрешить вопрос: «На что сей создан свет?» И слуга Ванька отвечает так, рисуя людей:

Здесь вижу мотовство, а там я вижу скупость;
Куда ни обернусь, везде я вижу глупость.
. . . . . .
Попы стараются обманывать народ,
Слуги — дворецкого, дворецкие — господ,
Друг друга господа, а знатные бояре
Нередко обмануть хотят и государя;
И всякий, чтоб набить потуже свой карман,
За благо рассудил приняться за обман.
. . . . . .
Смиренны пастыри душ наших и сердец
Изволят собирать оброк с своих овец.
Овечки женятся, плодятся, умирают,
А пастыри при том карманы набивают.
За деньги чистые прощая всякий грех,
За деньги множество сулят в раю утех.
Но если говорить на свете правду можно,

[1] и, несмотря на
[2] хвалила автора. Но когда тот же Фонвизин написал

То мнение мое скажу я вам не ложно:
За деньги самого всевышнего творца
Готовы обмануть и пастырь и овца! *

В этих строках явно и полно звучит настроение, которое в ту эпоху называлось вольтерьянством. Ф[он]в[изин]-юноша, действительно, как раз в эти годы посещал кружок извест[ного] тогда поклонника Вол[ьтера] князя Козловского.

[1]Ек[атерина], как известно, сама была вольтерьянкой; она [2] писала в своем дневнике:

«Свобода — душа всего; без нее все мертво. Политическая свобода все воодушевляет. Противно хр[истианской] рел[игии] и справедливости делать людей рабами — люди все рождаются свободными. Рабство есть прямая потеря — оно убивает промышленность, искусства, науки!» * Это точная идея Монтескье.

«Власть, не пользующаяся доверием народа, ничего не значит для государя, желающего быть любимым и царствовать со славою!..» *

[3]Но в то же время она говорит:

[4]«Что может противостать беспредельной власти неограниченного государя, который управляет воинственным народом!» *

Ее «опыт великой доверенности к народу» — созыв народных представителей в числе 545 депут[атов] от 1264 местностей — показал ей, что этот народ не умеет говорить и крайне смутно представляет свои нужды.

«...У меня нет системы; — сказала она депутатам — я желаю только общего блага — оно вместе с тем и мое собственное. Работайте, собирайте материалы, издавайте проекты — узнайте, чего вы хотите». *

545 человек хотели [5] иметь крепостных крестьян, хотели жить рабским трудом крестьян.

---

[1] Екатер[ина] немедленно обратила внимание на молодого писателя, чувствуя в нем деятельного помощника своим целям, себе, пропагандиста ее мнений и, как увидим, она не ошиблась.

Не следует, однако, думать, что этот кружок был выразителем мнений и настроений какой-либо определенной социальной группы — нет, в ту пору Вольтер был модным именем, вельможи ‹им› увлекались его остротами так же поверхностно, как на наших глазах буржуа увлекались Ницше, не поняв его основного ‹идеи› настроения, которое есть не что иное, как истерический ‹панихида› вопль над агонизирующим обществом, громкий крик, обращенный к глухим и гласящий — «Спасайся, кто может и во что бы то ни стало, ибо вот идет демократия и она поглотит вас».

[2] приказывая пытать людей по делу Хрущева, писала Вольтеру

[3] ... И она же

[4] Власть

[5] распространения

Заметим, что, составляя «Наказ», Ек[атерина] писала в нем: необходимо улучшить нестерпимое положение крестьян, дать им волю, иначе они «и против нашей воли сами оную возьмут рано или поздно». * Теперь, после того, как депутаты высказались за креп[остное] право, Ек[атерине] и ее двору [1] стало ясно, что идея освобождения крест[ьян]—преждевременна, и что она может поссорить правит[ельство] с об[щест]вом.

Приведем несколько положений из «Наказа».

«Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все были подвержены одним и тем же законам». *

«Сделайте, чтоб люди боялись законов, и никого бы, кроме них, не боялись... » *

«Все наказания, которыми тело человеческое изуродовать можно, должно отменить». *

«Вольность состоит в возможности делать то, что каждому надлежит хотеть, и не быть принужденну делать то, чего хотеть не должно», * — это, как вы видите, распространенный перевод знаменитого лозунга манчестерцев «свобода торговли, свобода во всем».

Стародум в «Нед[оросле]» — явный поклонник этих высочайше одобренных взглядов, он говорит почти буквально то же, что Ек[атерина].

«...где государь мыслит, где знает он, в чем его истинная слава, там человечеству не могут не возвращаться его права; там все скоро ощутят, что каждый должен искать своего счастья и выгод в том одном, что законно и что угнетать рабством себе подобных беззаконно». «...Способы делать людей добрыми... в руках государя». «Великий государь дает... милость и дружбу тем, кому изволит; места и чины тем, кто достоин».

«Должность!.. — говорит Ст[ародум.] —Подумай, что такое — должность... Если б так должн[ость] исполняли, как об ней твердят: всякое состояние людей осталось бы при своем любочестии, и было б совершенно счастливо».

Публика аплодировала Стародуму за это повторение слов Ек[атерины].

«Любезные сограждане, перестанем быть злыми!» * Исполнение должности-долга может дать счастье и в рабстве, говорит человек, отрицавший незадолго перед тем крепостное право.

Таким образом, Ф[он]в[изин] устами Стародума распространял со сцены мысли Екат[ерины].

А после 1789 г[ода] в пьесе «Выбор гувернера» он говорит устами Нельстецова — того же Ст[ародума]: «Необходимо надобно, чтоб одна часть подд[анных], для блага целого госуд[арства], чем-нибудь жертвов[ала]; следственно, равенства состояний и быть не может».

---

[1] было

Итак, бывший противник [1] креп[остного] права, защитник идеи свободы [2] изменяет этим идеям так же, как за несколько лет до него изменила им основоположница [3] свободомыслия и либерализма, [4] немка и ученица Вольтера, блестяще игравшая роль царицы в полуазиатской стране.

[5]В начале царст[вования] Е[катерина] м[ожет] б[ыть] искренно желала уничтожения крепост[ного] права, но ей [6] внушили, что падение рабства [7] будет ударом, который уничтожит дворянство.

Крестьянские бунты, а Пугач[евский] особенно, требовали не пушек и штыков, а радикального разрешения вопроса в интересах [8] свободного развития хозяйства страны. Ек[атерина] понимала это, она не однажды говорила о громадной важности свободного труда, понимала его продуктивность, [9] но Пугачевский бунт [10] уничтожил модное вольномыслие в среде дворянства, а [17]89-й год заставил Екат[ерину] подумать о своей голове.

«Недоросль», однако, является крупным шагом вперед: до этой комедии литература занималась исключительно обличениями невежества, взяточничества, ложного, внешнего образования; в «Недоросле» впервые выведено на свет и на сцену растлевающее значение крепостного права и его влияние на дворянство, [11] духовно погубленное, выродившееся и развращенное именно [12] рабством крестьянства.

«Недоросль» был поставлен на сцене 24 сент[ября] [17]82 г[ода,] за семь лет до начала В[еликой] ф[ранцузской] р[еволюции]. В воздухе уже носились предвестники близкой грозы, а Екат[ерина], многое испробовав, во многом разочаровалась и реже говорила либеральные речи.

Во всей пьесе не было изменено цензурой ни одного слова, и Ф[он]в[изин] возмечтал о полной свободе говорить так, как думал. [13].

---

[1] института

[2] отказывается от этих

[3] тогдашнего

[4] немецкая принцесса

[5] Часть подданных должна принести себя в жертву —какая часть, кому в жертву? Ясно, что миллионы должны быть принесены в жертву тысячам, дабы...

[6] было доказано

[7] послужит

[8] эко...

[9] но [17]89-й год

[10] выбил

[11] морально

[12] этим институтом

[13] [17]89-й год, как позднее [18]30-й, [18]48-й, [18]71-й, наконец, 1906-й у нас, были годами крутых поворотов мысли и настроений интел[лигенции] в сторону реакции, подкрашенной романтизмом и

В [17]83 г[оду] княгиня Дашкова, наперсница Ек[атерины] и председатель Акад[емии] наук, начала издавать журнал «Собеседник любителей российского слова». Журнал выходил «под надзиранием высочайшей покровительницы наук...»

И вот Ф[он]в[изин] посылает в этот журнал 21 вопрос «из могущих возбудить в умных и честных людях особливое внимание». * Вопросы были [1] напечатаны, и сама Екатерина ответила на них печатно же.

— «Отчего, — спрашивал Ф[он]в[изин], — в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а ныне имеют и весьма большие?»

Это был ясный намек на Нарышкина и других фаворитов царицы.

Екат[ерина] рассердилась: «Сей вопрос, — отве[чала] она, — родился от свободоязычия, которого предки наши не имели».

— «Отчего в век законодательный никто в сей части не помышляет отличиться?»

— «Оттого, что сие не есть дело всякого!»

Ф[он]в[изин] понял, что царица недовольна им, и начал оправдываться: «По ответам вашим вижу, что я некоторые воп[росы] не умел написать внятно...

Перо мое никогда не было и не будет смочено ни ядом [2] лести, ни желчью злобы...

Благоразумные ваши ответы убедили меня внутренно, что я самого доброго намерения исполнить не умел и что не мог я дать моим вопросам приличного оборота...» *

И он прекратил свои вопросы «не столько для того, чтобы невинным образом не быть обвиняему в *свободоязычии*.. сколько для того, чтобы не подать повода другим к дерзкому *свободоязычию*, которого всей душой ненавижу». *

Это уже предвосхищает гибкую психику Фамусова.

Но отношение к нему изменилось, и, когда в [17] 87 году он предпринял издание периодического [3] сочинения «Стародум», «посвященного истине»,* полиция воспретила печатание «Стародума».

Под старость лет, разбитый параличом, Фонвизин так отзывался о себе самом:

«Природа дала мне ум острый, но не дала мне здравого рассудка... Сочинения мои были острые ругательства: много было в них сатирической соли, но рассудка, так сказать, ни капли». *

немного прикрытой им, в сторону кокетливого пессимизма и за иные ширмы, где <предполагается> интеллигенции возможно спрятать свое измененное лицо. И Ф[он]в[изин] — трубадур Екатер[ининских] мнений — не избег общей участи, изменился, хотя и ничего не выиграл от этого.

[1] в одном воп...

[2] злобы

[3] органа

Это звучит [1] пессимизм, он особенно ясно выражен в послании «К уму моему».

. . . . . .
К тебе, о разум мой! я слово обращаю;
Я более тебя уже не защищаю...
. . . . . .
К чему ты глупости людские примечаешь?
Иль ты исправить их собой предпринимаешь?
. . . . . .
Ты хочешь здешние обычаи исправить;
Ты хочешь дураков в России поубавить,
И хочешь убавлять ты их в такие дни,
Когда со всех сторон стекаются они,
Когда без твоего полезного совета
Возами их везут со всех пределов света.
. . . . . .

Лет через сотню Некрасов повторил этот стон разочарования личности в силе своей перестроить мир:

И погромче нас были витии... *

Умер Ф[он]в[изин] в [17]92 г[оду] и перед смертью видел, как быстро увял, исчез, погас либерализм, как за «вольтерьянство», недавно еще модное, люди поехали в Сибирь, пошли в тюрьмы.

Существует целый ряд мнений Екатерины, из которых ясно, что Ф[он]в[изин] не нравился ей. Человек прямой, острый, наблюдательный, он был строгим реалистом, [2] как и сама царица, он все клеймил своей сатирой, выставляя на позор азиатские свойства зазнавшегося, [3] опьяненного [4] социальным могуществом дворянского о[бщест]ва, [5] которое, [6] читая Вольт[ера], усваивало у него только зубоскальство, знакомясь с поэзией, почерпало в ней лишь [7] чувственность, и на все [8] заимствованное умело положить жирную печать россий[ской] пошлости и глупости.

Ек[атерина] на многое должна была смотреть сквозь пальцы, а многое и прикрывать из боязни конфликта с дворянами. 545 представителей России не могли укрепить ее надежд на возможность организации нового, более жизненного и трудоспособного класса в стране. [9]

---

[1] усталость
[2] в отношении
[3] своими внешними успехами
[4] своим
[5] опьяненного политическим значением
[6] даже и
[7] картины
[8] чужеземное
[9] ей волей-неволей приходилось жить с волками и выть по-волчьи

Ф[он]в[изин] не был художником, его изобразительный талант не велик, не оригинален, приемы письма грубы и постоянно впадают в карикатуру [1]. Стихи его плохи, писал он с великим трудом, как сам признается: «в праздные часы мои... пишу стихи, к[ото]рые стоят мне не только неизреченного труда, но и головной болезни, так что лекарь мой предписал мне, в диэте, отнюдь не пить английского пива и не писать стихов; ибо как то, так и другое кровь заставляет бить вверх. Все медики единогл[асно] утверждают, что стихотворец, паче всех людей на свете, апоплексии должен опасаться.*

Но Ф[он]в[изиным] начата великолепнейшая и, может быть, наиболее, социально плодотворная линия русской литературы — линия обличительно-реалистическая. Мы увидим далее, что по пути, проложенному Ф[он]в[изиным], пойдут такие крупные люди, как Крылов, Грибоедов, Гоголь, Пушкин, Щедрин, Лермонтов, Писемский, Слепцов, Г. Успенский — до Чехова, так же последовательно и все с большим приближением к действительности, как по линии Карамзина, Жуковского, двух основоположников сентиментального романтизма, пройдут, с большими или меньшими уклонениями к реализму, Григорович, Тургенев, Толстой, [2] Печерский, Тютчев, Фет, Майков, вплоть до нашего современника Федора Сологуба.

Теперь перейдем к характеристике Радищева и Новикова — двух святых угодников, канонизированных [3] русской либеральной мыслью, раскрашенных всеми яркими красками, какие только нашлись на палитрах [4] публицистов «В[естника] Е[вропы]» и других приютов либерализма.

Конечно, «всякому овощу — свое время», а для своего времени и Радищев и Новиков были первыми ласточками, возвещавшими новую весну лет за 60 до ее прихода; конечно, мы должны признать известную историческую последовательность в развитии идеи, признать тот факт, что человеку не дано [5] законами природы прыгать выше своей головы.

Все это так, — но, с другой стороны, мы должны, по мере сил, правильно оценивать организующие [6] свойства той или иной идеи — степень объективизма каждой из них: т. е., иными словами, [7] рассмотреть — выходит ли данная идея за пределы всегда своекорыстной узкой классовой точки зрения, вмещает ли она в себе весь опыт класса в данную эпоху и плюс еще нечто, уже охватывающее интересы всех классов?

---

[1] Работал
[2] Гаршин
[3] нашей
[4] писателей
[5] судьбой
[6] способности
[7] поставим вопрос

[1]Рассматривая этот вопрос, мы должны будем придти к отрицательному ответу: идея по строению своему является лозунгом, догматом данного класса в его борьбе за существование. Она есть вывод, вытяжка из ряда известных фактов, наблюдений, стремлений и посылка в будущее, посылка, коя организует и регулирует социальную деятельность данного класса, данной группы. Она имеет в себе самой свойства догмата, свойства фетишистические, она урезывает действительность, искусственно сжимает ее в форму, наиболее удобную для боевых задач данного класса.

Художественный образ не имеет этих свойств, как уж было сказано мной в [2] первом чтении,* он почти всегда шире и глубже идеи, он берет человека со всем разнообразием его духовной жизни, со всеми противоречиями его чувствований и мыслей. Художественное творчество [3] относится к действительности честнее, и только там, где оно идет на привязи публицистики, оно теряет свой [4] честный объективизм и, становясь для действительности прокрустовым ложем, становится б[олее] или м[енее] резко тенденциозным.

Это положение суть основное положение мое, с него я начал и [к] нему буду возвращаться часто, иллюстрируя его различными примерами того факта, как искусство отражало, а публицистика искажала действительность, историю, лицо и душу человека [5] в своем стремлении все догматизировать, всему придать точные, квадратные формы. Особенно ясно мы увидим это стремление в истории Тург[еневского] Базарова и Писарева, а в наше время [6] в истории Ив[анова]-Разум[ника] — с его [7] объяснениями творчества Сологуба, Андреева. *

Новиков и Радищев — не художники, а публицисты и, несмотря на сентиментальный романтизм, свойственный им, — оба они, по существу своих идей, [8] являются основоположниками дворянского либерализма, течения мысли, вред которого для нашей страны еще не учтен и которое долгое время искажало умы и сердца русского общества, а особенно русской интеллигенции, искажало их своей ложью и сентиментальным лицемерием, и проповедью индивидуализма, восходившего до [9] пессимистических теорий нигилистов в 60-х г[одах].

---

[1] Анализируя
[2] вводном
[3] образ
[4] честность
[5] факты... как Тургенев
[6] в отношении
[7] критикой
[8] люди не только чуждые народу
[9] нигилизма

Прежде всего следует указать, что если б Радищев написал свою книгу в первый — либеральный период царст[вования] Ек[атерины], он, разумеется, не принял бы за нее мученический венец.

Что такое он сам, что такое его книга?

Сын мелкого помещика, он выучился грамоте у отца по часослову и псалтирю, затем был отдан гувернеру-французу, бежавшему в Р[оссию] от преслед[ования] правит[ельства] Люд[овика] XV. Потом 4 г[ода] учился в аристокр[атическом] пажеск[ом] корпусе, бывал при дворе, видел роскошь Екатерининых приемов. Когда Ек[атерина] повелела [1] отправ[ить] наиболее отличав[шихся] повед[ением] и способ[ных] учеников в Лейпциг для довер[шения] образования, Радищ[ев] попал в число этих избранных. На содер[жание] каждого из них прав[ительство] ассиг[новало] по 800 р[ублей] — большие деньги в то время. Им приказано было обучаться «моральной философии, гистории, а наипаче праву естественному и всенародному, и несколько и Рим[ской] империи праву». * Здесь мы снова встреч[аем] заботу Ек[атерины] о создании в Р[оссии] образов[анных] людей. В Лейпциге Р[адищев] заучился до того, что забыл русский язык и, возвращаясь в Рос[сию], должен был специально заниматься родным языком.

Он увлекался Гельвецием и Руссо — последнее очень характерно, ибо Руссо в сочин[ениях] своих дал уже тогда все посылки для позднейшей борьбы буржуазии против Вольтера, [2] представителя духа исследования [3] и веры в силу разума. [4]

Буржуа принял [5] разум, как орудие в своей борьбе с феодал[из]мом, но, победив, буржуазия сразу увидал[а], что ра[зум] и исследование — резко враждебны ее целям, [6] что разум — начало активное, имеющее тенденцию к бесконечному рóсту, [7] что поэтому на почве разума нельзя построить догматов, [8] которые укрепляли бы и освещали главенство буржуа над другими сосло-

---

[1] Вероятно, он помнил, как во время Пугач[евского] бунта прятался с отцом в лесу.

[2] Вольтер

[3] представ[ителя] юности буржуаз[ии]. Руссо — основоположник ее идей зрелого возраста. Руссо подверг разум сомнению, он прекрасно понял его опасность для общества.

[4] веры, от которой буржуа[зия] постаралась немедленно отказаться, сменив поклонение Вольтеру поклонением Шатобриану и мистике.

[5] эту идею верховенства

[6] традициям

[7] и развитию

[8] закрепляющих факт социального неравенства, факт...

виями. Необходимо было вернуться [1] к вере, на которую [2] опиралась идеология феодализма, и вот тотчас же Вольтера сменяет Руссо, а далее — Шатобриан и мистика.

В [17]71 г[оду]— год чумы — Р[адищев] вернулся в Рос[сию] и поступил протоколистом в Сенат, в чине титул[ярного] советника, но плохое знание рус[ского] языка [3] и грубое обращ[ение] начальст[ва] помешало ему служить, и через 4 года он выходит в отставку с чином секунд-майора. [17]75-й год — год бунта олон[ецких] завод[ских] кр[естян]. [17]78-й г[од]—Р[адищев] снова на службе в коммерц-коллегии — тогдаш[нее] министер[ство] промыш[ленности] и торговли — в [17]88-м он уже управл[ял] петер[бургской] таможней.

[4]В [17]90 г[оду]он открывает частную типогр[афию] и в ней печатает свое знам[енитое] «Пут[ешествие]». Книга и автор были арестованы, Р[адищев] посажен в крепость и на допросах отказался от своей книги, хотя вообще высказывал те же мысли, что и начертанные в ней: он надеялся на смягчение наказания, добивался этого, но не в силах был [5] изменить строй своих мыслей.

Обвинить Р[адищева] было трудно: взгляды, проводимые им, еще недавно проповедывались с трона самой царицей, книга издана с надлежащего разрешения. Подумав, его обвинили в покушении на государево здоровье, в стремлении к заговору и измене и приговорили к см[ертной] казни.

4-го сен[тября] [17]90 г[ода] Ек[атерина] издала именной указ, в кот[ором], признавая Р[адищева] виновным в нарушении долга подданного изданием книги, наполненной самыми вред[ными] умствованиями, разруш[ающими] покой об[ществен]ный, умаляющими должное ко властям уваж[ение], стремящ[имися] к тому, чтобы произ[вести] в нар[оде] негодование противу начал[ьников] и нач[альст]ва, наконец, оскорбите[льными] и неистовыми изражениями противу сана и власти царской. Приз[нав] его вин[овным] во всем этом, Е[катерина] наход[ила], что Р[адищев] вполне достоин казни смертной, но «по милосер[дию] и для всеобщей радости» сослала его в С[ибирь], в Илим «на десятилетнее безысходное пребывание».

Полож[ение] Р[адищева] в Илиме не было особенно тяжким. Гр[аф] Вор[онцов] все время оказывал ему поддержку книгами, средствами и покровит[ельством] со стороны подчинен[ных] графу сибир[ских] властей.

---

[1] к тому, на чем

[2] строился

[3] и общий

[4] Во время службы его в ком[мерц]-кол[легии] был такой факт

[5] отказать

[1]Что это так — вот собственные слова Радищ[ева], его поэмы [2] «Бова» [3].

Воздохну на том я месте,
Где Ер[мак] с своей дружиной,
Садясь в лодки, устремлялся
В ту страну ужасну, хладну,
В ту страну, где я средь бедствий,
Но на лоне жаркой дружбы,
Был блажен и где оставил
Души нежной половину. *

В той же поэме Р[адищев] обращается в Воль[теру] с такими стихами:

О В[ольтер], о муж преславный!
Если б можно Б[ов]е было
Быть похожу и кое-как
На Жанету, девку храбру,
Что воспел ты; хоть мизинца
Ее стоить, если б можно,
Чтоб сказали, Бова только
Тоща тень ее — довольно —
То бы тень была Вол[ьтера],
И мой образ изваянный
Возгнездился б в Пантеоне.
. . . . . .

Стихи, как ви[дите], прескверные [4], в ту пору писали уже очень образно и сильно; у Княжнина, напр[имер], встречаются такие строки.

[5]Коль счастья с должностью не можно согласить,
Тогда порочен тот, кто хочет счастлив быть. *

Или:

Тот человек свободен —
Кто смерти не страшась
Тирану не угоден. *

В [17]96 г[оду] Павел вернул Р[адищева], приказав жить в Калуж[ской] губер[нии], а по воцарении А[лександра] первого,

---

[1] Там, м[ежду] пр[очим], Радищев написал

[2] в стихах

[3] приведем несколько стихов из предисловия к этой поэме, чтоб иметь представ[ление] о таланте Р[адищева].

[4] даже для того времени

[5] Тиранка слабых душ, любовь — раба героя *

Р[адищев] получил полную свободу, был возвр[ащен] в Пет[ербург] и назначен членом комис[сии] [1] по составлению законов. Умер он во время этой работы, как говорят, отравившись ядом, а причиной самоубийства послужил будто бы упрек гр. Завадовского в либерализме.

Теперь о книге

«Путе[шествие]» замечат[ельно] как самое резкое выраж[ение] того влияния, которое приобрела у нас в ту пору франц[узская] философия; с другой стороны оно является образчиком применения идей француз[ской] филос[офии] к русскому быту.

Первая теоретич[еская] часть книги представляет собой ряд заимствов[аний] Радищ[евым] из разл[ичных] европейс[ких] писателей; все эти осколки мыслей написаны очень [2] тяжелым, порою [3] совершенно непонятным языком. Р[адищев] сам объяснял, что он нап[исал] книгу свою в подраж[ание] книге Стерна Пут[ешествие] Иорика. *

Вторая часть книги полна очень ценными наблюдениями над жизнью крепостных, в ней видно знание быта крестьянского и добрая душа автора, видимо, не забывавшего, что во время Пугач[ева] его отец и братья были спасены крестьянами от бунтовщиков, людей Пугачева.

Средства, кои автор во 2-й части предлагает для унич[тожения] креп[остного] права, таковы: прежде всего осв[обождаются] дворовые и запр[ещается] брать кр[естьян] для домаш[них] услуг, если же кто возьмет, то крестьянин делается свобод[ным], браки крестьян без согласия помещ[ика] и без выводных денег. Кр[естьяне] приз[наются] собственниками движ[имого] имения и надела земли, суд — равный, полные граж[данские] права, запрещ[ение] наказ[аний] без суда, дозвол[ение] покуп[ать] землю, определение суммы, за которую крестьян[ин] может выкупиться — все это приведет, наконец, к уничтожению крепос[тного] права.

Попутно Р[адищев] нападает на зачисление дворян в службу с детских лет, на корыстолюбие и взяточничество чиновников, осужденное уже лет за двадцать до него указом Ек[атерины]. [4] Говорит также против празд[ничных] приемов у начальников, против цензуры, купеческих обманов, разврата и роскоши. Указывает, что прав[ительство] существует для народа, а не наоборот — идея Ек[атерины], не однажды высказанная ею в начале царствования.

Каковы были взгляды Ек[атерины] в пору выхода книги Р[адищева]?

---

[1] Спер[анского]

[2] дур...

[3] просто

[4] на полный произвол нача[льст]ва

[1]Об этом расскажут нам СПБ вед[омости] — официальный орган пра[вительства]. В [17]89 г[оду] там писалось: *

«М[ожет] б[ыть], во Фр[анции] вскоре не видно будет более ничего, кроме дымящихся городов, замков, фабрик и пр. Но да отврат[ит] от нас всевышний столь гибельные следствия безначалия и да возжет в сердцах обманутого, развращ[енного]... народа любовь к благоустройству, благоговению к государю столь благодетельному»...

Когда в Пар[иже] возник вопрос о публ[ичных] работах — СПБ[ведомости] писали: «Сим ослам нашей вольности производиться там будет за труды их достаточная плата».

Сообщая о предложении реакционера Депремениля восстановить целиком феодаль[ные] права духов[енства] и дворян [2] и что Нацио[нальное] соб[рание] назвало это предлож[ение] безумием, осмеяло его, СПБ в[едомости] восклиц[ают]: «При всеобщем безумии и самые здравые рассуждения кажутся сумасбродством».

И все время, [17]89 — [17]93 гг. прав[ительственный] орган пишет о французах-депутатах, как разбойниках, пьяницах, сумасшедших, говорит о необходимости перевешать их и т. д.

Потемкин в беседе с полковником Ланжероном [3] сказал:

«Ваши земляки, полк[овник], просто дураки; мне стоит только взять своих форейторов, и они бы у меня тотчас образумились». *

А вот мнение Ек[атерины]: она писала тому же Ланжерону: «Мое намерение и воля, чтобы мои кав[алеры] свят[ого] Георгия (т. е. французы-эмигранты) — доставили скорее своему отечеству мир и спокойст[вие], а королю своему — то, что принадлежит ему по праву... я думаю, что можно бы без труда и без всякой опасности спровадить домой на чердак несколько сотен аббатов, прокуроров и адвокатов...»

Она же писала Циммерману: «Дела короля франц[узского] касаются до всех государей и его оскорб[ленное] достоинство требует торжествен[ного] восстановления».

Это она повторяет множество раз.[4]

«Мы не должны предать довред[етельного] короля в жертву варварам. Ослабление монарх[ической] власти во Франц[ии] подвергает опасности все другие монархии... С моей стороны, я готова воспротивиться всеми моими силами. Пора действовать и приняться за оружие для устрашения сих беснующихся!..»

Она была недовольна Людовиком, — узнав, что он подписал конституцию, она воскликнула:

---

[1] Мнения ее были таковы, как...

[2] СПБ в[едомости] восклицают

[3] послом Фран[ции]

[4] «Второе народ[ное] собрание, кажется, будет безу...

«Можно ли помогать такому королю, который сам своей пользы не понимает?» *

Когда же она узнала о казни Л[юдовика] XVI — с нею сделались судороги.

Естеств[енно], что при таком [1] отношении к делам Фран[ции]— книга Рад[ищева] должна была произвести впечатление отчаянное: Ек[атерина] взбесилась. Она назвала Р[адищева] бунтовщиком хуже Пугачева, совершенно забыв о том, что до революции ее сочинение «Наказ» было во Франции запрещено и [2] правительство [3] Франции преследовало лиц, распространявших его.

Язык книги Рад[ищева] таков: человек родится в мир равен во всем другому. Все одинаковые члены имеем, все имеем разум и волю, «все от чрева матерня равны в природной свободе; равны должны быть и в ограничении оной».

«... опомнитесь, заблудшие, смягчитесь, жестокосердые, разрушьте оковы братии вашей, отверзите темницу неволи и дайте подобным вам вкусить сладость общежития, к коему уготованы они подобно вам всещедрым».

«Они равно с вами наслаждаются благодетель[ными] лучами солнца, одинаковые с вами у них члены и чувства, и право в употреблении оных должно быть одинаково».*

А вот его стихи «Осьмнадцатое столетие»:

Нет, ты не будешь забвенно,
столетье безумно и мудро!
Будешь проклято во век, в век
удивл[ением] всех.
Кровь — в твоей колыбели, припевание —
громы сраженьев;
Ах, омоченной в крови, век, ты ниспадаешь
во гроб!
Но зри, две взнеслися скалы во среде
струй кровавых —
Екатерина и Петр, вечности чада!
и росс.

Человек [4] слабовольный, он написал эти стихи во время ссылки [5].

Все сказанное не отрицает за книгой Р[адищева] извест[ных] достоинств; повт[орим] еще раз: она была наиболее резким выра-

---

[1] ее

[2] за перепечатывание его ей

[3] строго наказывало

[4] малоталантливый

[5] Пушкин так объясняет непостоянство его мнений: «Мог ли чувствительный и пылкий Радищев не содрогнуться [при виде того, что происходило во Франции во время ужаса? мог ли он без омерзения глубокого слышать некогда любимые свои мысли, проповедаемые с высоты гильотины, при гнусных рукоплесканиях черни?..»]*

жением[1] либеральной философии франц[узской] буржуазии. Р[адищев] первый посмотрел на русскую жизнь[2] сквозь призму этой философии и первый увидал все безобразие, всю тяжесть и[3] бесправие, угнетавшие русс[кое] кр[естьянст]во.

Переходя к Новикову, необходимо вкратце коснуться ф[ранк]-м[асонства]. Мас[онство] — тайное об[щест]во, имеющее целью[4] объединять людей на началах братской любви, равенства, взаимопомощи и верности друг другу. Они наз[ывались] также мар[тинистами] по имени Мартинеса Пасквалиса, основателя о[бщест]ва мас[онов] в XVIII в[еке]. * Но еще в XIII в[еке] цеховые союзы каменщиков[5] Германии имели какую-то тайную организацию и, вероя[тно], Мартинес взял их устав, перенеся его в среду вольнодумцев-буржуа XVIII [века]. К началу XVIII века рабочие тов[арищества] каменщ[иков] перестали существ[овать], но тогда же у некотор[ых][6] просвещенных людей Англии явилась мысль воспольз[оваться] уставом строи[тельных] рабоч[их] и создать[7] в его рамках интернац[иональное] о[бщест]во пропаганды равенства, братства, любви.[8] Эта проповедь равенства без отрицания собственности[9] не могла, конечно, иметь и не имела никакого успеха, но, м[ожет] б[ыть], масонские ложи некоторое время были хранилищами[10] свободолюбивых тенденций и идей.

В Росс[ии] возник[новение] мас[онства] относится к [1]731 г[оду]. Уже в [17]47 правительство заметило это явление, но не нашло в нем ничего опасного для себя.

Однако во время розыска по д[елу] Мировича, у тов[арища] его Великолуцкого нашли мас[онский] катехизис, и это сразу поставило масонов под строгий надзор. В [17]70 году[11] великим мастером русс[кого] мас[онства] был Елагин, он сильно стремился постичь у извест[ного] шарлат[ана] Калиостро секрет делания золота.

[12]Основным пунктом учения его в то время было т[ак] наз[ываемое] «самопозна[ние]»; и при Ел[агине] мас[оны] были совер[шенно] чужды политики, занимаясь исключительно мистикой, углублением в самих себя. Новиков, войдя в мас[онскую] ложу, поставил дело шире, он взглянул на эту организацию как на учреж-

---

[1] на русской почве
[2] рус[ского] кресть[янина]
[3] грязь этого русского
[4] облагораживание
[5] Фран[ции]
[6] английских
[7] всечеловеческое
[8] — задача утопическая, ибо
[9] суть утопия и в рам...
[10] антигосудар...
[11] гросмейст...
[12] Новиков вошел в ложу Елагина в [17]75 г[оду]

дение,[1] вполне удобное для широкой культурной пропаганды в о[бщест]ве того времени.

[2]Он был дворянин, исключенный из школы «за леность и нехождение в классы», поступил на службу в Измай[ловский] полк солдатом, в день воцарения Е[катерины] был произведен в унтера. В [17]67 году он служил протоколистом в комиссии по состав[лению] «Нового уложения» и лично знакомится с Ек[атериной]. С [17]69 издает сатир[ический] жур[нал] «Трутень». Задача жур[нала] — борьба с господствовавшей в ту пору модой на все французское — от платья до философии.[3]

«Трут[ень]» вооружался против кр[епостного] пр[ава], бичевал взяточ[ничество] и даже вступал в полемику с журналом Ек[атерины] «Всякая всяч[ина]» по вопросу о содержании сатиры. «Вся[кая] всяч[ина]» проповед[ывала] умер[енную] снисх[одительность] к слаб[остям] человека и осуждала «задевания особ». «Трут[ень]» стоял за смелые, открытые обличения. Борьба была не по силам: «Трут[ень]» постепенно сокращал тон, а вскоре и вовсе прекратился, чтоб в [17]72 г[оду] возникнуть снова под именем «Живописца», имевшего сильный успех. Сам Нов[иков] объясняет успех этот тем, что журнал пришелся по вкусу мещанам, «ибо у нас только те книги печатаются четвер[тым] и пятым изданиями, которые этим простодушным людям нравятся».*

[4]В [17]73 г[оду] «Жив[описец]» закрылся под давлением свыше. Нов[иков] начал издавать «Кошелек» — журнал, уже специально направленный только против галломании, но и «К[ошелек]» прекрат[ился] на 9 номере, ибо возбудил общее недовольство сфер критикой модных увлечений.

Противов[ес] увлечению чужеземным Н[овиков] старался найти в «старых добрых русских нравах», издал ряд[5] исторических изданий, которые, по его мысли, должны были содействовать развитию национ[ального] самосознания. Такова «Древняя рос[сийская] вифлиофика», коя включала описания нрав[ов] и обычаев старины.

Но вскоре все его издания, в почтенном количестве 461, были опечатаны, 6 из них — масонские — уничтожены, а 16 — запрещены в продаже.

[6]Ек[атерина], поручив рассмот[реть] издания Н[овикова],

---

[1] очень

[2] В [17]84 г[оду] он основал Типографическую компанию и начал выпускать разные сочинения по о[бщественны]м вопросам.

[3] Было уже сказано, что двор[янство] той эпохи усвоило из Воль[тера] зубоскальство, из поэзии — чувственность.

[4] В «Живоп[исце]» сотрудничал и Радищ[ев]

[5] сочинений

[6] Вступив в масонскую ложу, Н[овиков] сразу вносит с собой известную активность, пытается широко развить деят[ельность] этой организации. Он устр[оил] «Дружес[кое] ученое общество», занялся

повелела также испытать его в зак[оне] б[ож]ием — митроп[олит] Плат[он] устроил Нов[икову] опрос и признал его верным сыном церкви.

«Молю всещедрого б[ога,] — сказал он Ек[атерине,] — чтобы... во всем мире были христиа[не] таковые, каков Нов[иков]».*

Войдя к мас[онам], Нов[иков][1] проявил наибольшую активность: он основал «Друж[еское] ученое о[бщест]во», издав[ал] книги, открыл книжные лавки, под его влиянием мас[оны] постепенно захватили в свои руки больничное и школьное дело, но в [17]86 году все это было вырвано у них. В [17]87 г[оду] начинаются сношения мас[онов] с наследником престола Павлом — суть этих сношений до сей поры не освещена, но несомненно, что они были причиной разгрома масон[ских] лож и[2] гонения на Нов[икова][3].

Ек[атерина] не любила сына и боялась его, он платил ей тем же и[4] боялся еще более, ибо знал, что она думала лишить его прав на престол в пользу его сына А[лександра] I.

В [17]91 г[оду] была закрыта основанная Н[овиковым] «Типогр[афическая] компания», и снова были осмотрены книги, изданные Нов[иковым]; оказалось, что 20 из них продаются вопреки запрещению, а 48 изданы без разрешения.

[5]Н[овиков] был осужден в Шлисс[ельбургскую крепость] на 15 лет, но через 4 года его освободил Павел[6] в первый же день своего воцарения, даже приблизил его на время к себе, но возобновить орден не разрешил. Нов[иков] уехал в деревню и 22 г[ода] жил там, посвящая[7] время просвещению своих кр[естьян] и уже не выступая более на арену публич[ной] деятельности.

Как литератор Н[овиков][8] не представляет интереса, — как мыслитель — он, подобно всем людям той эпохи, переводчик чужих идей на русс[кий] язык, но как организатор, культурный деятель — он служил примером для нашей интеллигенции на всем протяжении XIX века и повторен десятки раз. Знакомые вам[9] лица гр[афов] Гейденов, Петрункевичей, Родичевых, Горбуновых-Посадовых — основат[ель][10] книгоиз[дательства] «Посред[ник]» и пропагандист Толст[ого] — все это разного размера Новиковы, все эти люди делали нечто общеполезное, имея в виду не только пример масона, но и руководясь его приемами.

---

[1] почти

[2] арест

[3] На место закрытого

[4] также

[5] Новиков заплатил за это 4 годами Шлисс[ельбурга], а его товарищи — Трубец[кой], Тург[енев] — высланы в деревни.

[6] тотчас же

[7] свое

[8] едва ли

[9] имена

[10] толстовского

Здесь мы кончим с эпохой Ек[атерины].

Она была эпохой свободного ввоза в Рос[сию] франц[узской] материалист[ической] философии и либер[ализма],[1] и разврата, потом эпохой ввоза романтической поэзии[2], мистицизма, чувственности и тоже разврата.

Она началась гимнами свободе[3] и, когда пелись эти гимны, — с царского трона им одобрительно улыбалась ученица Вольтера. Закончилась эта эпоха словами виднейшего масона Лопухина:

«Равенство! Свобода буйная! мечты, порожденные чадом тусклого светильника лжемудрия, распложенные безумными писаниями нечестивых татей филос[офского] имени, адским пламенем стремящихся отвращать взор человеческий даже от тени пресветлого Софиина лица».* И старуха на троне заключала людей так думавших в тюрьмы. Тот же Лопух[ин] сказал:

«В Р[оссии] ослабление связей подчиненности крестьян помещикам опаснее самого нашествия неприятельского»* — но [17]89-й год научил власть бояться и[4] не верить даже покорнейшим холопам своим.

[5]Самым видным и интересным представ[ителем] ее [эпохи] для рус[ской] литер[атуры] последую[щего] периода является основоположник реализма Ф[он]виз]ин].

Нам придется еще заглянуть в эту эпоху, когда мы будем говорить о ром[антической] линии рус[ской] лит[ературы] — о Карамзине, Жук[овском], Батюшкове.

---

[1] вольтерьянства

[2] мод

[3] и псалмами ей

[4] приучил

[5] Крупный

[РОМАНТИЗМ. — ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЕГО. — ВЛИЯНИЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО РОМАНТИЗМА НА РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ. — ТИК. — РОМАНТИЗМ И НАРОДНОСТЬ. — НАРОДНОСТЬ ДВОРЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — ПНИН. — ЖУКОВСКИЙ]

[1]Итак, речь идет о романтизме, который у нас, в Р[оссии],[2] немедленно по возникновении своем, послужил к развитию и укреплению[3] смутного понятия «народность», понятия, которое вместе с правос[лавием] и самодер[жавием][4] является главнейшими принципами русской госуд[арственной] идеологии. Но, чтоб ясно было нам происхождение рус[ского] романтизма, мы должны кратко коснуться истории роста европейской литературы — ибо, как увидим ниже, романтизм есть тоже продукт иностранного ввоза, и все посылки к утверж[дению] идеи «народности» даны нам Западом.

С конца XVII столетия в Англии, а с начала XVIII и во всей Евр[опе] среднее сословие — буржуазия — начинает чувствовать свое экономическое могущество, свою силу в государстве, оно видит себя более образованным, чем аристокр[атия]; более[5] крепким нравственно, чем она, т. е. видит, что его семейственные отношения чище, чем в арист[ократии], его женщина менее порочна, более домовита, чем распущенная, избалованная роскошью придворной жизни дворянка.

Выросшая буржуазия должна была создать и буржуаз[ную] литературу, как отражение своего самочувст[вия], своего быта, как пропаганду своих чаяний, своих идей, как, наконец, изучение и обличение жизни класса враждебного ей и уже расшатанного ударами истории.

---

[1] Чтобы понять Жук[овского], романтизм и ‹укрепившуюся на его почве идею› возникший на почве его третий принцип россиис[кой] государ[ственной] идеологии — «народность», необходимо взглянуть на европейскую литературу.

[2] сразу же и

[3] третьего понятия или принципа идеологии государственной — к развитию идеи «народности», коя, вместо

[4] составляет три столпа

[5] чистым

Жизнь перешла в руки буржуа — стало быть, и литер[атура] должна была попасть в его руки — она есть...[1] *

Чем была литер[атура] до той поры?

В лучших своих образцах у Корнеля и Расина, франц[узских] писа[телей] — подражанием древнегреческим писателям, литературой ложноклассической: ее героями были всегда цари, царицы, полководцы, и она никогда не опускалась до изображения своей эпохи, до описания действительной текущей жизни.

Процветал рыцарск[ий] роман, полный самых причудливых фантазий и глубочайшего невежества по отношению к реальной жизни, сознательного отрицания ее условий, ибо эти условия не совпадали с теориями литературного творчества[2] и враждебно разрушали принципы этих теорий. Главной темой литературного произведения являлась любовь, главным героем — благородный рыцарь, его любовь к даме сердца должна была развиваться на фоне таинственных приключений, в борьбе с различными враждебными силами, вплоть до не виданных никем и никогда не существовавших чудовищ.

Бесконечные истории о чудес[ных] приключениях принцев и принцесс, о подвигах многочисленных рыцарей и героев шли одна за другою и составляли все содержание поэзии того времени. О ней можно иметь представление по лубочным книжкам Гуак, Франц[ыль] Венециан, Бова и т. д. Эта литература совершенно поглотила о[бщест]ва Франции, Германии, Испании и, отчасти, Италии. Она перешла и к нам в XVI—XVII веке. Лишь англичане, нация строго реалистическая[3] и активная, и наиболее буржуазная почти не испытала на себе разлагающего влияния рыцарского романа, который, будя фантазию, усыплял сознание действительности.

Англия является творцом реализма: уже в XIV столетии[4] сын виноторговца Чосер — Чос[ер] родился в 1340 г[оду], умер [в] 1400, — которого считают отцом англ[ийского] языка и основоположник[ом] реализма, написал «Кентерберийские рассказы», в которых изображал жизнь людей, путешест[вующих] по разным житейским делам — купцов, охотников, крестьян и т. д., списывая их прямо с натуры.

В XVI ст[олетии] у англичан был уже Шекспир, р[одился] [в] [1]564 г[оду], гениальнейший писатель, не превзойденный и до сей поры, но открытый для Евр[опы] только спустя[5] 200 лет. В [1]707 г[оду] родился творец реалистического романа Фильдинг, удивительный знаток быта страны и крайне остроумный писатель. За Фильд[ингом] следует Смоллет — [1]721 — [17]71

---

[1] эманация, отражение

[2] были враждебным им

[3] издавна

[4] англичанин

[5] почти

годы — он с огромной силой изображал отрицательные стороны анг[лийского] о[бщест]ва той эпохи и первый ввел в рамки романа изображение политических тенденций. Эта здоровая, творческая литература развивалась стройно и последовательно вплоть до конца XVIII ст[олетия], до дней, когда и Анг[лия], вместе с другими буржуаз[ными] о[бщест]вами Евр[опы], встала лицом к лицу с той социальной задачей, которая может быть решена только лишь одним путем[1] — путем смены буржуа[зных] форм жизни формами строго демократическими — и социализмом, как миропониманием.

Я останов[ился] на английской литер[атуре] потому, что именно она дала всей Европе формы для реалистической драмы и романа, она помогла сменить мир чуждых буржуазии XVIII века — рыцарей, принцесс, героев и чудовищ, поставив на их место близкую и родную новому читателю[2] обстановку его семьи, его о[бщест]ва, окружив его его же тетками и дядьями, братьями, сестрами, друзьями и приятелями, словом — всей родней его и всем миром реальной, повседневной будничной жизни. Читатель был поражен этой близостью книги к жизни, реалист в своей деятельности, он читал с удовольствием и огромной пользой: книга помогала ему понимать сложные отношения людей, помогала строить ту систему отношений к ближним, кою мы называем буржуаз[ной] нравственностью,[3] литерат[ура], наконец, помогала ему создавать идеологию индивидуализма — систему самозащиты буржуа от напора на него социальных демократических требований.

Помимо близости к жизни, новая литер[атура] принесла с собою чит[ателю] новую эстетику, новую красоту: это была красота слова, языка[4] — его точность, музыкальность, его уменье формулировать тончайшую игру психики — это была[5] красота действительности, с которой никогда не сравнится фантазия, это была красота будничного дня, наполненного живой творческой работой юного, здорового об[щест]ва, наслаждавшегося созерцанием своих строительных усилий и явными для всех результатами их.

Но ничто в истории не пресекается сразу, не исчезает навсегда в один день и год, — человек консерват[ивен] по натуре своей, а потому: новая литер[атура] Гер[мании] и Фр[анции] должна была отчасти воспринять из рыцарского романа его чувствительность — сентиментализм и его[6] отношение к женщине, как — преж-

---

[1] ее социальной смертью

[2] семью

[3] и создавать в образах ту систему самозащиты, которую реалистическая

[4] его сила

[5] высшая

[6] лиризм

де всего — источнику наслаждения, к любви, как главной цели жизни. Но [1] в отношении бур[жуазной] лит[ературы] к вопросу пол[овой] любви сказывается уже и чисто реалистический, буржуаз[ный] взгляд на женщину, как на существо, которое имеет произвести на свет нового человека, наследника [2] всех социальных завоеваний его отца.

Сентиментализм и романтика, и пессимизм, возникшие в реалист[ической] литер[атуре] Англии в конце XVIII века, объясняются иными причинами, именно: псих[ическим] утомлением буржуаз[ии] [3], совершившей на протяжении XVIII века работу невероятную по количеству и страшно важную по ее значению для всего мира.

((Раб[оту] эту вам осветит историк, я же укажу здесь на то, что для понимания психологии англич[анина] никогда не надо забывать ту роль, которую играют в его жизни [4] колонии и колониальная политика.

Являясь постоянным источником тревог, требующих крайнего напряжения мысли, к[олониальная] пол[итика] в то же время служит неисчерпаемым источ[ником] все новых и новых данных, расширяющих опыт людей страны. А это, в свою очередь, вносит в псих[ологию] англич[анина] элементы раздвоения, заставляя его быть более других консерв[ативным] в охране своих национальных привычек и предубеждений, внушает ему необходимость признавать за бытом подчиненных ему стран право на существование, и, тем самым, как бы ставить свою строго выработанную культуру на одну плоскость с культ[урами] менее развитыми. М[ожет] б[ыть], здесь лежит источник скептицизма, который охват[ывает] англичан чаще, чем другие нации. Колон[иальная] же политика, вероятно, вызвала характ[ерное] для англичан резко индивидуалистическое учение Карлейля о «героях и героическом в истории» — учения, которым наши строители учения «о роли личности в истории» сильно пользовались)). *

Итак, буржуаз[ная] лит[ература] конца XVIII в[ека] до некоторой степени восприняла сентимента[лизм] литер[атуры] рыцарской — это было, как сказано, с одной стороны, результатом неизбежной в истории преемственности идей и настроений, с другой же стороны — это могло явиться признаком того факта, что известная часть дворянства непосредственно, физически поглощалась новым об[ществом]: дворяне женились на буржуазках, вступали в торговые и промышл[енные] предприятия и т. д. Таким образом, они вносили с собой в обиход буржуазии нечто свое, — вливали в новые меха старое вино.

---

[1] здесь

[2] имуществ...

[3] в ее борьбе с Фран[цией] и всем количеством

[4] этого государства его колонии...

Наконец, буржуаз[ия] не[1] была, конечно, вполне свободна[2] психически, воспитанная в о[бщест]ве феодальн[ом] она должна была воспринять некоторые черты его быта, некоторые приемы и формы мышления — это явление неизбежное, ибо, как мы знаем, даже и[3] столь револ[юционный][4] тип[5] — соврем[енный] пролетар[ий], будучи воспитан под давлением и в среде буржуаз[ных] воззрений,[6] носит в психике своей[7] более или менее заметный отпечаток буржуазности.

Только этим смешением[8] старого и нового можно объяснить тот факт, что во второй половине, а особенно в конце XVIII в[ека], наряду с общим недовольством старыми формами жизни, старыми верованиями, понятиями и предрассуд[ками], наряду с неясным стремлением к чему-то новому, в литер[атуре],[9] в отношении к женщине, к семье, к миру — мы наблюдаем и уже изжитые формы мышления, устарев[шие] идеи[10] и вообще целый ряд пережитого.

Рядом с представ[ителем] разума, исследования — дерзким Вольтер[ом] — стоит догматик и чувственник Руссо. Проповедь скепт[ицизма] уживается[11] вместе с[12] системами Гольбаха и Гельвеция, и материализм так быстро сменяется идеализмом, а затем и мистикой — хотя последнее явление имеет и другие, более солидные и глубокие причины, именно — страх буржуазии пред силою разума, пред свободой исследования.

Возбуждение XVIII века коснулось всех сторон жизни: религии и этики, эстетики и политики, оно породило в о[бщест]ве стремление к экспериментальному исслед[ованию] всех явлений социальной и физической среды и[13] вызвало стремление в отдаленное прошлое, к изучению старого быта, к национальным преданиям, в давно исчезнув[ший] мир древних сказаний и легенд.

Отчасти это было необходимо, ибо новое о[бщест]во искало матер[иала] для построения идеологии нового государства, отчасти же объяснялось вышесказанным — некто умирал и, умирая, возрождал в памяти своей прошлое, пережитое им.

---

[1] только стремилась подражать аристократии, не могла, конечно, быть...

[2] от пережитков старины

[3] такой

[4] класс

[5] каков

[6] воспринимает их

[7] известный.

[8] старого, изжитого

[9] и жизни мы наблюдаем

[10] и старинные

[11] рядом

[12] материал[измом]

[13] как это ни покажется странным

Романтизм не есть стройная теория отношения человека к миру, он — не теория литер[атурного] творч[ества]; все попытки определить его, как теорию, более или менее не ясны и безуспешны. Романтизм, как настроение, суть сложное и всегда более или менее неясное[1] отражение[2] всех оттенков, чувствований и настроений, охватывающих о[бщест]во в перех[одные] эпохи, но его основная нота — ожидание чего-то нового, тревога пред новым, торопливое, нервозное стремление познать это новое.

(Подтверж[дение] этому опред[елению] мы найдем, когда станем рассматривать романт[ическое] течение в совре[менной] рус[ской] литер[атуре].)

Итак, запад[ная] лит[ература] втор[ой] пол[овины] XVIII в[ека] вдруг устремилась во глубину прошлого[3]. Это может быть объяснено так:

1-е, новый хозяин жизни пожелал рассмотреть свое наследство — всю массу опыта, накопленного до него народами, нациями, дабы извлечь из старины материал для исторического самопознания и для[4] лучшего укрепления завоеванной им позиции;

2-е, литература того времени еще не имела пред собой достаточного для обобщения и воспроизведения в образах количества новой психологии, ибо она не успела отложиться в устойчивые формы;

3-е,[5] поскольку литература была в руках побежденного дворянства, писатели-дворяне должны были в тот момент[6] напомнить самим себе и новому классу о своих политических и культурных заслугах в прошлом.

По этим-то трем линиям[7] и начала развиваться литер[атура] той эпохи.

Причем:

1-я линия была самой плодотворной.[8] Изучая и собирая народные сказки, легенды, предания, она познакомила новое общество с духом народа, с его внутренним миром, его воззрениями на социальные отношения, на природу, религию и т. д. — в Германии, где она в своем стремлении к народности положила начало объединению[9] мелких немецких княжеств в единое, сильное государство.

(... Союз князей, основанный в [17]85 г[оду] Фридр[ихом] II, с целью, якобы, защитить Баварию от посягательства Австрии,

---

[1] отображение, мечтательное
[2] выражение
[3] мы потому в средние века
[4] защиты
[5] дворянство
[6] вспомнить
[7] и происходило восстанов[ление]
[8] она особенно
[9] немцев

был на самом деле началом объединения нем[ецкой] промышленности, на что указывает нам факт немедленного ее развития во всех немецких княжествах, тотчас же вслед за основанием союза...)

[1]В Гер[мании], Анг[лии], Фран[ции] вышли десятки сборников народ[ных] песен и преданий:[2] эта поэзия открыла пред[3] о[бщест]вом картины прос[тых], суров[ых] нравов, искренние сильные чувства людей,[4] в которых мысль гармонировала с чувством,[5] рисовала народ, как неисчерпаемый запас творческих сил.

[6]Вторая же и третья линии слились в своем настроении и создали[7] литературное направление, назв[анное] романтическим,— направление это характеризуется резким недовольством действительностью, явно предпочитая ей фантастику и мечтательность, [8] оно пытается вознести личность выше о[бщест]ва, показать ее источником таинст[венных] сил, награждает человека чудесными способностями, рисует его по типу[9] тех героев народных сказок и легенд,[10] с которыми писатели только что познакомились.

Можно очень удобно разделить романтизм на два течения: первое исполнено[11] болезненно повышенной чувствительностью, непомерно развитой фантазией [12], это направление — пассивно, оно[13] не имеет иных задач, кроме желания выразить смутную тревогу, а иногда — ужас пред чем-то непонятным, что обнимает человека со всех сторон и душит его.

Выраз[ителями] этого направления были[14] Томас Квинси,

---

[1] Немец Гердер выпустил...

Особенно много для изуч[ения] нар[одной] поэзии сделал Гердер, с именем коего нам придется встречаться.

[2] все

[3] бур[жуазным]

[4] мысливших

[5] и все это производило освежающее действие на

[6] 2-я и 3-я линии слились в том

2-я же и 3-я линии создали то, чему придано в литературе наименование «романтизма». Это настроение мечтательно-плаксивое; явился целый ряд странных писателей, настроенных мечтательно и плаксиво, капризно отказывавшихся от действительно[сти]. Направление это имеет два типа: один

[7] романтизм как

[8] отличается болезненной чувствительностью

[9] героев народных сказок и легенд, которые только что стали изв[естны] писателям и

[10] которых создало нар[одное] творчество

[11] странной сентимен[тальностью]

[12] оно создано, его создали люди подозрительные в смысле... оно пассивно выражает собой...

[13] как бы

[14] в Англ[ии], Франц[ии]

Гофман, затем Поэ, у нас — Гоголь в своих сказках,[1] в рассказе «Нос» и других рассказах этого типа, а в данное время наиболее типичным выразителем этого направления является Ф. Сологуб.

Второе[2] направление более широко, оно имеет харак[тер] активный, воинствующий, оно складывается уже после [17]89 г[ода].

Наилучше определяет его Тик, живший [в] [1]773—[1]853 [годы], немецкий романист, в пред[исловии] к одной из своих книг:

«Моя юность, — говор[ит] он, — совпала с тем временем, когда в б[ольшей] части цивилиз[ованного] мира чувство возвыш[енного], прекрасн[ого] и таинственного казалось уснувш[им], даже умершим. Господствовало то бессодер[жательное] просвещение, в глаз[ах] которого божественное являлось пустою мечтой, равнодушие к религии называлось свобод[ой] мысли, равнодушие к от[ечеству] — космополитизмом. Пошлые обыденные наблюдения заняли место философии и исслед[ования] болез[ненного] состоя[ния] души — психологией. Борясь с этими господств[ующими] взглядами, я старался отвоевать для себя спокойный уголок, где могли бы снова разрабатываться искусство, природа и вера, и вот, это стремление побудило меня представить противной партии — партии т[ак] н[азываемого] просвещения картину их — ее собственной запутанности и духовной пустоты, чтоб оправдать этим мое отпадение от нее». *

[3]Это сказано назад тому сто лет и ныне повторяется у нас на родине каждый день: вы не однажды читали и слышали, как гг. Галичи, Струве и друг[ие] называли «пошлыми обыденными наблюдениями» теорию Мар[кса], вы знаете, что и у нас ныне проповедуется религия, национализм и все прочее, что может обеспечить буржуазии спокойное существо[вание] и без чего она не может жить.

Совпадение психики буржуазии конца XVIII и нач[ала] XIX века и психики современ[ной] поразительно. Возьмем из романа того же Тика несколько строк, рисующих основное настр[оение] его героя.

Герой этот — Вильям Ловель, прототип Санина, — индивидуалист, сладострастник; он обольщает девиц, убивает, грабит, даже и занимаясь этими добрыми делами рассуждает так: «Мир — это пустыня, в которой я встречаю только самого себя. Не живу ли я подобно лунатику? Все, что я вижу — только призрак моего внутреннего я. Все сущест[вующ]ее су[ществу]ет только потому, что я его мыслю, все подчинено моему капризу, я могу назв[ать] каждое явление, каждый поступок, как мне хочется. Я — высший закон природы». *

---

[1] а ныне Андреев

[2] линия

[3] Вы слышите слова знакомые вам, ибо их теперь ежедневно говорят у нас в России

Все наши русс[кие] модернисты во главе с Ф. Сологубом[1] радостно подпишутся под этими словами; признает их истиною и Л. Андреев — современный нам представитель романтизма активного, воинствующего.

Далее герой ром[ана] говорит:

«Сладостр[астие] есть великая тайна нашего бытия. Поэзия, искусство, даже религия предст[авляют] собою замаскир[ованное] сладо[страст]ие. Скульптур[ные] образы, картины, образы поэта не что иное как преддверие к чувств[енному] наслаждению. Пусть же благор[одная] вакхическая страсть вознесет [2] мой суетный дух, чтоб он никогда не мог себя чувств[овать] дома, среди [3] жалких пустяков обыденной жизни». *

Здесь [4] в сжатом виде дана теория, которой еще на-днях [5] столь усердно служили русские порнографы, но, разумеется, они формулировали свои тенденции с большей грубостью и не с такой широтой, как Тик и другие люди начала XIX в[ека].

У романт[иков] той эпохи их сумасбродное и буйное настроение до некоторой степени объясняется протестом против [6] форм буржуаз[ной] морали, ибо бурж[уа], заняв в жизни первое место, немедленно постарался все вокруг себя сузить, укрепить, дабы жилось спокойнее.

У нас, где буржуаз[ное] о[бщест]во все еще не сложилось в устойчивые формы,[7] совр[еменный] романтизм [8]—чисто реакционное явление,[9] вызванное страхом пред неизбежностью социального кризиса, пред победою демократии, победою, над возможностью которой смеются, но близость ее более или менее смутно чувствуют.

На Западе сто лет тому назад романтики пытались подорвать силу буржуазии, у нас хотят помочь ей устроиться. Я привел эти сопоставления, я приведу их десятки, когда дойдет очередь до лит[ературы] наших дней, потому что считаю их весьма важными, [10] как доказательство следующего положения: основной характер хищнической психики буржуаз[ии] сказывается и в области строения идеологии с тою же силой, как в области промышл[енной] деятельности: и там и тут мы видим поспешное, корыстное стремление поскорее использовать данный материал, [11] бу-

---

[1] и с Бальмонт[ом]
[2] наш ум
[3] суетных
[4] снова
[5] недавно
[6] узких
[7] и не имеет к идеологии
[8] есть только
[9] он является голым протестом против демократии
[10] для
[11] опыт

дут ли это [1] недра земли или идеи — в целях узко классовых. Буржуа не чувствует своей связи с миром, с человечеством, национальные капиталы враждебны друг другу, только пролетариат способен воспитать в себе интернациональную душу, познать самого себя, как владыку мира, и построить жизнь на реальных началах братской борьбы с природой за власть над силами ее.

Торопливость обобщений, необходимо вытекающая из стремления буржуазии [2] идеологически оправдать свою власть, [3] делает эти поспешные обобщения неустойчивыми — все равно, носят ли они характер материалистический или идеалистический. [4]

Строя свои теории, буржуа — философ и ученый — не может пользоваться всею массой общечеловеческого опыта, он вынужден выбирать факты, объективность враждебна ему. Он не смеет сказать — «я этого не знаю», ибо такое сознание понизило бы его авторитет, он говорит — «это никем не познано и никогда не будет познано».

[5]Его идеалы немедленно превращаются в его идолов, по натуре своей он раб [6] и на идею смотрит не как на орудие познания, но как на средство духовного порабощения классов, экономически подчиненных ему. [7]

Поэтому можно безошибочно предсказать, что в годы борьбы за власть буржуа будет мыслить материалистически и не откажется от исследования, в годы же укрепления власти своей — он будет идеалистом и догматиком; и поэтому именно буржуазная мысль [8] принуждена [9] то-и-дело возвращаться к пережитому ею, повторять саму себя.

Его [10] теоретические построения время от времени необходимо разрушаются [11] силою против[оречий], скрытых внутри и под ударами новых фактов извне. В моменты разрушения идеологии своей — буржуа хватается за исследование, наскоро пересматривает новые данные и снова заключает их в формы авторитарных мертвых догм.

---

[1] сырье

[2] подтверди...

[3] над остальными классами

[4] религиозный или научный.

[5] Буржуа необходим догмат, он и в сфере науки принужден мыслить религиозно, догматически, скрывая противоречия социальных явлений, усекая враждебные ему факты, противор[ечащие] его тенденциям.

[6] и требует к его идеям рабского отношения

[7] Поэтому-то всякий раз, когда истор[ия] всегда во дни, в эпохи

[8] время от

[9] при известном совпадении внешних условий

[10] шаткие

[11] тогда он принужден

[1]Заканчивая это отступление, кое считал необходимым для большей ясности дальнейшего, считаю нужным напомнить, что в ту пору, как на Зап[аде] буржуаз[ия], одержав победу над феодалами, поспешно строила свое благополучие и стремилась отказаться от заповедей и заветов боевого вчерашнего дня, — у нас она едва лишь просыпалась и то благодаря толчкам со стороны правительства, серьезно занятого ее организацией.

Ек[атерина], путеш[ествуя] по В[еликороссии], с сожалением занесла в свой дневник: «В Нижнем-Новг[ороде] купечества [2] много, а капиталы имеет малые». * Не одни малые кап[италы] мешали росту бур[жуазии] русской, мешала ему и его ничтожная культурность и азиатская лень.

Наиболее подвижным [3] элементом в ту пору, как вы знаете, было у нас крестьянство, добивавшееся свободы, [4] за ним шел русский экономически нищий и бесправный социально мещанин: по свидетельству Нов[икова], мещанство усердно читало книги, ко времени конца царств[ования] Ек[атерины], царств[ования] Павла и [5] Александра относится ряд ходатайств мещан Тулы, Ярославля, Нижнего, Твери, Калуги, Москвы и Питера о разреш[ении] открывать училища.

[1]812 г[од] выдвинул крестьян пред правит[ельством] и об[щество]м в роли защ[итника] отечества от франц[узов], и с этого момента у нас тоже начинается [6] странное и то смешное отношение к народу, которое все еще недостаточно освещено с его трагикомической и постыдной для [7] дворянства стороны.

Отношение это совпало с серьезным движением на З[ападе] в сторону изучения народа, но в то время, как там, действит[ельно], изучали — у нас любовались мужиком, пороли его и создавали, не торопясь и без особых усилий, [8] государственную идею «народности».

Идея уничт[ожения] кр[епостного] права уже представлялась вредным мечтанием, порожденным запад[ной] необузданностью.

Большинст[во] о[бщест]ва по своему харак[теру] совер[шенно] рабски отвечало тому, чего требовало правительство от него — четыре года царствования безумного Павла, его сумасшедшие выходки вполне рисуют степень рабства тех времен. Но некое меньшинство, возбужденное событиями на Зап[аде], а впоследствии и [9] еще более участием кресть[ян] в отеч[ествен-

[1] Поэтому же мы и видим, что всякий раз, когда народ, демократия, пролетариат, собравшись с силами, поднимает голову — бур...

[2] бойко да

[3] и деятельным классом

[4] наиболее стремившееся к образованию

[5] начала

[6] изучение народ...

[7] культурных классов

[8] принцип

[9] особенно

ной] войне, [1] почувствовало прилив национального самосознания и принялось исподтишка, осторожно наблюдать и изучать жизнь кр[естьянст]ва.

Однако в 1-е 20-ти л[етие] XIX в[ека] какие-либо серьезные труды по изучению крест[ьянской] жизни были невозможны, как потому, что у писателей не было выработанных приемов для этой работы, так и потому, что прав[ительство], несмотря на [2] сентименталь[ный] либер[ализм] мистика Ал[ександра] I, было против таких попыток. Царь разрешил, напр[имер], легальное существ[ование] секты хлыстов, масонских лож, но написанные о скопцах книги [3] не были разрешены к печати * — остались в рукописях и были взяты в минист[ерство] внутр[енних] дел, несмотря на то, что сам Ал[ександр] I был всю жизнь девствен[ником] и сочувст[вовал] учению скопчества.

Серьезное изучение заменялось чувствительным восхищением пред духовной цельностью кр[естьянина], пред его простым умом, близос[тью] к природе, его способност[ью] претерпевать всевозможные лишения и, якобы, безропотно нести тяжкое, угнетающее душу, бремя социального бытия.

Мужик изображался кротким, любвеобильным христианином, с невероятно развитой способностью прощать и забывать все обиды. Это представление о нем имело практический смысл, оно успокаивало общество, встревоженное народ[ным] движ[ением] во Франции, оно как бы оправдывало и креп[остное] право: ведь не все ли равно истинному христианину быть свободным или рабом, — его царство не от мира сего.

Впоследствии, уже при Н[иколае] I митроп[олит] Филар[ет] на вопрос царя — следует ли отменить креп[остное] право — именно так и отвечал:

«Для бога нашего Иисуса Христа все едино, кто возносит молитвы ему, свободный или раб».

Роман[тик] Карам[зин], любивший, по его словам, «те предметы, которые трогают сердце и заст[авляют] проливать слезы тяжкой скорби»,* чувствительно изображал любовь русских парней к боярским дочерям, причем парни говорили у него языком таким:

«—Наталия—о! Когда не вижу тя, сердце мое стенает, обливаясь слезами тоски по тебе, красота красот, чудесный ангел». *

Дмитр[иев] — поэт и мин[истр] нар[одного] просвещ[ения]— сочинял [4] такие песни, как «Стонет сизый голубочек...» а о[бщест]во простодушно верило, [5] что именно такие песни и поют мужики в деревнях.

---

[1] тоже по примеру Зап[ада]

[2] внешний

[3] Надеждина

[4] наро...

[5] ему

Другой мин[истр] и поэт — Нел[единский]-Мел[е]цкий — тоже писал народные песни; ему принадлежат целые десятки их, в том числе «Я ли в поле не березонька была...»

Языков написал «Новгородскую песню 1170 года», т. е. песню, которую будто бы распевали новг[ородцы] в [1]170 г[оду].

Язык[ов] 66 I-й

ВОЕННАЯ НОВГОРОДСКАЯ ПЕСНЯ
1170 ГОДА

Свободно, высоко взлетает орел,
Свободно волнуется море;
Замедли орлиный полет,
Сдержи своенравное море!

Не так ли, о други! к отчизне любовь,
Краса благородного сердца,
На битве за славу и честь
Смела, и сильна, и победна?

Смотрите, как пышен рождается день,
Как наши играют знамена;
Недаром красуется день,
Недаром играют знамена.

Виднее сражаться под яркой зарей;
Отважней душа и десница,
Когда перед бодрым полком
Хоругви заветные блещут.

Гремите же, трубы! На битву, друзья,
Потомки бойцов Ярослава!
Не выдадим чести народной —
Свободы наследного права.

Что вольным соседей завистных вражда,
И темные рати Андрея.
К отчизне святая любовь
Смела, и сильна, и победна.

Свободно, высоко взлетает орел,
Свободно волнуется море;
Замедли орлиный полет,
Сдержи своенравное море! *

И в это верили.

Гр[афиня] Растоп[чина] тоже писала «простонародные песни» — вот образцы их:

Растопчина. *

Такие же песенки писали Цыганов, Ден[ис] Давыдов, Жадовская; знание народа было столь серьезно, что даже романс Жук[овского] «Кольцо души девицы» считался простонародной песней.

Ал[ександр] I всю жизнь страдал под гнетом воспоминаний о своем участии в убийстве Павла, отца своего, человек слабовольный, настроенный мистически, он был игрушкой в руках крупного дворянства и его полит[ические] воззрения изменялись в зависимости от мнений лиц, окружавших его.

При Чартор[ийском], Строг[анове], Новосильцеве и др[угих] поклонниках анг[лийского] государст[венного] строя он — либерал; при графах Уварове и Голицыне — реакционер и при всех — около него Аракчеев, человек, знавший тайну его участия в загов[оре] против Павла и убийстве его; и, зная это, он держал царя в руках крепче других.

Крупное дворянство, окружавшее трон, воспользовалось отношением литер[атуры] к народу в своих целях и очень ловко, опираясь на доказываемую повестями, поэмами и стихами склонность христианнейшего русского мужика к терпению, на его кротость и чувствительное сердце, на его горячую любовь к идее царского самодержавия, — оно начало внушать о[бщест]ву убеждение в особенных национальных свойствах рус[ского] духа, совершенно чуждого идеям Запада, [в] особенности русской истории — не похожей на историю западных стран.

Восстания Ст[епана] Разина, Пугачевщина, бесчисленные крест[ьянские] бунты, убийства помещиков — все это было устранено из области идеологии и отодвинуто в область уголовного [1] суда, все, что могло бы нарушить представление о рус[ском] мужике, как о матер[иале] крайне мягком, податливом, и не только не протестующем против креп[остного] права, но христиански влюбленном в этот институт, — все это устранялось прочь.

Россия — как это явствует из песен, преданий, религии народа, из всей слащавой литературы романтиков — суть совершенно особенная страна, и ждет ее судьба тоже совершенно иная, чем страны Зап[ада], а потому к Р[оссии] совер[шенно] неприложимы стремления европ[ейской] жизни.

Она не похожа на Евр[опу] ничем, ни религией, [2] ибо ее исповедание заимствовано непосредственно из Виз[антии] — источника, верно хранившего древние предания церкви; она осталась свободна от религиозных волнений, свято храня заветы истинной христовой церкви.

При этом утверждении забыто сектантство и раскол старообрядчества, сливающиеся с восст[анием] Разина, но выше уже

---

[1] судопроизводства

[2] ни формами политическими

было сказано, как работает буржуаз[ная] мысль, творя идеологию.

И в быте своем Р[оссия] не похожа на З[апад] — со своими особыми учреждениями, неизвестными ему — с общиной, древней верой и глубоким убеждением в [1] справедливости принципа чистой абсолютной монархии — Русь сохранила добродетели, неведомые Западу.

Таковые доброд[етели]: народное благочестие, полное доверие народа ко властям, терпеливое, истинно христианское повиновение им, простота нравов и потребностей, не избалованных роскошью и не нуждающихся в ней.

Само креп[остное] право есть нечто свидетельст[вующее] о неиспорченности и свежести народа, а также и о его уме: мужик ясно видит, что хороший помещик лучше охраняет интересы кр[естьян], чем сами они могут, а потому — положение русс[кого] кр[естьянина] несравнимо лучше положения запад[ного] рабочего.

Эти свойства народа сделали Р[оссию] политически могуществ[енной], ныне ее голос решает евр[опейские] дела, она только что дала всей Евр[опе] мир и благоденствие, низвергнув сокрушительного Наполеона.

Вот это представление о народе, выработ[анное] властью при помощи о[бщест]ва и литер[атуры], и есть тот третий принцип рус[ской] госуд[арственной] идеологии, который именуется «народностью».

Было приказано проповедывать «народность».

Кто русской глупости не хочет бить челом,
Тот враг отечества и сеятель разврата.*

Это официально установленное понятие «народности» не могло не отразиться на идеях русс[кой] лит[ературы], ибо долго, приб[лизительно] до 50-х г[одов], она именно и составляла ту почву, на которой допускалось движение умственной жизни, тот круг идей, который становился обязательным для литер[атуры] и науки.

До какой степени хорошо и глубоко воспринималась официальная идеология, тому примером служит журналист Пнин, побочный сын князя Репнина. [2]

Биографы единодушно говорят об этом человеке, что он был безупречно честен в своей литер[атурной] деятельности, последователен в проведении своих взглядов, заимствованных из франц[узской] филос[офии] XVIII в[ека].

Когда он умер — в [1]805 г[оду] — почти все знаменитые поэты того времени посвятили ему свои стихи.

---

[1] истинно

[2] род. в [17]73, умер в [1]805

Батюшков [1] писал:

Пнин чувствам дружества с восторгом предавался;
Несчастным не одно он золото дарил...
Что в золоте одном? Он слезы с ними лил.
Пнин был согражданам полезен,
Пером от злой судьбы невинность защищал... *

Николай Радищев, сын автора «Пут[ешествия]», говор[ит] то же самое:

Невинность смело защищая,
Ты предрассудки попирал...*

Измайлов, баснописец, говорит:

Когда писать что должен буду
Для пользы я моих сограждан,
Тогда, о Пнин, мой друг любез[ный]!
Приду я на твою могилу
И, тень твою воображая,
Твоим исполнясь вдохновеньем... *

Наконец, какой-то неизв[естный] автор пишет:

Покойся! для души чувств[ительной] и нежной
Терпеть и бедств[овать] есть жребий неизбе[жной].
Покойся! в мире сем нигде покоя нет... *

Читая все эти стихи, можно подумать, что [2] со сцены жизни сошла крупная боевая сила, [3] подобная хотя бы Радищеву.

Но рассматр[ивая] жизнь скромного чиновника и журналиста Ивана Пнина, мы не находим ничего драматического, никаких столкновений с вражд[ебными] силами, а обращаясь к его [4] стихам, встречаем в них такие идеи.

В [1]805 г[оду] он написал «Оду на Правосудие» — вот наиболее резкое ее место:

Блаженство смертных, царств подпора,
Злодеев страх, невинных щит,
Ты, коего трепещет взора
Порок, хоть он венцом покрыт.
Ты, кое лиц не разбираешь,
Равно щадишь, равно караешь
Рабов, вельможей и царей;
Ты, без кого б и боги сами
Не почитались бы богами
И не имели олтарей.

---

[1] глава поэзии

[2] угас

[3] смелый защитник идеи

[4] творчеству

О Правосудие! Тобою
Хранится только смертных род
. . . . . .
Где ты — там собствен[ность] священна,
Тобою твердо огражденна...

В одной из своих статей он восклицает:

«Собственность! священное право! душа общежития! источник законов!.... Где ты уважена, где ты неприкосновенна... там только спокоен и благополучен гражданин». *

Он писал стихами так:

В каком пространстве зрю ужасном
Раба от *Человека* я,
Один, как солнце в небе ясном,
Другой так мрачен, как земля.
Один есть все, другой ничтожность,
Когда б познал свою раб должность,
Спросил природу; рассмотрел,
Кто бедствий всех его виною?
Тогда бы тою же рукою
Сорвал он цепи — что надел! *

В прозе он говорит:

Земледельцы! «Когда государи, вооруженною рукою препираются о земле, вы мужеством своим решаете жребий войны. Ваши тела суть защита разоряемых государст[в], вы служите подпорою колеблемого престола».*

Следовало бы спросить себя, а достойно ли вознаграждены земледельцы за труды свои.

Но Пнин не спрашивает об этом, он убежден, что «под грубой его [крестьянина] наружностью кроется добродетельное сердце», оно, по его. мнению, вполне удовлетвор[яет] мужика и автор, в конце концов, уговар[ивает] его «воззреть веселым оком на свою участь». *

Стр. V — 3 *

Содержание этого принципа [«народности»] мы дали в очень сжатой форме, в него входит еще целый ряд противоречий и курьезов, лицемерия, невежества и наглейшей лжи.

Необходимо было остановиться на нем в момент его рождения потому, что скоро мы встретим эту философию рус[ского] правит[ельства] у славянофилов, а затем и у народников.

Теперь перейдем к лучшему выразителю романт[изма] в литер[атуре] нашей — к Жуков[скому]. [1]

Челов[ек] этот родился в [1]783 г[оду]. Отец его был старик — помещик Бунин, а мать — пленная турчанка Сальха; это

[1] Как всякий политически

положило известный отпечаток на психику поэта: его мать никогда не признавалась равнопр[авным] членом того о[бщест]ва, в котором он вращался. У натуры более активной подобное отношение к матери вызвало бы резкий протест. Жук[овский], [1] очевидно, унаследовал от матери наклонность к апатии, грустной мечтательности и лени — это главные черты его характера.

Как большинство рус[ских] писател[ей] он 10-ти л[ет] был исключен из школы «за неспособность», а 22-х лет он влюбился в свою племянницу, и эта любовь послужила к еще большему развитию в нем [2] меланхол[ического] настроения, ибо брак дяди с племянницей ни мать ее, ни церковь не могли разрешить.

Эти задатки личной психологии, эти условия внешней жизни как нельзя более совпадают с тенденциями пассивного романтизма, о котором говорилось выше и который играл в руку реакции, ибо, с презрением глядя на действительность, он уходил и звал за собой в область фантастики. На З[ападе], [3] как об этом гов[орилось], часть ром[антиков] равнодушно подчинялась властям предержащим, предпочитая жизни сновидения, часть же, [4] защищая принцип абсолютной своб[оды] личности, т[ем] самым принуждена была защищать и монархические тенденции.

[5]Теория «искусство для искусства» связана с романтической школой: ром[антик]и представ[ляли] себе поэта гением, жрецом, пророком, поэзию же ставили выше жизни, — в ней, говорили они, дух человека получает высшее, идеальное выражение.

[6]Жуковский внимательно изучал зап[адную] поэзию той эпохи и, м[ожет] б[ыть], механически усваивая ее тенденции, перенес их на русскую почву, уже подготовленную [7] к посеву этих тенденций теми разочарованиями, которые пережила часть о[бщест]ва в послед[ние] годы царст[вования] Ек[атерины] и за 4 г[ода] царения Павлова.

Литер[атура] наша всегда эклектически заимствовала в Евр[опе] все, что для нее являлось новым, и, полусознательно подчиняясь влиянию романтики, немедленно усвоила все ее дурные стороны.

---

[1] человек сл...

[2] грусти

[3] и у нас

[4] как об этом говорилось

[5] Жуковский был весьма образованный человек и прекрасный знаток зап[адной] <литер> поэзии того времени

[6] Поэзия — пророч[еский] дар, своего рода безумие — эти положения романтиков ныне приняты у нас, им...

[7] к восприятию

Ж[уковский] более всего сделал для рус[ской] лите[ратуры] как переводчик; [1] он пер[евел] и англий[ских] писат[елей] — Грея, Дрейдена, Соути, Гольдсмита, Т. Мура, В. Скотта, Байрона, и немецких — Гете, Шил[лера], Уланда, Гебеля, Кернера, [2] Рюккерта, Шамиссо, и фр[анцузских] — Парни, Флориана, Лафонтена. Это — огромная работа. Перечень этих имен заключ[ает] в себе почти все крупные таланты; и произв[едения] их, введенные в обиход рус[ского] читателя, должны были, конечно, сильно расширить его кругозор, развить в нем интер[ес] к поэзии.

«Поэзия есть добродетель», — говорил Жуков[ский], — и, поскольку мог отрываться от личного своего настроения, он проповедывал, хотя и чужими словами, то, что называет любовью к добру, истине, красоте, т. е. гуманное отношение к людям. Русское о[бщест]во очень нуждалось в такой проповеди, а меланх[олия] поэта должна была привлекать к себе внимание тех, в ком среди грубого о[бщест]ва возникали иные, более человечные мысли и настроения. Но вместе с гуманизмом Ж[уковский] должен был, конечно, ввести [3] в русскую жизнь и все другие тенден[ции] зап[адного] о[бщест]ва, что и случилось, как увидим далее. [4]

Боевое, строительное значение той или иной мысли было для Ж[уковского] [5] непонятно, он брал мысль со стороны формы и красоты ее. [6] Его мягкое, чувствительное и слезливое настроение не воспринимало резких проявлений страстей; сомнение, отрицание, исследование было чуждо ему. Его отношение к миру было фаталистично. [7]

МЕЧТА

Всем владеет обаянье!
Все покорствует ему!
Очарованным покровом
Облачает мир оно;
Сей покров непроницаем
Для затменных наших глаз;
Сам спадет он. С упованьем,
Смертный, жди, не испытуй. *

---

[1] один перевел почти все значи...
[2] Де-ля-Мот-Фуке
[3] с собою
[4] И в этом мы должны видеть, серьезное воспитательное
[5] мало
[6] Широкие картины волнений человеч[еской] души
[7] восточному

Порою оно переходило в пессимизм:

3-й 44

ПЕСНЯ

Отымает наши радости
Без замены хладный свет;
Вдохновенье пылкой младости
Гаснет с чувством жертвой лет;
Не одно ланит пылание
Тратим с юности живой —
Видим сердца увядание
Прежде юности самой.

Наше счастие разбитое
Видим мы игрушкой волн,
И в далекий мрак сердитое
Море мчит наш бедный чолн;
Стрелки нет путеводительной,
Иль вотще ее магнит
В бурю к пристани спасительной
Чолн беспарусный манит?

Хлад, как будто ускоренная
Смерть, заходит в душу к нам;
К наслажденью охлажденная,
Охладев к самим бедам,
Без стремленья, без желания,
В нас душа заглушена,
И навек очарования
Слез отрадных лишена.

На минуту ли улыбкою
Мертвый лик наш оживет,
Или прежнее ошибкою
В сердце сонное зайдет —
То обман; то плющ играющий
По развалинам седым;
Сверху лист благоухающий —
Прах и тление под ним. *
. . . . . .

Порою же в нем ясно и красиво звучит настроение примирен
ное и примиряющее со смертью:

3.—47

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: *их нет*;
Но с благодарностию: *были*. *

[1]Гамлета он называл «чудовищем», находил его «чудесной выдумкой» и не любил Шексп[ира], хотя знал, что вся нем[ецкая] лит[ература] того вр[емени] поклонялась Шексп[иру] как величайшему гению.

Он перевел «Шильон[ского] узника» Байрона и более уже не трогал произведений этого поэта, ибо не мог вместить, не понимал энергического скептиц[изма] этого поэта и, вероятно, что в «Ш[ильонском] уз[ни]ке» его поразили те строки, которые он перевел так:

Т. 3-й 60. XIV

День приходил — день уходил —
Шли годы — я их не считал;
Я, мнилось, память потерял
О переменах на земли.
И люди, наконец, пришли
Мне волю бедную отдать.
За что и как? О том узнать
И не помыслил я — давно
Считать привык я заодно:
Без цепи ль я, в цепи ль я был!
Я безнадежность полюбил;
И им я холодно внимал,
И равнодушно цепь скидал,
И подземелье стало вдруг
Мне милой кровлей... там же друг,

---

[1] Яснее всего он определил ⟨значение⟩ свои взгляды на отношение поэта к людям в одном послании к Гоголю.

Т. 10—87

Не должно ли, смотря с унынием и тревогою на то, что́ кругом нас происходит, терять веру в поэзию и в ее великое земное назначение? Нет! и посреди судорог нашего времени, не заботясь о славе, ныне уже нежеланной и даже невозможной, (поелику она раздается всем и каждому, на площади, подкупными судьями в отрепьях), не думая о корысти, которая всех очумила, поэт, верный своему призванию, скрываясь от толпы, исповедует своему гению:

Не счастия, не славы здесь
Ищу я — быть хочу крылом могучим,
Подъемлющим родные мне сердца
На высоту, зарей, победу дня
Предвозвещающей, великих дум
Воспламенителем, глаголом правды,
Лекарством душ, безверием крушимых,
И сторожем нетленной той завесы,
Которою пред нами горний мир
Задернут, чтоб порой для смертных глаз
Ее приподымать и святость жизни
Являть во всей ее красе небесной —
Вот долг поэта, — вот мое призванье! *

Все однодомец было мой:
Паук темничный надо мной
Там мирно ткал в моем окне;
За резвой мышью при луне
Я там подсматривать любил;
Я к цепи руку приучил:
И... столь себе не верны мы!..
Когда за дверь своей тюрьмы
На волю я перешагнул —
Я о тюрьме своей вздохнул. *

Образцами высшей поэзии для Жук[овского] были Карам[зин] и В[альтер] Скотт, Мильтон — чистые романтики; о Байр[оне] он говорил почти со страхом: в нем есть «сила, стремительно влекущая нас в бездну сатанинского падения», о Гейне — так: «что сказать об этом хулителе всякой святыни... Это свободн[ый] собиратель и провозгласитель всего низк[ого], отврат[ительного] и развратного... это презрение всякой святыни и циническое, бесстыдно-дерзкое противу нее богохульство, дабы, оскорбив всех, кому она драгоценна, угодить всем поклон[никам] разврата, это вызов на буйство, на неверие, на угождение чувственности, на разнуздание всех страстей, на отрицание всякой власти...» *

Но он же мог сказать о Гете так ясно и сильно:

Свободу смелую приняв себе в закон,
Всезрящей мыслию над миром он носился,
И в мире все постигнул он
И ничему не покорился. *

Здесь, в 4 строках не только дан очерк Гете. Это — выше Гете: — здесь заключен общечеловеческий лозунг.

— Служи свободе, все познавай, ничему не покоряйся! Таких строк немного в литературе мира.

В нем множество противоречий, совершенно непримиримых; они могут быть объяснены только слабостью и податливостью мягкого, мечтательного характера.

Его общественная мысль глубоко консервативна, — он поклонник принципа абсолютной монар[хии] не за страх, а за совесть; критическое отношение к действительности соверш[енно] не свойственно ему, и он никогда не поднимал голоса против крепост[ного] права, хотя иной раз говорил, неясно и туманно, о позоре рабства, говорил, будучи неизмеримо далек от реального представления о рабстве.

Но в [18]22 г[оду] он столкнулся с ним непосредственно и освободил своих крестьян [1] — по тому времени это был поступок очень рискованный.

---

[1] поступок, за который в ту пору могли

В высшей степени характ[ерно] для этого человека то, что он почти совершенно не заметил такого факта, как Декабрьский бунт. [1] *

Крайне трудно сказать, имел ли Ж[уковский] свои оригинальные мнения по какому-либо из об[ществен]ных вопр[осов]. Все, чего ни коснешься в его прозаических сочинениях, журнальных статьях, оказывается переводами, подражаниями, заимствованиями с Зап[ада]. Вот, напр[имер], его заметка о смертной казни:

Т. 10—140

> Эшафот, на котором совершается смертная казнь, есть место, где неумолимое земное правосудие казнит преступление, а божие милосердие принимает в свое лоно кающуюся душу. Отлучите последнее от первого, и спасительно-грозный, величественный акт земной казнящей правды, жертва, всенародно приносимая правде небесной, обращается в отвратительную оргию толпы...*

Уж кажется, что может быть своеобразнее такого взгляда, где сентиментализм сливается со страхом смерти, и какое-то детское или дикарское бессилие мысли ползает червем пред.....[2]*

Однако и это заимствовано: фран[цузский] реакционный [писатель] Жозеф де-Местр [3] в своей книге «Вечера в Петербурге» за несколько лет до Ж[уковского] говорил, что смертная казнь есть мировой закон, и палач поэтому должен занимать в о[бщест]ве человеческом великое и страшное положение: он, пал[ач], существо особое, необыкновенное, бытие которого вызвано специальным декретом творца. Палач создан как особый мир — он приводит в исполнение великий мировой и божеский закон казни за грех; корни же всякого греха — во грехе первородном. Вся земля, напоенная кровью, есть великий жертвен[ник], на котором [4] уничтожается все живое, без перерыва и жалости, до полного уничтож[ения] зла, до смерти самой смерти.

[5]Смертная казнь, как великий акт б[ожеско]го возмездия, должна обставляться пышно и таинственно, дабы присутствующие при исполнении ее чувствовали бытие высшей, грозной силы, карающей всех и все. *

[6]Это стрем[ление] Ж[уковского] и других к переводу на

---

[1] и в его сочинениях нет об этом

[2] виселицей, где человек... даже нет вопроса о праве человека... таинственной, неопределенной правдой... и звучит сладострастная нота садизма

[3] брат эмигранта Ксавье-де-Местра, написавшего повесть «Параша Сибирячка», говорит...

[4] приносится

[5] Смерть и

[6] Чтобы были понятны переводы таких бешено-реакционных мыслей рус[скими] писателями — надо вспомнить, как бедна была наша жизнь

русский язык всего, что попадется под руку, лишь бы было красиво сказано, лишь бы ярко блест[ело], несколько напоминает отношение дикарей к стеклян[ным] бусам и медной проволоке. И очень часто мы должны объяснять его [1] отнюдь не сродством психики и мысли — в данном примере между бешеным, энергичным де-Мест[ром] — реакционером-боевиком и кротким мечтателем Жук[овским] [2] решительно нет ничего общего. Мы [должны] объяснять ввоз в Рос[сию] этих [3] дрянных, решительно никому и даже коллекционеру всякой пакости — рус[скому] прав[ительству] того времени — ненужных идей просто дикарством нашим, нашей духовной нищетой.

Писатели т[ого] вр[емени] — как об этом уже неоднократно говорилось — вносили в Рос[сию] все, что попадало им на глаза, отнюдь не соображая ценности товара и не задумываясь над возможными применениями его в рус[ской] об[ществен]ной жизни. Трудолюбивые пчелы, они собирали [4] мед на Западе со всех цветов, в том числе и ядовитых, которые отравляли прежде всего их же самих. Они руководились стремлением обогатить страну сокровищами запад[ной] мысли, но внутренняя ценность этих сокровищ, видимо, была не очень понятна им, они увлекались внешним блеском вещей и идей.

Жук[овский] являет собою типичный пример этой работы переводчика и перевозчика.

Он переводит нем[ецкого] поэта Уланда, отвечающего его настроению:

Т. II-й 105—132 *

И всюду у этого поэта — безысходная тоска, монастыри, монахини, привидения, смерть.

Он переводит поэму Гебеля «Деревенский сторож».

Т. II—114

... Как бы ночь
Ни длилася и неба ни темнила,
А все рассвета нам не миновать.
Деревню раз, другой я обойду —
И петухи начнут мне откликаться,
И воздух утренний начнет в лицо
Мне дуть; проснется день в бору, отдернет
Небесный занавес, и утро тихой
Струей прольется в сумрак; наконец,
Посмотришь: холм, и дол, и лес сияют;
Все встрепенулося; там ставень вскрылся,
Там отворилась дверь; и все очнулось,
И всюду жизнь свободная взыграла...*

---

[1] не контактом

[2] нет, не может быть и мысли о совпа...

[3] диких идей

[4] цветочки

Как видите, эта вещь написана совершенно в другом настроении — бодром и полном надежды. Гебель вообще — поэт утренний, его лиризм здоров, он близок к природе.

Переводит — и великолепно — как это признано всеми — Шиллерово «Тор[жество] победителей», поэму великой красоты и силы.

Т. III. 73-я *

Перевод[ит] «Суд божий над епис[копом] Гатт[оном»], целый ряд превосходных произведений, которые, вероятно, никогда не будут забыты и которые мы должны признать стоящими вне психики Жуков[ского], вне рамок его основного настроения.

А рядом с этими образцами истинной и бессмертной поэзии он же переводит баллады, [1] наполненные чертями, привидениями и смешными ужасами, вроде «Баллады, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем, и кто сидел впереди», и где встречаются такие уродства в стихах:

Т. II. 53

На кровле ворон дико прокричал:
Старушка слышит и бледнеет.
Понятно ей, что ворон тот сказал:
Слегла в постель, дрожит, хладеет.

И вопит скорбно: где мой сын чернец?
Ему сказать мне слово дайте!
Увы! я гибну! близок мой конец!
Скорей, скорей! не опоздайте!

. . . . . .
«Вся жизнь моя в грехах погребена,
Меня отвергнул искупитель;
Твоя ж душа молитвой спасена,
Ты будь души моей спаситель.

«Здесь вместо дня была мне ночи мгла;
Я кровь младенцев проливала,
Власы невест в огне волшебном жгла,
И кости мертвых похищала».
. . . . . .*

Иногда он сам, видимо, понимает смехотворность всех этих баллад и добродушно шутит над собою в письме своем к бар[онессе] Черкасовой:

Во вторник ввечеру
Я буду (если не умру
Иль не поссорюсь с Аполлоном)

[1] Соути, Мура, Грея, Морриса

Читать вам погребальным тоном,
Как ведьму чорт унес,
И напугаю вас до слез. *

Или острит так:

Тому блаженства будет на год,
Кто съест полфунта винных ягод.

Личное творчество Ж[уковского] представляет собою перепевы [1] мотивов немец[кой] романтики — жизнь окружена страшными тайнами, злые силы играют человечеством, владыка жизни — случай, все идет к смерти, все поглощается ею.

Вот наиболее хар[актерные] для Жук[овского] стихот[ворения]:

III-й 16-я

Когда, оставив в свете нас,
Вы в темноту ночную скрылись,
С веселым прелести лицом —
И вдруг на нас оборотились
Из тьмы ужасным мертвецом,
Невольно сердце взволновалось,
И в быстрой перемене сей
Ему житейское сказалось
Всей ненадежностью своей:
«Как все желанное неверно!
Как упованье лицемерно,
Как счастья переменчив вид!
Душа ли вслед за ним порвется
Оно лицом к ней обернется, —
И перед ней мертвец стоит». *

Это написано в 1819 г[оду], а в [18]14 [году] он же писал так:

II-й 78-я «Смерть»

То сказано глупцом и признано глупцами,
Что будто смерть для нас творит ужасным свет!
Пока на свете *мы*, она еще не с нами;
Когда ж пришла *она*, то нас на свете нет! *

И тогда же вдруг, неожиданно, он говорит такие умные и меткие слова:

II-й 78-я «Закон», III — 14 «Звезда...»

ЧТО ТАКОЕ ЗАКОН?

Закон — на улице натянутый канат,
Чтоб останавливать прохожих средь дороги,

[1] тех же тем

Иль их сворачивать назад,
Или им путать ноги!
Но что ж? Напрасный труд! Никто назад не пойдет!
Никто и подождать не хочет!
Кто ростом мал — тот вниз проскочит,
А кто велик — перешагнет! *

ЗВЕЗДА И КОРАБЛЬ

Звезда небес — плывет пучиною небесной,
Пучиной бурных волн — земной корабль плывет!
Кто по небу ведет звезду, — нам неизвестно;
Но по морю корабль — звезда небес ведет! *

Он мог даже писать шутливые стихи, но всюду у в них — тяжел, груб и неостроумен.

II-й 79 «Максим»
III-й 33-я, 46-я. III-й 14 «Бык». *

Возвратимся к его личной жизни — она [1] интерфесна для нас, мы должны знать социальное положение каждого писателя; им определяется широта его наблюдений, запас знаний и, конечно, характер мышления.

12 лет продолжалась его любовь к своей племяннице, чувство, которое, повидимому, очень мучило его. В [1]817 г[оду] она, наконец, выходит замуж; перед этим она пишет дяде:

«... Я у тебя прошу совета, как у отца, прошу у решить меня на самый важный шаг в жизни...»

Он отвечает ей: «Я прошу тебя только одного: не позволяй тобою жертвовать... Я никогда не забуду, что всем тем счастьем, какое имею в жизни, обязан тебе...» *

Он всю жизнь жил воспоминаниями об этой любви, она питала [2] его меланхолическое настроение, и с нею случилось то же, что с любовью Данта:

Беатриче из флорентийской девушки превратилась в олицетворение католич[еской] церкви, а Мария Протасова, теряя постепенно свою телесность, стала для Жук[овского] символом чего-то отвлеченного, идеального, недосягаемого и непознаваемого.

С [1]815 г[ода] Жук[овский] занимает должность чтеца при императ[рице] Марии Федор[овне], положившей начало женскому образ[ованию] в Росс[ии].

В том же году выходит первое собрание его стихов, м[инистр] нар[одного] прос[вещения] представ[ляет] их Алл[ександру] I, и царь дает поэту 4 т[ысячи] руб[лей] пенсии.

---

[1] вообще
[2] его творчество

Через год он уже учитель в[еликой] к[нягини] Алек[сандры] Фед[оровны], а в [18]20-м году сопровождает ее за границу, где живет 4 года.

В [18]25 г[оду] Жук[овский] — настав[ник] и воспитатель Ал[ександра] II, в ту пору бывшего наследником, и в этой должности он состоит 14 лет.

К этому времени относится эпиграмма Пушкина, который был его учеником и другом.

«Пушк[ин] 105»

ЖУКОВСКОМУ

Из савана оделся он в ливрею,
На ленту променял лавровый свой венец,
Не подражая больше Грею,
С указкой втерся во дворец —
И что же вышло наконец?
Пред знатными сгибая шею,
Он руку жмет камер-лакею,
Бедный певец! *

За время своего служения при дворе Ж[уковский] написал ряд славословий Н[иколаю] I [1] в духе т[ак] наз[ываемого] народного гимна, он же приветств[овал] рождение Ал[ександра]I извест[ными] словами:

Да встрет[ит] он обильный честью век!
Да славного участник славный будет!
Да на чреде высокой не забудет —
Святейшего из званий: человек...*

Ник[олай] I приказал, чтоб Ж[уковскому] за его труды по воспитанию предоставлено было по смерть все, чем он до сей поры пользовался — 10 т[ысяч] жалованья, обр[ащенных] в пенсию, и 18 т[ысяч] — оклад по месту, да наслед[ник] подарил ему 4 т[ысячи] *—как видите, литер[атора] ценили. 58 лет, в [18]41 г[оду] он женился на 18 л[етней] девушке, — умер в [18]52 г[оду], изругав события 48 года самыми резкими словами: тут и «человеческое безумие» и «дерзкий разврат», «нечистые когти мятежа»— весь арсенал ругательств реакционера. Его суждения о вопросах истории поражают больше своей детскостью, непониманием смысла событий, чем определенной враждою к ним: так, напр[имер], он пишет:

Пыпин, 34

Реформация взбунтовала против ее неподсудимости демократический ум, дав право поверять откровение, она поколебала веру, а с нею и все святое. Это святое замени-

[1] начиная с...

лось языческою мудростью древних; родился дух противоречия; начался мятеж против всякой власти, как божественной, так и человеческой. Этот мятеж пошел двумя дорогами; на *первой* уничтожение авторитета церкви произвело *рационализм* (отвержение божественности Христа), отсюда *пантеизм* (уничтожение личности бога), в заключение *атеизм* (отвержение бытия божия); на *другой* понятие о власти державной, происходящей от бога, уступило понятию о *договоре общественном*, из него самодержавие народа, которого первая степень *представительная монархия*, вторая степень *демократия*, третья степень *социализм* и *коммунизм*; может быть и четвертая, последняя степень: *уничтожение семейства*, а вследствие того низведение человечества, освобожденного от всякой обязанности, ограничивающей чем-либо его личную независимость, в достоинство совершенно свободного *скотства*. Итак, два пункта, к которым ведут и отчасти уже привели сии две дороги: с одной стороны, самодержавие ума человеческого и уничтожение царства божия, с другой — владычество всех и каждого и уничтожение общества. Между сими двумя крайностями бытия теперь и выбивается из сил образованность Западной Европы. *

Все сказанное рисует пред нами фигуру, полную противоречий непримиримых, психику хаотическую, [1] в которой странно смешаны несоединимые чувства, мысли и настроения [2] и которая в основе своей все-таки остается оторванной от действительности, тоскующей о чем-то неопределенном и неясном.

Эта тоска — как мы увидим позднее — свойственна почти всем русским писателям; [3] она то-и-дело загоняла их в церковь, в кабак, в сумасшедший дом, [4] но очень редко — в индиферентное, безразличное отношение к жизни.

И, быть может, еще в большей степени свойственна русскому писателю, отмеченная нами в Ж[уковском], хаотичность психики, противоречия чувства, неустойчивость мысли. [5] Чем мы можем объяснить себе это явление? Прежде всего — эклектизмом. Русс[кий] писатель — и за ним русский интеллигент — прежде всего эклектик: нищий опытом, плохо знающий свою огромную, разнообразную страну, с ее несложившимися общественными отношениями, с ее все еще плохо выработанной способностью к упорной работе, он — наш интел[лигент] — хватает идеи,

---

[1] равно откликавшуюся

[2] которой изменяются при пер... с удивительной быстротой

[3] равно как и более — всей т[ак] наз[ываемой] интеллигенции нашей

[4] в мертвый

[5] Объяснение этого явления

боевые лозунги, приемы самоз[ащиты] и наступательной борьбы везде, где попало, наскоро объединяет эти чужие, заемные мысли в ту или иную систему и постоянно видит явное несоответствие его систем с русской историей, рус[ским] бытом, постоянно наблюдает, как русская жизнь то требует расширения его шаблонов, то сужения их.

[1]Напр[имер], теории славянофилов и народников суживали рус[скую] жизнь, как мы это знаем, а так называемый легальный марксизм непомерно расширял ее, доказывая, что мы вполне прочно встали на те рельсы, по коим движется жизнь капит[алистического] Запада, и нам остается только, сложив руки, спокойно ждать, когда мужик выварится в фабр[ичном] котле и [2] вываренный немедленно добудет г.г. интеллигентам все, что им требуется.

Тов[арищи] меньш[евики] — хотят они сознаться в этом или нет, — несомненно отравлены несколько фатализмом легаль[ных] марксистов, так же, как эс-эры до сего дня не могут[3] вылечиться от угара славянофиль[ской] теории самобытности российской.

[4]Неустойчивая психика русской интеллигенции объясняется не только эклектизмом, заемными мыслями, которые она без разбора берет на Зап[аде] с [5] надеждой — не подойдет ли русская жизнь под ту или иную мерку, сложенную на основании опыта более культур[ных] и хозяйственно развитых стран? Эта постоянно мятущаяся, крайне изменчивая психология объясняется еще и плохим изучением народа и слабым знакомством с родиной; не только ее стремлением возможно скорее построить стратегические боевые теории, но и ее [6] неопределенной социальной позицией, на что я уже указывал в статье «Раз[рушение] лично[сти]». *

Человек мечется из стороны в сторону, решая [7] вопрос: с кем итти ему — с государством или с народом, кому служить — капиталу или пролетариату.

Мы увидим позднее, что вопрос этот решался разно; вы знаете, что было даже такое решение: служа развитию капитала, мы, тем самым, служим [8] интересам пролетариата.

Конечно, все это далеко от Ж[уковского], но я потому пододвинул к нему вопрос сегодняшнего дня, что, как было уже ска-

---

[1] Славян[офильская] и нар[одническая] теории, напр[имер], требовали раз...

[2] принесет

[3] освободиться

[4] Эклектизм

[5] единств...

[6] отношением к народу, к массам, отношением неопред[еленным], на которую...

[7] с 50-х годов все один и тот же

[8] освобожд...

вано, несложная психика поэта первой четверти XIX века снова расцвела в наши дни, в начале века XX. Бессильная, слабо связанная с действительностью мысль плутает, кружится и снова возвращается к тому месту, где уже не однажды была.

А [1] другое основание говорить о современности по поводу Ж[уковского] заключается в том, что русская литература в большей своей части является идеологией русской интеллигенции, в ней, этой литер[атуре], изображена с замечательной полнотой, глубиной и искренностью история поисков интеллигентом хорошего места в жизни, история его отношения к [2] народу, а также [3] вся история его души, его внутренней жизни.

[4]А уж если наша тема — русская [5] литер[атура] в связи с историей рус[ской] интел[лигенции]—мы должны сделать все возможные сближения, сближение же Ж[уковского], как осново[положника] романтизма, с совр[еменностью] — необходимо.

[6]Я показал вам, как умел, двух родоначальников рус[ской] литер[атуры] — Ф[он]в[изина] — реалиста и скептика, Ж[уковского] — романтика и мистика.

Один [7] изучает людей, резко осмеивает их пошлость, грубость, жестокость, пытается создать «полож[ительный] тип» образцового человека, в котором гармонично объединялось бы все, что Ф[он]в[изин]у кажется [8] добрым, умным, честным — он создает сухую и мертвую фигуру Стародума, [9] свой искаженный портрет.

Другой говорит сам о себе и о своих задачах так:

10—87

Что мне до них,
Бесчувственных жильцов земли иль дерзких
Губителей всего святого! Мне
Они чужие...
. . . . . .
Поэзия религии небесной
Сестра земная, светлолучезарный
Маяк, самим создателем зажженный,
Чтоб мы во тьме житейских бурь не сбились
С пути. Поэт, на пламени его

---

[1] еще
[2] кресть...
[3] и
[4] Мы говорим здесь именно о русс[кой] литературе в связи с р...
[5] история
[6] Итак: пред нами в кратких и едва ли достаточно ясных очерка стоят два портрета родонач[альников] литер[атуры]
[7] Ф[он]в[изин]
[8] прекрасным
[9] какую-то погремушку, набитую

Свой факел зажигай! Твои все братья
С тобою заодно засветят каждый
Хранительный свой огнь, и будут здесь
Они во всех странах и временах
Для всех племен звездами путевыми;
При блеске их, чтоб труженик земной
Ни испытал — душой он не падет,
И вера в лучшее в нем не погибнет.
И пусть разрушено земное счастье,
Обмануты ласкавшие надежды
И чистые обруганы мечты...
Об них ли сетовать? Таков удел
Всего, всего прекрасного земного!..
Но не умрет живая песнь твоя;
Во всех веках и поколеньях будут
Ей отвечать возвышенные души...
Поэт, будь тверд! душою не дремли!
Поэзия есть бог в святых мечтах земли. *

[РОМАНТИЗМ.—НАПРАВЛЕНИЯ ЕГО.—ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЛИТЕРАТУРЫ В ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ XIX ВЕКА.— 1812 ГОД, ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ОБЩЕСТВА. — КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НАЧАЛА XIX ВЕКА. — ДЕКАБРИСТЫ. — А. С. ПУШКИН]

Следовало бы сказать несколько слов о Карамз[ине].

Несколько общих соображений для памяти.

1. Романтизм и народность возникли одновременно, [1] потому что «народность» — суть тот же романтизм в применении к истории нации; вы уже слышали, что романтики определяли роль личности в мире [2] так: личность абсолютно свободна; [3] психика ее развивается совершенно независимо от условий внешних, личность является наиболее глубоким и полным выражением не только временного и преходящего, но вечного, непоколебимого. Эту идею абсолютной независимости человека [4] от [5] об[ществен]ных условий, окружающих его, [6] перенесли в область истории целого народа, и вот пред нами политическое учение о независимости нации от [7] влияния истории человечества. [8]

Каждый раз, когда, по силе известных вам условий, является на сцену романтизм, немедленно [9] воскресает и идея народности: наше время дает еще одно лишнее доказательство этому — развитие романтизма в современной литературе вызвало и проповедь национализма у Струве и других.

Условимся называть этот вид романтизма индивидуалистическим, дабы не смешивать его с другим выражением его,[10] ко-

---

[1] так и должно было быть, ибо

[2] определяли ее

[3] она, дух

[4] личности

[5] действительн[ости], истории, от эпохи, страны

[6] была целиком перенесена и на народ

[7] хода

[8] Идея ложная, но красивая и коварная.

[9] вслед за ним приходит и «народность»

[10] о котором я указывал, говоря о литер[атуре]

торое вырастает на почве ощущения человеком его связи с миром. [1]

Условимся называть этот вид романтизма — романтизмом индивидуалистическим, дабы отделить и не смешивать его с другим, [2] который возникает на почве [3] сознания человеком его связи с миром и ощущения своей творческой силы, вызванной этим сознанием. Этот вид романтизма мы назовем социальным, или романтизмом коллективизма; этот вид только что зарождается, только что формируется и вместилищем [4] его [5] мы видим тот класс, который входит в жизнь как проводник социалистической идеи освобождения всего человечества из плена капитализма, как проповедник идеи всемирного братства и свободного труда, — социалистического строя.

Да не смущает вас применение термина романтизм к психологии пролетариата — термином этим, за неимением другого, я [6] определяю только повышенное, боевое настроение пролетария, вытекающее из сознания им своих сил, из все более [7] усваиваемого им взгляда на себя, как на хозяина мира и на освободителя человечества.

Само собою разумеется, что пока пролетариат строит свою идеологию — он должен быть строгим реалистом, строящим свои обобщения на фактах действительности, а не извлекающим [8] материал идеологии из души, из опыта индивидуального, как это делают романтики-индивидуалисты.

Таков и есть пролетариат в своих построениях — он реалист, он человек суровой действительности. Но, [9] стоя на почве своей идеологии, он с высоты ее видит всю мировую историю, как ряд ошибок и заблуждений человечества, вытекающих из своекорыстного стремления того класса, который, захватив в свои руки власть экономическую, необходимо должен был весь опыт [10] человечества, все знания мира тратить на построение политических и религиозных систем, имевших целью не организацию опыта в интересах всего человечества, но лишь создание [11] идеологий, кои оправдали бы экономическую власть, корыстную политику класса собственников.

Р[омантизм] инд[ивидуалистический] возник из стремления

---

[1] который мы можем назвать романтизмом социальным или романтизмом коллективизма

[2] видом романтиама

[3] ощущения

[4] носителем

[5] является

[6] хочу

[7] свойственного

[8] данные для

[9] восходя на

[10] свой

[11] теории

личности, ощущающей свое одиночество в мире, убедить себя в своих силах, в своей независимости от истории, в возможности для индивидуума руководить жизнью.

Р[омантизм] социа[льный] — из сознания личностью связи своей с миром, из сознания бессмертия тех [1] идей, которые являются основными.

[2] 2. Антисоциальное и потому реакционное значение индивидуа[листического] романт[изма] и связанного с ним идеологически учения о народности для вас, я полагаю, ясно.

Но считаю необходимым указать еще раз на глубокое значение этой идеи, на ее огромную роль в ист[ории] Р[оссии] XIX [века]. Необходимо помнить, что в сеть идеи этой попадали даже такие светлые и боевые умы, каковым является, напр[имер], Белинский. [3]

---

[1] принципов

[2] 2. Реакционное, антисоциальное значение романтизма, который мы будем называть

[3] Герцен, Щапов и м[ногие] друг[ие]

Приведу мнение Б[елинского], высказанное им уже в [18]34 г[оду].

Бел[инский] 1—14

Каждый народ, вследствие непреложного закона провидения, должен выражать своею жизнью одну какую-нибудь сторону жизни целого человечества; в противном случае этот народ не живет, а только прозябает и его существование ни к чему не служит. Да, только идя по разным дорогам, человечество может достигнуть своей единой цели; только живя самобытною жизнью, может каждый народ принести долю в общую сокровищницу. В чем же состоит самобытность каждого народа? В особенном, ему принадлежащем образе мыслей и взгляде на предметы, в религии, языке и более всего в обычаях...*

Он говорил так потому, что в ту пору был отчаянным романтиком; основные посылки, из коих он отходил, были таковы:

1—26

Вне мысли — все призрак, мечта; одна мысль существенна и реальна. Что такое ты сам? Мысль, одетая телом; тело твое сгниет, но твое я останется; следовательно, тело твое есть призрак, мечта, но я твое существенно и вечно. Философия — вот что должно быть предметом твоей деятельности. Философия есть наука идеи чистой, отрешенной; история и естествознание суть науки идеи в явлении. Теперь спрашиваю тебя: что важнее — идея или явление, душа или тело? Идея ли есть результат, или явление есть результат идеи? Без сомнения явление есть результат идеи. Если так, то можешь ли ты понять результат, не зная его причины? Может ли для тебя быть понятна история человечества, если ты не знаешь, что такое человек, что такое человечество?.. Только в философии ты найдешь ответы на вопросы души твоей; только она дает мир и гармонию душе твоей и подарит тебя таким счастьем, какого толпа и не подозревает, и какого внешняя жизнь не может ни дать тебе, ни отнять у тебя. Ты будешь не в мире, но весь мир будет в тебе... *

Впослед[ствии] мы найдем отзвуки и отражения этих идей у Герцена, Щапова, даже у Чернышевского и многих других, радикально мысливших людей, уже хорошо знакомых с европейской наукой.

Романт[изм] и рожден[ная] им идея народности ложны, [1] но они коварно красивы и привлекают своей красотой.

3. По необходимости, объясняемой недостатком времени, я [2] рассказываю вам о литер[атуре] в том же порядке, в каком написаны нашими истор[иками] литер[атуры] книги о ней, т. е. останавливаясь на крупных именах. Прием этот вы не должны признавать правильным: он рисует дело так, как будто все эти Ф[он]в[изины], Жуков[ские], Пушкины и другие величины рус[ской] лит[ературы] вырастали вдруг, являясь какими-то холмами на гладкой равнине. Этот взгляд — неприемлем, он подтверждал бы преувеличенное мнение романтиков о силах личности и роли ее в истории. Нет, вы должны знать и помнить, что до Ф[он]в[изина] прошел ряд людей, начиная с А. Кантемира, молдаванина, родив[шегося] в [1]709 г[оду] и писавшего еще при Петре I, частью отмеченных лит[ературой], частью же забытых ею, что все эти люди были, так сказать, последовательными возвышениями в деле организации накопленного историей опыта, что Ф[он]в[изин] и Жук[овский] обобщали уже данное им предшественниками, причем эти обобщения могли быть и бессознательными, т. е. могли почерпаться не из книг, а из быта, уже растворившего в себе собранный в книге опыт.

(Спросить — понятно ли?)

Личные особенности психики каждого крупного поэта и писателя этим указанием не отрицаются: они налицо пред нами в каждом данном случае: Пушкин шире, умнее, [3] талантливее Жуковского — он талантлив именно потому, что шире, он умнее и талантливее именно потому, что насыщен большим количеством знаний, он [4] мастер стиха, превосходящий в технике своих предшественников, но он таков именно потому, что у него были предшественники, отработавшие технику, каждый на свой лад, а Пушкин мог и сумел объединить [5] в себе всю ее новизну [6] и гибкость. Предшественники и современники Пушкина — Жук[овский], Нел[единский]-Мел[ецкий], Веневитинов, Катенин, В. Пушкин — его дядя, кн. Вяземский, кн. Одоевский и целый ряд других поэтов — часто писали стихи по форме почти равные стихам Пушкина. [7]

---

[1] враждебны

[2] рассматриваю...

[3] определеннее

[4] больший

[5] весь

[6] остроту

[7] Вот, напр., стихи знаком[ого] вам Ж[уковского] — II—95, напис[анные] в [1]815 г[оду]:

Но все эти [1] писатели были, т[ак] с[казать], «любителями поэзии», они старались писать изящно, как французы, поэзия для них была приятной светской забавой; [2] они писали главным образом послания друг ко другу, слащавые любезности в альбомах светских дам; редко кто-нибудь из них возвышался до небольшой поэмы в романтическом тоне — на сюжет о безнадежной любви, [3] или о тленности всего земного. Единственным писателем, кото-

---

Ночь

Уже утомившийся день
Склонился в багряные воды,
Темнеют лазурные своды,
Прохладная стелется тень;
И ночь молчаливая мирно
Пошла по дороге эфирной,
И Геспер летит перед ней
С прекрасной звездою своей.

Сойди, о небесная, к нам
С волшебным твоим покрывалом,
С целебным забвенья фиалом,
Дай мира усталым сердцам.
Своим миротворным явленьем,
Своим усыпительным пеньем,
Томимую душу тоской,
Как матерь дитя, успокой.*

Стихи Барат[ынского] тоже часто не уступают по красоте и силе Пушкину. ‹Возьмем, например, его известнейшее стихотворение «На смерть Гёте».› Многие из современников Пушкина владели словом почти так же искусно, так же легко, как он, но никто из них, ‹взятый отдельно, не достигал широты и в стихе›, не мог соединить в стихе простоты ‹слова› и ясности слова с музыкой его, никто из предшественников и современников его не мог возвыситься до ‹таких широких обобщений, каков› таких стихов, какими написан, напр., «Пророк» II—40. *

Пушкин первый настойчиво вводил в язык полногласность: он перестал писать брада, власа, глад и писал борода, волосы, голод; но когда тема стихотворения требовала каких-то особенных, железных слов, он не стеснялся брать их из славянского языка, — как мы видим это в «Пророке». Он мастер. Он превосходно знает свое орудие, свой материал, он обладает способностью широких обобщений. Онегин, как тип ‹существо›, только что слагался в ‹годы Пуш.› 20-х г[одах], но поэт тотчас же усмотрел эту психику, изучил ее, понял и написал первый русский реалистический роман, роман, который помимо неувядаемой его красоты ‹и мастерства, с которым он написан› имеет ‹еще› для нас цену исторического документа, более точно и правдиво ‹говорящего,› рисующего эпоху, чем до сего дня воспроизводят ‹ее› десятки толстых книг.

[1] поэты

[2] средством прельщать дам

[3] о тленности мира, о бессмыслии жизни; пессимизм и скептицизм считались признаком модным — настроением был скептицизм.

рый касался тем социальных, был Рылеев, декабрист, впоследствии повешенный. [1]

Отметим здесь тот факт, что в рядах декабристов было несколько поэтов. Каховский — тоже повешенный, Кюхельбекер и Одоевский, сосланные в Сибирь, Пущин, Бестужевы, [2] — все это близкие друзья Пушкина, который, как известно, только благодаря случаю — отсутст[вию] из Пет[ербур]га — не [3] принял участия в декабр[ьских] событиях, а впоследствии, на вопрос Ник[олая] — с кем он был бы 24-го декабря? — ответил: — с моими друзьями, в[аше] в[еличество]! *

Нам необходимо выяснить, какая сила толкнула этих светских молодых людей, дворян, поэтов в ряды заговорщиков, а затем на виселицу и в каторгу.

Просмотрим бегло факты, характеризующие царствование Ал[ександра] I.

[4]В [1]814 г[оду] [5] в Англии он, говоря с вигами о пользе честной и благонамеренной оппозиции, между прочим, сказал, что он, царь, находит необходимым создать у себя в России «очаг оппозиции». *

[6]Намерение странное; несомненно, что его внушили царю либеральные вельможи и — в то время друзья его — Чарторр[ийский], Новос[ильцев], Стр[оган]ов, очевидно, понимавшие, что [7] рост бюрократии губителен для страны. Вы уже знаете, что [8] теория «народности», устанавливая безграничный авторитет власти, требовала самой полной опеки над всеми проявлениями государственной, народной и общественной жизни, а при такой системе бюрократия является для центральной власти единственным орудием управления и контроля. Каждая власть была совершенно всесильна над тем, что ниже ее, и почти безответна пред высшей инстанцией; в целом же Рос[сия] представляла пирамиду произвола администрации, против которой бесправное общество не могло бороться.

Понятно, что бюрокр[атия] должна была парализовать всякое проявление об[щественны]х сил — сил слабых, неорганизованных, не имевших пред собой ясно сознанных целей.

Рылеев писал в [18]20 г[оду] из Украины — 33-я стр.

---

[1] его стихи несомненно имели на Пушк[ина] некоторое влияние.

[2] и нак[онец] Рылеев

[3] попал

[4] Только что вышла книга Сем[евского] «Полит[ические] и общест[венные] идеи декабристов».

[5] Ал[ександр] I, находясь

[6] Обещание странное

[7] усиление

[8] сложившаяся и господствовавшая в ту пору

... Холод обдает меня, когда я вспомню, что, кроме множества разных забот, меня ожидают в оной мучительные крючкотворства неугомонного и ненасытного рода приказных...

Когда от русского меча
Легли монголы в прах, стеная,
Россию бог карать не преставая,
Столь многочисленный, как саранча,
Приказных род, в странах ее обширных,
Повсюду расселил,
Чтобы сердца сограждан мирных
Он завсегда как червь точил...

...Если бы ты видел их в русских провинциях — это настоящие кровопийцы, и я уверен, что ни хищные татарские орды во время своих нашествий, ни твои *дазно просвещенные* соотечественники в страшную годину междуцарствия не принесли России столько зла, как сие лютое отродие... В столицах берут только с того, кто *имеет дело*, здесь со всех... Предводители, судьи, заседатели, секретари и даже копиисты имеют постоянные доходы от своего грабежа; а исправники...

Кто не слыхал из нас о хищных печенегах,
О лютых половцах, иль о татарах злых,
О их неистовых набегах,
И о хищеньях их?
Давно ль сей край, где Дон и Сосна протекают
Средь тучных пажитей и бархатных лугов
И их холодными струями напояют,
Был достояньем сих врагов?
Давно ли крымские наездники толпами
Из отческой земли
И старцев, и детей, и жен, тягча цепями,
В Тавриду дальнюю влекли?
Благодаря творцу, Россия покорила
Врагов надменных всех,
И лет за несколько со славой отразила
Разбойника славнейшего набег...
Теперь лишь только *при наездах*
Свирепствуют одни исправники в уездах. *

[18]12 г[од] пробудил в Р[оссии] слабое сознание нацпон[ального] единства, и на почве этого сознания среди либер[альной] мол[одежи] начинает развиваться идея солидарности интересов всех социальных групп, входящих в состав нации: люди начинают говорить о возможности такой жизни, которая была бы скреплена не внешней силой — цепями и петлями бюрокр[атиз-

ма], — а строилась бы на согласии интересов, на взаимном внимании и уважении.

В [18]19 * г[оду] Пуш[кин] пишет оду «Вольность», излагая в ней[1] стихами либерализм Монтескьé и подражая оде «Вольность», напечатанной в Радищ[евском] «Путеш[ествии]».

Ст[а]р[ое] изд. Пуш[кина] 13 стр.; 1 том, прим[ечание] 560-е *

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица?
Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру:
Хочу воспеть я вольность миру,
На тронах поразить порок.

Открой мне благородный след
Того возвышенного Галла,
Кому сама средь славных бед
Ты гимны смелые внушала.
Питомцы ветреной судьбы,
Тираны мира, трепещите!
А вы — мужайтесь и внемлите:
Восстаньте, падшие рабы!

Увы, куда ни брошу взор —
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы.
Везде неправедная власть
В сгущенной мгле предрассуждений,
Повсюду рабства грозный гений
И к славе роковая страсть.

Лишь там, над царскою главой,
Народов не легло стенанье,
Где крепко с вольностью святой
Законов мощных сочетанье,
Где всем простерт их твердый щит,
Где, сжатый верными руками
Граждан, над равными главами
Их меч без выбора скользит,

И преступленье свысока
Сражает праведным размахом;
Где не подкупна их рука
Ни алчной скупостью, ни страхом.

[1] взгляды

Владыки! вам венец и трон
Дает закон, а не порода;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас закон.

И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно!
Тебя в свидетели зову,
О! мученик ошибок славных,
За предков, в шуме бурь недавних,
Сложивший царскую главу.

Восходит к смерти Людовик
В виду безмолвного потомства,
Челом развенчанным приник
К кровавой плахе вероломства.
Молчит закон, народ молчит,
Падет преступная секира...
И самовластная порфира
На Галлах скованных лежит.

Самовластительный злодей,
Тебя, твой род я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
Я с злобной радостью увижу.
Читают на твоем челе
Печать проклятия народы;
Ты ужас неба, срам природы,
Упрек ты богу на земле.

Когда на мрачную Неву
Звезда полуночи сияет
И беззаботную главу
Спокойный сон отягощает,
Глядит задумчиво певец
На грозный, спящий средь тумана,
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец.

И слышит Клии мрачный глас
Над сими страшными стенами,
Калигулы последний час
Он видит живо пред очами...
Он видит: в лентах и звездах,
Вином и злобой упоенны,
Идут убийцы потаенны:
На лицах дерзость, в сердце страх.

Молчит неверный часовой,
Опущен тихо мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной.
О, стыд, о, ужас наших дней!
Как звери вторглись янычары,
Падут бесславные удары,
Погиб увенчанный злодей.

Внемлите истине, цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни мрак темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды!
Склонитесь первые главой
Под сень надежную закона —
И станут стражею у трона
Народов вольность и покой.

Незадолго, [1] в том же [18]19 г[оду], царь, прочитав «Деревню», сказал: «Поблагодарите Пушкина за добрые чувства, внушаемые его поэзией», * — а за оду «Вольность» он велел выслать поэта из Питера.

Этот поступок достаточно характеризует серьезность царского намерения создать «очаг оппозиции»; он уже видел, что жизнь опередила его, что оппозиция создается сама собой, и что [2] интересы бюрократии требуют от него борьбы с оппозицией.

Ему было известно, что в об[щест]ве читают Гельвеция, Гольбаха, Руссо, Монтескье, А. Смита, Сэя, Бентама, что по рукам ходит ода Рылеева «К Временщику» — ода, в которой поэт, обращаясь к Аракчееву, говорит:

Рылеев. 40

Надменный временщик, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстец и друг неблагодарный,
Неистовый тиран родной страны своей,
Взнесенный в важный сан проныpствами, злодей!
Ты на меня взирать с презрением дерзаешь,
И в грозном взоре мне свой ярый гнев являешь,
Твоим вниманием не дорожу, подлец!
Из уст твоих хула — достойных хвал венец!..
Тиран, вострепещи! Родиться может он —
Иль Кассий, или Брут, иль враг царей, Катон!
О, как на лире я потщусь того прославить,
Отечество мое кто от тебя избавит!..
Твои дела тебя изобличат народу:
Познает он, что ты стеснил его свободу,

[1] перед этим
[2] на его обязанности

Налогом тягостным довел до нищеты,
Селения лишил их прежней красоты...
Тогда вострепещи, о, временщик надменный!
Народ тиранствами ужасен разъяренный!
Но если злобный рок, злодея полюбя,
От справедливой мзды и сохранит тебя, —
Все трепещи, тиран! За зло и вероломство
Тебе свой приговор произнесет потомство! *

[1]Офицера говорили: «Разве мы для того освободили Евр[опу], чтоб наложить цепи на себя? Для того дали констит[уцию] Фр[анции], чтобы не сметь говорить о ней, и купили первенство между народами, чтобы нас унижали дома?»

Царь и Аракч[еев] знали все это, знали, что развивается потайная, рукописная литер[атура], пропагандирующая идеи конституционные и даже республиканские. [2]

Читалось и, что еще хуже, — одобрялось стих[отворение] Пуш[кина] «Кинжал», а в нем поэт прославлял убийство тиранов; было, наконец, известно, что тот же Пуш[кин] называет Христа «умеренным демократом» *, а В. Пуш[кин] перевел и распр[остраняет] стихот[ворение] Беран[же].

«Однажды бог...» и т. д. *

Гвардейцы устраивают скандалы в театрах, в трак[тирах], всюду; поэт Катенин свищет любимице царя, актр[исе] Семеновой.

Ал[ександр] высылает его вон из Пит[ера], и это еще более усиливает буйное настроение светской молодежи.

В 1816 г[оду] несколько гвард[ейских] офиц[еров] основывают «тайное о[бщест]во»; [3] каковы намерения и цели его — об этом нам простодушно расскажет один из членов о[бщест]ва Якушкин.

3—6 стр.

...Пребывание целый год в Германии и потом нескольких месяцев в Париже не могло не изменить воззрения хоть сколько-нибудь мыслящей русской молодежи; при такой огромной обстановке каждый из нас сколько-нибудь вырос... В 14 году существование молодежи в Петербурге было томительно. В продолжение двух лет мы имели перед глазами великие события, решившие судьбы народов, и некоторым образом участвовали в них; теперь было невыносимо смотреть на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариков, выхваляющих все старое и порицающих всякое движение вперед. Мы ушли от них на 100 лет вперед...

. . . . . .

[1] Царь и двор знали также о громадном распространении рукописной литературы, оригинальной и переводной, что вся эта литература — антимонархического, конституционного характера, но...

[2] наконец по рукам

[3] цели и намерения его лучше других

...Императора, однако же, все еще любили, помня, как он был прекрасен в 13 и 14 годах, и потому ожидали его в 15-м с нетерпением. Наконец появился флаг на Зимнем дворце, и в тот же день велено всем гвардейским офицерам быть на выходе. Всех удивило, что при этом не было артиллерийских офицеров; они приезжали, но их не пустили во дворец. Полковник Таубе донес государю, что офицеры его бригады в сношении с ним позволили себе дерзость. Таубе был ненавидим и офицерами и солдатами; но вследствие его доноса два князя Горчакова (главнокомандующий на Дунае и бывший генерал-губернатор Западной Сибири) и еще пять отличных офицеров были высланы в армию. Происшествие это произвело неприятное впечатление на всю армию. До слуха всех беспрестанно доходили изречения императора Александра, в которых выражалось явное презрение к русским. Так, напр., при смотре при Вертю, во Франции, на похвалы Веллингтона устройству русских войск, император Александр во всеуслышание отвечал, что в этом случае он обязан иностранцам, которые у него служат. Генерал-адъютант гр. Ожеровский, родственник Сергея и Матвея Муравьевых, возвратившись однажды из дворца, рассказал им, что император, говоря об русских вообще, сказал, что каждый из них или плут или дурак, и т. д....

. . . . . .

... Сергей Трубецкой, Матвей и Сергей Муравьевы и я — мы жили в казармах и очень часто бывали вместе с тремя братьями Муравьевыми: Александром, Михаилом и Николаем. Никита Муравьев также часто видался с нами. В беседах наших обыкновенно разговор был о положении России. Тут разбирались главные язвы нашего отечества: закоснелость народа, крепостное состояние, жестокое обращение с солдатами, которых служба в течение 25 лет почти была каторга; повсеместное лихоимство, грабительство и наконец явное неуважение к человеку вообще. То, что называлось высшим образованным обществом, большею частию состояло тогда из староверцев, для которых коснуться которого-нибудь из вопросов нас занимавших показалось бы ужасным преступлением. О помещиках, живущих в своих имениях, и говорить уже нечего...

. . . . . .

Один раз Трубецкой и я — мы были у Муравьевых, Матвея и Сергея; к нам приехали Александр и Никита Муравьевы с предложением составить Тайное Общество, цель которого, по словам Александра, должна была состоять в противодействии немцам, находящимся в русской службе. Я знал, что Александр и его братья были враги всякой немчизне, и сказал ему, что никак не согласен вступить в заговор против немцев; но что если бы составилось

Тайное Общество, членам которого поставлялось бы в обязанность всеми силами трудиться для блага России, то я охотно вступил бы в такое Общество. Матвей и Сергей Муравьевы на предложение Александра отвечали почти то же, что и я. После некоторых прений Александр признался, что предложение составить общество против немцев было только пробное предложение, что сам он, Никита и Трубецкой условились еще прежде составить общество, цель которого была в обширном смысле благо России. Таким образом положено основание Тайному Обществу...*

Бюрократия [1] старалась придушить общее возбуждение в столице, но ее усилия разрознены, безуспешны, ибо верховная власть недостаточно энергична, не дает определенных директив и даже более того: когда царю доносят о заговоре декабристов, он прячет этот донос, не давая ему хода.

Рядом с этим возбуждением столицы — возбуждением очень неглубоким, — как оказалось, из провинции идут одна за другою вести о крест[ьянских] бунтах, об усилении разбоев. Крестьяне еще недавно вели партизанскую войну против франц[узов], и теперь разбойничьи шайки превосходно дерутся с военными командами. Здесь необходимо кратко охарактеризовать значение войны 1812 г[ода]. Война эта [2] вызвала целый ряд [3] влияний, крайне важных для страны нашей:

1. На громадном пространстве от Вильно до Москвы [4] она разрушила массу помещ[ичьих] хозяйств, чем дала решительный толчок экономическому оскудению дворянства, как класса.

2. Она заставила крестьян и мещанство мелких городов принять непосредственное и активное участие в защите страны от чужез[емного] нашествия. Как впоследствии отразилась эта деятельность на мещанстве — мы не имеем указаний. [5] Что касается крестьян, то среди них тотчас после [18]12 года заметно усиление бунтов и разбоев, особенно последних. В [18]15 г[оду] шайка Макс[има] Башлыка осадила г. Балахну, и, перебив много жителей, разграбила город. В [18]18—[18]20 [гг.] в пределах Пенз[енской], Сарат[овской] губ. действовал Красный с огромной шайкой, выдерживавшей правильные бои с командами солдат. В первые годы царствования Н[иколая] население Нижег[ородского] уезд[а] и смежных сильно страдало от разбоев Рузавина, в Казани грабили Быков и Богомолов, по Московской губер[нии] — Стремоухов, Могила, в Симбирске — Манструк и Устя,—

[1] механически, сонно и лениво

[2] имела

[3] значений

[4] целые

[5] в крестьянстве же 20-х и 30-х годов заметно усиление разбоев ... ⟨... в истории... крестьяне же на протяж[ении] 20—30 годов создали массу разбойничьих шаек⟩

все это были атаманы правильно организованных, многочисленных и хорошо вооруженных шаек.

3. Дворянство, разоренное войной [2] в [18]12 г[оду], тотчас же после нее, принуждено было итти в столицы, на службу, частью оно увеличило ряды бюрократии, частью же образовало ту оппозицию, о создании которой обещал позаботиться А[лександр] I. Именно эту часть дворянства должны были интересовать А. Смит, Сэй и другие полит[ико]-экономы, именно она должна была остановить свое внимание на идеях либерализма Англии и Франции.

[1] 4. Гвардия, как вы уже знаете, в лице молодых офицеров, впоследствии декабристов, считала себя после похода в Париж устроительницей судеб Европы.

«Мы ввели во Франции конституцию и установили в Европе прочный мир и благоденствие», — писали и говорили офицера. [2] Они видели общий подъем духа народов, восставших против Наполеона и Франции, видели иной порядок жизни, воспринимали на улицах Парижа еще не заглохшие отзвуки революционных идей и речей.

Возвратясь домой — они снова увидали пред собой [3] хаос русской жизни, полный произвола чиновников, видели лицемерного, двоедушного царя, [4] который, заигрывая с ними, боялся их, видели временщика Аракчеева — силу необоримую, ибо он был не только правой рукою, но и сердцем, и совестью Алек[сандра].

Эти молодые люди, настроенные романтически, переоценившие свои силы и свое значение в стране, [5] которую они не знали, должны были организоваться по силе внутреннего тяготения друг ко другу, вследствие своего одиночества в о[бщест]ве, по схожести настроения, а не по единству социально-политических идей.

[6] Среди них даже по коренному вопросу освобож[дения] крестьян существовал ряд различных мнений: одни стояли за личное осв[обождение] без земли, другие — с огородами и усадьбой, Рылеев — Шиллер декабристов — желал освобод[ить] с полевой землей. Он же предлагал принимать в заговор[щики] купцов и мещан, но товарищи [7] отвергли это предложение, заявив: «это невозможно — купцы — невежды». *

---

[1] Поход гвардии в Париж создал... Почти все декабристы...

[2] возвратясь домой

[3] тусклый

[4] его лакея Аракчеева

[5] оторванные от нее по своим взг... ничем не связанные с нею и всячески чуждые ей

[6] Их было около 150 человек ⟨по идеи⟩ взгляды этой... они все романтики.

[7] его

По вопр[осу] о форме правления тоже думали разно: Муравьев составил проект конституц[ионной] монархии, в Южном о[бщест]ве желали демократии. Рылеев говорил: «мы желаем ограниченной монархии» и склонял Мур[авьева] сделать в его констит[уции] изменения: придерживаясь устава Соединенных Штатов, оставить, однако ж, формы монархии. Это не мешало ему мечтать о республике.

Муравьев был констит[уционный] монарх[ист] и стоял за федерацию, а Пест[ель] защищал централизм, [1] но по убеждениям был республиканец.

Разумеется, среди этих людей — по преимуществу мечтательно настроенных и сентиментальных — были и серьезные люди, как Пестель, Н. Тургенев, однако их влияние на людей, из которых каждый считал себя героем и вождем, едва ли было значительно.

Как надо рассматривать Декабрьский бунт? Показателем каких социально-экономических [2] отношений является он?

От Петра I до Ник[олая I] пред нами проходит длинный ряд революционных [3] фактов: одни из них выражаются в форме бесчисленных дворцовых переворотов и свидетельствуют нам о властолюбии дворян, о борьбе той или иной дворянск[ой] парт[ии] за руководящую роль в государстве.

Другие — во главе с движением Пугачевщины — стоят пред нами как разрозненные восстания крестьян, добивающихся свободы.

Декабристы не были придворной партией, они не добивались — если верить их заявлениям — власти лично для себя, как для группы или как для класса: совершив переворот, они хотели передать власть непосредственно в руки народа, — так думало большинство их. [4] Они были тем, что называется патриоты, националисты, пред ними в тумане их разнородных мечтаний носилось некое «благо страны» — общее благо всех ее классов.

Никто, конечно, не назовет их партией народной, руководителями народного движения, в коем, как [5] активное начало, нужна масса, а не вожди, — декабристы же были полководцами — без солдат, вождями — без народа.

[В] [18]25 г[оду] 14 дек[абря] солдаты, вызванные офицерами на Сенатскую площадь, предобродушно позволили себя расстрелять, почти не оказав сопротивления этому неприятному акту. Они кричали: «Да здрав[ствует] конституция!» и «да здравствует Констанция!» — предполагая, что это жена в[еликого] к[нязя] Константина, действительного наслед[ника] престола по праву старшинства.

---

[1] Мур[авьев] был ан...

[2] брожений

[3] вспышек

[4] за некоторыми исключени[ями]

[5] известно, необходимо

Народ петерб[ургский], присутствовавший при революции, был озабочен главнейше тем, чтоб в него не попала картечь.

Можно ли думать, что декабристы выражали собою эконом[ические] и социальные чаяния того дворянства, которое, будучи разорено нашест[вием] Наполеона, сознало вред [1] старых форм хозяйства, вред креп[остного] права и стремилось к уничтожению его из этого сознания классовых и общегосуд[арственных] выгод?

37 лет упорной борьбы дворянства за сохранение креп[остного] права говорят против этого.

Конечно, такие умники как Тур[генев], Пестель и другие, читавшие западных экономистов, должны были [2] понимать и отчасти понимали свои задачи довольно широко, но, как уже сказано выше, их влияние в среде молодых гвардейц[ев], поэтов и мечтателей было ничтожно. Я смотрю на декабристов как на первую стадию роста той психики, которая окончательно созрела в лице и действиях народовольцев. Это психика мечтателей, романтиков-утопистов, людей, оторванных от жизни, не имеющих в ней места, не имеющих сил для последовательной, практической работы. Декабризм — поэтическая мечта о свободе, рожденная на почве романтизма, воспитанная Шиллером и Байроном,— именно поэтическая мечта, совершенно лишенная практического опыта, и едва [3] подкрепленная ничтожным запасом теоретических знаний, схваченных в чужих землях — в государствах иного строя, иного опыта, иных экономических форм.

Записки декабристов подтверждают этот взгляд, исследования о декабристах — против него. Сами дек[абристы], рассказывая о себе, являются пред читателем очень милыми, честными юношами, искренними христианами, охваченными желанием добра и правды. Поражаешься, с какой легкостью они записываются в т[айное] о[бщест]во, еще более пораж[аешься], читая, как они на допросах без нужды вскрывают пред судьями все свои тайные помыслы и намерения, как откровенно рассказывают друг о друге, добродушно толкая один другого на виселицу и в каторгу, как они молятся богу, пишут стихи и покаянные письма царю, как они славно, просто умирают и уходят в рудники.

Во всем этом, во всех их действиях — до восстания, во время его и после — пред нами столкновение поэтической мечты с суровой действительностью. [4] Во всем этом мы видим рост красивой, честной психики мечтателей, которые, руководясь плохо воспринятым опытом чужих стран, забежали вперед истории своей страны и — сорвались.

---

[1] крепостн[ого] реж[има]

[2] сознавать

[3] лишь

[4] разрушение красивой

Исследования о декабристах рисуют их более солидными, [1] крупными и значительными людями — это естественно, если принять во внимание цели исследователей: [2] если вспомнить, что все они, стремясь создать идеологию, т[ак] н[азываемого], русского либерализма, принуждены рассмат[ривать] и Рад[ище-ва] и Новик[ова], и декабристов [3] как основоположников и творцов теории русского либ[ерализм]а [4] и как людей, которые пытались даже практически осуществить его, но, погибнув на сей попытке, заслужили венцы мучеников за правду, свободу. Мученики и святые — необходимая вещь каждой церкви, в том числе и либеральной. [5] Выдавая факт избиения младенцев за гибель героев, [6] либералы как бы кладут в основание своих идеологических обобщений нечто крупное, общечеловеческое, освященное кровью. Но если мальчик, играя, нос разобьет — это тоже сопровождается кровотечением.

[7]Я хотел сказать, что социально-политическая роль декабристов была ничтожна, что она не оказала никакого влияния на ход событий в стране и что даже их культурное значение сомнительно; во всяком случае оно было не глубоко. Декабристы не создали подражателей себе и [8] своей тактике и до 70-х годов их [9] романтическая психика как бы исчезла из жизни.

Вслед за ними в рус[ской] жизни начинается страшный и всесторонний гнет Ник[олаевщины], в литер[атуре] командует тройка оголтелых реакцион[еров] — Греч, Булгарин, Сенковский. Является Гоголь с его жестким пессимизмом, славянофилы с их учением о самобытности России, учением, [10] взятым из области идеологии государственной. Является и нечто иное, но ему иная оценка, ибо она — вне связи с декабризмом.

Мы подошли к декабристам от вопроса: почему среди них оказалось так много литераторов, поэтов?

Из сказанного ясно, что литераторам некуда было итти, кроме как по этой линии, ибо на ней именно расположилась вся культура того времени, все мечты и чаяния честнейших людей страны, [11]

[1] более

[2] цели эти до сей поры не

[3] особенно, именно первых

[4] а вторых, как людей, пытавшихся

[5] Нам, мне кажется, нет причин и оснований ⟨позволять⟩ допускать идейным противникам безмятежно ⟨строить⟩ устраивать свои позиции и не надобно ⟨допускать⟩ позволять их...

[6] русские

[7] Однако, это количество крови из разбитого носа ничтожно по сравнению с такими кровопусканиями, как бунт военных поселян, 9-е января и т. д.

[8] своим действиям

[9] героическая

[10] заемным

[11] людей

совершенно одиноких [1] среди нее, оторванных от ее жизни, измерявших азиатскую Россию мерами европейского Запада.

[2]В стране экономически отсталой и не успевшей принять классовую организацию, в стране, где пр[авительст]во всячески старалось уединиться от народа и о[бщест]ва и, заботясь о своем самосохранении, о развитии своих сил, развивало только бюрократический административный аппарат, который душил всех с одинаковым усердием, — в этой стране все должны были объединяться на почве оппозиции правительству, и политические вопросы просачивались в душу человека извне даже тогда, когда сам он не хотел этого.

Тем более подчинялись политике литераторы, как люди широких обобщений, как наиболее чутко воспринимающие; объективно мыслящий мозг — вот причина, почему русская литература, вплоть до наших дней, стояла в теснейшей связи с революционными течениями.

И здесь же мы находим объяснение тому факту, что русский литератор — как было сказано — в своих образах и обобщениях шире и объективнее литератора западного, ибо, даже будучи по основам психики своей человеком классовым, он был понуждаем возвышаться над узкими задачами своего класса, был принужден заботиться не столько о выработке классовой идеологии, сколько о борьбе против идей и действий правительства.

Необходимо было создать что-то, что объединило бы всю массу о[бщест]ва, необходима была борьба с идеологией [3] бюрократ[ии] и царей, нужно было выдвинуть против понятия «народность» иное понятие, а для того, чтоб выработать его — требовалось внимательное изучение народа. [4]

Посмотрим это положение на примере Пушкина.

Он — дворянин, он обладает предрассудками аристократа, гордящегося древностью своего имени. [5]

---

[1] среди ее хаоса и в ней

[2] Русский литератор, как мы это увидим, на протяжении всего XIX стол[етия] принуждаем был общими условиями жизни своей страны выдвигаться в первые ряды ее людей...

На протяжении всего XIX в[ека] общие условия русской жизни принуждали русского литератора становиться в оппозицию правительству; слишком бездарное в деле государственного строительства, слишком напуганное властолюбием дворянства, оно всячески стремилось затруднить развитие умствен[ной] жизни в стране и отталкивало от себя, т[ак] н[азываемую], интеллигенцию даже тогда, когда последняя...

[3] власти

[4] требовалось объективное

[5] своим древним происхождением. Вот что говорит он о себе в ироническом стихотв[орении] «Моя родословная», вызванном упреком реакционера и лакея пра[вительства] Булгарина

Когда Булгарин, лакей пра[вительст]ва и [1] доносчик, упрекнул Пуш[кина] в том, что предок его со стороны матери [2] негр Ганнибал был куплен Пет[ром] в Голландии за бутылку водки, П[ушкин] ответил: [3]

II-й т. 141 стр.

Смеясь жестоко над собратом,
Писаки русские, толпой,
Меня зовут аристократом:
Смотри, пожалуй, вздор какой!
Я не лейб-кучер не асессор,
Я по кресту не дворянин,
Не академик, не профессор;
Я просто — русский мещанин.
. . . . . .

Не торговал мой дед блинами,
В князья не прыгал из хохлов,
Не пел на крылосе с дьячками,
Не ваксил царских сапогов,
И не был беглым он солдатом
Австрийских пудреных дружин;
Куда ж мне быть аристократом?
Я, слава богу, мещанин.

Мой предок Радша службой бранной
Святому Невскому служил;
Его потомство Гнев Венчанный —
Иван четвертый — пощадил.
Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин.

Смирив крамолы и коварство,
И ярость бранных непогод,
Когда Романовых на царство
Звал в грамоте своей народ,
Мы к оной руку приложили;
Нас жаловал страдальца сын;
Бывало, нами дорожили;
Но я... я темный мещанин.
. . . . . .

---

[1] едва ли не служащий III от[деления]

[2] арап

[3] так

Под гербовой моей печатью
Я кипу грамот схоронил,
И, не якшаясь с новой знатью,
Я крови спесь угомонил.
Я неизвестный стихотворец,
Я Пушкин просто — не Мусин,
Я сам большой, не царедворец:
Я грамотей, я мещанин.

Post-scriptum

Видок Фиглярин, сидя дома,
Решил, что дед мой Ганнибал
Был куплен за бутылку рома
И в руки шкиперу попал.

Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двинулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля.

Сей шкипер деду был доступен,
И сходно купленный арап
Возрос усерден, неподкупен,
Царю наперсник, а не раб.

И был отец он Ганнибала,
Пред кем, средь чесменских пучин,
Громада кораблей вспылала,
И пал впервые Наварин.
. . . . . .*

Здесь [1] звучит нечто новое по тем временам — именно: звучит уверенность человека в его праве «чтить самого себя» не только по заслугам предков, но за свои личные заслуги пред о[бщество]м.

Очень вероятно, что частые указания П[ушкина] на свое дворянство вызывались следующими причинами:

1. В ту пору Ал[ександр], постепенно отдаляя от себя русских, заменял их немцами — во главе госуд[арства] становились люди с именами Клейнмихель, Адлерберг, Бенкендорф и т. д. По свидетельству Якуш[кина] и друг[их] декабрис[тов], это явление тревожило дворян и сливалось с общим оппозиционным настроением молодежи.

Вспомните: они смотрели на себя, как на побед[ителей] Ев[ропы], а их ставили под команду немцев.

2. Не менее вероятно и то, что лично П[ушкин] вкладывал в понятие дворянства чувство собственного достоинства, сознание своей человеческой ценности и внутренней свободы.

[1] рядом с кичливостью аристократа

Вспомните опять-таки, что Ф[он]в[изин] покаялся пред Ек[атериной] в дерзостях своего пера, что Рад[ищев] отрекался от своей книги, Нов[иков] лицемерил на допросах, а П[ушкин] заявил царю в лицо, что 14-го дек[абря] он, Пушкин, встал бы в ряд с декабристами.

Но — посмотрим, как он сам смотрит на дворянство и зачем оно нужно ему:

8-й 107—стр., 122 пись[мо].

У нас писатели взяты из высшего класса общества. Аристократическая гордость сливается у них с авторским самолюбием; мы не хотим быть покровительствуемы равными — вот чего подлец Воронцов не понимает. Он воображает, что русский поэт явится в его передней с посвящением или с одою, а тот является с требованием на уважение, как шестисотлетний дворянин. Дьявольская разница!..*

Рылеев [1] сказал ему:

8-й 461 стр.

...Ты сделался аристократом; это меня рассмешило. Тебе ли чваниться пятисотлетним дворянством? И тут вижу маленькое подражание Байрону. Будь, ради бога, Пушкиным! Ты сам по себе молодец...*

. . . . . .

Мне досадно, — отвечает П[ушкин,] —

108-я — 123.

что Рылеев меня не понимает. В чем дело? Что у нас не покровительствуют литературе и это — слава богу! Зачем же об этом говорить? Напрасно! Равнодушию правительства и притеснению цензуры обязаны мы духом нашей словесности. Чего ж тебе более? Загляни в журналы в течение шести лет, посмотри, сколько раз упоминали о мне, сколько раз меня хвалили поделом и понапрасну, а о нашем приятеле — ни гугу! как будто на свете его не было. Почему это? уж верно не от гордости или радикализма такого-то журналиста — нет! а всякий знает, что хоть он расподличайся — никто ему спасибо не скажет и не даст пяти рублей: так лучше ж даром быть благородным человеком. Ты сердишься за то, что я чванюсь 600-летним дворянством (№ мое дворянство старее). Как же ты не видишь, что дух нашей словесности отчасти зависит от сословия писателей? Мы не можем подносить наших сочинений вельможам, ибо по своему рождению почитаем себя равными им. Отселе гордость etc. Не должно русских писателей судить как иностранных. Там пишут для денег, а у нас (кроме меня) из тщеславия.

[1] ответил

Там стихами живут, а у нас гр. Хвостов прожился на них. Там есть нечего — так пиши книгу, а у нас есть нечего — так служи, да не сочиняй. Милый мой — ты поэт и я — поэт, но я сужу более прозаически, и чуть ли от этого не прав. Прощай!*

Это относится к [18]25 г[оду]. Но[1] в заметках поэта за [18]25—30 г[оды] мы находим такое признание:

III. 254

Нашед в истории одного из предков моих, игравшего важную роль в сию несчастную эпоху, я вывел его на сцену, не думая о щекотливости приличия, con amore, но безо всякой дворянской спеси. Из всех моих подражаний Байрону дворянская спесь была самое смешное. Аристократию нашу составляет дворянство новое, древнее же пришло в упадок; его права уравнены с правами прочих сословий, великие имения давно раздроблены, уничтожены, и никто, даже если бы... и проч. Принадлежать к такой аристократии не представляет никакого преимущества в глазах благоразумного человека, и уединенное почитание к славе предков может только навлечь нарекания в страшном бессмыслии или в подражании иностранцам.

Но от кого бы я ни происходил, — от разночинцев, вышедших в дворяне, или от одного из самых старинных русских родов, от предков, коих имя встречается почти на каждой странице истории нашей, — образ мыслей моих от этого никак бы не зависел. Отказываться от него я ничуть не намерен, хоть нигде доныне я его не обнаруживал, и никому до него дела нет. *

До П[ушкина] литература — светская забава; литератор[2] в лучшем случае — придворный, как Дмитриев, Державин, Жуковский, или мелкий чиновник — как Ф[он]в[изин], Пнин, Рылеев. Если он придворный — с ним считаются, но покуда он чиновник — его третируют, как забавника, как шута.

Вот как изображает Рылеев полож[ение] литератора:[3]

32 стр.

Опять под час в прихожей
Надутого вельможи
(Тогда как он покой
На пурпуровом ложе
С прелестницей младой

[1] Все эти соображения Пуш[кина] объясняются общим положением литер[атуры] того времени

[2] салонный шут

[3] Пушкин

Вкушает безмятежно,
Ее лобзая нежно),
С растерзанной душой,
С главою преклоненной,
Меж челядью златой,
И чинно и смиренно
Я должен буду ждать
Судьбы своей решенья
От глупого сужденья,
Которое мне дать
Из милости рассудит
Ленивый полу-царь,
Когда его разбудит
В полудни секретарь...
. . . . . .
Для пылкого поэта
Как больно, тяжело
В триумфе видеть зло,
И в шумном вихре света
Встречать везде ханжей,
Корнетов-дуэлистов,
Поэтов-эгоистов,
Или убийц-судей,
Досужих журналистов,
Которые тогда,
Как вспыхнула война
На Юге за свободу, —
О срам! о времена! —
Поссорились за оду!..*

Вот как изображал Ник[олай] Полевой отношение знати к литератору.

II. II—448 *

[1]Пуш[кин] первый почувствовал, что литература — национальное дело первостепенной важности, что она выше работы в канцеляриях и службы во дворце, он первый поднял звание литератора на высоту до него недосягаемую: в его глазах поэт [2]— выразитель всех [3] чувств и дум народа, он призван понять и изобразить все явления жизни.

В [18]19-м году, дружа с декабрис[тами], Пушкин пишет на возвращение Ал[ександра] из-за границы:

Ст[арое] изд[ание] 11 стр.

---

[1] Пуш[кин] тоже был чиновник, однажды гр. Воронц[ов] послал его исследовать...

[2] пророк

[3] нужд народа

СКАЗКИ
(Noël)

Ура! В Россию скачет
Кочующий деспóт.
Спаситель горько плачет,
А с ним и весь народ.
Мария в хлопотах спасителя стращает:
«Не плачь, дитя, не плачь, судáрь:
Вот бука, бука — русский царь!»
Царь входит и вещает:

«Узнай, народ российский,
Что знает целый мир:
И прусский, и австрийский
Я сшил себе мундир.
О, радуйся, народ: я сыт, здоров и тучен;
Меня газетчик прославлял;
Я ел, и пил, и обещал —
И делом не измучен.

«Узнай еще в прибавку,
Что сделаю потом:
Лаврову дам отставку,
А Соца — в желтый дом;
Закон постановлю на место вам Горголи
И людям все права людей
По царской милости моей
Отдам из доброй воли».

От радости в постеле
Запрыгало дитя:
«Неужто в самом деле?
Неужто не шутя?»
А мать ему: «бай, бай! закрой свои ты глазки;
Пора уснуть бы, наконец,
Послушавши, как царь-отец
Рассказывает сказки!» *

В [18]26 [году], когда Ник[олай] возвр[атил] его из ссылки, он говорит царю:

II—43

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукой,

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещенье,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь прадуру подобен:
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.*

Но когда его упрекнули в лести [1] за эти стихи, он отвечает:

II—66

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.
. . . . . *

В нояб[ре] [18]23 г[ода] в Испании был казнен революционер Риэго Нуньец; сообщая об этом царю, гр[аф] Вор[онцов] сказал: «Какая счастливая новость, в[аше] вел[ичество]!»*

Пушкин немедленно откликнулся:

I. 344

Сказали раз царю, что наконец
Мятежный вождь Риэго был удавлен.
«Я очень рад», сказал усердный льстец:
«От одного мерзавца мир избавлен!»
Все смолкнули, все потупили взор:
Всех удивил нежданный приговор.
Риэго был, конечно, очень грешен, —
Согласен я, — но он за то повешен;
Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться этак нам над жертвой палача?
Сам государь такого доброхотства
Не захотел своей улыбкой ободрить.
Льстецы, льстецы! Старайтесь сохранить
И в самой подлости оттенок благородства! *

и заклеймил Вор[онцова] таким четверостишием:

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,

[1] царю

Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным, наконец. *

И в том же самом [18]26 г[оду], когда он советовал Ник[олаю]:

Во всем будь пращуру подобен...

он, присмотревшись к порядкам нового царствования, характеризует его так:

Ст[арое] из[дание] 45

Встарь Голицын мудрость весил,
Гурьев грабил весь народ,
Аракчеев куралесил,
Царь же ездил на развод.

Ныне Ливен мудрость весит,
Царь же вешает народ,
Рыжий Мишка куралесит
И по прежнему развод. *

А в [18]27 году посылает в Сибирь друзьям строки, полные надежды:

Ст[арое] из[дание] 48

В СИБИРЬ

(Декабристам)

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье!
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра —
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье.
Прийдет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа
И братья меч вам отдадут. *

Дек[абристы] устами князя Одоевского ответили ему:

Ст[арое] изд[ание] 223

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли!

К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.

Но будь спокоен, бард: цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя —
И православный наш народ
Сберется под святое знамя.

Мечи скуем мы из цепей
И вновь зажжем огонь свободы,
И с нею грянем на царей —
И радостно вздохнут народы. *

Он дворянин; но когда вышла в свет «История» Карамзина, П[ушкин] великолепно пригвоздил ее своим стихом:

На плаху истину влача,
Он доказал нам без пристрастья
Необходимость палача
И прелесть самовластья. *

Он пишет:

В Р[оссии] нет закона:
В Р[оссии] столб стоит,
К столбу закон прибит,
А на столбе корона. *

Нужно помнить, что за каждое из таких стихотворений в ту пору можно было получить каторгу, ссылку, тюрьму.

По отнош[ению] к прав[ительству] П[ушкин] вел себя совершенно открыто: когда до двора дошли его ода «Воль[ность]», его эпиграммы на министр[ов] и царя и когда узнали, что он показывал в театре портрет Лувеля, убившего герц[ога] Беррийского, — гр. Милорадович вызвал его к себе, а в квар[тире] велел сделать обыск.

«Обыск не нужен, — заявил П[ушкин], — я уже все, что надо было, сжег». * И тут же написал на память все свои противоправ[ительственные] стихи. Только благодаря Карамз[ину] и другим вельможам это кончилось для П[ушкина] высылкой из Петербурга, — А[лександр] I предполагал сослать поэта в Сибирь или Соловки [1].

[1] Пуш[кин] любил свободу искренно и жарко, но... В то время не один он ждал, когда же, наконец, вспыхнет над родиной заря «сво-

Теперь рассмотрим обвинение Пуш[кина] в презрительном отношении к «черни». Как известно, на основании этого отношения наши реакционеры зачисляли П[ушкина] в свои ряды, а наши радикалы, вроде Пис[арева], отрицали за поэтом всякое значение.

Прежде всего надо знать, что презрительное отношение к «черни» было свойственно всем романтикам, начиная с Байрона,— это был один из лозунгов литературной школы.

Признавалось, как вы знаете, что поэт — существо высшего порядка, абсолютно свободное, стоящее вне законов человеческих. С этой точки зрения, разумеется, и о[бщест]во, и государство, и народ резко отрицались, как только они предъявляли к поэту какие-либо социальные требования.

Наши писатели до-п[ушкинской] эпохи тоже были заражены [1] этим взглядом; так напр[имер] Держав[ин] говорил:

Умей презреть и ты златую,
Злословну, площадную чернь...*

Он же:

Умолкни, чернь непросвещенна,
Слепые света мудрецы!..*

Он же:

Прочь, буйна чернь, непросв[ещенна],
И презираемая мной!..*

Дмитриев:

Будь равнодушен к осужденью
Толпы зоилов и глупцов...*

Жуковский:

Не слушай вопли черни дикой...*

Можно привести еще десяток таких выкриков, но я вообще сомневаюсь в том, что эти выкрики относятся к народной толпе, к народу.

боды просвещенной», но только он ожидал ее с тоской и <верой>, страстью до него никем еще не испытанными. Он много и часто писал о ней. Вот несколько его стихот[ворений], посвященных свободе:

1—232.47 *

И когда свобода попиралась — он сопровождал смерть ее. Он чутьем понимал смысл исторических событий:

1—295 *

Он умел говорить языком, которого до него ни... У него порой и очень часто вырывались стихи. Как смотрел П[ушкин] на призвание поэта — предоставим ему рассказать...

Обвиняют П[ушкина] обыкновенно в презрительном отношении к черни, к демократии, — опираясь на это отношение, реакционеры не однажды зачисляли великого поэта в свои грязные ряды.

[1] этим отношением

Причины сомнения следующие: поэты до П[ушкина] соверше[нно] не знали народа, не интересовались его судьбой, редко писали о нем. Это придворные люди, вельможи, они всю жизнь проводили в столице и даже свои деревни посещали очень редко и на краткий срок. Когда же они изображали в своих стихах мужика, деревню— они рисовали[1] людей кротких, верующих, послушных барину, любящих его, добродушно подчинявшихся рабству; деревенская жизнь рисовалась ими, как сплошной праздник, как мирная поэзия труда. О Разине, Пуг[ачеве] не вспоминали, это не сливалось с установленным представ[лением] о деревне, о мужике.[2]

Пушкин тоже начал с романтизма. Вот как он определяет свою позицию поэта:

II. 126 и 213

ПОЭТУ

Поэт, не дорожи любовию народной!
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит,
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.*

ИЗ VI ПИНДЕМОНТЕ

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспаривать налоги,
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне — свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, с л о в а, с л о в а, с л о в а.[3]

[1] существа

[2] Затем наступил 12-й год, — мужик активно выступил на защиту родины, заявив о себе, как...

[3] Hamlet [примечание А. Пушкина].

Иные, лучшие мне дороги права,
Иная, лучшая потребна мне свобода...
Зависеть от властей, зависеть от народа —
Не все ли нам равно? Бог с ними!.. Никому
Отчета не давать; себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Безмолвно утопать в восторгах умиленья
— Вот счастье! вот права!*

Наконец, у него есть еще более резкое определение своего отношения к «черни».

II — 85

. . . . . .

ПОЭТ

Подите прочь, — какое дело
Поэту мирному до вас?
В разврате каменейте смело;
Не оживит вас лиры глас!
Душе противны вы, как гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры,—
Довольно с вас, рабов безумных!
Во градах ваших с улиц шумных
Сметают сор — полезный труд! —
Но, позабыв свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у вас метлу берут?
Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв. *

Но — кто эта чернь? Подразумевал ли под нею П[ушкин] именно народ?

Рассмотрим этот вопрос.

Прежде всего П[ушкин] был первым русс[ким] писателем, который обратил внимание на народное творчество и ввел его в литературу, не искажая в угоду [1] государственной идее «народности» [2] и лицемерным тенденциям придворных поэтов. [3] Он укра-

[1] классовым тенденциям и...

[2] а во всей красоте и блеске

[3] он ввел его ⟨целиком⟩, украсив блеском своего таланта

сил народную песню и сказку блеском своего таланта, но оставил неизменными[1] их смысл и силу.

Возьмите сказку «О попе и работнике Балде»,[2] «О зол[отом] Петушке», «О царе Салтане» и т. д. Во всех этих сказках насмешливое, отрицательное отношение народа к попам и царям Пуш[кин] не скрыл, не затушевал, а, напротив, оттенил еще более резко.

Он перевел с сербского[3] несколько народных легенд из сборника Караджича; когда вышли подделанные фр[анцузским] пис[ателем] Просп[ером] Мериме песни запад[ных] славян — Пуш[кин] немедленно переводит их на рус[ский] язык. Он записывал во время своих путешествий сказки и песни и более 50 шт[ук] передал Киреев[скому] для его знаменит[ого] сборника. Он собрал целый цикл песен о Стеньке Разине, которого называл «единственным поэтическим лицом в России»* — заметьте, что Раз[ин] по своим намерениям и по духу был несравнимо демократичнее Пугача, с грустью осмеянного П[ушкины]м.

Бенкендорф сказал Пуш[кину]: «Песни о С[теньке] Р[азине], при всем поэт[ическом] своем достоинстве, по содер[жанию] своему не приличны к напечатанию. Сверх того, церковь проклинает Раз[ина], равно как и Пугачева».*

Пушк[ин] непосредств[енно] сталкивался с народом, расспрашивал мужиков о жизни и — вот какие записи делал в своих путевых тетрадях:

Ст[арое] изд[ание] 208—9

> Способом к сему надежнейшим почел он уподобить крестьян своих орудиям, ни воли, ни побуждений не имеющим; и уподобил их действительно в некотором отношении нынешнего века воинам, управляемым грудою, устремляющимся на бой грудою, а в единственности ничего не значущим. Для достижения своея цели он отнял у них малый удел пашни и сенных покосов, которые им, на необходимое пропитание, дают обыкновенно дворяне, яко в воздаяние за все принужденные работы, которые они от крестьян требуют. Словом, сей дворянин некто — всех крестьян, жен их и детей заставил во все дни года работать на себя. А дабы они не умирали с голоду, то выдавал он им определенное количество хлеба, под именем месячины известное. Те, которые не имели семейств, месячины не получали, а по обыкновению Лакедемонян пировали вместе на господском дворе, употребляя для соблюдения желудка в мясоед пустые шти, а в посты и постные дни хлеб с квасом. Истинные разговенья бывали разве на святой недели.

---

[1] его первый

[2] «О рыбаке и рыбке»

[3] языка

Таковым урядником производилась также приличная и соразмерная одежда. Обувь для зимы, т. е. лапти, делали они сами; онучи получали от господина своего, а летом ходили босы. Следственно у таковых узников не было ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволение держать их господин не отымал, но способы к тому. Кто был позажиточнее, кто был умереннее в пище, тот держал несколько птиц, которых господин иногда бирал к себе, платя за них цену по своей воле.*

Сделавшись помещиком 2000 душ, он нашел своих крестьян, как говорится, избалованными слабым и беспечным своим предшественником. Первым старанием его было общее и совершенное разорение. Он немедленно приступил к совершению своего предположения и в три года привел крестьян в жестокое положение. Крестьянин не имел никакой собственности: он пахал барскою сохою, запряженной барской клячею; скот его был весь продан; он садился за спартанскую трапезу на барском дворе; дома не имел он ни штей, ни хлеба. Одежда, обувь выдавались ему от господина, словом...*

Пуш[кин] знал жизнь кр[естья]н: возьмите из «Хр[оники] села Гор[юхина]»* отрывок «Правление приказчика» — это типичнейшая для того времени картина разорения деревни.

А вот деревенская картинка, написанная как будто Некрасовым:

II—134

ШАЛОСТЬ

Румяный критик мой, насмешник толстопузый,
Готовый век трунить над нашей томной Музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладим ли с проклятою хандрой.
Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий,
За ними чернозем, равнины скат отлогий,
Над ними серых туч густая полоса.
Где ж нивы светлые? Где темные леса?
Где речка? На дворе, у низкого забора,
Два бедных деревца стоят в отраду взора,—
Два только деревца, и то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено,
А листья на другом размокли и желтея,
Чтоб лужу засорить, ждут первого Борея.
И только. На дворе живой собаки нет.
Вот, правда, мужичок, за ним две бабы вслед,
Без шапки он; несет подмышкой гроб ребенка
И кличет издали ленивого попенка,
Чтоб тот отца позвал, да церковь отворил;
Скорей, ждать некогда, давно б уж схоронил!*

Он собирал песни и в Од[ессе], и в Киш[иневе] и в[1] Псковс[кой] губ[ернии] — для чего переодевался в платье мещанина и, изучая народную жизнь, народную речь, ругает свое воспитание «поганым и проклятым».* Он учится рус[скому] языку у Крылова, еще больше у своей няньки и всегда у ямщиков, торговок, в трактирах, на постоя[лых] дворах, у солдат.

«Объят тоской за чашей ликованья», он бросает жизнь столицы и едет в деревню «насладиться простотой речи и ума народного игрою».

Этот человек не мог под именем «черни» подразумевать народ — его он уважал и о силе его догадывался чутьем.

Кто же та чернь, о которой поэт говорит с таким отвращением?

Несомненно, что под именем черни он подразумевал то светское, столичное о[бщест]во, в котором жил. Посмотрим, как он характеризует это общество и не сольются ли эти характеристики с отнош[ением] П[ушкина] к черни.[2]

Говоря о светском об[щест]ве, он восклицает:

Достойны равного презре[нья]
Его тщеславная любовь
И лицемерные гоненья.*

Далее:

II—129

. . . . . .

К доброжелательству досель я не привык,
И странен мне его приветливый язык.
Смешон, участия кто требует у света!
Холодная толпа взирает на поэта,
Как на заезжего фигляра: если он
Глубоко выразит сердечный тяжкий стон,
И выстраданный стих, пронзительно унылый,
Ударит по сердцам с неведомою силой, —
Она в ладони бьет и хвалит, иль порой
Неблагосклонною кивает головой.
Постигнет ли певца внезапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье, —
«Тем лучше!» говорят любители искусств:
«Тем лучше наберет он новых дум и чувств
И нам их передаст». Но счастие поэта
Меж ними не найдет сердечного привета,
Когда боязненно безмолвствует оно...*

---

[1] Михайловском

[2] Свет — «не карает заблужден[ий]» * — говорит он

И еще: Алеко, в поэме «Цыганы» говорит своему сыну:

Расти на воле без уроков,
Не знай стеснительных палат
И не меняй простых пороков
На образованный разврат.*

Изображение светского о[бщест]ва в «Онегине» достаточно известно — я не буду его повторять.

«Какой это ужас родиться в Р[оссии] талантливым человеком!»* сказал он однажды и много раз пришлось ему повторить эту горькую и верную фразу. [1]

Пока П[ушкин] шел тропой романтизма, протоптанной до него, пока он подражал французам, Байрону, Батюш[кову], Жук[овскому], — о[бщест]во, замечая его удивительный талант, ценя музыку нового стиха, одобряло поэта.

Но как только он встал на свои ноги и заговорил чистым русским, народным языком, начал вводить в литературу народные мотивы, обыденную жизнь, стал изображать [2] жизнь реально, просто и верно, — о[бщест]во стало относиться к нему насмешливо и враждебно, чувствуя в нем строгого судью, беспристрастного свидетеля русской пошлости, [3] невежества и рабства, жестокости и холопства пред силою власти.

Про него говорили, что ссылка в Сиб[ирь] заменена ему ссылкой в Одес[су] потому, что он позволил себя высечь. В Одес[се] его травили, [4] рассматривая как ссыльного, мелкого чиновника и не считаясь с его дарованием. Он озлоблялся и был вынужден «противопоставлять табели о рангах то демократ[ическую] гордость таланта и ума, то свое 600-л[етнее] дворянство».

В семье к нему относились подозрительно и грубо: отец даже однажды обвинил поэта в покуш[ении] на убийство, что грозило каторгой.

Его травил Булгарин, искажала цензура, Бенкендорф преследовал выговорами. — Стихотворения — «Моя род[ословная]», «На выздоров[ление] Лукулла» и насмешливые четверостишия вызвали, наконец, непримиримую злобу к поэту; ловкие люди искусно раздували общее недоброжелательство к нему, наконец, против него была пущена в ход клевета и — вскоре его застрелили.

Его судьба совершенно совпадает с судьбою всякого крупного человека, волею истории поставленного в необходимость жить среди людей мелких, пошлых и своекорыстных. Вспомните, что говорилось здесь о Л[еонардо-] да-В[инчи] и Микель-Ан[джело].

Пушк[ин] для рус[ской] лит[ературы] такая же величина, как Леонардо для европейск[ого] искусства.

---

[1] О[бщест]во относилось к П[ушкину] враждебно и насмешливо

[2] реальные отношения

[3] глупости

[4] не признавая за ним права на высшее

Мы должны уметь отделить от него то, что в нем случайно, то, что объясняется условиями времени и личными, унаследованными качествами, — все дворянское, все временное — это не наше, это чуждо и не нужно нам.

Но именно тогда, когда мы откинем все это в сторону — именно тогда пред нами и встанет великий русский народный поэт,[1] создатель чарующих красотой и умом сказок, автор первого реалистического романа «Евгений Онегин», автор лучшей нашей исторической драмы «Бор[ис] Годун[ов]», поэт, до сего дня никем не превзойденный ни в красоте стиха, ни в силе выражения чувства и мысли, поэт — родоначальник великой русской литер[атуры].

Повторим еще раз его самохарактеристики — они поучительны как взгляд поэта на задачи его в жизни. *

II — 155 «ЭХО»
II — 40 «ПРОР[ОК]»
214 «ПАМЯ[ТНИК]»

[2]Что же дает П[ушкин] читателю-пролет[арию]? Во-первых— на примере его творчества мы видим, что [3] писатель, богатый знанием жизни, т[ак] ск[азать], перегруженный опытом, [4] в своих художественных обобщениях [5] выходит из рамок классовой психики, возвышается над тенденциями [6] класса — и [7] объективно рисует нам этот класс с внешней стороны как неудачную и нестройную организацию [8] части исторического опыта, [9] с внутренней — как психику своекорыстную, [10] полную непримиримых противоречий. [11]

Чисто и резко классовый писатель [12] стремится представить свой класс [13] владыкой и собственником неоспоримых социальных истин, которые для всей массы народа имеют обязательное значение, для всех являются догматами, требующими безусловного подчинения им; такой писатель изображает идеи, чувства и веро-

---

[1] Пушкин

[2] Мне кажется бесполезным говорить о том, что дает [Пушкин] современному читателю.

[3] человек

[4] писатель, оставаясь по мысли человеком класса, дворянином

[5] в образах Ев[гения] Он[егина], гр]афа] Нулина, Дубровского и т. д.

[6] своей родовой группы

[7] возвысясь, с высоты своих обобщений, правдиво рисует нам все социальные пороки, всю ложь, этот класс как организацию на...

[8] одной

[9] как построение идеологии

[10] неустойчивую

[11] как частность жизни, а не как единственное полное и лучшее выражение всех ее тенденций, чувствований и задач.

[12] представил бы нам

[13] обладателем

вания своего класса как единственно правильное, полное и верное отражение всех сторон жизни — всего опыта человечества.[1]

Несомненно, что П[ушкин] — дворянин, он сам одно время кичился этим, но нам важно знать, что уже в юности своей он почувствовал тесноту и духоту дворянских традиций, понял [2] интеллектуальную нищету своего класса, его культурную слабость и отразил все это, всю жизнь двор[янст]ва, все его пороки и слабости с поразительной верностью.[3]

В примере Пуш[кина] мы имеем писателя, который, будучи переполнен впечатлениями бытия, стремился отразить их в стихах и прозе с наибольшей правдивостью, с наибольшим реализмом,[4] чего и достигал с гениальным умением[5].

Его произведения[6] — драгоценное свидетельство умного, знающего и правдивого человека о нравах, обычаях, понятиях известной эпохи; все они суть гениальные иллюстрации к русской истории.

Писатель классовый, группируя свои наблюдения по шаблону интересов своего класса, говорит нам: — Вот истина, извлеченная мною из наблюдений над жизнью человеческой, — иной истины нет, не может быть![7]

Это превращение[8] тенденции одного класса в догмат, обязательный для всех других, это — проповедь необходимости подчинения всей массы народа[9] моральным и[10] правовым нормам, выгодным только командующей силе. Здесь искусство приносится в жертву интересам воинствующей политики,[11] низводится до орудия борьбы и — не убеждает нас, ибо мы видим или чувствуем в нем внутреннюю фальшь.

«...От кого бы я ни происходил — говорит Пуш[кин] — ... образ мыслей моих от этого никак бы не зависел...»*

Это слова человека, который чувствовал, что для него интересы всей нации выше инт[ересов] одного дворянства, а говорил он так потому, что его личный опыт был шире и глубже опыта дворянского класса.

---

[1] нации, класса. Пушк[ин] таким писателем не был, хотя и дворянин он первый ра...

[2] культурную и умственную

[3] В П[ушкине] мы видим чел[ове]ка, который, будучи насыщен впечатлениями бытия...

[4] он никогда не говорил о своих выводах, изображая...

[5] При этом он никогда не говорил: Вот это так... Показывая читателю тот или иной образ, характер, он не...

[6] для нас столько же высокая поэзия, сколько

[7] Таким образом он догматизирует

[8] классовой

[9] ученню

[10] социальным

[11] служит борьбе

Эстетическое значение поэзии П[ушкина] не стану доказывать, это потребовало бы[1] сравнений стихов его со стихами лучших писателей наших дней, исследований языка со стороны богатства слов, простоты, меткости и т. д.

Вы слышали его стихи в моем плохом чтении, вы знали их и до сего дня, вы знаете, что никто из совр[еменных] поэтов не может, не способен написать такого великолепного гимна радости, как «Вак[хическая] песня» Пуш[кина].

II — 9

Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь, вакхальны припевы!
Да здравствуют нежные девы
И юные жены, любившие нас!
Полнее стакан наливайте!
На звонкое дно,
В густое вино
Заветные кольца бросайте!
Подымем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце! да скроется тьма![2]*

---

[1] сопоставления его поэзии с поэзиею современников, потребовало бы

[2] Вкратце укажу на следующее преимущество П[ушкина] пред современными нам поэтами: он не оставил ни одной стороны жизни, не осветив ее своим талантом, круг его интересов, широта знаний до сей поры остается непревзойденной. Он дал образцы всех ⟨видов⟩ форм литературного творч[ества]: драму, роман, поэму, сказку, сонет и т. д.

[СЛЕПУШКИН]

*В [18]22 г[оду] появляются в рус[ской] лит[ературе] стихи Слепушкина — это ярославский крестьянин, рабочий на мельнице, торговец пареной грушей, затем — лавочник и самоучка, поэт и живописец-портретист, которого Акад[емия] наук поощрила за его стихотворения золотой медалью и 50-ю червонцами, а царь подарил почетный кафтан и зол[отые] часы.

Это был талант посредственный, хотя Сенковский сравнивал его со знаменит[ым] поэтом древней Греции Феокритом и стих[отворения] Слеп[ушкина] переводились на английский, фр[анцузский] и нем[ецкий] языки.

Пуш[кин] немедленно обратил на него внимание, познакомился и пишет о нем Дельвигу: «у Слеп[ушкина] истинный с в о й талант, пошли ему моих стихов с тем, чтоб он мне не подражал, а шел бы своей дорогой».*

Позднее, узнав, что самоучка-поэт увлекается славой своей и это портит его, Пуш[кин] восклицает: «Это вы погубили человека, набросав ему в рот всякой дряни вашей, а его беречь надо бы: ведь он от народа!»[1] *

[1] представить мог бы

[ЗАПАДНИЧЕСТВО И СЛАВЯНОФИЛЬСТВО]

[1]С того момента, как передовые люди Р[оссии], сталкиваясь с Запад[ом][2], начинают заимствовать чужеземные мысли, нравы, обычаи —эти заимствования немедленно вызывают в массе русского народа протест, который разгорается тем ярче, чем более отдельные личности и группы вносят в русскую жизнь чужеродного опыта.

Часто бывало, что пропагандисты запад[ных] обычаев погибали в столкновениях с инертной азиатски-пассивной мыслью России: так погиб образованнейший человек времен Алек[сея] Ром[анова] — боярин Артам[он] Матвеев, реформатор церкви патриарх Никон, историк Котошихин, и множество других людей, умственно возвышавшихся над[3] о[бщест]вом — принуждены были бежать из Рос[сии].

Реформы П[етра] В[еликого] — как вы знаете — были приняты после долгого и упорного сопротивления, которое суровый царь с трудом сломил и едва [не] залил кровью и которое тотчас же после смерти его немедленно возникло с новой силой.

За все время от П[етра] до Е[катерины] В[еликой] западники-реформаторы подвергались гонениям, казням, издевательствам и насмешкам, что не мешало им оставить по себе известный след в рус[ской] жизни, ибо — как всякая энергия и энергия мысли, в конце концов, — не исчезает бесследно.

Сопротивление русского боярства[4] идеям Запада объясняется, во-первых: тем, что хозяйственная жизнь страны, опиравшаяся с одной стороны на полное бесправие массы, а с другой на широту власти бояр, не требовала, с их точки зрения, никаких изменений, а, напротив, нуждалась в прочном закреплении своих форм — их и укрепляли извне — плетями, изнутри — проповедями попов. Плети и проповеди считались единственными силами, кои способны удержать замученный, ограбленный и раздражавшийся

---

[1] Будем говорить о Грибоедове и Гоголе. С того момента, как Р[оссия] начинает соприкасаться с Зап[адом], в ней ⟨начинает⟩ вспыхивает протест против Зап[ада], и ее культурные люди...

[2] формами жизни

[3] массой

[4] идеям и формам

народ от восстаний, подобных восст[аниям] Разина, Булавина и других.

Во-вторых: [1] русское боярство [2] после [3] Ивана Грозного принуждено было [4] поднимать свой престиж, свою власть в глазах народа, который хорошо помнил опричину Грозного, помнил, как боярам рубили головы, разоряли их вотчины.

Жестокая кровавая борьба Грозного с [5] боярами была воспринята народом, как борьба героическая со стороны царя, вот почему в народных песнях и сказках Грозный царь является царем мудрым, а главное — справедливым.

[6]Таким образом, до известного времени яростным врагом иноземных идей и порядков являлось боярство, оно опасалось, как бы в массу русского народа не проникли с Запада отголоски той борьбы, которую вели [7] города против замков [8], народ — против феодализма.

Первая половина XVI в[ека] — эпоха крест[ьянских войн] в Германии; восстание Ст[епана] Разина падает на 1667 г[од,] т. е. на 3-ю четверть XVII века.

Русский народ в эту пору относился к иноземщине [9] терпимо [10], на что указывают многочисленные примеры эмиграции крестьян и голытьбы в Польшу, к панам, в Туречину, к султану, к ногаям в Крым, и в немцы — обыкновенно эмигранты, переменив землю, переменяли и веру.

Но с того момента, как боярство поняло ценность [11] либеральных идей Запада и начало постепенно проводить их в Рос[сии], народ русский перенес свою вражду к боярам на воспринятые ими западные идеи. [12]

Далее — надо помнить, что бояре, конечно, воспринимали лишь те идеи юной буржуазии Зап[ада], те идеи, которые могли, ограничив самодержавие царя, укрепить власть бояр — на это указывают все полит[ические] движения придвор[ных] кругов,

[1] психологически

[2] было

[3] встряски

[4] озаботиться

[5] феодалами — родственниками по плоти, происходившими от одного корня с царем Иваном.

[6] Все, что так или иначе проникало с Запада — было враждебно по духу... Полит[ические] идеи З[апада] долго были решительно враждебны боярам.

[7] буржуа ‹города› против феодалов

[8] а позднее и вся масса народа

[9] не только

[10] но и совершенно

[11] некоторых

[12] что естественно, если принять во внимание самый характер идей и источник их, из коего они яв[лись]. Разумеется, если б это были идеи демократизма — они привились бы к...

начиная с «верховников» при Анне до декабристов при Ал[ександре] I. Разумеется, они не ввезли бы в Россию коммунистических идей из Богемии или гуманитарных учений Германии.

Вот где лежат корни враждебного отношения рус[ского] народа к западной культуре, здесь же находит себе почву и учение о самобытности России, о ее особом назначении в истории человечества.

Ранее я уже говорил, что среди декабр[истов] были люди, как Турген[ев] и Пестель, понимавшие социа[льно]-экономич[еский] вред креп[остного] права и убыточность для страны натурального хозяйства. В 30-х г[одах] это сознание начинает развиваться все более широко: толчок ему дало развитие суконного и винокуренного дела.[1]

Суконное дело быстро развивалось благодаря тому, что[2] Ал[ександр] I и Ник[олай] I стремились создать из Р[оссии] государство военное — и сильное увеличение армий и вызывало развитие сукновалялен.

Особенно характерен быстрый рост винокурения. Государ[ственные] доходы от сдачи[3] вина на откупа выражались: за 4 г[ода] — с [1]807 по [18]11 — откупа были сданы за 29 336 т. р., за [18]35—[18]39 — уже 91 936 т. р., за [18]59—[18]62 — 127 769 т. р.

Ежег[одный] доход откупщиков по исчислениям Киттары и Закревского простирался от 600 до 781 милл. [руб.], а доход государства за 140 л[ет] существования откупов увеличился в 335 раз.* Но вообще —

Пып[ин] 122

...Свои производства были бедны. Внешняя торговля России была исключительно в руках иностранцев. В то время, когда мы гордились своими богатствами, называли южную Россию житницей Европы, — мы поставляли Европе только сырые продукты, которые возвращались к нам в виде иностранного товара, очень невыгодно нами покупаемого; от «житницы» наибольший процент доставался иностранным негоциантам. Русская промышленность довольствовалась обыкновенно только простейшими производствами: все изделия, несколько тонкие или сложные, или поставлялись иностранной торговлей, или готовились в России у иностранных заводчиков и иностранными мастерами, которые вообще держались в России почти так же, как было в XVII-м столетии, т. е. обогащаясь сами и не сообщая русским ничего из своих технических знаний, уменья и предприимчивости. Развитию промышленной предприимчивости и на-

[1] и речного судоходства

[2] начиная с...

[3] винокурения на откуп

родного обогащения препятствовали наконец и свои домашние причины. Против этой предприимчивости была, непонятным образом, предубеждена сама власть. Сравнение с последующим положением вещей очень объясняет, до какой степени была стеснена и находилась в застое даже экономическая жизнь: стоит взглянуть на обширное нынешнее развитие акционерной предприимчивости, или железнодорожного дела, в прежнее время немыслимое. Это последнее было тогда по принципу закрыто для частных предприятий; само государство построило только одну значительную дорогу, каких теперь в немного лет построены десятки...*

. . . . . .

На почве этих явлений начало расти, т[ак] наз[ываемое], западничество — течение мысли, которое в общем и главном мы можем охарактеризовать так: это течение, опираясь на опыт Запада и начавшееся изучение хозяйст[венной] жизни Р[оссии], стремилось доказать, что путь экономического развития нашей страны должен быть совершенно таков же, как на Западе.

Группа помещиков, которая вела крупное хозяйство рабским трудом и сбывала за границу массу хлеба [1], еще смутно, но уже мечтала о создании замкнутого торгового государства, которое само себя питает всеми продуктами, вывозит избыток их и почти ничего не ввозит из чужезем[ных] хозяйств. Эта группа должна была выступить против западников, должна была [2] создать иную идеологию, которая оправдывала бы их позицию, — и вот создается учение славянофилов.

Если б у нас было время и мы могли бы рассмотреть в подробностях процесс развития западничества и славя[нофильства], мы увидали бы в процессе этом жалкую и безуспешную попытку некоего [3] государства обособить свой индивидуальный опыт от общечеловеческого опыта, попытку, которая вполне точно воспроизвела бы пред нами уже знакомое нам стремление личности обособиться от об[щест]ва.

Но ограничимся изложением теории сл[авянофильст]ва.

Вы помните три принципа официальной государственной теории национализма:

1-й — Православие — он гласит: наша религия есть истинная, ибо она заимствована из Виз[антии] от греков, где учение Христа сохранилось, якобы, с наибольшей чистотой.

2-й — Самодержавие: — русский царь есть всенародно избранный владыка страны,[4] а не представитель дворян, выдвину-

---

[1] западники должны были вызвать протест — он и сложился в виде учения славянофилов о самобытности России.

[2] выдвинуть против

[3] индивидуума

[4] — он помазанник божий

тый ими из своей среды, как на З[ападе]. Он, т[ак] с[казать], личность вне- или надклассовая, ему одинаково и безразлично близки интересы всех классов нации.

3-й —Народность — по этим двум причинам, а также потому, что народ наш не избалован роскошью Запада, не заражен суемудрием его, кроток, терпелив[1], не раздроблен разнообразием трудового процесса, главное же — он не индивидуалист, как мужик Запада, а общинник, коллективист.

По всем трем этим соображениям Р[оссия] — страна совершенно особенная, ничем не похожая на другие стр[аны] Запада.

[2]Что же привнесли слав[янофилы] в это учение, в чем изменили его?

Посмотрим — кто они. Старейшие и первые основоположники слав[янофильства] родились в начале века — Одоевский в [1]803, Хомяков в [1]804, Веневит[инов] [в 180]5, Ив[ан] Киреев[ский] и Кошелев в [180]6 гг. — время, когда начинала слагаться официальная теория народности. Все они в раннем детстве пережили 12[-й] г[од] — время взрыва патриот[ических] чувств. В 20-х годах они все четверо[3] съехались в Москве и убеждаются в тождестве своих симпатий и антипатий. Сделать это было им тем проще, что все они были связаны друг с другом родственными узами, представляли, т[ак] ск[азать], одну семью. Эти годы — годы крутой реакции А[лександра]I.

Они аристократы до такой степени, что, найдя в лице[4] Шевырева и Погодина единомышленников себе, не приняли их в свой кружок только на том основании, что Шевырев — националист, поэт и историк словес[ности] — казался им либеральным, а Погодин — знаменитый журналист той поры — происходил из купцов.

Они резко чуждались политических вопросов, волновавших молодежь того времени. Основав в [18]25 г[оду] «Об[щест]во любомудрия», занимавшееся исключительно философией и богословием, они сами закрыли его тотчас после 14 декабря, дабы не навлечь на себя подозрения в вольнодумстве и преследовании каких-либо тайных целей.

Это, однако, не помешало пра[вительст]ву Ник[олая] I относиться к ним подозрительно.

Все они бывали за границей, подолгу жили там, некоторые учились в универ[ситетах] Германии, все восприняли немецкий романтизм, психологически совпадавший, как указано, с теорией народности, которая была национальным романтизмом.

---

[1] и, по преимуществу и т. д.

[2] Люди образованные, учившиеся в немецк[их] университ[етах], славянофилы должны были расширить эту теорию, внести в нее некот[орые] необходимые поправки.

[3] впервые знакомятся

[4] ⟨купцов⟩ журналистов

Воспитанные в деревнях[1], на Карам[зине] и Жуковском, чисто русские по крови, люди мечтательные, пассивные, они с детства видели пред собой ленивую, однообразную жизнь своих деревень, видели молчаливого, запуганного и запоротого своего мужика, однообразно тянувшего свою жизнь в каторжном труде между церковью и кабаком, — видели, воистину, жизнь особенную, и особенность ее встала пред ними поразительно ярко за границей, где им пришлось встать лицом к лицу с буржуазией, которая быстро и умно, не покладая рук, строила свое благополучие. Шум, суета, активность этой жизни должна была ошеломить людей из страны полусонной, полуазиатской, [которая] еще не умела развить промышленности, не умела выстроить порядочного дома руками русского архитектора, не имела жел[езных] дор[ог]— жила тихо, мирно, по суровой команде из Питера.

Эта пассивная, ленивая жизнь была принята романтиками за выражение особенной духовной гармонии, не доступной людям З[апад]а, с их конкуренцией, их резким индивидуализмом.

И вот, возвратясь в Р[оссию], молодые славян[офилы] начинают отрицать Зап[ад], чуждый им, он раздражал их[2] боевым шумом, он поселил в них смутные тревоги и опасения, его лозунг — «Жизнь — борьба» — был совершенно неприемлем для людей, которым, собственно говоря, не за что было бороться: они все имели, что было нужно им, они должны были лишь закреплять за собою прочней и прочней свою позицию.

Ведь, в конце концов, они принадлежали по классу 100 т[ысячам] полицмейстеров, как назвал Н[иколай] I своих помещиков.

[3]В 30-х годах молодежь кое-что знала — вы помните, что уже Пушкин называл Хр[иста] «умеренным демократом»; в светском о[бщест]ве[4] были в моде легкомысленные шуточки над религией вообще и, в частности, над православием,[5] ибо в ту пору для некоторых стало уже ясно, что происхождение прав[ославия] из Византии не придает церковной нашей вере ни особенного блеска, ни чистоты, а главное, что византийство и народность плохо сливаются во единое целое.

Славянофи[льст]во в лице И[вана] Киреевского начало с попытки обновить и оживить православие — он начал это из далека.

В XIV ст[олетии], на Афоне греческие монахи основали секту Исихастов, коя учила, что существует вечный, несозданный божеств[енный] свет, который впервые явился[6] на горе Фаворе во время преображения г[оспод]ня, а ныне просиял на Афоне в награду монахам за их отшельническую жизнь. Учение это имело

---

[1] скромные мечтатели

[2] своим

[3] Они начали оживлять официальную философию

[4] вымирал мистицизм, заменяясь...

[5] смеялись над его происхождением из Византии

[6] Моисею, в виде Неопалимой Купины

какую-то связь с буддизмом: поддерживая в себе горение божеств[енного] света, старцы целыми сутками выстаивали на коленях, опустив головы и вперив взор в свои пупки, как это делают буддисты Индии.

Это мистическое учение проникло в конце XVIII в[ека] в Р[оссию], куда его занесли старцы Оптиной Пустыни — и Киреевский немедленно схватился за него, ибо оно давало ему право указать на контраст восточной и западной церкви: западная — рассудочна и схоластична, восточная, т. е. русская — мистична, созерцательна. Исходя из этого противопоставления, Киреевский развил свою теорию особенности всей русской истории, как национального, истинно христианского деяния, освящаемого и руководимого не разумом, а чувством.

Об этом необходимо было упомянуть, ибо в этом корни всех славянофильских взглядов и всех выводов их, которым поддавались такие люди, как Гоголь, Достоевский, В. Соловьев — называю наиболее крупных.

В общем учение славяноф[илов] сводилось к следующему:

Пып[ин] 257

...Русская жизнь находится в настоящую минуту в ложном положении. Петровская реформа нарушила естественный ход старой русской жизни; заимствование чужой цивилизации внесло в нее разлад. Заимствованная цивилизация, отдалив образованные классы от народа, сделала их бесполезными для национального развития, даже вредными, потому что их образование взято с оригинала, который не только чужд русскому народному духу, но сам стоит на ложной дороге и близок к упадку. Для спасения русского развития должно уничтожить этот разлад и подчинение чужой цивилизации; для этого следует возвратиться к старому единству, к тем началам, в которых развивалась русская жизнь до Петра и на которых она выработала свою крепкую, истинно народную особенность. Народ, заброшенный и загнанный в течение «петербургского периода», сохранил верно предания старины в своем быте, в своих верованиях и общественных инстинктах: поэтому следует обратиться к нему, чтобы найти нужные нам элементы развития. Думать о том, чтобы поднять народ до нашего образования, странно и даже смешно, потому что его внутреннее содержание гораздо выше нашей прививной и внешней образованности.

Русский народ принадлежит к одному из двух миров, на которые делится европейская образованность, и в настоящее время главный его представитель. Эти два мира — восточный греко-славянский и западный... *

Так говорила эта школа в период 30-х—40-х годов [1].

Вам ясна косность этого учения, созданного двумя влияниями: необходимостью доказать разумность и бесспорность существую-

---

[1] и вот что отвечал ей друг Пушк[ина] Чаадаев: П[ыпин], 178

«Но вот является новая школа. Не хотят больше Запада, хотят разрушить дело Петра Великого, хотят снова в пустыню. Забывая то, что́ Запад сделал для нас, и неблагодарные к великому человеку, который нас цивилизовал, к Европе, которая нас научила, эти люди отвергают и Европу, и великого человека, и в своем поспешном жаре этот новейший патриотизм провозглашает нас любимыми детьми Востока. Какая нам была надобность, говорят, искать просвещения у народов Запада? Разве среди нас не было всех зародышей общественного порядка, бесконечно лучшего, чем порядок Европы? Отчего не предоставили дела времени? Оставленные нам самим, нашему ясному уму, плодотворному принципу, скрытому в недрах нашей могущественной природы, и особенно нашей священной религии, мы скоро превзошли бы все эти народы, преданные заблуждению и лжи. И в чем нам было завидовать Западу? Его религиозным войнам, его папе, его рыцарству, его инквизиции? Прекрасные вещи в самом деле! И разве Запад есть отечество науки и всех глубоких вещей? Известно, что это Восток. Возвратимся же на этот Восток, к которому мы везде касаемся, откуда мы недавно извлекали наши верования, наши законы, наши добродетели, все, что сделало нас могущественнейшим народом на земле. Древний Восток падает: разве не мы его естественные преемники? Отселе между нами будут сохраняться эти удивительные предания, между нами осуществятся все те великие и таинственные истины, хранение которых было поручено Востоку от начала вещей. — Вы понимаете теперь, — продолжает Чаадаев, — откуда пришла буря, которая недавно разразилась надо мной, и вы видите, что среди нас в национальной мысли совершается настоящая революция, страстная реакция против просвещения, против идей Запада, — против того просвещения, против тех идей, которые сделали нас тем, что мы есть, которых плод есть сама та реакция, то движение, которые теперь толкают нас против них. Но на этот раз толчок не идет сверху. Напротив, никогда, говорят, в высших областях общества память нашего царя-реформатора не уважалась больше, чем теперь. Итак, инициатива вполне принадлежит стране. Куда поведет нас этот первый факт эманципированного разума нации? Бог знает! Но когда любишь серьезно свое отечество, нельзя не быть тягостно поражену этим отступничеством наших наиболее передовых (avancés) умов от вещей, которые сделали нашу славу, наше величие, и мне кажется, хороший гражданин должен стараться, сколько может, объяснить это странное явление». *

Как видите, Ч[аадаев] правильно понимал реакционность.

щего порядка в стране, протестом против засилия иноземцев, количество коих вокруг царя все увеличивалось и влияние становилось все шире.

Этот протест против иноземщины вы найдете и у Ф[он]в[изина], Новик[ова], Грибоедова, в монологах Чацкого, [1] всюду. Только Пушкин ясно понимал нелепость этого протеста нищих против богатых людей, предлагавших им свой драгоценный опыт: в Ев[гении] Он[егине] мы встр[ечаем] такие строфы:

4.323

Сокровища родного слова, —
Заметят важные умы, —
Для лепетания чужого
Пренебрегли безумно мы.
Мы любим муз чужих игрушки,
Чужих наречий погремушки,
А не читаем книг своих.
Да где ж они? давайте их!
Конечно: северные звуки
Ласкают мой привычный слух;
Их любит мой славянский дух;
Их музыкой сердечны муки
Усыплены; но дорожит
Одними ль звуками пиит?

* * *

И где ж мы первые познанья
И мысли первые нашли?
Где поверяем испытанья,
Где узнаем судьбу земли?
Не в переводах одичалых,
Не в сочиненьях запоздалых,
Где русский ум и русский дух
Зады твердит и лжет за двух... *

Нужно, однако ж, помнить, что вся реакционная журналистика того времени находилась в руках доносчика и шпиона поляка Булгарина, друга его поляка Сенковского, связанного с ними денежно пруссака Греча, а во главе цензуры стоял жандарм Бенкендорф, мучитель Пушкина. Это мелочной факт, случайное явление, но если бы мы могли рассмотреть действия этих журналистов и жандармов — мы увидали б, что их влияние, как холопов власти, было очень сильно и действительно угнетало литер[атуру] той поры.

Именно благодаря этому влиянию Гриб[оедов] не мог напе-

[1] вы найдете его у Пушкина, этот протест был особенно силен среди литер[аторов]....

чатать «Горе от ума»; в продолжение 9 лет — написанная в [18]23 г[оду] — комедия эта распространялась в рукописях вплоть до [18]33 г[ода]*. И вообще, благодаря Булгарину — Бенкенд[орфу], масса произведений крайне серьезного значения — вроде писем Чаадаева — не могли быть напечатаны.

Кончим со славянофилами, указав на одну заслугу их весьма крупную:

П[ыпин] 260

> Зрелище, которое нам * представляется в нашей современной жизни, так называемым, образованным обществом, чрезвычайно печально. Это общество не принадлежит своему народу; оно рабски принимает чужие понятия, чужие обычаи, даже чужой язык; оно увлекается всем западным, как бы оно ни было странно и даже нелепо; оно относится с пренебрежением к народу, точно к низшему племени, хотя живет трудами этого народа. Для того, чтобы устранить это прискорбное положение общества, восстановить утраченное единство с народом, дать жизни истинное направление, осуществить вполне наше национальное предназначение и занять подобающее нам высокое, независимое и господствующее место в цивилизации, надо обратиться к народу, изучать его историю, предания, нравы и обычаи, слиться с этим народом в одном сознании: общество должно перевоспитаться, воспринять в себя снова затерянные им народные начала...*

И они действительно много сделали в области народоведения сами и дали толчок к дальнейшему изучению России.

Со временем, говоря о народнич[естве], мы вспомним еще славянофилов и их труды.

[ГОГОЛЬ]

Теперь о Гоголе.

Гоголя принято считать [1] основателем реализма в русской литературе, родоначальником ее самобытности, [2] утверждается, что он первый поставил литературу лицом к лицу с [3] действительностью, первый указал ей на необходимость [4] изображать социальную жизнь, научил в «Р[евизоре]» и «М[ертвых] д[ушах]», как нужно делать это, указал, что вопросы социального бытия важнее, шире, глубже вопросов бытия личности.

Это мнение можно и должно оспаривать, — его следует оспаривать, ибо сторонники пассивного отношения к жизни — различные новые христиане, богоискатели, мистики — говорят нам, реалистам, людям активного начала:

— Путь разума, путь исследования, тот путь, которым вы идете, не может дать и не дает вам счастья, не увеличивает сумму благ, ничего не объясняет в тайнах внутренней, духовной жизни и внешней — социальной. Человек окружен темной тучей непознаваемого, материя — непостижима, жизнь нашей души недоступна нашему сознанию. Так называемое познание растет не

---

[1] родоначальником

[2] человеком, который

[3] жизнью

[4] разрешения вопросов бытия социального и даже поставил эти вопросы впереди вопросов индивидуального бытия. Это мнение можно и следует оспаривать: против него мы найдем целый ряд доказательств противного. Романтики, идеалисты, мистики в спорах своих о преимуществах идеалистического миросозерцания...

Это мнение можно и должно оспаривать по ⟨следующему⟩ ⟨такому⟩ мотиву: современные идеалисты, мистики и всякие иные сторонники пассивного отношения к жизни, к действительности говорят нам, реалистам и людям активного отношения к жизни:

— Путь разума, путь исследования не увеличивает счастья человека и сумму благ, необходимых ему. ⟨Сознание не растет в мире.⟩ Сколько ни работайте над изучением тайн внутренней и внешней жизни — вы не разрешаете задач ⟨окружающих вас⟩ молчаливо и неразрешенно стоящих пред вами от начала исторической жизни до сего дня. Сознание не растет в глубину и высоту, оно разливается вширь...

в глубину и высоту, а только вширь, оно с начала греческой философии остается все в одной плоскости: [1] в древности говорилось, что гром и молния — выражение гнева богов, теперь говорят, что это электричество, но сущность явления остается тайной, и хотя вы пользуетесь электричеством, но оно не сделало вас более счастливыми.

— Счастье можно найти только в слиянии личной воли с волею неведомой нам силы, управляющей миром и судьбою человека, это слияние возможно лишь в созерцании, в [2] подчинении тайной воле бога. Не разум творит жизнь, а вера, не исследование, а покорное признание ограниченности наших сил. Посмотрите на величайших людей мира — все они, с чего бы ни начали свой путь — в конце концов, приходили к признанию бытия бога, к предпочтению веры — разуму.

Перечисляют ряд имен: тут и Вольтер, и Руссо, Робеспьер и О. Конт, ученые — физики и химики, увлекавшиеся спиритизмом, и, наконец, переходя к России, говорят:

— Крупнейшие наши писатели тоже все приходили к этому. Возьмите Гоголя: строгий реалист, первый писатель, который создал в литературе реалистическое направление, он, в конце концов, понял бесплодность своего труда, сам отрекся от него, [3] разочаровался в силе разума, признал руководящей, главной силой веру, признал владыкой жизни бога. А ведь он начал с реализма, скептицизма, сатиры — вы этого не будете отрицать!

Мы будем это отрицать, мы имеем на это достаточное количество веских оснований.

1-е. Гоголь начал с романтизма, с подражаний Жу[ко]вскому. Возьмите [4] поэму Гоголя «Ганс Кюхельгартен» — в ней вы увидите полностью всю бутафорию романтической поэзии Ж[уковского] — кладбища, покойников, рыцарей, русалок, фей и т. д., вплоть до [5] языка поэмы подражатель[ного].

Прочитаем несколько выдержек:

33-я 41-я

В небе чудные вот тени
Развилися и свились,
И чудесно понеслись
На небесные ступени.
Прояснилось: две свечи;
Двое рыцарей косматых;
Два зубчатые мечи
И чеканенные латы;

---

[1] заменив древнее объяснение грома и молнии — как выражен...
[2] пассивном
[3] сам все зачеркнул
[4] юношескую
[5] стиха

Что-то ищут; стали в ряд;
И зачем-то переходят,
И дерутся, и блестят,
И чего-то не находят...
Все пропало, слилось с тьмой;
Светит месяц над водой.
. . . . . .
О чем же думы крепки те?
Дивится сам он суете:
Как был измучен он судьбою,
И зло смеется над собою:
Что поверял своей мечтой
Свет ненавистный, слабоумной;
Что задивился в блеск пустой
Своей душою неразумной;
Что, не колеблясь, смело он
Сим людям кинулся в объятья
И, околдован, охмелен,
В их злые верил предприятья... *

Но это сочинение 18-[ти]лет[него] юноши, — возразят нам, — хорошо! Оставим его, перейдем к «Вечерам» — книге, которая сразу создала Гоголю широкую известность. Если мы внимательно прочитаем такие рассказы, как «Майская ночь», «Ночь на Ив[ана] Купала»,* «Пропавшая грамота», «Ночь перед Рожд[еством]», «Страшная месть», «Вий» и вслед затем возьмем рассказы Амедея Гофмана, немецкого романтика-фантаста, писавшего до Гоголя и известного нашему писателю в подлиннике и по переводам, — мы увидим из сравнения названных вещей Гоголя с рассказами Гофмана, что наш писатель покорно шел за немцем не только в выборе фантастических сюжетов, но и в обработке их.

[1]Влияние Гофмана сказалось еще определеннее на таких вещах, [2] как «Нос», «Записки сумасшед[шего]». В «Вечерах» это влияние затушевано местным колоритом рассказов, хохлацким юмором, описаниями природы украинской, [3] но прочитайте повесть «Нос» между двух рассказов Гофмана и вы заметите разницу между тремя рассказами лишь в месте действия и именах лиц — до такой степени оба автора сливаются в настроении и приемах письма. Здесь надо заметить, что Гоф[ман] в то время был очень популярен в Р[оссии] и вызвал не мало подражателей, крупнейшим из них по таланту был гр[аф] Соллогуб, не без ус-

---

[1] каждый может убедиться в правильности вышесказанного Гоголя

[2] Гоголя

[3] действие повести «Нос» происходит в городе, и повесть может быть включена в рассказы Гофмана.

пеха копировав [ший] Гоголя и очень влиятельный человек в литерат[урных] кругах того времени.

Возьмем теперь [1] такие рассказы, как «Старосвет[ские] помещики», «Поручик Пирогов» * и т. д. — все эти вещи ставятся в ряд строго реалистических произведений автора. Нам реализм их должен показаться сомнительным.

Что такое реализм? Кратко говоря: объективное [2] изображение действительности, изображение, [3] которое выхватывает из хаоса житейских событий, человеческих взаимоотношений и характеров [4] наиболее общезначимое, наичаще повторяющееся, [5] слагает наиболее часто встречающиеся в событиях и характерах черточки и факты и создает из них картины жизни, типы людей. В лице Онегина мы видим изображенной * привычки, мысли, чувства всей светской дворянской молодежи 20-х год[ов]. [6]

Едва ли в действительности существовал человек, соединявший в себе все то, чем П[ушкин] наполнил Онегина, но несомненно, что характернейшие черты Онегина — были свойственны сотням людей той эпохи.

Писатель-реалист [7] склонен к синтезу, к сводке [8] общезначимого, всем людям его эпохи свойственного, в единое, целостное. [9] Это единое суть типичное, и помимо своей стройности, красоты — ценности эстетической — оно имеет для нас ценность неоспоримого исторического документа.

В романе реалиста мы ясно видим, что его герои, его типы действительно те лица, которые оставили в наследство нам такие-то или иные свои работы, свои мысли, свои предрассудки, что в обстановке, среди которой они жили, они не могли сделать ничего иначе, чем сделали.

И даже, когда писатель-реалист является пред нами как аналитик, — он разлагает то, что до него признавалось общезначимым, — субъективные же — индивидуальные черты лица или события — редко занимают его, как бы они ни были оригинальны, как бы резко ни бросались в глаза. Субъективное — это излюбленный материал романтика-индивидуалиста, вот почему

---

[1] «Миргород» Гоголя

[2] правдивое

[3] которое, не подчиняясь какой-либо преднамеренной мысли, тенденции...

[4] наиболее характерное

[5] и из этих объективных, присущих черточек, преимущественно присущих данным отношениям или данным лицам

[6] в лице Обломова — пред нами правдивейшее изображение дворянства обленившегося, не ради...

[7] по преимуществу, чаще всего

[8] психических характерных особенностей и особенностей своего времени и людей типичных...

[9] к типизации явлений.

изображаемое им, будучи часто очень интересно по формам, почти всегда незначительно по существу, по содержанию.

Отвечает ли Гоголь требованиям реализма?

В «Стар[осветских] поме[щиках]» — в Аф[анасии] Ив[ановиче] и Пульх[ерии] Ив[ановне] — мы видим пред собой [1] мирную и сладкую жизнь некоторых добреньких, тихоньких людей. Это помещики, деревенские жители, но — вокруг них нет деревни с ее трудом, нет крестьян, в ту пору сильно взволнованных [2] разбоями, нападениями на чумацкие обозы, [3] холерой, слухами об устройстве в Мал[оросии] военных поселений, — в Чугуеве Харьк[овской] губернии они уже были устроены, — слухами о воле и, наконец, сильно разоренных рекрутскими наборами [18]13 и [18]27 г[одов] — наборы эти большей частью легли на Киев, Харьков, Полтаву, Смоленск.

Рассказ озаг[лавлен] «Стар[осветские] помещ[ики»]; мы вправе ждать от него освещения всех сторон помещичьей жизни, всех тенденций этого класса людей, всего, что волновало их. В ту пору, как мы знаем от других авторов, из мемуаров, из истории нашего о[бщест]ва, среди просвещенной, культурной части дворянства Украины впервые возникли, — под влиянием либеральных веяний первой полов[ины] царс[твования] Ал[ександра] I — идеи украинофильские, националистические, идеи сепаратизма. Они возникли отчасти под влиянием великорусского славянофильства, росли под гнетом ник[олаевского] режима; друг и биограф Гоголя — Кулиш — ярый украинофил. [4] *

Гоголь не отметил этих явлений, не показал помещиков, [5] которые думали не только о галушках, варениках и кавунах, а и о судьбе своей родины. Мне кажется, что он не мог сделать этого по причине такой: «Старос[ветские] помещ[ики]» — не самостоятельное, не оригинальное произведение, оно выросло на почве подражания английскому писателю Стерну, сентиментальному романтику и юмористу. Влияние Стерна усилилось еще и несомненным влиянием названного выше Соллогуба — оба эти влияния будут ясны, если сравнить данный рассказ Гоголя с произведениями этих писателей, — что легко сделать. *

Сравнивая, необходимо помнить, что речь идет о технике, т. е. сходстве приемов обработки материала, [6] и о психике, т. е. тожестве отношения к жизни, к людям, самый же материал, разумеется, вне сравнений, поскольку это материал — бытовой.

Идем далее: берем «Т[араса] Б[ульбу]». В этом рассказе Го-

---

[1] тихую

[2] голодовк[ами]

[3] неугасшей враждой к сербам, поселенным в Укр[аине] Екатериной

[4] Прокопович друг его

[5] культурных

[6] а не о единст[ве]

голь рисует нам запорожцев в виде древних сказочных богатырей; они у него обладают чудовищной физич[еской] силой, [1] силою, о которой говорят нам народные былины, — но мы ведь знаем, что герои былин олицетворяли собою стихии, силы природы.

В битве под Дубно козак Попович [2] закалывает трех поляков, двух сбивает с седел, убивает еще одного, связывает арканом другого. Допустим, что это возможно. Допустим даже, что куренной Бородатый убил семерых шляхтичей, вероятно, умевших владеть оружием не хуже его.

Один из панов польских ударом копья, — копьями в ту пору уже не дрались, — опрокидывает на землю козака с лошадью, многим отняв на-прочь головы и руки, двух запорожцев разрубает надвое — это уж явное преувеличение: невозможно разрубить человека надвое ни поперек тела, ни — тем более — с головы до седла. Запомните, что ведь оба бойца верхами, а лошади их не стоят неподвижно, они топчутся, качают всадников. Рубка кавалерии основана на том, чтоб силу взмаха руки и тяжесть сабли соединить с силою движения лошади, если это удастся кавалеристу — он может срубить голову, [3] но пересечь пополам мягкое тело нельзя, это ясно.

Далее рассказаны еще более невероятные вещи: «Кукубенко, взяв в обе руки свой тяжелый палаш, вогнал его ему [поляку] в самые побледневшие уста; вышиб два сахарные зуба палаш, рассек надвое язык, разбил горловой позвонок и вошел далеко в землю» *.

Это вызывает ряд сомнений.

1. В ту пору палашами не дрались.

2. Саблю нельзя взять в обе руки: у нее рукоять устроена для одной.

3. «Вогнать в уста» — я понимаю это выражение так: удар был нанесен поперек лица, при этом он едва ли мог рассечь язык надвое; двух выбитых зубов мне мало, хотя считать, сколько было их выбито — некому и некогда в пылу боя.

Все эти преувеличения и неточности рисуют нам автора отнюдь не как реалиста, а как романтика; далее — «Т[арас] Б[ульба]» невольно напоминает повесть декабр[иста] Бестуж[ева]-Марлин[ского] «Амалат-Бек», — повесть очень популярную в то вр[емя], написанную в таком же тоне преувеличений и неточностей, таким же приподнятым и [4] крикливым языком.

Для бóльшей убедительности я должен бы сопоставить Гоголя с Гофманом, Стерном и Марлинским, сравнить его там, где он описывает одинаковые с этими авторами чувства людей или события, или картины природы, но у нас нет времени на это и это,

---

[1] совершают фантастические подвиги храбрости

[2] разрубает двух

[3] не удастся он и...

[4] риторическим

наконец, не наша задача. Мы ведь оцениваем изящную литературу как ряд картин к истории русс[кой] интеллигенции и как материал, из которого мы должны взять все ценное, воспитывающее ум и чувства наши, — все, что может сблизить нас друг с другом еще тесней, что способствует нам понять тончайшие, самые сложные настроения друг друга, что, позволяя нам изучать внутренний мир человека, может и должно внушить нам уважение к личности товарища и даже врага — коли это честный враг, если борьба с ним делает нас ловчее, умней и сильней.

Итак, все вышесказанное должно, мне кажется, внушить нам сомнение в реализме Гоголя.

Теперь рассмотрим его со стороны языка, со стороны техники.

Стиль реалиста [1] точен, он обладает убедительной ясностью; реалист старается писать так, «чтобы словам было тесно, мыслям— просторно».

Гоголь пишет: Кукубенко

> ...взяв в обе руки свой тяжелый палаш, вогнал его ему в самые побледневшие уста; вышиб два сахарные зуба палаш, рассек надвое язык, разбил горловой позвонок и вошел далеко в землю...

Здесь совершенно не ясно, кто вошел в землю — язык или позвонок, сам козак или его палаш?

«Что за радость, что за разгулье падет на сердце, когда услышишь про то, что д а в н о, д а в н о, и г о д а е м у и м е с я ц а нет, деялось на свете!» *

Непонятно, почему здесь названы давно прошедшими дела, которым нет еще не только года, но и месяца!

[2] Наприм[ер], Толстой пишет:

> Мертвец лежал, как всегда лежат мер[тве]цы, особенно тяжело, по-мертвецки утонувши окоченелыми членами в подстилке гроба, с навсегда согнувшейся головой на подушке и выставлял, как всегда выставляют мертвецы, свой желтый восковой лоб, со взлизами на ввалив[ших]ся висках и торчащий нос, как бы надавивший на верхнюю губу. *

Вот язык реалиста: простыми словами, [2] умело поставив средь них два словечка «как всегда» — он невольно заставляет вас смотреть на мертвеца, как на самое обыкновенное, будничное явление и почти внушает вам чувство некоторого пренебрежения к мертвецу, отвлекающему живых людей от живого дела.

Гог[оль] 1—111

Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь в нее: с середины неба глядит месяц; необъятный небесный свод раздался, раздвинулся

---

[1] тверд и...

[2] как всегда, — он придает факту смерти простой буд[ничный]

еще необъятнее; горит и дышит он. Земля вся в серебряном свете; и чудный воздух, и прохладно душен, и полон неги, и движет океан благоуханий. Божественная ночь! Очаровательная ночь! *

Это речь романтика, напыщенная и неубедительная, она не заставляет меня почувствовать красоту украинской ночи. Манера Г[оголя] внушать свою мысль читателю чаще всего сводится к повторению одних и тех же слов, как примерно:

Анн[енков] 51

...Но слушай! теперь ты должен слушать моего слова, ибо вдвойне властно над тобой мое слово, и горе кому бы то ни было, не слушающему моего слова!.. О, верь словам моим! Властью высшею облечено отныне мое слово... [1] *

Этим можно загипнотизировать человека, но трудно убедить его.

Описывая Днепр, Г[оголь] уверяет читателя, что птица не в силах перелететь через эту реку — мы более высокого мнения о полете птиц [2]. Можно привести десятки выдержек из повестей Гоголя, и все они показали бы нам одно и то же — это не реалист по языку. Он слишком субъективен для реалиста, слишком далек от простых и точных описаний, [3] слащав и многословен.

Гоголь любил говорить о себе и, хотя редко, в речах его чувствуется искренность; однако она всегда чувствуется, когда человеку больно. Наш писатель сам прекрасно знал, что его язык — плох. Вот что он говорит по этому поводу:

VIII, 9 стр.

...Я до сих пор, как ни бьюсь, не могу обработать слог и язык свой, первые необходимые орудия всякого писателя: они у меня до сих пор в таком неряшестве, как ни у кого даже из дурных писателей, так что надо мной имеет право посмеяться едва начинающий школьник...*

Но — он написал «Шинель», «Ревизора», «Мертвые души», «Женитьбу»? Теперь мы перейдем к нашему Гоголю, Гоголю-реалисту, которого сделал Пушкин.

Известно, что темы «Ревизора» и «Мер[твых] д[уш]» дал Гоголю П[ушкин], известно также, что Пуш[кин] очень неохотно уступил Гоголю эти темы, дорогие автору «Онегина» и «Повестей Белкина».

Однажды П[ушкин] даже сказал, как свидетельствует Анненков, знаменитый биограф Белинского, друг Гоголя и Тур[генева], первый издат[ель] Пуш[кина]:

---

[1] Прием — грубый, ибо это усыпляет

[2] и не верим в это

[3] природы

« — С этим малор[оссом] надо быть осторожнее: он обирает меня так, что и кричать нельзя». *

Известно, что П[ушкин] просматривал рук[опись] «Ревизора», но какие поправки и указания сделаны им, это не установлено, главным образом потому, что Гоголь всегда окружал свои работы строжайшей тайной.

Но и в «Р[евизоре]» и в «М[ертвых] д[ушах]» есть нечто от Г[оголя]-романтика, плохо, как мы видим, считавшегося с действительностью и недостаточно объективно наблюдавшего жизнь.

В «Рев[изоре]» бросается в глаза полное отсутствие молодых чиновников — молод один Хлестаков. Это неверно исторически: как раз именно в ту пору столицы начали выбрасывать на службу в провинцию десятки молодых людей, только что окончивших университет: среди этих людей мы видим Катенина, поэта и знатока литер[атуры], которого Пуш[кин] просил: «Побей — но выучи!», * Пущ[ина], [1] Пушкин[а] и Рылеева-декабриста, Данилевского, Киреевского и бесчисленное количество других имен, известных истории.

Во времена Гоголя провинциаль[ными] чиновниками и жителями были Герцен, Огарев, Бакунин, Сатин, Сазонов, Пассек, Витберг, Сал[тыков]-Щедрин и еще десятки таких же крупных людей; сам Гоголь — тоже чиновник.

Эти имена слишком ярки, их фигуры слишком резко выступали на сером фоне провинции, жизнь их была крайне драматична — их надо было заметить внимательному наблюдателю. Героем эпохи был не Хлестаков, как мне кажется, а Рылеев, т. е. человек либеральных взглядов.

Затем — надо вспомнить, что у дворян-литераторов той поры было вообще резко отрицательное отношение к «приказным», но, как вы со временем увидите, отношение это объяснялось не одним естественным чувством отвращения к старому чиновничеству — нет, в это отрицательное отношение вливалось чувство кастового и, пожалуй, классового соперничества, потому что на сцену появилось новое лицо — «разночинец», чиновник из мещан и духовенства, вооруженный таким же образованием, как и молодое служилое дворянство, он был более работоспособен, чем избалованные дворяне, он становился им поперек дороги и обгонял их по пути к чинам.

Это столкновение двух групп было весьма заметно в пору Г[оголя], но осталось незамеченным в «Рев[изоре]», страдающем некоторым сгущением красок, сгущением, которое вызвано не одним свойством таланта Гоголя, но и, как сказано, общим отрицательным отношением чиновников-дворян к чинов[никам]-разночинцам.

---

[1] друга Пуш[кина]

Но, внося эту поправку, мы, конечно, не станем отрицать ни огромного значения «Р[евизора]» для своего времени, ни его значения для нас, как исторического документа и образца литер[атурной] техники.

В «М[ертвых] д[ушах]» — тот же недостаток объективизма, свойственный вообще всем романтикам: время Чичикова и Гоголя имело уже таких [1] дворян, каковы были Ак[саковы], Хомя[ковы], Кир[еевские], Виельг[орские], Бакун[ины], Жадовские, [2] Сазоновы, Растопчины и опять-таки целый ряд исторических семейств, общекультурное влияние которых на жизнь в ту пору уже начало сказываться.

Гоголь не заметил этой значительной и уже влиятельной группы, изображая Плюшкиных, Собакевичей, Коробочек и других уродов [3].

---

[1] культурных

[2] Трубецкие

[3] А когда он захотел во 2-ой части «М[ертвых] д[уш]» создать типы положительные — он ⟨взял для этого⟩ выдумал полугрека Констанжогло — для того, чтоб доказать и оправдать необходимость слияния греческих-византийских начал с началами русской самобытности — идея Ив[ана] Кирее[вско]го.

Вот что говорит по этому поводу Анн[енков], личный друг Г[оголя], относящийся к нему чрезвычайно мягко и склонный много прощать ему.

Анн[енков] 64

... Мысль общества начинает уже скрываться от того человека, который первый ее открыл и почувствовал в себе, и это несчастное одиночество Гоголь принимает за высокий успех, рост в вышину, великое нравственное превосходство. Тогда сама собой является необходимость разрешения вопросов и литературных задач посредством призраков и фантомов, что так поражает в оставшейся нам второй части «Мертвых душ». Именно около этой эпохи задуманы лица в роде Констанжогло, который должен был явиться типом совершеннейшего помещика-землевладельца, типом, возникшим из соединения греческой находчивости с русским здравомыслием и примирения двух национальностей, родных по вере и преданиям. Участие призрака в создании еще виднее на другом лице — откупщике Муразове, который вместе с практическим смыслом, наделившим его монтекристовскими миллионами, обладает высоким нравственным чувством, сообщившим ему дар сверхъестественного убеждения. Крупная разжива со всеми ее средствами, не очень стыдливыми по природе своей, награждена еще тут благодатью понимать таинственные стремления душ, открывать в них вечные зародыши правды и вести их с помощью советов и миллионов к внутреннему миру, к блаженству самодовольствия и спокойствия. Это примирение капитала и аскетизма поставлены, однако же, на твердом нравственном грунте, и

Могут возразить: все эти промахи объясняются задачами сатиры. Мы скажем: и сатира должна быть объективна и сатирик [1] не должен закрывать глаз на [2] искры, сверкающие во тьме,— ибо всякая искра способна родить яркий огонь.

Щедрин был сатирик, [3] не менее сильный, чем Гоголь, но — найдите в его сочинениях подобные промахи. [4]

Народ у Гоголя — странный народ. Сопоставьте мужиков из «М[ертвых] ду[ш]» с малороссами «Вечеров на хуторе» — это две расы, совершенно не похожие друг на друга. Все хохлы умные, добрые, [5] все — поэты. Они хороши, даже когда глупы, они — милые, [6] от помещика до [7] крестьянина. В них, в каждом — есть нечто нарядное, праздничное, хочется сказать — оперное. Поставьте рядом с этими красавчиками Петрушку, Селифана и всех мужиков великороссов из «М[ертвых] д[уш]» — и вы увидите, что, по сравнению с украинцем, великоросс — человек скудоумный, [8] тяжелый, грубый.

Несомненно, что между южной и северной Русью существует разница крови — но в действительности мы не видим ее в такой резкой форме, какая подчеркнута Гоголем. Здесь еще раз сказывается разлад писателя с жизнью.

Достоевский, говоря о сострадании, как основной [9] ноте рус[ской] лит[ературы], сказал: «вся рус[ская] литер[атура] вышла из «Шинели», рассказа Гоголя. Это несомненное преувеличение, мы с большим правом можем сказать, что реализм в рус[ской] лит[ературе] начат Пуш[киным], именно его «Станцион[ным] смотр[ителем]» и вообще им, и что основы гуманитарного отношения к [10] униже[нным] и оскорб[ленным] людям были заложены еще до Пуш[кина].

Послушаем, что говорит сам автор в своей «Исповеди» о влиянии на него Пушкина:

здесь-то нельзя удержаться от глубокого чувства скорби и сожаления. *

[1] как, напр[имер], Щедрин

[2] то, что является на истощенной почве, хотя бы ничтожным зерном, противоречия... способным к росту.

[3] но он умел отметить то, что является

[4] Он не забыл Крамольникова среди Головлевых и благополучных россиян, не забыл и о народе.

[5] мягки

[6] от головы до нарубка

[7] кузнеца. О запорожцах уже не говорю — это рыцари

[8] увалень

[9] черте

[10] народу

VIII. 23—5-я

...Я не могу сказать утвердительно, точно ли поприще писателя есть мое поприще. Знаю только то, что в те годы, когда я стал задумываться о моем будущем (а задумываться о будущем я начал рано, в те поры, когда все мои сверстники думали еще об играх), мысль о писателе мне никогда не всходила на ум, хотя мне всегда казалось, что я сделаюсь человеком известным, что меня ожидает просторный круг действий и что я сделаю даже что-то даже для общего добра. Я думал, просто, что я выслужусь и все это доставит служба государственная. От этого страсть служить была у меня в юности и очень сильна. Она пребывала неотлучно в моей голове впереди всех моих дел и занятий. Первые мои опыты, первые упражнения в сочинениях, в которых я получил навык в последнее время пребывания моего в школе, были почти все в лирическом и серьезном роде. Ни я сам, ни сотоварищи мои, упражнявшиеся также вместе со мной в сочинениях, не думали, что мне придется быть писателем комическим и сатирическим, хотя, несмотря на мой меланхолический от природы характер, на меня часто находила охота шутить и даже надоедать другим моими шутками; хотя в самых ранних сужденьях моих о людях находили уменье замечать те особенности, которые ускользают от вниманья других людей, как крупные, так и мелкие и смешные. Говорили, что я умею не то что передразнить, но угадать человека, то есть угадать, что он должен в таких и таких случаях сказать, с удержаньем самого склада и образа его мыслей и речей. Но все это не переносилось на бумагу, и я даже вовсе не думал о том, что сделаю со временем из этого употребление...

. . . . . .

Но Пушкин заставил меня взглянуть на дело серьезно. Он уже давно склонял меня приняться за большое сочинение и наконец, один раз, после того, как я ему прочел одно небольшое изображение небольшой сцены, но которое, однако ж, поразило его больше всего мной прежде читанного, он мне сказал: «Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью не приняться за большое сочинение! Это, просто, грех!» Вслед за этим начал он представлять мне слабое мое сложение, мои недуги, которые могут прекратить мою жизнь рано; привел мне в пример Сервантеса, который, хотя и написал несколько очень замечательных и хороших повестей, но если бы не принялся за «Донкишота», никогда бы не занял того места, которое занимает теперь между писателями, и, в заключение всего, отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то

вроде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому. Это был сюжет «Мертвых душ». (Мысль «Ревизора» принадлежит также ему.) *

[1] Посмотрим на Гоголя, как на личность: это человек хилый физически, неустойчивый духовно, болезненно капризный, честолюбивый, крайне эгоистичный в отношениях к людям и — при всем этом — человек [2] сильного, цепкого ума, с преобладающей в нем практической складкой. Эта характеристика годится для индивиду[алистов]-романтиков всех стран и всех эпох — все они с вершин своих мистических [3] истин относятся к жизни и людям холодно и равнодушно, что, конечно, естественно — ибо, выдвигая себя вперед людей, возвышаясь над ними в мечтах своих, человек остается одиноким и кроме себя никого в мире не чувствует.

В ту пору — пору юности рус[ской] лит[ературы] — писатели одинокие в о[бщест]ве, враждебном им, старались держаться ближе друг ко другу, завязывали между собой крепкие связи и, действ[ительно], — чувство дружбы было сильно развито в литер[аторах].

У Гоголя — мало друзей, тех же, какие имелись, он всячески старается использовать в своих целях.

Анн[енков] говорит о нем:

18

...Необычайная житейская опытность, приобретенная размышлениями о людях, выказывалась на каждом шагу. Он исчерпывал людей так свободно и легко, как другие живут с ними. Не довольствуясь ограниченным кругом ближайших знакомых, он смело вступал во все круга, и цели его умножались и росли по мере того, как преодолевал он первые препятствия на пути. Он сводил до себя лица, стоявшие, казалось, вне обычной сферы его деятельности, и зорко открывал в них те нити, которыми мог привязать к себе. Искусство подчинять себе чужие воли изощрялось вместе с навыком в деле, и мало-по-малу приобреталось не менее важное искусство направлять обстоятельства так, что они переставали быть препонами и помехами, а обращались в покровителей и поборников человека. Никто тогда не походил более его на итальянских художников XVI-го века, которые были в одно время гениальными людьми, благородными любящими натурами и глубоко практическими умами... *

---

[1] Итак, все сказанное имеет целью доказать, что Гоголь по натуре своей был...

[2] необыкновенного

[3] или идеалистич[еских]

Это совершенно не похоже на Пушк[ина], который органически не мог пропустить мимо себя сильное лицо, не проводив его насмешкой, и потому творил себе врагов десятками.

Вот как рисует На[на]ева отношение Г[оголя] к товарищам-литер[аторам]:

196

...Я забыла упомянуть, что в 1847 году, не помню в каком месяце, в Петербурге проездом был Гоголь. Он изъявил Панаеву желание приехать к нему вечером посмотреть на молодых сотрудников «Современника», причем, конечно, сделал свою обычную оговорку, чтобы ни посторонних лиц, ни дам не было. За час до прибытия Гоголя в кабинете Панаева собрались: Гончаров, Григорович, Кронеберг и еще кто-то, а из старых московских знакомых Гоголя были Боткин и Белинский. Гоголь просидел не долго; когда он уехал, я вошла в кабинет и заметила, что у всех на лицах было недоумевающее выражение и все молчали, один Белинский, расхаживая по комнате, находился в возбужденном состоянии и говорил:

— Не хотел выслушать правды — убежал, еще лучше. Я в письме изложу ему все!.. Нет, с Гоголем что-то творится... И что за тон он принял на себя, точно директор департамента, которому представляют его подчиненных чиновников... Зачем приезжал?.. *

[1]Но он считал себя существом неизмеримо высшим — ему казалось, что вся страна смотрит на него как на [2] источник чего-то необычайного. Он спрашив[ал]:

«Русь! чего же ты хочешь от меня... Зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?..» *

Это сказано им долгое время спустя после постановки «Ревиз[ора]», в самый же вечер первого представления он, бросив пьесу на пол, с тоской воскликнул: «Г[осподи], б[оже]! Ну если б один, два ругали, ну и б[ог] с ними, а то все, все». *

[3]Честолюбивый и жадный к славе — он задумал читать в универ[ситете] лекции всемир[ной] истории, с трудом добился этого, начал читать, но через две, три лекции студенты перестали слушать его. Он заболел, затосковал после этого. Он не любит людей, но ему необходимо, чтобы все подчинялись и даже поклонялись ему, и он старается внушить людям [4] сознание, что пред ними необыкновенный, загадочный человек.

---

[1] Его взгляд на себя был неизмеримо хуже. Гоголь видел...

[2] спасителя

[3] Этот человек переоценил свои силы — участь всех романтиков, всех индивидуалистов.

[4] чувство

«Рев[изор]», «Мерт[вые] души» были какой-то случайной полосой в его жизни — замолк голос Пушкина, и Гоголь ощутил ужас пред смертью, написал II-ю часть «М[ертвых] д[уш]», выпустил в свет «Избранные места переписки», [1] а когда вся мыслящая Русь во главе с Бел[инским] назвала эту книгу, как следовало, — Гоголь испугался голоса народа и написал худшее [2] из своих произведений «Авторскую исповедь».

Это самая тяжелая и противоречивая книга в русской литературе, книга [3] человека, который испугался упреков, брошенных ему в лицо, хочет оправда[ться] и не может, стонет от боли и обиды, кричит: «Я не хуже вас!» — и не верит себе, и снова жалуется, снова ищет оправданий [4] и говорит неправду.

Вот несколько строчек этих судорог разбитой души:

VIII. «Авт[орская] испов[едь]» до 21-ой. *

Это неверно: подчиненный идеям славянофилов, вот как Г[оголь] говорит о...

VIII. — конец

РАССМОТРЕНИЕ ХОДА ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ

Петр открыл ход русским в Европу просвещенную, развитую, получившую гражданственность. Он сделал пользу. «Бери и забирай все лучшее, что там ни есть готовое; пополняй, чего недостает». Но русский народ невоздержен: он перешел границы всего и впал в крайность. Жадно он схватился за все, что нужно и не нужно. Втянувшись в разветвления роскоши и бесчисленную мелочь, позабыл совершенно то, что есть в своей земле: восхитившись оригинальностью и стройностью европейского быта, задумал перенесть его к себе. Точно, как будто возможно! Позабыл, что Европа развилась оттого так, что развилась из своих начал. Россия должна была развиться из своих начал. На Европу нужно было глядеть, не породнивши (?) ее на обезьянничество. Если дом уже состроен по одному плану, нельзя ломать его; можно украсить, убрать отлично, отделать всякий уголок, но ломать капитальные стены строенья — это нелепость, почти то же, что поправлять дело рук божиих. От этого произошло, что собственно русское в России мало подвинулось, несмотря на 100 лет беспрерывных поправок, переделок, хлопот и возни.

В науках, искусствах, в образе жизни, а пуще всего в голове русского человека произошло хаотическое смешение. Все пробы заведений, чем далее, тем более становились не-

[1] погрузился в мистику, в ужас пред смертью
[2] лицемернейшее
[3] труса
[4] и лжет, за...

удачны. От того русский, чем более входил в европейскую жизнь, тем более позабывал свою землю и тем менее мог знать, что ей более прилично. От этого все прививки были неудачны и не принимались.

Хозяйство не ушло вперед. Множество переводных книг о земледелии и о всех отраслях домоводства спутали хозяев. Каждый переломал, перековеркал все у себя и ничего не установил нового. Те, которые поумнее, перепробовавши все, возвратились к прежнему простому порядку, близкому к природе той земли, в которой он родился.

Земли стали еще бесплоднее..., потому что никогда в России не было вырублено столько леса, как в это время ломок, перестроек, вечных переправок и переделок. От того засухи стали сильнее; высохнувшие речки перестали разливаться и... орошать поля.

Стремление к обезьянству стало так велико, что мы готовы завести железные дороги прежде, чем подумали, откуда взять топливо.

Науки не сделали своего дела уже потому, что множеством своим отвлекли от жизни; набили головы множеством терминов; увлекли их в философство...; стали решать на бумаге то, что совершенно иначе разрешалось в жизни; приучили к строению воздушных замков и сделали людей неспособными к практическому делу и нынешним громоздом своим умертвили ум и способности. *

Это почти дословное воспроизведение взглядов Киреев[ского] и его кружка.

Анненк[ов] передает такое мнение Гоголя, относящееся к [18]46 г[оду]:

Ан[ненков] 69

«Вот, — сказал он раз, — начали бояться у нас европейской неурядицы — пролетариата... думают как из мужиков сделать немецких фермеров... А к чему это?.. Можно ли разделить мужика с землею?.. Какое же тут пролетариатство? Вы ведь подумайте, что мужик наш плачет от радости, увидав землю свою; некоторые ложатся на землю и целуют ее как любовницу. Это что-нибудь да значит?.. Об этом-то и надо поразмыслить». Вообще он был убежден тогда, что русский мир составляет отдельную сферу, имеющую свои законы, о которых в Европе не имеют понятия.*

[1] Возврат[имся] к «Исповеди»: отталкивая от себя обви-

[1] По своим политическим симпатиям — Гог[оль] ученик Киреевского, главы сл[авянофильст]ва, он идет за ним и к мистицизму, он ученик его и по воззрениям на религию.

нение в измене духу разума, духу правды, не соглашаясь, что он в «Переписке» своей проповедует косность, застой, рабство, Гоголь говорит:

VIII. 34—53

Что же касается до мнения, будто книга моя должна произвести вред, с этим не могу согласиться ни в каком случае. В книге, несмотря на все ее недостатки, слишком явно выступило желанье добра. Несмотря на многие неопределительные и темные места, главное видно в ней ясно, и после чтения ее приходишь к тому же заключению, что верховная инстанция всего есть церковь и разрешение вопросов жизни — в ней. Стало быть, во всяком случае, после книги моей читатель обратится к церкви, а в церкви встретит и учителей церкви, которые укажут, что следует ему взять из моей книги для себя, а может быть, дадут ему на место моей книги другие, позначительнее, полезнее и для которых он оставит мою книгу, как ученик бросает склады, когда выучится читать по верхам... *

Итак — отрицая [1] все, что он проповедывал в «Переписке» и что написано там всеми буквами, Гоголь в конце концов просто признал эту книгу самой [2] значительной, мудрой и потому непонятной Р[осс]ии.

Что же проповедует в этой книге автор «Р[евизора»] и «М[ертвых] д[уш]»?

Вот его мнение о церкви:

VII. 36

Эта церковь, которая, как целомудренная дева, сохранилась одна только от времен апостольских в непорочной первоначальной чистоте своей, эта церковь, которая вся с своими глубокими догматами и малейшими обрядами наружными как бы снесена прямо с неба для русского народа, которая одна в силах разрешить все узлы недоумения и вопросы наши, которая может произвести неслыханное чудо в виду всей Европы, заставив у нас всякое сословие, звание и должность войти в их законные границы и пределы и, не изменив ничего в государстве, дать силу России, изумить весь мир согласною стройностью того же самого организма, которым она доселе пугала, — и эта церковь нами незнаема!*

Вот что говорит он далее:

---

[1] обвинения

[2] дорогой

39

Некоторые из нынешних умников выдумали, будто нужно толкаться среди света для того, чтобы узнать его. Это просто вздор. Опровержением такого мнения служат все светские люди, которые толкаются вечно среди света и при всем том бывают всех пустее. Воспитываются для света не посреди света, но вдали от него, в глубоком внутреннем созерцании, в исследовании собственной души своей, ибо там законы всего и всему: найди только прежде ключ к своей собственной душе; когда же найдешь, тогда этим же самым ключом отопрешь души всех. *

В «Ав[торской] исп[оведи]» он же говорит [1] нечто прямо противоположное о своем страстном стремл[ении] изучать и познавать действительность:

VIII. — 37

...во мне родилось желание сильнее знать Россию. Я стал знакомиться с людьми, от которых мог чему-нибудь поучиться и разузнать, что делается на Руси; старался наиболее знакомиться с такими опытными практическими людьми всех сословий, которые обращены были лицом ко всяким проделкам внутри России. Мне хотелось сойтись с людьми всех сословий и от каждого что-нибудь узнать. Всякий должностный и чем-нибудь занятый человек стал в глазах моих интересен . . . . . .

. . . . . .

Из-за этого я старался завести переписку с такими людьми, которые могли мне что-нибудь сообщать. Прочих я просил набрасывать легкие портреты и характеры, первые, какие им попадутся. Все это было мне нужно не затем, чтобы в голове моей не было ни характеров, ни героев; их было у меня уже много; они выработались из познания природы человеческой гораздо полнейшего, чем какое было во мне прежде; но сведения эти мне, просто, нужны были, как нужны этюды с натуры художнику, который пишет большую картину своего собственного сочинения. Он не переводит этих рисунков к себе на картину, но развешивает их вокруг по стенам, затем, чтобы держать перед собою неотлучно, чтобы не погрешить ни в чем против действительности, против времени или эпохи, какая им взята. Я никогда ничего не создавал в воображении и не имел этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной из действительности, из данных, мне известных. *

[1] по этому поводу так:

Далее — монарх, царь, по Гог[олю] — человек «на рамена которого обрушилась судьба миллионов его собратий, кто страшною ответственностию за них пред богом освобожден уже от всякой ответ[ственности] пред людьми...» *

VII. — 47—120—2

...Там только исцелится вполне народ, где постигнет монарх высшее назначение свое — быть образом того на земле, который сам есть любовь. В Европе не приходило никому в ум определять высшее значение монарха. Государственные люди, законоискусники и правоведцы смотрели на одну его сторону, именно, как на высшего чиновника в государстве (поставленного от людей), а потому не знают даже, как быть с этой властию (как ей указать настоящие границы), когда, вследствие ежедневно изменяющихся обстоятельств, бывает нужно то расширить ее пределы, то ограничить ее; а через это и государь, и народ поставлен там между собою в странное положение: они глядят друг на друга чуть не таким же точно образом, как на противников, желающих воспользоваться властию один на счет другого. Высшее значение монархии прозрели у нас поэты, а не законоведцы — услышали с трепетом волю бога создать ее в России в ее законном виде; оттого и звуки их становятся библейскими всякий раз, как только излетает из уст их слово царь. *

Тяжело читать эту книгу, которая ныне становится модной, это из нее, главным образом, черпают гнилую и мутную мудрость сотрудники «Вех» и разные Мереж[ковск]ие.

Жалко Гоголя, слабого человека, задохнувшегося в мистицизме, признавшего косность необоримой и — обоготворившего ее.

Но он все-таки оставил нам два произведения, которым нет равных в русской литер[атуре] — не помирит нас с ним эта его заслуга, но не признать ее за Гоголем мы не можем.

[1]Социальное положение литератора в ту пору было страшно тяжело — правительство боялось свободного слова и душило его, о[бщест]во не понимало [2] значения литературы в жизни; писатель был одинок, [3] он был чуждым человеком в стране. Мы в следующий раз сделаем общий обзор 30-х, 40-х годов и увидим, что для личности это была одна из труднейших и драматических эпох — не было у нее поддержки, не на что было опереться ей.

И все это, до некоторой степени, объясняет нам разрушение души Гоголя — он, как многие, жертва времени.

---

[1] Тяжела была позиция

[2] роль

[3] ему неоткуда

Но тем, кто, хихикая, указывает на него, как на неоспоримое доказательство бессилия людского разума, как на ложность пути исследования, как на пример бесполезности [1] усилий человеческих в борьбе за счастье — тем мы скажем:

Гоголь был романтик-индивидуалист, он с детства носил в себе болезненное влечение к мистике, он случайно, руководимый Пущ[киным], встал однажды на верный путь, и на этом пути он был крепок и силен и пока он был на нем — он создал лучшие свои произведения, они — наши, ибо они здоровы, правдивы, революционны, а все, что сделано Г[оголем], кроме «Р[евизора]» и «М[ертвых] д[уш]», возьмите, нищие, себе, это ваше, ибо это — выдуманное, болезненное, гнилое!

[1] активной борьбы

[ОЧЕРК РАЗВИТИЯ РУССКОГО ОБЩЕСТВА В 30-Е—40-Е ГОДЫ. — ПОЛОЖЕНИЕ МЕЩАНСТВА, ДУХОВЕНСТВА, РАССЛОЕНИЕ И РАЗОРЕНИЕ ДВОРЯНСТВА. — РАЗНОЧИНЦЫ. — БЕЛИНСКИЙ. — ХАРАКТЕРИСТИКА ОТДЕЛЬНЫХ ГРУПП ДВОРЯНСТВА. — РАССЛОЕНИЕ В СРЕДЕ РАЗНОЧИНЦЕВ И ХАРАКТЕРИСТИКА ЕЕ ОТДЕЛЬНЫХ ГРУПП]

В конце 30-х, начале 40-х годов в русское дворянское о[бщест]во начинает вторгаться новый человек — «разночинец» — родоначальник современного нам интеллигента.

Он идет с трех сторон: наибольшее количество разночинца дает мещанство — социально бесправное, экономически неустроенное, оно, [1] будучи наиболее голодным, было и наиболее чутким ко всякой возможности выбиться из своего болота, зорко следило за всем, из чего могло извлечь пользу для себя.

Вы помните, что Нов[иков] говорил о мещанах, как лучших читателях его журнала, что в первое время царения Ал[ександра] I мещане усиленно хлопотали о [2] разрешении им строить училища, что Гоголь находил «гораздо более требовавшим внимания — не сословие земледельцев, а то мелкое сословие, ныне растущее, которое вышло из земледельцев, занимает разные мелкие места и, не имея никакой ответственности, несмотря на небольшую грамотность, вредит всем, чтобы жить за счет бедных». *

Исторически мещанство сложилось так: это черные градские или посадские люди, т. е. мелочные торговцы, ремесленники, поденщики — свободные, не закрепощенные боярами. В [1]775 г[оду] прав[ительство] сразу и сильно увеличило сословие мещан, назвав таковыми всех городских обывателей, которые, не владея капиталом в 500 р[ублей], не могли быть записаны в купечество. Городовое положение Ек[атерины] называет мещанами среднего рода людей, которые не принадлежат ни к именитому гражданству, ни к купечеству, ни к цехам, а кормятся в городе промыслом, рукоделием или работой. В отличие от купцов и цеховых, мещ[ане] представляют собою сословие в тесном смысле — принадлежность к мещанству наследственна.

---

[1] как это уже указывалось, было наиболее чут[ким]

*[2] развитии

Мещанское состояние сообщается рождением, браком, усыновлением и припиской. [1] От телес[ных] наказ[аний] мещанство не избавлено, до 1866 г[ода] оно платило подушную подать. Росло оно путем приписки к нему крестьян, выкупавшихся от помещиков, а позднее к мещ[анст]ву приписывались все незаконнорожденные сироты, питомцы воспитат[ельных] домов и дети канцелярских служителей.

Права мещ[ан], как и их социальная позиция, крайне шатки, мало определенны, например: м[ещанст]во имеет право устроить мещанское о[бщест]во, выбрать на три года старосту и десятников — должности неоплачиваемые и утверждаемые губер[натором]. Но в местностях, где введено город[овое] полож[ение], — мещане могут учреждать «управы», — причем состав последних законом уже не определяется. Выборы производят различно: в Белоруссии от 5 дворов один депутат, а в Н.-Новгороде и в Пензе — от 10 один. В столицах и Одессе мещ[ане] имеют ту же организацию, что и купцы, — могут устраивать собрания выборных. Во всех городах, кроме столиц [2] и гор[одов], окружающих С.-Петербург, к мещанам можно приписываться, не испрашивая согласия мещанских о[бщест]в, требуется только согласие управ и одобрение шести благонадежных домохозяев.

Все м[ещане] этих местностей подчинены дисциплинарной власти своих управ, обладающих правом на понудительное выселение вредных членов в Сибирь, а мещ[анск]ие управы большинства городов России этими правами не пользуются.

[3] Разобраться в путанице отношений правит[ельства] к мещанам — нет возможности, отношения эти в общем устанавливают лишь один факт: правительство никогда не смотрело на мещан, как на сословие, достойное внимания, играющее в государстве определенную роль, занимающее в жизни определенное, заметное и важное место.

Неопределенность прав, неустойчивость социальной позиции, [4] существование где-то на задворках истории, [5] постоянное стремление мещанина прососаться в ряды других классов — лишило это сословие возможности создать какие-либо свои мещанские, сословные задачи, поставить сословные цели. В этом сословии нет и не может быть единства целей, ибо личные стремления его единиц несоединимо разнообразны: сей тянет в канцелярию, оный — в гильдию, тот пробивается в университет, этот — уходит в ряды

---

[1] и не обусловлено соблюдением каких-либо правил

[2] Царск[ого] Села

[3] Трудно разобраться в этой путанице, где и права разноречивы и обязанности различны, где нет ничего точно и определенно указывающего место в жизни.

[4] отсутствие в этом сословии сознания своих жизненных задач, робкое

[5] не могло и лишило

пролетариата. При таком разброде направлений воли — не может быть речи о целостной психике, а потому м[ещанст]во является скоплением [1] индивидуумов, способных на все: от должности шпиона — как известно боль[шинст]во шпионов по паспортам царскосель[ские] мещане — до поста министра, — Витте, напр[имер], мещанин — и до роли революционера.

Психика личности, воспитанной в такой внутренне раздробленной и лишь внешне, механически связанной среде — эта психика должна носить своеобразный характер.

Мы и видим, что мещанин обладает самыми разнообразными способностями, [2] что он ловок, умеет быстро приспособиться ко всякой обстановке, всюду может занять скромное да сытное место, что его психика чудодейственно изменчива, гибка и не только претендует на устойчивость, а напротив — относится к ней отрицательно и с насмешкой.

Но все свойства психики ме[ща]н очень мелки и примитивны, этим, отчасти, объясняется тот факт, что мещ[анст]во не выдвинуло из своей среды почти ни одного крупного человека, ни в одной из областей, если не считать области ежедневной мелочной борьбы, дающей наибольший простор [3] способностям мещан.

Активность м[ещанин]а не простирается далее первого же сытного куска; схватив его, м[ещани]н сразу весь сосредоточен на охране захваченного и становится резко консервативен. Вообще мещанин может быть назван мелким хищником, которому все — все равно и который, будучи по необходимости строгим индивидуалистом, кроме себя и своих целей — ничего в жизни не видит.

Он-то и начал быстро расти и обильно насыщать собою рус[ское] дворянское о[общест]во 40-х годов.

Быстрый рост этот объясняется двумя причинами: — развитием сословия за счет крестьянства, все чаще отпускаемого и выкупавшегося на волю, слабым сопротивлением дворян, придавленных [4] тяжкой рукой Ник[олая], и экономическою неурядицей в стране.

За мещанами нового человека давало духовенство. Это сословие, наиболее здоровое физически, наиболее чистое по крови и наиболее плодовитое — рождаемость и долголетие среди него достигают наиболее высокого процента. Важен и тот факт, что духовенство самым положением своим обязано сохранять чистоту славянской крови — поп не может жениться на иноверке, дочь его не может выйти замуж за иноверца — таким образом, наследственная передача известных качеств сословия не пресекается вторжением качеств чуждых ему не только сословно, но и национально.

---

[1] самых разнообразных индивидуальных

[2] но всегда очень мелкими

[3] подлым

[4] гнетом

Вырабатываются характеры упорные, стойкие, [1] сильные. Положение ду[ховенст]ва сел и уез[дных] городов в эпоху, интересующую нас, было очень тяжко: священник стоял в полной зависимости от помещика и социально и экономически. Помещики вынуждали попов открывать тайну исповеди, давали им темы для проповедей и вообще смотрели на попа, как на орудие укрощения крестьян. Если поп отказывался исполнять приказания помещика, — последний лишал его обычной дачи хлебом и другими припасами, запрещал мужик[ам] давать попу руґу, наконец, жаловался на попа в епархию, требуя смены его или наказания. Нередки были случаи [2] избиения попов помещиками, нередко священника пороли, [3] как крепостного мужика — все это сходило с рук дворянам безнаказанно. Являясь к помещику с молебном, в годовые праздники, священник с причтом должен был ожидать в приемной с лакеями, когда ему позволят пройти в зал. Вообще отношение дворянина к попу было или суровым отношением владыки к рабу, или насмешливым и издевательским отношением просвещенного европейца к невежественному дикарю.

Это отношение должно было усилиться после того, как заметили, что деревенское священство принимает деятельное участие в крестьянских волнениях — не мало попов шло с Пугачевым, попы замешались в бунт олонецких кр[естья]н [4], и почти во всех кресть[янских] волнениях первой половины века мы встречаем там или здесь попа. Это было естественно: экономически зависимый от помещика, почти в той же мере, как и мужик, очень незначительно возвышавшийся над мужиком по образованию, одичалый, полуголодный и озлобленный поп был всячески ближе крестьянину, чем помещику.

Время ставило пред попом ряд труднейших задач: на него возлагалась борьба с мечтами мужика о воле, но поп, втайне, сам сочувствовал этим мечтаниям, они и его освобождали от зависимости барину. От него требовали борьбы с возникавшими в ту пору сектами: — он был слишком плохо вооружен для этого и сам постоянно впадал в ереси.

Наконец [5] синод, под давлением правительства, начал постепенно сокращать штаты духовенства — это вызывалось общей экономической неурядицей в стране, [6] духовенство [7] почувствовало [8] себя тесно в рамках своего сословия и, начиная

---

[1] крепкие
[2] наказания
[3] на конюшне
[4] принимали участие
[5] правительство в лице
[6] боязнью и для...
[7] как сословия
[8] необходимость выхода из сословия

с 30-х годов, университеты и канцелярии наполняются семинаристами.

Семинаристы принуждены зарабатывать свой хлеб и плату за учение — и вот мы видим, как они постепенно просачиваются в барские усадьбы учителями дворянских детей. Лучшим учителем Салтыкова был, по его словам, семин[арист] Смирнов. Герцен в своих воспом[инаниях] говорит, что он обязан направлением своего ума семинар[исту] Протопопову; в жизни Тургенева значительную играл роль сын сельского дьячка Боголюбский, и т. д.— без конца.

Его не любили, этого нового человека, не любили, чувствуя в нем крупную стойкую силу, — реальное доказательство этой силы уже стояло тогда пред дворянской интеллигенцией в лице Белинского, который, явившись неизвестно откуда, сразу занял в литературе командующий пост, невольно заставлял подчиняться силе его мысли и обаянию своей личности. Этот первый критик и первейший знаток литературы того времени, своим взглядом на нее, как на дело огромной, национальной важности, удивил, ошеломил писателей 40-х годов, — никто из них не смотрел на свое дело так серьезно, никто не отдавал себе отчета в силе и значении слова и образа и никто не ожидал, конечно, что откуда-то, со стороны, вдруг явится чужой человек и скажет неоспоримым тоном учителя и философа:

— Да, вы пишете довольно грамотно, порою — красиво, но никто из вас не отдает себе отчета, зачем он пишет, для кого и какой смысл в этом труде?

— Господа! — говорил он литерат[орам]. — Литер[атор] обязан знаком[ить] читателей со всеми сторонами об[ществен]ной жизни. Пора коснуться материальных вопросов, ведь они играют в жизни важнейшую роль.

Это было ново, и это была еретическая мысль — реализм считался зловредным, по общему твердо установившемуся мнению лит[ература] должна была прежде всего развивать в читателе эстет[ический] вкус и считалась делом избранных для избранных.

В. П. Боткин спрашивал:

— О какой литерату[ре] народной можно говорить в стране, где народ дик, безграмотен и зверообразен? О каком о[бщест]ве говорите вы — когда вас всего сто душ и вы — все о[бщест]во. *

Совр[еменник]. II. 624

Известно, что желание Одоевского сблизить, посредством своих вечеров, великосветское общество с русской литературой не осуществилось. Я уже намекнул об этом, говоря о Белинском.

. . . . . .

...Чтобы получить литературную известность в великосветском кругу, необходимо было попасть в салон г-жи Карамзиной — вдовы историографа. Там выдавались дипломы на

литературные таланты. Это был уже настоящий великосветский литературный салон с строгим выбором.

Дух касты, аристократический дух внесен был таким образом и в литературу. Аристократические литераторы держали себя с недоступною гордостью и вдалеке от остальных своих собратий, изредка относясь к ним только с вельможескою покровительственностью... *

Такие литераторы, как Пушкин и Гоголь, боялись личного знакомства с Белинским, и когда Б[елинский] начал разъяснять публике глубокое общественное значение «Рев[изора]» и «Мер[твых] душ» — Гоголь пришел в ужас от этих разъяснений и публично объявлял, что он совершенно не имел в виду того, что приписывают ему некоторые критики — даже имя Б[елинского] не смел назвать.

Он вообще опасался, что отношение Бел[инского] может [1] сконфузить его, Гоголя, в глазах публики.

Литер[атурные] аристократы говорили о Белин[ском] с пеною у рта:

Гол[овачева-Панаева]. 178. Совр[еменник]. 11—65 ст.

... О Белинском он [В. И. Панаев] не мог иначе говорить, как с пеной у рта, потому что тот в своих статьях осмеял прежних слащавых писателей, воспевавших пастушков и пастушек. Авторское самолюбие В. И. Панаева было страшно оскорблено, как осмелился какой-то недоучившийся разночинец смеяться над его литературными заслугами. «Намордник следует надеть такому писаке, — твердил он, — на цепь его посадить, а ему дозволяют печатать. До чего теперь дошла литература! появились в ней разночинцы, мещане! Прежде все литераторы были из привиллегированного класса, и потому в ней была благонадежность, сюжеты брались сочинителями нравственные, а теперь мерзость, грязь одну описывают. Распущенность, страшная распущенность допущена, необходимо надо наложить узду на нынешних писак! Просто срам — такое лицо, как Жуковский, сажает мужика в свою коляску, потому что он, видите ли, мужицкие стишки пописывает».

Впрочем, такое мнение о распущенности в литературе высказывал тогда не один В. И. Панаев...*

. . . . . .

На петербургских литераторов вообще он [Белинский] мало обращал внимания; он знал, что они не терпят его и боятся. Это, впрочем, было приятно его самолюбию. — «Этого — семинариста (хотя Белинский не был семинаристом) раздражать нельзя, — говорил про Белинского один

[1] испортить

военный историк, — с ним надо вести себя тонко, и, напротив, стараться смягчать его». *

Семинар[ист] держался в литер[атуре] хозяином, — вот что говорил он молодому Тургеневу:

180—98

О Лермонтове. 660

... Я вас ведь лучше знаю, чем вы сами себя, — продолжал он, — когда вам присничит пофорсить перед вашими знакомыми, а в кармане не будет денег, так вы не только побежите запродать свой рассказ в «Отечественные записки», но даже в «Северную пчелу»...*

. . . . . .

От Белинского Тургеневу досталась сильная головомойка, когда дошло до его сведения, что Тургенев в светских дамских салончиках говорил, что не унизит себя, чтобы брать деньги за свои сочинения; что он их дарит редакторам журнала.

— Так вы считаете позором сознаться, что вам платят деньги за ваш умственный труд? Стыдно и больно мне за вас, Тургенев! — упрекал его Белинский.

Тургенев чистосердечно покаялся в своем грехе и сам удивлялся, как мог говорить такую пошлость...*

. . . . . .

Белинский часто встречался у г. Краевского с Лермонтовым. Белинский пробовал было не раз заводить с ним серьезный разговор, но из этого никогда ничего не выходило. Лермонтов всякий раз отделывался шуткой или просто прерывал его, а Белинский приходил в смущение.

— Сомневаться в том, что Лермонтов умен, — говорил Белинский, — было бы довольно странно; но я ни разу не слыхал от него ни одного дельного и умного слова. Он, кажется, нарочно щеголяет светскою пустотою. *

Он умный, но я никогда не слыхал от него ни единого умного слова.

Это вызывало у литераторов-дворян резкое отношение к семинаристам вообще.

290—302—4 — и сле[дующие]

..Добролюбов и Ч[ернышевский] сделались в это время уже постоянными сотрудниками «Современника». Я только раскланивалась с ними, встречаясь в редакции. Хотя с большим интересом читала их статьи, но не имела желания поближе познакомиться с авторами.

Старые сотрудники находили, что общество Ч[ернышевского] и Добролюбова нагоняет тоску. «Мертвечиной от

них несет!» — находил Тургенев, — «ничто их не интересует»! Литератор Г[ригорович] уверял, что он даже в бане сейчас узнает семинариста, когда тот моется; запах деревянного масла и конопи чувствуется от присутствия семинариста, лампы тускло начинают гореть, весь кислород они втягивают в себя, и дышать делается тяжело.

Тургенев раз за обедом сказал:

— Однако «Современник» скоро сделается исключительно семинарским журналом; что ни статья, то семинарист оказывается автором!

— Не все ли равно, кто бы ни написал статью — раз она дельная, — проговорил Некрасов.

— Да, да! но откуда и каким образом семинаристы появились в литературе? — спросил Анненков.

— Вините, господа, Белинского, это он причиной, что ваше дворянское достоинство оскорблено, и вам приходится сотрудничать в журнале вместе с семинаристами, — заметила я.

Как видите, не бесследна была деятельность Белинского; проникло-таки умственное развитие и в другие классы общества.

Анненков залился своим обычным смехом, а Тургенев, иронически улыбаясь, произнес:

— Вот какого мнения о нас, господа!

— Это мнение всякий о вас составит, если послушает вас, — отвечала я...*

. . . . . .

Тургенева заметно коробило, что Добролюбов все-таки не является к нему на обеды, и он однажды сказал Панаеву:

— Привези ты его обедать ко мне, уверь его, что он не застанет у меня общества, в котором никогда не бывал.

Наконец, Тургенев понял, что причина, по которой Добролюбов не является на его обеды, заключается вовсе не в страхе встретиться с аристократическим обществом.

— В нашей молодости, — сказал он Панаеву, — мы рвались хоть посмотреть поближе на литературных авторитетных лиц, приходили в восторг от каждого их слова, а в новом поколении мы видим игнорирование авторитетов, вообще сухость, односторонность, отсутствие всяких эстетических увлечений, все они точно мертворожденные. Меня страшит, что они внесут в литературу ту же мертвечину, какая сидит в них самих. У них не было ни детства, ни юности, ни молодости — это какие-то нравственные уроды.

. . . . . .

...Им завидно, что их вырастили на постном масле, и вот они с нахальством хотят стереть с лица земли поэзию, изящные искусства, все эстетические наслаждения и водворить свои семинарские, грубые принципы. Это, господа,

литературные Робеспьеры; тот ведь тоже не задумался ни минуты отрубить голову поэту Шенье.

— Бог с тобой, Тургенев, какие ты выдумал сравнения!— воскликнул Панаев в испуге, — ты, ради бога, не делай этих сравнений в другом обществе.

— Ты наивен, неужели ты думаешь, что статьи этих семинаристов читают в порядочном обществе?

— Однако, тогда бы подписка на «Современник» с каждым годом не увеличивалась?*

Но пока дворяне фыркали — семинаристы росли и количественно и духовно: за Б[елинским] явились Добролюбов и Чернышевский, явился, рано кончивший самоубийством, талантливый юноша — журналист Пиотровский, сотрудник «Совр[еменника]» и друг Добролюбова, Елисеев, впоследствии главный руководитель «Отечест[венных] записок» и «Искры», Михайлов, романист и поэт, сосланный вместе с Черныш[евским], автор первой прокламации к учащ[ейся] молодежи, и десятки лиц, имена их забыты, но работа[1] по организации русского о[бщест]ва, пропаганде демократизма, изучению страны — незабвенна и неисчисленна.

Так семинарист прочно укрепился среди Обломовых, не сумели они побороть его натиск и пропустили семинара в первые ряды, на свое место[2].

Чем было дворянство этой поры? Оно резко делилось на три группы:

Первая и самая сильная количественно — старое, екатерининское, вельможное дворянство, группа людей, уверенных в том, что для них «все позволено», что они самые лучшие и нужнейшие царю люди. Люди этого типа обыкновенно забивались в глухие местечки России и там вели себя, как завоеватели, не считаясь ни с кем и ни с чем.

Характеризуем эту группу фигурами Измайлова и Кашкарова, наиболее типичными для нее и эпохи:

«Др[евняя] и нов[ая] Р[оссия]» [18]76-й г[од],40 [стр.]

Измайлов был очень богат. Он рано получил в полное свое распоряжение большие имения: и собственное и своего дяди. При том, он имел чрезвычайно сильные связи, как по родству, так и образовавшиеся из отношений его к Зубовым. Ему сходили с рук проделки весьма не невинного свойства. Оно и немудрено: тогда пора была для всяческой разнузданности.

. . . . . .

При Хитровщинской помещичьей усадьбе находился постоянно крепостной крестьянин Измайлова, из деревни

[1] их русская интеллигенция

[2] Вы видите по фигурам Б[елинского], Ч[ернышевского] Добр[олюбова], что семинарист 40-х годов — это тип, совершенно оригинальная организация психики — но к ней мы еще возвратимся.

Ковалевки, по прозванию Гусек. Обязанность Гуська в том состояла, чтобы на тройке собственных своих лошадей, которые содержались, однако, на помещичьем корму, разъезжать по деревням измайловским, для сбора девок, на «генеральские игрища». Однажды Измайлов затеял такое игрище в принадлежавшем ему сельце Жмурове[1]. Тут были с ним толпы его псарей, его «казаков» и всякой другой дворовой челяди; сюда же были привезены в особом экипаже, называвшемся «лодкою», песенницы и плясуньи, дворовые и крестьянские девушки и женщины. Сборище это, по всей вероятности, пополнялось многими приживальцами и окрестными помещиками, хотя о них и не говорится в следственном деле. Но предводителю сборища показалось, что женского люда мало при нем,— и он отправил Гуська еще за девками, в свою же деревню Кашину[2]. Дело было к ночи. Под прикрытием ее, люди кашинские стали смелее, — многие девушки попрятались в конопляхъ, а из одного дома, именно крестьянина Евдокима Денисова, просто не выдали девушку, да и самого Гуська, в темноте, кто-то так ударил по лбу ножкою от конопельной мялки, что рассек ему бровь.

Воротившись спешно в Жмурово, Гусек донес барину о случившейся с ним неприятности.

Сильно прогневался блажной барин, и немедленно, со всей своей свитою, отправился в деревню Кашину для наказания провинившихся. Гнев его, прежде всего, обрушился на Евдокима Денисова. Изба несчастного крестьянина тотчас же разметана была по бревнам. Затем, псари сложили солому с избы, на улице, в два омета, зажгли их, а промежь горящих ометов положили старика Денисова и старуху, жену его, и так жестоко высекли их арапниками, что, через три месяца после того, захиревшая с наказания старуха скончалась. Но барский гнев еще не утолился: Измайлов приказал зажечь двор и остатки избы Евдокима Денисова, сломанной только по окна, — и если б не «игрица» Афросинья, безумное приказание, конечно, было бы исполнено. Афросинья два раза кидалась в ноги взбалмошному генералу, умоляя, с неудержимыми рыданиями, отменить приказание, — почему-то она была убеждена, что двое маленьких внучков несчастного Денисова спрятались, со страху, где-то на дворе или в избе. И в самом деле, — великодушное заступничество игрицы спасло жизнь одного из мальчиков, который забился тогда в передний угол подпечья разметанной избы, откуда и не могли достать его шестами генеральские люди, которым велено было разыскивать спрятавшихся внучат Денисова.

---

[1] Епифанского уезда, Тульской губернии

[2] Все в том же Епифанском уезде.

И опять-таки, карательные распоряжения в дер. Кашиной не удовлетворили Измайлова: он в ту же ночь отправился еще на дальний покос кашинцев, где заночевала большая часть их взрослого рабочего народонаселения; там он пересек жестоко — из крестьян третьего, а из баб десятую.

. . . . . .

Богатый, знатный, влиятельный и по связям своим и по собственному характеру, властолюбивому и энергическому, умный, но необразованный, а при всем том без всяких нравственных основ и для гражданской деятельности и, вообще, для жизни, генерал Измайлов имел для всего своего обиходу только две цели: потешиться да покомандовать.

. . . . . .

Генерал Измайлов не церемонился наказывать, — сечь и бить, — людей своих, даже при гостях. Несчастных часто истязали в гостиной, в кабинете, в залах, в самой барской спальне. А когда случалось, что люди эти наказывались не под барскими глазами, то все-таки, иногда, их приводили к барину для того, чтобы он мог наглядно удостовериться, достаточно ли они наказаны...

И не было меры в истязаниях. У иных, после наказаний, спины гнили по нескольку месяцев, иные, все оттого же, долго-долго чахли в Хитровщинском госпитале, иные умирали преждевременно. Недаром в Измайловской дворне весьма мало было стариков.

. . . . . .

Пролетарии же Хитровщинской дворни, попадая под розги, плети и палки, почти всегда, с тем вместе, подвергались и другим мукам: на них надевали, по большей части на долгое время, рогатки, ножные железа, так называемые стулья, их сажали на стенные цепи, у них отнимали их жалкое, скудное имущество, — какую-нибудь коровенку, какую-нибудь домашнюю птицу, полугнившие домишки, даже одежду и обувь, им уменьшали ежедневную пищу, их употребляли в невыносимые работы.

Наказывались же люди за все, про все.

Так, собаки, — борзые, гончие, лягавые, — так, лошади, упряжные и верховые, так, домашний скот: коровы, овцы, свиньи, так, зверь для псовой травли: лисицы, волки и даже невинные зайцы, так, даже петухи и куры бывали причиною многих истязаний.

Сорвется, например, у Семена Краснухина борзая собака со своры — и дерут его арапниками так, что спина у него гниет полтора месяца; а в другой раз, не успел он же, Краснухин, обскакать болото, а оттого заяц ушел — и за это высекли неловкого псаря форейторской плетью, от какового наказания пролежал он в больнице долгое время.

Привел Макар Жаринов из зверинца десяток зайцев, для садки, но один из них вовсе не побежал; за такую покорность судьбе со стороны зайца высекли Жаринова плетьми, да надели ему на шею рогатку, а на другой день опять высекли и посадили на стенную цепь. У Никиты Жукова борзая собака выбежала из круга; у Никиты Колкунова собаки перекусались; сзади Ермила Юсова собака вдруг взвизгнула; — и Жуков, Колкунов, Юсов были жестоко наказаны.

. . . . . .

...раз, у мальчика-псаренка слетел картуз с головы, — и барин пересек зато поголовно всех бывших с ним тогда на охоте псарей своих.*

Об этом дошло до Петерб[урга], и царь[1] написал туль ск[ому] губернат[ору].

40[стр.]*

Но несмотря на сие, Изм[айлов] был выбран в тот же год губерне[ким] предвод[ителем] дворянства Рязан[ской] губ[ернии] 127 и след[ующие], потом 348-я, 126 Кашкар[ов]*.

Это, как сказано, типичнейшие представ[ители] большинства помещиков, люди, об участи которых сожалеют, которых дворяне выбирают своими предводителями.

Мы уже знаем, что этот класс выделил из своей среды группу славянофилов, теперь нам следует остановиться на другой группе — на западниках, сыгравших в истории об[щественно]го развития нашего значительнейшую роль.

Славянофилы, как было указано, — деревенские жители, они сызмала воспитывались в поместьях отцов, под впечатлениями однообразной жизни пассивных людей, однообразного труда крестьян, чем, до известной степени, и объясняется патриархальность их взглядов, их любовь к деревенской России.

Западники, по крайней мере, такие люди из них, как Герцен, Бакунин, Огарев, Грановский и т. д., все родились и выросли в городах, преимущественно в Москве.

Как ни мало в ту пору отличалась жизнь дворянства городского от жизни деревенских помещиков, однако разница была, — и, конечно, она влияла на психику детей города. Если взять отроческие воспоминания Акс[акова] и Герцена, мы ясно увидим из них, насколько круг интересов первого уже интересов последнего. Взяв юношеские письма славянофилов и западников — мы увидим то же самое. Прошу заметить, что речь нельзя сводить к разнице психик, мы говорим о количественной разнице впечатлений, под влиянием коих создавалась эта разница.

Герцен характеризует своих друзей так: «Широкий взгляд, человеческие симпатии, теплая дружба, добродушие, а фон всему — слабый характер».

[1] Ал[ександр] I

Это правда — слабохарактерность была отличительным признаком всех членов кружка Герцена, — эта слабохарактерность коренилась в несоответствии того, о чем говорили, с тем, что принуждены были делать. Дело в том, что, как говорит умная женщина Тать[яна] Пассек в своих воспоминаниях о том времени, тогда все «любили народ, но в сущности твердо верили, что плебей никогда не был римлянином и не будет им».

Как относились к народу эти первые сторонники социализма и коммунизма?

Пассек говорит: «... мне понравилась девушка, единственная дочь у матери-вдовы. Я попросила, чтобы дядя ее и подарил мне. Мать упала в ноги мне, девушка рыдала. Я утешала их, ласкала, обещала, что девушке у меня будет легче жить, чем в деревне и, наконец, удержала-таки ее за собою»*.

Совр[еменник] 1—122*

Можно привести сотню таких фактов, — и надо вспомнить, знать, что лет через двадцать сами же дворяне, вроде П[ассек], называли эти факты «бесчеловечными».

Слова «любили народ» мы должны перевести на более простой язык, тогда они будут звучать так: смутно чувствовали, что без помощи со стороны демократии, им, аристократам, не вырваться из железных когтей двуглавого орла, не выцарапаться из-под тяжести Николаева режима. В то же время они ясно видели, что народ, крестьянство, враждебно им, что оно не может забыть плетей и розог, и, мечтая о воле, мечтает об уничтожении дворянства, класса, к[ото]рый уже создал некую культуру и продолжал создавать ее.

Отсюда, из этого противоречия и развилась драма русского интеллигента, на этой почве вырос знаменитый тип кающегося дворянина, и здесь же коренятся основные черты психики интеллигента современного нам.

Теперь необходимо остановиться еще на одном месте — откуда явился «новый человек» — кроме мещанства и духовенства его вытолкнули из своей среды мелкопоместные дворяне.

Всегда бывает так, что время наибольшей зрелости — является началом увядания и распада: 30-е — 40-е годы были годами полного расцвета крепостного права, они же являются началом экономического упадка и психического разложения дворянства, как класса.[1] Тур[генев], Толст[ой], Панаев, Герцен и другие проповедники гуманизма, христовой морали равенства господина и раба, апостолы терпения и кротости — оставаясь по инстинкту дворянами, по идеям своим являлись уже чем-то иным, какими-то изменниками тенденциям класса своего. Настоящие кондовые дворяне, как свидетельствует Щедрин, думали и чувствовали иначе.

---

[1] Все эти

— Христос-то для черняди с небеси сходил, — говорила Аннушка: — чтобы черный народ спасти, и для того благословил его рабством. Сказал: рабы, господам повинуйтесь, и за то сподобитесь венцов небесных.

Но о том, каких венцов сподобятся в будущей жизни господа, она, конечно, умалчивала.

Доктрина эта в то время была довольно распространенною в крепостной среде и, повидимому, даже подтверждала крепостное право. Но помещики чутьем угадывали в ней нечто злокачественное (в понятиях пуристов-крепостников самое «рассуждение» о послушании уже представлялось крамольным) и потому если не прямо преследовали адептов ее, то всячески к ним придирались.

Да и в самом деле, разве не обидно было, например, Фролу Терентьичу Балаболкину слышать, что он, «столбовой дворянин», на вечные времена осужден в аду раскаленную сковороду лизать, тогда как Машка-чумичка или Ванька-подлец будут по райским садам гулять, золотые яблоки рвать и вместе с ангелами славословить?!

— И добро бы они «настоящий» рай понимали! — негодуя, прибавила сестрица Фрола Терентьича, Непила Терентьевна: — а то какой у них рай! им бы только жрать, да сложа ручки сидеть, да песни орать! вот, по-ихнему, рай!

Этому толкованию все смеялись, но в то же время наматывали на ус, что даже и такой грубый рай все-таки предпочтительнее, нежели обязательное лизание раскаленной сковороды.

— И как ведь каналья притворяются! — все больше и больше распалялся господин Балаболкин: — «барин-ушко!» да «кормилец!» да «вы наши отцы, мы — ваши дети» — только и слов! На конюшню бы вас, мерзавцев, да драть, покуда небо с овчинку не покажется! Да еще что! давеча иду я мимо лакейской, слышу Паладкин голос и остановился.

И что ж, вы думаете, он проповедует? «Христос-то батюшка, — говорит, — что сказал — ежели тебя в ланиту ударят, — подставь другую!» Не вытерпел я, вошел да как гаркну: вот я тебе разом, шельмец, по обеим ланитам вздую, чтобы ты уже и не подставлял!.. Так ведь вот какой закоренелый, даже и тут не очнулся. «Извольте, сударь! мы из вашей воли не выходим».*

Вот правильная точка зрения и она, мы это знаем, всесторонне оправдана историей отношений господина и раба, — писатели же, подобные Григ[оровичу], Т[олстому], Тур[геневу] и другим, становились на христианскую точку зрения рабыни Аннушки, проповедуя пассивное сопротивление терпением и кротостью.

Это, я говорю, признак разложения дворянской психики под давлением времени, предъявлявшего иные требования, позднее усвоенные Гончаровым и изображенные им путем противопоставления нерадивого Обломова деятельному заводчику Штольцу; Тургеневым же еще позднее эти требования изображены в противопоставлении революционера-мечтателя из дворян Нежданова — реалисту Соломину.

Остановимся кратко на развитии мелкопоместного дворянства: главным образом, поместья дробились, конечно, вследствие роста дворянской семьи, но была и еще одна причина, — мало заметная, но существенная.

Постоянные и бесконечные судебные процессы между помещиками, вызываемые захватами земель, потравами хлеба и лугов во время охоты, сманиванием и воровством друг у друга крепостных, процессы по жалобам на истязания дворовых людей, убийства и насилия — вызвали вторжение в дворянское хозяйство приказных из города.

Чиновникам, производившим следствия, землемерам, судьям помещики обычно платили взятки крепостными душами, а часто и землей — что тоже дробило хозяйство и что дало возможность образоваться среди дворянских имений мелким гнездам чиновничества. Собрав душ тридцать мужиков, чиновник выходил в отставку и тоже становился помещиком, — вырабатывался новый тип крохобора, мелкого деспота, мучителя [1] крестьян, заставлявшего их работать барщину по шести дней в неделю, что, конечно, вдребезги истощало и разоряло крепостных.

Тогда мелкий хищник, видя невозможность для его детей хозяйствовать в деревне — посылал их учиться в город.

Дробление же земель, вызываемое браками и семейными разделами, приводило к тому, что в 30-х — 40-х годах не редкостью стала такая картина: в деревне, численностью в 200 душ — стоит шесть барских усадьб. Вдова помещица имеет 10 душ крестьян и 8 р[ублей] в год пенсии — ей уже не на что отправить сына в университет, и он работает с мужиками. В «Пош[ехонской] ст[арине]» Салт[ыкова]-Ще[дрина] мы видим почти безграмотного дядю рассказчика, дворянина Федоса, который, не имея ни кола, ни двора, пляется по земле, нанимается в батраки к зажиточным мужикам. Наконец, образовались целые деревни дворян без мужиков — в Вологодской губернии и теперь еще существует деревня, где все мужики — дворяне трех семей.

Разорение [2] шло беспрерывно и быстро, чему особенно способствовали широкие замашки дворянства, не знавшего удержу в своих тратах на охоты, устройство театров, винокуренных, кожевенных и других заводов, безуспешно пытавшихся обрабатывать сырье и конкурировать с привозными продуктами.

---

[1] и разорителя

[2] и разделы

Наконец, — помимо общих причин, помимо толчков и запросов времени — пред глазами мелкопоместного дворянина росла и развивалась бюрократия, все более и более всесильная, — и вот он усиленно гонит детей в университеты Питера, Москвы, Казани [1]. Каковы были дети зажиточных дворян — мы знаем по фигурам Герцена, Огарева, Бакунина и славянофилов.

Вот рассказ Панаева, друга Некрасова, о себе самом:

Совр[еменник] 122.

Я учился в Благородном пансионе при Петербургском университете (теперь 1 гимназия). Перед этим я был помещен в Высшее училище (теперь 2 гимназия), в котором я пробыл только две недели... Я умолял, чтобы меня взяли оттуда, потому что не хотел учиться вместе с детьми разночинцев и ремесленников. В 12 лет, несмотря на совершенное ребячество, я уже был глубоко проникнут чувством своего дворянского достоинства. Мольбы мои взять меня из Высшего училища нашли не только совершенно основательными, но даже некоторые из близких мне людей рассказывали об этом своим знакомым с гордостью:—«Дитя, а какие высокие чувства!» — и я выиграл этим в глазах родных и знакомых.

Эти благородные пансионы существовали единственно только для детей привиллегированного класса, родителям которых казалось тогда обременительным и бесполезным подвергать своих избалованных и изнеженных детей излишнему труду и тяжелому университетскому курсу, наравне с какими-нибудь разночинцами и семинаристами.*

А вот отношение к дворянчикам со стороны учителя-семинариста:

122

Курс благородных пансионов едва ли был не ниже настоящего гимназического курса, а между тем эти пансионы пользовались равными с университетами привиллегиями. Некоторые профессора университета и не скрывали по этому поводу своего негодования и высказывали его очень резко, особенно на экзаменах. Они пожимали плечами, покачивали головами и справедливо замечали, что награждать университетскими привиллегиями таких неучей, как мы — вопиющая несправедливость. Об этом нам особенно часто повторял учитель латинского языка, преподававший этот язык также и в высшем училище. Он с каким-то особенным ожесточением нападал на нас. Неблаговоспитанность его доходила до крайних пределов. Если кто-нибудь из нас не знал урока и повторял подсказываемое ему сзади товарищем, — то учитель, насупив свои густые брови, восклицал обыкновенно:

[1] Киева и т. д.

— Коли будешь слушать чужие речи, то тебе взвалят осла на плечи.

При таких грубых выходках, оскорбленные ученики поднимались со своих скамеек и в один голос говорили:

— Покорно прошу обращаться с нами вежливее. Здесь не высшее училище. Мы дворяне!

— Ах, вы пустоголовые дворяне! — возражал учитель:— ну какой с вас толк? Да у меня в высшем училище последний ученик, сын какого-нибудь сапожника, без одной ошибки проспрягает глагол amo, покуда я его держу на воздухе за ухо...

Профессор математики, экзаменовавший нас, обыкновенно повторял со злобою:

— Нет, никуда вы не годитесь... разве только в гусары, либо в уланы...*

А дети попов, чиновников и мелкопоместных жили своим трудом, давая уроки за стол и квартиру, занимаясь переводами — даже, иногда, ремеслами — сапожным, переплетным, писали вывески, сочиняли прошения в кабаках и т. д.

Интеллигентные люди того времени помогали им чем могли: профессора, подобные Грановскому, актер Щепкин и другие культурные люди того времени держали у себя бесплатно студентов, но кормили их за отдельным столом и относились к ним, точно купчихи к убогеньким и приживалам.

Этот отдельный стол и отношение — в сущности, зачеркивало человека, унижало его и многих из молодежи сделало[1] холопами; гнет барских милостей раздавил, умертвил им души и, полутрупы, они механически пошли проторенными до них тропами.

Но — вырабатывались и другие характеры, уже являлись люди с гордой, самонадеянной силой, они шли вперед своим путем, не спотыкаясь о развалины прошлого, — а свой путь в ту пору мог быть лишь один — к народу, к массе крестьянской, значит, прежде всего — против крепостного права. Необходимо было занять позицию демократическую[2], к ней толкала вся современность и на нее указывала история Запада.

В переходные эпохи всегда особенно ярки два типа людей — одни полностью воплощают в себе все отмирающее[3], все отжитое — мы видим таких в лице Измайлова внизу, а наверху в лице славянофилов; другой тип живет[4] исключительно стремлением к будущему, совершенно чужд старине и враждебен ей — это для нас Бел[инский], Добр[олюбов], Чер[нышевский].

---

[1] лакеями

[2] так учила история, к тому вела сов[ременность]

[3] сторонники, люди умирающего, старого — мы видим их в лице Измайлова, Каш[карова]

[4] будущим

Но своеобразные условия русской жизни[1] 40-х г[одов] — положили основание третьему психическому типу — это человек отдельного стола, всем чужой, никому не нужный разночинец.

Он не мог унаследовать той духовной красоты, того сознания человеческого достоинства, тех способностей, коими богато и разнообразно было наделено интеллигентное двор[янст]во в лице Герцена и его друзей, в лице братьев Аксаковых[2] и славянофилов, наконец, в лице таких дворян, как Федор, Алексей и Лев Толстые, Николай и Иван Тургеневы и целый ряд[3] дворян, посильно создававших русское искусство, науку — вообще русскую культуру.

Он, этот человек, не мог выработать в себе той неуклонной[4] прямоты мысли, тех стойких чувств, которыми отличались гордые сознанием своей силы Добролюбовы и Чернышевские, сознательно обрекавшие себя на смерть и на каторгу, ради торжества своих идей, люди, обладавшие изумительной трудоспособностью и жарким стремлением к знанию.

[5]Разночинец, сын мещанина, дьячка, мелкого дворянина, приказного, с первых же шагов жизни знакомился с голодом и унижением, он тратил свою юность на[6] борьбу за кусок хлеба и ради его должен был подчиняться тому полупрезрению, смешанному с любопытством, с которым относились к нему люди сильные и люди сытые.

В нем, под давлением окружающего, развивались чувства жадности, зависти, озлобления, он видел людей одного происхождения с собою, часто своих друзей, не похоже на него энергичными и легко подчинялся их воле, их идеям; он попадал в чиновники и легко становился, так сказать, профессиональным врагом своих друзей. Это он наичаще уходил из офицеров армии в жандармы.[7]

По мере количественного роста — его духовные качества становились все более гибкими, все более цепко хватался он за что попало — за радикализм, если это было выгодно, за прокуратуру, в журналистике — приглашал общество помогать правительству царя Ал[ександра] II, служил у откупщиков и тайно печатал статейки против откупа — вообще же представлял собою человека, способного на все.

«Прикажут — буду акушером» — характеризовал себя и весь ряд этих людей Нестор Кук[ольник].

Эти люди образовали собою в русской истории армию безработных, огромное скопление бесшабашных индивидуалистов, гото-

---

[1] создали

[2] Конст[антина] и Ивана

[3] дворян — передовых

[4] стоической...

[5] Это был человек духовно слабый

[6] учение

[7] и из адвокатов в прокуроры

вых на все, со склонностью к штрейкбрехерству. Их психика, расшатанная неопределенностью положения, разнообразием стремлений, крайне не глубока,[1] они вообще лишены любви к делу, к работе; из них поэтому редко воспитываются артисты, все они и во всех областях — ремесленники.

[2]Любить дело — это значит чувствовать его необходимость для жизни, понимать, что дело живучее личности, — но такое понимание и чувствование свойственно лишь тем, кто ясно ощущает связь личного бытия с бытием мира, — русскому интеллигенту, стоявшему в жизни одиноко, это[3] ощущение вообще не[4] знакомо[5]. Он человек стадный, безличный, и в сущности, несмотря на склонность делать шум — человек послушный своему начальству, будет ли это директор департамента по западному социализму Георгий Плеханов или столоначальник по социализму русскому[6] Лавров. Он слишком голодный и стремительный человек и думать самостоятельно — ему некогда.

Только однажды он попробовал создать свою идеологию — идеологию «мыслящего реалиста», — мы остановимся на ней потом и увидим, как уродлива и цинична была эта попытка укрепления своей шаткой позиции и оправдания слишком разносторонних способностей.

Итак, в сороковые годы вышел на сцену русской истории разночинец-интеллигент. В следующий раз мы станем рассматривать, что он внес в жизнь, сколько положительного и много ли вредного?

Жизнь приказывала каждое десятилетие что-нибудь новое — русский интеллигент подчинялся приказаниям ее тотчас же. В 40-х годах он был идеалистом и с удовольствием слушал сладкие речи славянофилов, в 50-х пошел вслед за Герценом, в 60-х отвернулся от Герцена в сторону Чернышевского, в 70-х им управлял Михайловский и К-о. [В] 80-е годы его прельстил Толстой, и даже Меньшиков был приятен ему, в 90-х годах он увлекся Марксом, но не мог не смешать его с индивидуалистом Ницше, наконец, в наши дни[7] мы видим, как он молится сразу нескольким богам и — ни в одного не верит, несчастный[8].

---

[1] они редко дают

[2] Любовь к делу это чувство, предполагающее, что творимое тобою дело...

[3] связь

[4] могло быть

[5] Человек быстрый и стремительный, он за все берется охотно и всегда мы видим, что...

[6] Ник. Михайловский

[7] он стоит пред нами

[8] Во все эти десятилетия он являлся, исполнял должности прокурора, акцизного, непремен[ного] члена по крестьянским делам, земского доктора, если он в 25 лет особенно горячо говорит о юридической беспомощности народа — в 30—прокурор, если...

[«ДВОРЯНСКАЯ САМОКРИТИКА». — ОНЕГИН, ПЕЧОРИН. — ХАРАКТЕРИСТИКА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА. — ГЕРЦЕН — «КТО ВИНОВАТ?», БЕЛЬТОВ. — РУДИН, ХАРАКТЕРИСТИКА И. С. ТУРГЕНЕВА]

[1]Мы достаточно говорили об общем ходе рус[ской] жизни в 40-х г[одах],[2] о тяжелом положении культурного рус[ского] дворянина под гнетом Ник[олая] 1, теперь посмотрим, как он относился к себе самому, насколько глубока была дворянская самокритика и каким образом дети крепостников[3] дошли до поклонения рабам отцов своих и своим: одним словом, посмотрим, как барин изображал сам себя в литературе.

Начнем с дворянина Е[вгения] Онегина, изобр[аженного] двор[янином] Пушкиным

Пуш[кин] 32-я 4-й.

V

. . . . . .

Онегин был, по мненью многих
(Судей решительных и строгих),
Ученый малый, но педант.
Имел он счастливый талант
Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка,
С ученым видом знатока
Хранить молчанье в важном споре
И возбуждать улыбку дам
Огнем нежданных эпиграмм.*

VI

. . . . . .

Он рыться не имел охоты
В хронологической пыли

---

[1] Мы достаточно говорили о неудобствах жизни культурного дворянина, барина, о работе ‹горении› его мозга ‹искавшего выхода из-под тяжелой...› и о его потугах разрешить вопрос — как

[2] о появлении разночинца и...

[3] дошли почти до обоготворения

Бытописания земли;
Но дней минувших анекдоты,
От Ромула до наших дней,
Хранил он в памяти своей.

VII

. . . . . .
...читал Адама Смита
И был глубокий эконом,
То есть, умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет...

VIII

Всего, что знал еще Евгений,
Пересказать мне недосуг;
Но в чем он истинный был гений,
Что знал он тверже всех наук,
Что было для него измлада
И труд, и мука, и отрада,
Что занимало целый день
Его тоскующую лень —
Была наука страсти нежной...*

По тому времени Онегин человек заметный, он уже вполне сложившийся об[ществен]ный тип, он брат Пушкина по духу, на что указывает совпадение их мысли:
Пушк[ин] говорит:

Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей...*

В днев[нике] Онегина записано:

225

13

Конечно, презирать не трудно
Отдельно каждого глупца;
Сердиться также безрассудно
И на отдельного срамца;
Но чудно!
Всех вместе презирать их трудно.*

Онегин пишет:

222

1

Меня не любят и клевещут;
В кругу мужчин несносен я,
Девчонки предо мной трепещут,
Косятся дамы на меня.
За что? За то, что разговоры
Принять мы рады за дела,
Что вздорным людям важны вздоры,
Что глупость ветрена и зла,
Что пылких душ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляет, иль смешит,
Что ум, простор любя, теснит.*

— это жизнь самого Пушкина, его мысли, повторенные им множество раз.

Далее — Пуш[кин] пишет:

63

XIV

. . . . . .
Мы почитаем всех нулями,
А единицами — себя;
Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы... *
. . . . . .

это, в равной мере, свойственно было и ему, и его герою, и всем молодым людям той поры.

Возьмем Лермонт[ова] и Печорина — его героя:

«Да и какое дело мне до радостей и бедствий человеческих, мне, странствующему офицеру?..»* — спрашивает Печорин.

Он говорит: —

Лер[монтов] 582

— Что до меня касается, то я убежден только в одном... — сказал доктор.

— В чем это? — спросил я, желая узнать мнение человека, который до сих пор молчал.

— В том, — отвечал он, — что рано или поздно, в одно прекрасное утро я умру.

— Я богаче вас, — сказал я: — у меня, кроме этого, есть еще убеждение, — именно то, что я в один прегадкий вечер имел несчастие родиться.

Все нашли, что мы говорим вздор, а право, из них никто ничего умнее этого не сказал. С этой минуты мы отличили

в толпе друг друга. Мы часто сходились вместе и толковали вдвоем об отвлеченных предметах очень серьезно, пока не замечали оба, что мы взаимно друг друга морочим. Тогда, посмотрев значительно друг другу в глаза, как делали римские авгуры, по словам Цицерона, мы начинали хохотать и, нахохотавшись, расходились довольные своим вечером...

— Заметьте, любезный доктор, — сказал я, — что без дураков было бы на свете очень скучно... Посмотрите, вот нас двое умных людей: мы знаем заранее, что обо всем можно спорить до бесконечности, и потому не спорим; мы знаем почти все сокровенные мысли друг друга; одно слово — для нас целая история; видим зерно каждого нашего чувства сквозь тройную оболочку. Печальное нам смешно, смешное грустно, а вообще, по правде, мы ко всему довольно равнодушны, кроме самих себя.*

Лермонтов пишет:

411

И СКУШНО И ГРУСТНО

И скушно, и грустно! — и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья... что пользы напрасно и вечно желать?..
А годы проходят — все лучшие годы!
Любить — но кого же? — на время не стоит труда,
А вечно любить невозможно...
В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа
И радость, и муки, и все там ничтожно.
Что страсти? — ведь рано иль поздно их сладкий
недуг
Исчезнет при слове рассудка,
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем
вокруг —
Такая пустая и глупая шутка!*

И снова мы видим полное совпадение чувств и мысли автора с чувствами и мыслью его героя.

Нам важно знать, что Онегин — портрет Пушкина[1], а Печо[рин] — Лермонтова, важно и то, что национализм Чацкого был чертой не только одного Грибоедова, но и вообще молодежи той поры.

Все трое: Онегин, Чацкий, Печорин — довольно равнодушны к делам своей родины, они почти нигде не говорят о ней, о ее жизни, народе, — национализм Чацкого имеет подкладку не социальную, а сословную: это национализм рус[ского] дворянина, которому иноземец перебивает дорогу в жизни, а не естественное чувство возмущения русского человека, отданного под команду

[1] Чацкий — портрет Грибоедова

жандарма из немцев — Бенкендорф[а] и под наблюдение доносчика из поляков — Булгарина.

Но — уже в стихах Лермонтова начинают громко звучать ноты [1] почти незаметные у Пушкина — это жадное желание [2] дела, активного вмешательства в жизнь. Жажда дела, тоска сильного человека, который не находит почвы для приложения своих сил,— была вообще свойственна людям тех годов; удовлетворялось это стремление поездками на Кавказ, участием в боях с черкесами, кутежами и скандалами, за которые, порою, люди платили всю жизнь. У Лермонтова эта тоска принимает особенно резкие контуры, напр[имер]:

298—359-й

МОНОЛОГ

Поверь, ничтожество есть благо в здешнем свете, —
К чему глубокие познанья, жажда славы,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не можем?
Мы, дети севера, как здешние растенья,
Цветем недолго, быстро увядаем...
Как солнце зимнее на сером небосклоне,
Так пасмурна жизнь наша. Так недолго
Ее однообразное теченье...
И душно кажется на родине,
И сердцу тяжко, и душа тоскует...
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустых томится юность наша,
И быстро злобы яд ее мрачит,
И нам горька остылой жизни чаша;
И уж ничто души не веселит.

МОЛИТВА

Не обвиняй меня, всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей твоих струя,
За то, что в заблужденьи бродит
Мой ум далеко от тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,

[1] незнакомые
[2] работы

К тебе ж проникнуть я боюсь
И часто звуком грешных песен
Я, боже, не тебе молюсь.
Но угаси сей чудный пламень,
Всесожигающий костер,
Преобрати мне сердце в камень,
Останови голодный взор;
От страшной жажды песнопенья
Пускай, творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К тебе я снова обращусь.

ЖЕЛАНИЕ

Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной —
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?
На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных горах,
Их забвенный покоится прах.
На древней стене их наследственный щит,
И заржавленный меч их висит.
Я стал бы летать над мечом и щитом,
И смахнул бы я пыль с них крылом;
И арфы шотландской струну бы задел,
И по сводам бы звук полетел;
Внимаем одним, и одним пробужден,
Как раздался, так смолкнул бы он.
Но тщетны мечты, бесполезны мольбы
Против строгих законов судьбы.
Меж мной и холмами отчизны моей
Расстилаются волны морей.
Последний потомок отважных бойцов
Увядает средь чуждых снегов;
Я здесь был рожден, но нездешний душой...
О! Зачем я не ворон степной?..*

Он верно почуял врага: и юноша еще в 30-м году писал:

Настанет год, России черный год,
Когда царей трон тяжкий упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь...*

Он писал Пушкину в [18]32 г[оду], когда тот посвятил Ник[олаю] извест[ное] стихотворение «Друзьям» —

66—II*

Лерм[онтов] ответил ему:

381

К***

О, полно извинять разврат!
Ужель злодеям щит порфира?
Пусть их глупцы боготворят,
Пусть им звучит другая лира;
Но ты остановись, певец,
Златой венец не твой венец.
Изгнаньем из страны родной
Хвались повсюду как свободой;
Высокой мыслью и душой
Ты рано одарен природой;
Ты видел зло и перед злом
Ты гордым не поник челом.
Ты пел о вольности, когда
Тиран гремел, грозили казни;
Боясь лишь вечного суда
И чуждый на земле боязни,
Ты пел, и в этом есть краю
Один, кто понял песнь твою.*

Лерм[онтов] действительно понял песнь Пуш[кина], понял его значение[1] и один он проводил гроб поэта криком злобы, тоски и мести: стихи на см[ерть] П[ушкина] справедливо считаются одним и[з] сильнейших стихотворений в рус[ской] поэзии[2].

Прочит[аем] эти стихи:

398

НА СМЕРТЬ ПУШКИНА

Отмщенье, государь, отмщенье!
Паду к ногам твоим:
Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд потомству возвестила,
Чтоб видели злодеи в ней пример.

Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один как прежде... и убит!
Убит!.. к чему теперь рыданья,

[1] и проводил гроб ‹труп› поэта одним из замечательнейших и...

[2] прав[ительство] поняло их об[ществен]ное значение и немедля отправило Лерм[онтова] солдатом на Кавказ.

Пустых похвал ненужный хор,
И жалкий лепет оправданья? —
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар,
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь... — он мучений
Последних перенесть не мог:
Угас как светоч дивный гений,
Увял торжественный венок.
Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьется ровно.
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?.. из далека,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку подымал!..

И он погиб — и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности немой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей? —
Зачем он руку дал клеветникам безбожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..
И прежний сняв венок — другой венок, терновый,
Увитый лаврами, надели на него:
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;
Отравлены его последние мгновенья
Коварным шопотом бесчувственных невежд,
И умер он — с глубокой жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.
Замолкли звуки дивных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.

***

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастия обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — все молчи!..
Но есть, есть божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный судия: он ждет,
Он не доступен звону злата
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!*

Пр[авительст]во услыхало этот призыв к мести, поняло его об[ществен]ное значение и сослало поэта прапорщиком на Кав[каз].

Сидя под арестом, он при помощи спички, печной сажи и слюны написал на оберточной бумаге, [в] которой ему приносили хлеб, четыре стихот[ворения][1]. В [18]38 г[оду] он был возвр[ащен] в столицу, а в 1840-м снова за дуэль сослан на Кавказ; уезжая он простился с родиною такими словами:

«Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ».

В 1841 г[оду] 15 июля он был убит; Ник[олай], узнав об этом, сказал:

«Туда ему и дорога!» *

Мы отвлеклись несколько в сторону; возвр[атимся] к Печорину, герою того времени: между ним и его автором нет уже того полного слияния в одно лицо, которое мы находим между Пуш[киным] и Онег[иным]. Чем это объясняется? Прежде всего тем, что Лермонтов и сам — недопетая песня и не успел весь высказаться.[2] Печорин был для него слишком узок, следуя правде жизни, поэт не мог наделить своего героя всем, что носил в своей душе, а если б он сделал это — Печорин был бы неправдив.

Иначе говоря, — Лермонтов был и шире и глубже своего героя, Пуш[кин] еще любуется Онегиным, Лермонтов уже относит-

[1] «Когда волнует[ся] желтеющая нива»
«Я, матерь божия, ныне с молитвою...»

[2] в стихах своих.

ся к своему герою полуравнодушно. Печорин близок ему, поскольку в Лерм[онтове] есть черты пессимизма, но пессим[изм] в Лермон[тове] — действенное чувство, в этом пессимизме ясно звучит презрение к совр[еменности] и отрицание ее, жажда борьбы и тоска, и отчаяние от сознания одиночества, от сознания бессилия. Его пессимизм весь направлен на светское об[щест]во.

«Песня о к[упце] Калаш[никове]» дает нам право думать, что Лермонтов — живи он дольше, —нашел бы свой путь, что он, достойный преемник Пушкина, обладавший огромным талантом, мог бы, со временем, развиться в первоклассного народного поэта.

Печорину и Онегину чужды, т[ак] наз[ываемые], социальные вопросы, они живут узко-личной жизнью, они оба сильные, хорошо одаренные люди и поэтому не находят себе места в о[бще]-ст[ве]. Но в то время, как Лермонтов печатал «Героя нашего времени» — Герцен писал свой роман «Кто виноват»?* Герой романа тоже дворянин — Бельтов, — послушайте, как изображает его сам автор:

Г[ерцен] 157

Бельтов... очутился в стране, совершенно ему неизвестной, до того чуждой, что он не мог приладиться ни к чему; он не сочувствовал ни с одной действительной стороной около него кипевшей жизни; он не имел способности быть хорошим помещиком, отличным офицером, усердным чиновником — а затем в действительности оставались только места праздношатающихся, игроков и кутящей братии вообще; к чести нашего героя должно признаться, что к последнему сословию он имел побольше симпатии, нежели к первым, да и тут ему нельзя было распахнуться: он был слишком развит, а разврат этих господ слишком грязен, слишком груб. Побился он с медициной да с живописью, покутил, поиграл да и уехал в чужие края. Дела, само собою разумеется, и там ему не нашлось; он занимался бессистемно, занимался всем на свете, удивлял немецких специалистов многосторонностью русского ума; удивлял французов глубокомыслием, и в то время, как немцы и французы делали много, — он ничего, он тратил свое время, стреляя из пистолета в тире, просиживая до поздней ночи у ресторанов и отдаваясь телом, душою и кошельком какой-нибудь лоретке. Такая жизнь не могла, наконец, не привести к болезненной потребности дела. Несмотря на то, что среди видимой праздности, Бельтов много жил и мыслию и страстями, он сохранил от юности отсутствие всякого практического смысла в отношении своей жизни. Вот причина, по которой Бельтов, гонимый тоскою по деятельности, во-первых, принял прекрасное и достохвальное намерение служить по выборам, и, во-вторых, не только удивился, увидев людей, которых он должен был знать со дня рождения, или о которых ему следовало

бы справиться, вступая с ними в такие близкие сношения, но был до того ошеломлен их языком, их манерами, их образом мыслей, что готов был без всяких усилий, без боя отказаться от предположения, занимавшего его несколько месяцев...*

Ясно, что здесь автор иронизирует над своим героем, что автор знает и чувствует гораздо больше, чем может чувствовать его герой. Но[1] за иронией автора[2] кроется хорошее, глубокое понимание причин, почему его герой именно таков, а не лучше и не хуже.

Печорин и Онегин заняты исключительно вопросами о женщине, как о любовнице, герои Герцена говорят уже о другом, — вот образчик их бесед:

220 Г[ерцен]

— ...просто непонятно, зачем людям даются такие силы и стремления, которых некуда употребить. Всякий зверь ловко приспособлен природой к известной форме жизни. А человек... не ошибка ли тут какая-нибудь? Просто, сердцу и уму противно согласиться в возможности того, чтоб прекрасные силы и стремления давались людям для того, чтоб они разъедали их собственную грудь. На что же это?

— Вы совершенно правы,— с жаром возразил Бельтов:— и с этой точки вы не выпутаетесь из вопроса. Дело в том, что силы сами по себе беспрерывно развиваются, подготовляются, а потребности на них определяются историей. Вы верно знаете, что в Москве всякое утро выходит толпа работников, поденщиков и наемных людей на вольное место; одних берут и они идут работать, другие, долго ждавши, с понурыми головами плетутся домой, а всего чаще в кабак; точно так и во всех делах человеческих; кандидатов на все довольно — занадобится истории, она берет их; нет — их дело, как промаячить жизнь. Оттого-то это забавное à propos всех деятелей. Занадобились Франции полководцы — и пошли Дюмурье, Гош, Наполеон со своими маршалами... конца нет; пришли времена мирные и о военных способностях ни слуху, ни духу.

— Но что же делается с остальными? — спросила грустным голосом Любовь Александровна.

— Как случится; часть их потухает и делается толпой, часть идет населять далекие страны, галеры, доставлять практику палачам; разумеется, это не вдруг — сначала они делаются трактирными удальцами, игроками, потом, смотря по призванию, туристами по большим дорогам или

[1] заметьте, что ирония

[2] мягка и что за нею...

по маленьким переулкам. Случится по дороге услышать клич — декорации переменяются: разбойника нет, а есть Ермак, покоритель Сибири. Всего реже выходят из них тихие, добрые люди; их беспокоят у домашнего очага едкие мысли. Действительно, странные вещи приходят в голову человеку, когда у него нет выхода, когда жажда деятельности бродит болезненным началом в мозгу, в сердце, и надобно сидеть, сложа руки... а мышцы так здоровы, а крови в жилах такая бездна... Одно может спасти тогда человека и поглотить его... эта встреча... встреча с...*

Встреча с женщиной, конечно. Но Бельтовы смотрят на женщину уже не как только на источник наслаждения — они ищут в ней[1] товарища на путях жизни, требуют от нее силы, ума, помощи. Это естественно — Бельтовы одиноки, они бессильны в болоте жизни, враждебной им, им необходимы умные, стойкие жены, сестры, матери, которые умели б воспитать умных, сильных, честных детей.

И женщины той поры, если верить Герцену, понимали предъявляемые к ним требования. Вот отрывок из дневника Круциферской, жены товарища Бельтова, — Бельт[ов] объяснился ей в любви, и она записывает свои мысли после этого:

237—40—1

...Будто это правда, что можно любить двоих? не понимаю. Можно и не двоих, а нескольких любить, но тут игра слов; любить любовью можно одного, и ею я люблю моего мужа. А потом, я люблю Крупова, и не боюсь признаться, что и Бельтова люблю; это такой сильный человек, что я не могу не любить его. Это человек, призванный на великое, необыкновенный человек; из его глаз светится гений. Та любовь и не нужна такому человеку. Что для него женщина? Она пропадает в беспредельной душе его... Ему нужна любовь иная. Он страдает, глубоко страдает, и нежная дружба женщины могла бы облегчить эти страдания; ее он всегда найдет во мне, он слишком пламенно понимает эту дружбу, он все пламенно понимает; сверх того, он так не привык к вниманию, к симпатии; он всегда был одинок, душа его, огорченная, озлобленная, вдруг встрепенулась от голоса сочувствующего...

. . . . . .

... Он прав — люди сами себе выдумывают терзания; ну, если б он был мой брат, разве я не могла бы его любить открыто, говорить об этом Дмитрию, всем?.. и никому не показалось бы это странно. А он брат мне, я это чувствую... Как мы могли бы прекрасно устроить нашу жизнь, наш ма-

[1] друга

ленький кружок из четырех лиц; кажется, и доверие взаимное есть, и любовь, и дружба, а мы делаем уступки, жертвы, не договариваем...*

Эта женщина остается с мужем своим — человеком слабым, чтобы не убить его изменой, она не идет за Бельтовым, чтобы не стеснять его по пути, и это первая женщина в русской литературе, поступающая как человек сильный и самостоятельный — до нее литература знала лишь любовниц на разные вкусы и не занималась внутр[енним] миром женщины.

В Б[ельтове], разумеется, тоже есть черты его автора, но Б[ельтов] — человек, который уже разговаривает со своим крепостным слугой, как с товарищем, он хочет работать, служить по выборам, у него есть некоторые культурные планы.

Но — вот какая картина развернулась пред ним, когда он явился в свой город, чтобы баллотироваться:

150 Герц[ен]

...Несколько тронутый картиной, развернувшейся перед его глазами, Бельтов закурил сигару и сел у окна; на дворе была оттепель, оттепель всегда похожа на весну, вода капала с крыш, по улицам бежали ручьи талого снега. Будто чувствовалось, что вот, вот и природа оживет из-подо льда и снега; но это так чувствовалось новичку, который суетно надеялся в первых числах февраля видеть весну в NN; улица, видно, знала, что опять придут морозы, вьюги и что до 15/27 мая не будет признаков листа, она не радовалась; сонное бездействие царило на ней; две-три грязные бабы сидели у стены гостиного двора с резанью и грушей; они, пользуясь тем, что пальцы не мерзнут, вязали чулки, считали петли и изредка только обращались друг к другу, ковыряя в зубах спичками, вздыхая, зевая и осеняя рот свой знамением креста. Недалеко от них старик купец, лет под семьдесят, с седою бородой, в высокой собольей шапке, спал сладким сном на складном стуле. Изредка сидельцы перебегали из лавки в лавку; некоторые начинали запирать их. Никто, кажется, ничего не покупал; даже почти никто не ходил по улицам; правда, прошел квартальный надзиратель, завернувшись в шинель с меховым воротником, быстрым, деловым шагом, с озабоченным видом и с бумагой, свернутой в трубку; сидельцы сняли почтительно шляпы, но квартальному было не до них. Потом проехала какая-то коляска странной формы, похожей на тыкву, из которой вырезана ровно четверть; тыкву эту везли четыре потертых лошади; гайдук-форейтор и седой сморщившийся кучер были одеты в сермягах, а сзади трясся лакей в шинели с галунами цвету вер'антик. В тыкве сидела другая тыква — добрый и толстый отец семейства и помещик, с какой-то специальной ландкартой из синих жил на носу

и щеках; возле неразрывная спутница его жизни, не похожая на тыкву, а скорее на стручок перцу, спрятанный в какой-то тафтяный шалаш, надетый вместо шляпки; против них приятный букет из сельских трех граций, вероятно, сладостная надежда маменьки и папеньки, сладостная, но исполняющая заботой их нежные сердца. Проехал и этот подвижной огород... опять настала тишина... вдруг из переулка раздалась лихая русская песня и через минуту трое бурлаков, в коротеньких красных рубашках, с разукрашенными шляпами, с атлетическими формами, и с тою удалью в лице, которую мы все знаем, вышли обнявшись на улицу; у одного была балалайка, не столько для музыкального тона, сколько для тона вообще; бурлак с балалайкой едва удерживал свои ноги; видно было, по движению плечей, как ему хочется пуститься в присядку — за чем же дело? А вот за чем: из-под земли, что ли, или из-под арок гостиного двора явился какой-то хожалый или будочник с палочкой в руках и песня, разбудившая на минуту скучную дремоту, разом подрезанная, остановилась, только балалайка показал палец будочнику; почтенный блюститель тишины гордо отправился под арку, как паук, возвращающийся в темный угол, закусивши мушиными мозгами. Тут тишина еще более водворилась; стало смеркаться. Бельтов поглядел — и ему сделалось страшно, его давило чугунной плитой, ему явным образом недоставало воздуха для дыхания, может быть, от подожженного масла с табаком, который проходил из нижнего этажа. Он схватил свой картуз, надел пальто, запер за собой дверь и вышел на улицу. Город был не велик, и пройти его с конца в конец было не трудно. Та же пустота везде; разумеется, ему и тут попадались кой-какие лица; изнуренная работница с коромыслом на плече, босая и выбившаяся из сил, поднималась в гору по гололедице, задыхаясь и останавливаясь; толстый с приветливой наружностью поп, в домашнем подряснике, сидел перед воротами и посматривал на нее; попадались еще или поджарые подьячие, или толстый советник, —и все это было так засалено, дурно одето, не от бедности, а от нечистоплотности, и все это шло с такою претензией, так непросто: титулярный советник выступал так важно, как будто он сенатор римский... а коллежский регистратор, будто он титулярный советник; проскакал еще на санках полицеймейстер; он с величайшей грацией кланялся советникам, показывая озабоченно на бумагу, вдетую между петлиц — это значило, что он едет с дневным к его превосходительству... Прошли наконец две толстые купчихи, кухарка несла за ними веники и узелок; красные щеки доказывали, что веники не напрасно были взяты. Больше никаких встреч не было.

— Что значит эта тишина, думал Бельтов: — глубокую думу или глубокое бездумье, грусть или, просто, лень? —

Не поймешь. — И отчего мне эта тишина так тягостна, что хоть бы повернуть оглобли; отчего она меня так давит? Я люблю тишину. Тишина на море, в селе, даже просто на поле, на ровном вдаль идущем поле, наполняет меня особым поэтическим благочестием, кротким самозабвением. Здесь не то. Там — ширь с этим безмолвием, а здесь все давит, а здесь тесно, мелко, кругом жалкие строения, еще бы развалины, а то подкрашенные, подбеленные, да где же жители? Приступом, что ли, взяли вчера этот город, мор, что ли, посетил его? Ничего не бывало: жители дома, жители отдыхают; да когда же они трудились?.. И Бельтов невольно переносился в шумные, кипящие народом улицы других городков, не столько патриархальных и более преданных суете мирской. Он начал ощущать ту неловкость, которая обыкновенно сопровождает ложный шаг в жизни, особенно когда мы начинаем сознавать его, и печально отправился домой. Когда он подходил к гостинице, густой протяжный звук колокола раздался из подгородного монастыря; в этом звоне напомнилось Владимиру что-то давнопрошедшее, он пошел было на звон, но вдруг улыбнулся, покачал головой и скорыми шагами отправился домой. Бедная жертва века, полного сомнением, не в NN тебе сыскать покой! *

Где уж тут, в этом тихом болоте культуру сеять! И Бельтов [1] должен был или войти в кружок петрашевцев или встать в ряды эмигрантов, только что начавших тогда поход на Европу, поход, продолжающийся и до сего дня.

Рядом с Бельтовым стоит господин Рудин, он тоже человек 40-х годов.[2]

Это — умный, красноречивый барин, ловкий диалектик:

Т[ургенев] 30

— Прекрасно! — промолвил Рудин: — стало быть, по-вашему, убеждений нет?

— Нет — и не существует.

— Это ваше убеждение?

— Да.

— Как же вы говорите, что их нет? Вот вам уже одно на первый случай.*

Но расположив победою над Пиг[асовым] в свою пользу всех и 17-тилетнюю Наташу, он немедленно встает пред нею в позу усталого, разочарованного человека:

«Неужели вы находите, что вам пора отдыхать?» — изумленно спрашивает она героя на час.

---

[1] конечно или встанет в ряды

[2] Это тонкий диалектик, как видно из его спора с...

. . . . . .

— Благодарю за лестное мнение, — перебил ее Рудин. — Быть полезным... легко сказать! (Он провел рукою по лицу.) Быть полезным! — повторил он. — Если б даже было во мне твердое убеждение: ка́к я могу быть полезным — если б я даже верил в свои силы — где найти искренние, сочувствующие души?..

И Рудин так безнадежно махнул рукою, и так печально поник головою, что Наталья невольно спросила себя: полно, его ли восторженные, дышащие надеждой речи она слышала накануне?!! *

И. С. Тургенев был хороший реалист, а я уже не раз говорил, что писатель-реалист, невольно подчиняясь [1] своим впечатлениям, часто не замечает, что, рисуя дорогое и близкое ему, он — рисует это близкое таковым, каково оно есть на самом деле, т. е., иными словами, красота или ясность материала повести не позволяет ему исказить себя.

Рудин — живое лицо эпохи; говорили, что Т[ургенев] списал его с поэта Огарева — друга Герцена. С большими доказательствами говорилось, что Р[удин] — М. Бакунин. Но — и сам Т[ургенев] носил в себе черты Рудина, как носил их одно время даже Герцен. Однако это не помешало писателю характеризовать Рудина так:

63

— Не люблю я этого умника,—говаривал он [Пигасов]:— выражается он неестественно, ни дать, ни взять, лицо из русской повести: скажет: «я», и с умилением остановится... «Я, мол, я...» Слова употребляет все такие длинные. Ты чихнешь, он тебе сейчас станет доказывать, почему ты именно чихнул, а не кашлянул... Хвалит он тебя точно в чин производит... Начнет самого себя бранить, с грязью себя смешает — ну, думаешь, теперь на свет божий глядеть не станет. Какое! повеселеет даже, словно горькой водкой себя попотчивал. *

[2]Устами Лежнева — другого героя повести, — мы его со временем встретим у Тургенева же под именем постепеновца Соломина, а у Гончарова — как это ни странно — под именем фаталиста Обломова, — так вот устами этого Лежнева, который носит в себе зачатки двух [3] начал — деятельного и пассивного, Т[ургенев] так говорит о Рудине:

---

[1] своему материалу

[2] Вспомните суждения Тур[генева] о печальном положении рус[ской] литературы — разве И[ван] С[ергеевич] не отвечает этой характеристике Рудина

[3] способностей, начал полной пассивности и постепенно...

— ...доложу вам, мне Рудин, действительно, не нравится. Он умный человек...

— Еще бы!

— Он замечательно умный человек, хотя в сущности пустой...

— Это легко сказать!

— Хотя в сущности пустой, — повторил Лежнев: — но это еще не беда: все мы пустые люди. Я даже не ставлю в вину ему то, что он деспот в душе, ленив, не очень сведущ...

Александра Павловна всплеснула руками.

— Не очень сведущ! Рудин! — воскликнула она.

— Не очень сведущ, — точно тем же голосом повторил Лежнев: — любит пожить на чужой счет, разыгрывает роль, и так далее... это все в порядке вещей. Но дурно то, что он холоден, как лед.

. . . . . .

— Худо то, что он не честен. Ведь он умный человек: он должен же знать цену слов своих,— а произносит их так, как будто они ему что-нибудь стоят... Спору нет, он красноречив; только красноречие его не русское. Да и, наконец, красно говорить простительно юноше, а в его года стыдно тешиться шумом собственных речей, стыдно рисоваться!

. . . . . .

Дело в том, что слова Рудина так и остаются словами и никогда не станут поступком — а между тем, эти самые слова могут смутить, погубить молодое сердце.

. . . . . .

Наш кружок состоял тогда, говоря по совести, из мальчиков — и недоученных мальчиков. Философия, искусство, наука, самая жизнь — все это для нас были одни слова, пожалуй даже понятия, заманчивые, прекрасные, но разбросанные, разъединенные. Общей связи этих понятий, общего закона мирового мы не сознавали, не осязали, хотя смутно толковали о нем, силились отдать себе в нем отчет... Слушая Рудина, нам впервые показалось, что мы наконец схватили ее, эту общую связь, что поднялась наконец завеса! Положим, он говорил не свое — что за дело! но стройный порядок водворялся во всем, что мы знали, все разбросанное вдруг соединялось, складывалось, вырастало перед нами, точно здание, все светлело, дух веял всюду... Ничего не оставалось бессмысленным, случайным: во всем высказывалась разумная необходимость и красота, все получало значение ясное и, в то же время, таинственное, каждое отдельное явление жизни звучало аккордом, и мы сами, с каким-то священным ужасом благоговения, с слад-

ким сердечным трепетом, чувствовали себя как бы живыми сосудами вечной истины, орудиями ее, призванными к чему-то великому...

. . . . . .

... в Рудине, в этом красивом и статном малом, было много мелочей; он даже сплетничал; страсть его была во все вмешиваться, все определять и разъяснять. Его хлопотливая деятельность никогда не унималась... политическая натура-с! *

Далее: возьмем сцену Р[удина] с Наташ[ей], которой он кружит голову, сам не зная для чего:

85 *

Девица поверила ему, но их свидание подглядели, донесли ее матери и — вот заключительная сцена повести:

«Что делать? — спрашивает Наташа. — Я пришла за советом!»

106 *

Уезжая, Р[удин] оставил Нат[аше] письмо с такой самохарактеристикой:

125

«Я остаюсь одинок на земле для того, чтобы предаться, как вы сказали мне сегодня поутру с жестокой усмешкой, другим, более свойственным мне занятиям. Увы! если бы я мог, действительно, предаться этим занятиям, победить наконец свою лень... Но нет! я останусь тем же неоконченным существом, каким был до сих пор... Первое препятствие — и я весь рассыпался; происшествие с вами мне это доказало. Если б я, по крайней мере, принес мою любовь в жертву моему будущему делу, моему призванию; но я просто испугался ответственности, которая на меня падала, и потому я точно недостоин вас. Я не сто́ю того, чтобы вы для меня отторглись от вашей сферы... А впрочем, все это, может быть, к лучшему. Из этого испытания я, может быть, выйду чище и сильней...» *

Но, низложив Руд[ина] с высот, умный Ив[ан] Сер[геевич] понял, что, оставив дело в таком виде, он сильно обидит и себя самого и всех своих друзей. А потому он приделал к повести некоторую мораль, — ее говорит тот же Лежнев, который впервые рассказнил Рудина.

136

— ...я предлагаю вам выпить теперь за здоровье Дмитрия Рудина!

. . . . . .

— Я знаю его хорошо, — продолжал Лежнев: — недостатки его мне хорошо известны. Они тем более выступают наружу, что сам он не мелкий человек.

— Рудин — гениальная натура! — подхватил Басистов.

— Гениальность в нем, пожалуй, есть, — возразил Лежнев: — а натура... В том-то вся его беда, что натуры-то собственно в нем нет... Но не в этом дело. Я хочу говорить о том, что в нем есть хорошего, редкого. В нем есть энтузиазм; а это, поверьте мне, флегматическому человеку, самое драгоценное качество в наше время. Мы все стали невыносимо рассудительны, равнодушны и вялы; мы заснули, мы застыли, и спасибо тому, кто хоть на миг нас расшевелит и согреет! Пора! Помнишь, Саша, я раз говорил с тобой о нем и упрекал его в холодности. Я был и прав и неправ тогда. Холодность эта у него в крови — это не его вина — а не в голове. Он не актер, как я называл его, не надувало, не плут; он живет на чужой счет не как проныра, а как ребенок... Да, он, действительно, умрет где-нибудь в нищете и в бедности; но неужели ж и за это пускать в него камнем? Он не сделает сам ничего именно потому, что в нем натуры, крови нет; но кто в праве сказать, что он не принесет, не принес уже пользы? что его слова не заронили много добрых семян в молодые души, которым природа не отказала, как ему, в силе деятельности, в умении исполнять собственные замыслы? Да я сам, я первый, все это испытал на себе... Саша знает, чем был для меня в молодости Рудин. Я, помнится, также утверждал, что слова Рудина не могут действовать на людей; но я говорил тогда о людях, подобных мне, в теперешние мои годы, о людях уже поживших и поломанных жизнью. Один фальшивый звук в речи — и вся ее гармония для нас исчезла; а в молодом человеке, к счастью, слух еще не так развит, не так избалован. Если сущность того, что́ он слышит, ему кажется прекрасной, что ему за дело до тона! Тон он сам в себе найдет.

— Браво! браво! — воскликнул Басистов: — как это справедливо сказано! А что касается до влияния Рудина, клянусь вам, этот человек не только умел потрясти тебя, он с места тебя сдвигал, он не давал тебе останавливаться, он до основания переворачивал, зажигал тебя!

— Вы слышите? — продолжал Лежнев, обращаясь к Пигасову: — какого вам еще доказательства нужно? Вы нападаете на философию; говоря о ней, вы не находите довольно презрительных слов. Я сам ее не больно жалую и плохо ее понимаю: но не от философии наши главные невзгоды! Философические хитросплетения и бредни никогда не привьются к русскому: на это у него слишком много здравого смысла; но нельзя же допустить, чтобы под именем философии нападали на всякое честное стремление к истине

и к сознанию. Несчастье Рудина состоит в том, что он России не знает, и это точно большое несчастье.* Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись. Горе тому, кто это думает, двойное горе тому, кто действительно без нее обходится! Космополитизм — чепуха, космополит — нуль, хуже нуля; вне народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нет! Без физиономии нет даже идеального лица; только пошлое лицо возможно без физиономии. Но опять-таки скажу, это не вина Рудина: это его судьба, судьба горькая и тяжелая, за которую мы-то уж винить его не станем. Нас бы очень далеко завело, если бы мы хотели разобрать, отчего у нас являются Рудины. А за то, что в нем есть хорошего, будем же ему благодарны. Это легче, чем быть несправедливым к нему, а мы были к нему несправедливы. Наказывать его не наше дело, да и не нужно: он сам себя наказал гораздо жесточе, чем заслуживал. И дай-бог, чтобы несчастье вытравило из него все дурное и оставило в нем одно прекрасное! Пью за здоровье Рудина! Пью за здоровье товарища моих лучших годов, пью за молодость, за ее надежды, за ее стремления, за ее доверчивость и честность, за все то, от чего и в двадцать лет бились наши сердца, и лучше чего мы все-таки ничего не узнали и не узнаем в жизни... Пью за тебя, золотое время, пью за здоровье Рудина! *

Так похвалил и одобрил сытый голодного, оседлый — кочевника.[1]

Но — повесть еще не кончена. Рудин встречается с Л[ежневым] и рассказывает ему о своих попытках пристроиться к жизни, чтобы перестроить ее. Вот эти попытки:

149 *

Так хороший русский барин Тург[енев] изобразил в одном лице жизнь и приключения многих рус[ских] бар 40-х—50-х гг.

В изображении этом две части, два отношения к герою: в первой Р[удин] болтун, краснобай, соблазнитель девиц, странный путанник и — все это отчасти потому, что он «политический человек».

Нельзя отрицать — повторяю — что Р[удин] — живое лицо, но надо помнить, что И. С. Тур[генев] — не любит политики и что, именно, эта нелюбовь заставила его в первой части[2] рассказа отнестись к Р[удину] слишком сурово.

---

[1] Рудин — чужой нам человек, современности нашей, он вредный краснобай.

[2] повести

Во второй части спокойный и зажиточный флегматик Леж[нев] оправдывает и объясняет Рудина, но — как? Обидно оправдывает — вообще нехорошо слушать, как оправдывают что-нибудь или кого-нибудь для успокоения своей совести — в данном же случае это особенно нехорошо.

[1]Т[ургенев] вообще недолюбливал[2] мечтателей, он любил противопоставить мечтателю — практика: Калиныча — Хорю, Неждановa — Соломину; мы и здесь видим его попытку сконфузить мечтателя — лицо по тем временам нужное и важное. Несмотря на все смягчающие вину обстоятельства, несмотря на заезд в Париж и смерть на баррикаде — Руд[ин] поставлен пред нами человеком бессильным, раздавленным жизнью, побежденным, не оставившим в ней следа.

[3]Справедливо ли это? Мне думается — нет, несправедливо. Приняв во внимание все условия времени — и гнет прав[ительства], и умственное бессилие о[бщест]ва и отсутствие в массах крест[ьян][4] сознания своих задач — мы должны будем признать, что мечтатель Рудин, по тем временам, был человеком более полезным, чем практик, деятель.

Мечтатель — он являлся пропагандистом идей революционных, он был критиком действительности, он, т[ак] с[казать], пахал целину, — а что, по тому времени, мог сделать практик?[5]

Нет, Рудин лицо не жалкое, как принято к нему относиться, это несчастный человек, но — своевременный и сделавший не мало доброго. Ведь, как уже сказано, Рудин — это и Бакунин, и Герцен, и отчасти сам Турген[ев], а эти люди, вы знаете, не даром прожили свою жизнь и оставили для нас превосходное наследство.

С произв[едений] Тург[енева] начинается в русской литературе новое отношение к барству — отношение резко отрицательное, насмешливое и — несправедливое, ибо оно не исторично, односторонне. Позднее сам же Тур[генев] протест[овал] против такого отношения, считая его не историчным и неверным, но, протестуя, он забыл, что именно его «лишние люди», его[6] Гамлеты Щигровского уезда, Рудины, Неждановы, герои повести «Ася» и т. д., именно его типы установили такое отношение, как высказанное Черныш[евским] в одной из его статей.

Б[о]г[у]ч[арский] 234

«Повсюду, каков бы ни был характер поэта, каковы бы ни были его личные понятия о поступках своего героя,

---

[1] Зная, что Т[ургенев] по своим взглядам был постепеновец

[2] прочих крайних людей

[3] Так ли? Нет.

[4] ясного сознания поло[жения]

[5] И был ли в действительности таковой?

[6] Фаусты

герой действует одинаково со всеми порядочными людьми, подобно ему выведенными другими у других поэтов; пока о деле нет речи, а надобно только занять праздное время, наполнить праздную голову или праздное сердце разговорами и мечтами, герой очень боек; подходит дело к тому, чтобы прямо и точно выразить свои чувства и желания, и большая часть героев начинает уже колебаться и чувствовать неповоротливость в языке. Немногие, самые храбрейшие, кое-как успевают еще собрать все свои силы и косноязычно выразить что-то, дающее смутное понятие об их мыслях; но вздумай кто-нибудь схватиться за их желания и сказать: «вы хотите того-то и того-то. Мы очень рады. Начинайте же действовать, а мы вас поддержим». При такой реплике одна половина храбрейших героев падает в обморок, другие начинают очень грубо упрекать вас за то, что вы поставили их в неловкое положение, начинают говорить, что они не ожидали от вас таких предложений, что они совершенно теряют голову, не могут ничего сообразить, потому что «как же можно так скоро» и «при том же они честные люди» и не только честные, но очень смирные и не хотят подвергать вас неприятностям и что, вообще, разве можно, в самом деле, хлопотать обо всем, о чем говорится от нечего делать, и что лучше всего — ни за что не приниматься, потому что все соединено с хлопотами и неудобствами и хорошего ничего пока не может быть, потому что, как уже сказано, они «никак не желали и не ожидали и проч...»*

Это — верно, как характеристика явления психического, но неверно, как исторический взгляд: неверно и опровергается одним возражением: в эпоху 40-х годов та деятельность, кою подразум[евал] Черныш[евский], была совершенно невозможна, ибо — с какими силами рус[ское] о[бщест]во той эпохи могло бы воспроизвести в России европейские события 48 г[ода]? Сил таких — не было, условий для 48 г[ода] — не было. Мы в ту пору отставали от Запада лет на сто, мы были младенцами политически и социально — нам ли было браться за дела взрослой и зрелой буржуаз[ии] Европы?

Ив[ан] С[ергеевич] Тургенев был человек умнейший, но он обладал уклончивой душой, а посему он очень часто подыгрывался под демократические идеи и настроения, что не мешало ему оставаться до мозга костей дворянином.

[КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ XIX ВЕКА. — ЛИТЕРАТУРА О КРЕСТЬЯНСТВЕ: ТУРГЕНЕВ, «ЗАПИСКИ ОХОТНИКА», ГЕРЦЕН, ГРИГОРОВИЧ, ЛЕВ ТОЛСТОЙ, ГОГОЛЬ, ДАЛЬ, КОЛЬЦОВ, ШЕВЧЕНКО]

Оставим временно рус[ского] барина критикующим русских бар для того, чтоб понравиться разночинцу, и посмотрим, как этот барин относился к своему крепостному мужику.

Что выдвинуло в 40-х годах на сцену мужика, что сделало из него в 50-х первое лицо в литературе?

Историки объясняют этот факт влиянием западного социализма и глав[ным] образом — влиянием романов Ж[орж] З[анд], как истолковательницы его. Но — это едва ли верно, а если и верно, то лишь отчасти: идеи Жорж З[анд] помогли установить, организовать известное отношение к мужику, но интерес и внимание к нему вызвал он сам, и вызвал грубейшим образ[ом], именно, путем бунтов и волнений. Он занимался этим делом чрезвычайно усердно [1] и все с большей энергией.

С [18]26-го по [18]29 [год] — 41 случай
» [18]30-го » [18]34 » — 46 »
» [18]35-го » [18]39 » — 59 »
» [18]40-го » [18]44 » —101 »
» [18]45-го » [18]49 » —172 [2] »
» [18]50-го » [18]54 » —137 * » — сокращение за счет распространившихся в ту пору слухов о воле.

Если в течение 1460 дней мужик бунтует 172 раз[а], то выходит, что он бунтует каждые 9 дней по одному разу обязательно — тут уж поневоле обратишь на него внимание и без участия социал[изма], Жорж Занд и прочих посторонних толчков!

Русской литер[атуре] приписывается огромная роль в деле освобож[дения] крестьян — и это справедливо потребует по-

---

[1] со рвением

[2] почти один бунт на каждые два дня!

правки: о крепостном праве гораздо благороднее и смелее писали п о с л е его уничтожения, чем при существ[овании] его.

Одной из книг, которая нанесла серьезный удар рабству, считаются «Записки ох[отника]» Тургенева, но читая внимательно эти рассказы, печатавшиеся с [18]47 г[ода] и вышедшие отдельным изданием в [18]52, — читая их, мы нигде не встретим прямого, открытого протеста против рабства; его нет.

Рассказы эти прежде всего изображают больше помещиков, чем мужиков, а мужиков же они рисуют так — вот мужик Хорь:

Тур[генев] 5—7

—... он у меня мужик умный. Лет двадцать пять тому назад изба у него сгорела; вот и пришел он к моему покойному батюшке и говорит: дескать, позвольте мне, Николай Кузьмич, поселиться у вас в лесу на болоте. Я вам стану оброк платить хороший. — Да зачем тебе селиться на болоте? — Да уж так; только вы, батюшка, Николай Кузьмич, ни в какую работу употреблять меня уж не извольте, а оброк положите, какой сами знаете. — Пятьдесят рублев в год! — Извольте. — Да без недоимок у меня, смотри! — Известно, без недоимок... Вот он и поселился на болоте. С тех пор Хорем его и прозвали.

— Ну, и разбогател? — спросил я.

— Разбогател. Теперь он мне сто целковых оброка платит, да еще я, пожалуй, накину. Я уж ему не раз говорил: откупись, Хорь, ей, откупись!.. А он, бестия, меня уверяет, что нечем: денег, дескать, нету...

. . . . . .

... Хорь присел на скамью и, преспокойно поглаживая свою курчавую бороду, вступил со мною в разговор. Он, казалось, чувствовал свое достоинство, говорил и двигался медленно, изредка посмеивался из-под длинных своих усов.

Мы с ним толковали о посеве, об урожае, о крестьянском быте... Он со мной все как будто соглашался; только потом мне становилось совестно, и я чувствовал, что говорю не то... Так оно как-то странно выходило. Хорь выражался иногда мудрено, должно быть, из осторожности... Вот вам образчик нашего разговора:

— Послушай-ка, Хорь, — говорил я ему: — отчего ты не откупишься от своего барина?

— А для чего мне откупаться? Теперь я своего барина знаю и оброк свой знаю... барин у нас хороший.

— Все же лучше на свободе, — заметил я.

Хорь посмотрел на меня сбоку.

— Вестимо, — проговорил он.

— Ну так отчего же ты не откупаешься?

Хорь покрутил головой.

— Чем, батюшка, откупиться прикажешь?

— Ну, полно, старина...

— Попал Хорь в вольные люди, — продолжал он вполголоса, как будто про себя: — кто без бороды живет, тот Хорю и нàбольший.

— А ты сам бороду сбрей.

— Что борода? Борода — трава: скосить можно.

— Ну, так что ж?

— А, знать, Хорь прямо в купцы попадет: купцам-то жизнь хорошая, да и те в бородах.

— А что, ведь ты тоже торговлей занимаешься? — спросил я его.

— Торгуем помаленьку, маслишком да дегтишком... Что же тележку, батюшка, прикажешь заложить?

«Крепок ты на язык и человек себе на уме», — подумал я.*

Хорошие мужики. И живут недурно. И ни на что не жалуются. Господ уважают. Совершенно нельзя понять — почему же они бунтуют по 25 раз в год?

А вот вольноотпущенный дворовый Туман рассказывает о своем барине:

39

— Вельможественный был человек, известно-с. К нему, бывало, первые, можно сказать, особы из Петербурга заезжали. В голубых лентах, бывало, за столом сидят и кушают. Ну, да уж и угощать был мастер. Призовет, бывало, меня: «Туман», говорит, «мне к завтрашнему числу живых стерлядей требуется: прикажи достать, слышишь?» — «Слушаю, ваше сиятельство». — Кафтаны шитые, парики, трости, духи, ладеколон первого сорта, табакерки, картины этакие большущие, из самого Парижа выписывал. Задаст банкет, — господи, владыко живота моего! Фейвирки пойдут, катанья! Даже из пушек палят. Музыкантов одних сорок человек на-лицо состояло. Кампельмейстера из немцев держал, да зазнался больно немец, — с господами за одним столом кушать захотел; так и велели их сиятельство прогнать его с богом; у меня и так, говорит, музыканты свое дело понимают. Известно: господская власть. Плясать пустятся — до зари пляшут, и все больше лакосез-матрадура... Э... э... э... попался брат! (Старик вытащил из воды небольшого окуня.) На-ка, Стёпа. — Барин был, как следует, барин,— продолжал старик, закинув опять удочку: — и душа была тоже добрая . Побьет, бывало, тебя, — смотришь, уж и позабыл. Одно: матресок держал. Ох, уж эти матрески, прости господи! Они-то его и разорили. И ведь все больше из низкого сословия выбирал. Кажись, чего бы им еще? Так нет,— подавай им что ни-на есть самого дорогого в целой Европии!

И то ска зать: почему не пожить в свое удовольствие, — дело господско е... да разоряться-то не след. Особенно одна: Акулин й ее называли: теперь она покойница — царство ей небе ное! Девка была простая, Ситовского десятского дочь, да такая злющая! По щекам, бывало, графа бьет. Околдов ала его совсем. Племяннику моему лоб забрила: на ново платье щеколат ей обронил... и не одному ему забрила лоб. Да... А все-таки хорошее было времячко! — прибави старик с глубоким вздохом, потупился и умолк.

— А барин-то, я вижу, у вас был строг? — начал я, после н большого молчания.

— Тогда это было во вкусе, батюшка, — возразил старик, качнув головой. *

Превосхо нейший экземпляр раба, воспринимающий рабство с точки зрен ия, т[ак] с[казать], эстетической.

Вот еще ужичок:

41

— З Влас? — вскрикнул Туман, вглядевшись в него: — здорове брат. Откуда бог принес?

— доров, Михайла Савельич, — проговорил мужик, подход к нам; — издалеча.

— де пропадал? — спросил его Туман.

— в Москву сходил к барину.

— ачем?

— росить его ходил.

— чем просить?

— [а чтоб оброку сбавил, аль на барщину посадил, пересе ил, что ли... Сын у меня умер — так мне одному теперь не справиться.

— Умер твой сын?

— Умер. Покойник, — прибавил мужик, помолчав: — у мен в Москве в извозчиках жил; за меня, признаться, и обр вносил.

— [а разве вы теперь на оброке?

— На оброке.

— Кто ж твой барин?

— Кто барин? Прогнал меня! Говорит, как смеешь прямо ко мне итти: на то есть приказчик; ты, говорит, сперва приказчику обязан донести... да и куда я тебя пересел? Ты, говорит, сперва недоимку за себя внеси. Осерчал в се.

— Ну, что ж, ты и пошел назад?

— И пошел. Хотел было справиться, не оставил ли покой ик какого по себе добра, да толку не добился. Я хозяину го его говорю: я, мол, Филиппов отец; а он мне го-

ворит, а я почем знаю? Да и сын твой ничего, говорит, не оставил; еще у меня в долгу. Ну, я и пошел.

Мужик рассказывал нам все это с усмешкой, словно о другом речь шла; но на маленькие и съеженные его глазки навертывалась слезинка, губы его подергивало.

— Что ж ты, теперь домой идешь?

— А то куда? Известно, домой. Жена, чай, теперь с голоду в кулак свистит.

— Да ты бы... того... — заговорил внезапно Степушка,— смешался, замолчал и принялся копаться в горшке.

— А к приказчику пойдешь? — продолжал Туман, не без удивления взглянув на Стёпу.

— Зачем я к нему пойду?.. За мной и так недоимка. Сын-то у меня перед смертью с год хворал, так и за себя оброку не внес... Да мне с полугоря: взять-то с меня нечего... Уж, брат, как ты там ни хитри, — шалишь: безответная моя голова! (Мужик рассмеялся.) Уж он там как ни мудри, Кинтильян-то Семеныч, — а уж...

Влас опять засмеялся.

— Что ж? — это плохо, брат Влас, — с расстановкой произнес Туман.

— А чем плохо? Не... (У Власа голос прервался.) Эка жара стоит, — продолжал он, утирая лицо рукавом. *

А то вот еще один мужик — Сучок. *

И в этих нет ничего особенного, кроме христианского терпения. Изображая их, автор как бы усовещивает читателя:

— Гляди, — какой кроткий мужик.

Его и пороть не надобно трудиться — он и без порки все сделает для барина, по кротости своей! Тургенев почти не касается мужика тяглового, настоящего землероба — он, преимущественно, изображает бывших дворовых, разных отколовшихся от хозяйства людей или фигуры вроде Хоря — практиков, индивидуалистов, впоследствии, в 80-х [годах] облюбованных Эртелем и восхваленных им.

Человек массы, бунтующий мужик, остался у Т[ургенева] в стороне. «Зап[иски] ох[отника]» — мирные идиллические картинки, ни слова горечи в них не сказано, ни одной гневной ноты не слышно.

А между тем, задолго до этих рассказов, Герцен писал в своем дневнике:

Сол[овьев] 132

«А как взглянешь вокруг себя... Бедный, бедный русский мужик! Глядя на его жизнь, кажется чем-то чудовищно преступным жить в роскоши; обыкновенно мужик здешней полосы никогда не ест мяса, у него едва хватает хлеба; коли побогаче, ест капусту; он каждый день со своей

семьей отыгрывается от голодной смерти. О запасах нечего и думать; умри лошадь, корова — он идет ко дну.

Возле их (крестьянских) полей богатые поля помещика, обработанные его руками, скирды хлеба, копны сена. Какое ангельское самопожертвование! Сегодня приходили к окну нищие из соседней деревни; помещик выгоняет их ежедневно на работу поголовно — у них нет хлеба, это бросается в глаза. Если есть только хлеб, то совесть помещика чиста: чего же им более, они сыты.

Кротко, грустно несут крестьяне тяжелый крест жизни, черно проводят ее, имея в перспективе розги, голод и барщину.

Двенадцать миллионов людей вне закона!.. Ужас!..*

Тот же Герцен в [18]46 г[оду] рассказал потрясающую историю крепостной актрисы — затравленной и замученной барином, а через год, в своем сочинении — «Записки д-ра Крупова» — так едко обрисовал крепостное право:

Г[ерцен] 345

... я открыл, что между собой нередко сумасшедшие признают друг друга; эти уже ближе к обыкновенному гражданскому благоустройству. Так в V палате жили восемь человек легко помешанных в большой дружбе. Один из них сошел с ума на том, что он сверх своей порции имеет призвание есть по полупорции у всех товарищей, основывая пресмешно свои права на том, что его отец умер от объядения, а дед опился. Он так уверил своих товарищей, что ни один из них не смел есть своей порции, не отдав ему лучшей части, не смел ее взять украдкой, боясь угрызений совести. Когда же изредка кто-либо из дерзких скептиков утаивал кусок, он гордо уличал преступного, и шесть остальных готовы были оттаскать злодея; он называл его вором, стяжателем; и глава этой общины до того добродушно верил в свое право, что, не имея возможности съедать все набранное, с величавой важностью награждал избранных их же едою, и награжденный точил слезы умиления, а остальные слезы зависти.

Нельзя отказать этим безумным в высоком политическом смысле, так точно как нельзя отказать в безумии людям, не только считающим себя здоровыми (самые бешеные собою совершенно довольны), но признаваемых за таких другими. Для убедительного доказательства присовокуплю отрывок из моего журнала, предпослав оному следующую краткую диагностику безумия.

Главные признаки расстройства умственных способностей состоят:

а) В неправильном, но и непроизвольном сознании окружающих предметов;

б) В болезненной упорности, стремящейся сохранить это сознание с явным даже вредом самому больному и отсюда —

в) Тупое и постоянное стремление к целям не существенным и упущение целей действительных.

Этого достаточно для того, чтобы убедиться в истине моих выводов. *

И вот как он описывает город:

351

Городок наш вообще оригинален, это губернское правление, обросшее разными домами и жителями, собравшимися около присутственных мест; он тем отличается от других городов, что он возник собственно для удовольствия и пользы начальства. Начальство составило сущность, цвет, корень и плод города. Остальные жители — как купцы, мещане — больше находились для порядка, ибо нельзя же быть городу без купцов и мещан. Все получали смысл только в отношении к начальству (и к откупу впрочем); мастеровые, напр[имер], портные, сапожники, шили для чиновников фраки и сапоги; содержатель трахтира имел для них биллиард. Прочие неслужащие в городе занимались исключительно произведением тех средств, на которые чиновники заказывали фраки, сапоги и увеселялись на биллиарде.

В нашем городке считалось 5000 жителей; из них человек двести были повергнуты в томительнейшую скуку от отсутствия всякого занятия, а четыре тысячи семьсот человек повергнуты в томительную деятельность от отсутствия всякого отдыха. Те, которые денно и нощно работали, не вырабатывали ничего, а те, которые ничего не делали, беспрерывно вырабатывали и очень много. *

Как видите — во времена Тург[енева] было и более [1] определенное и более откровенное отношение ко крепост[ному] праву.

Рядом с Т[ургеневым] обычно ставят, как борцов против крепост[ного] права, Григоровича и Толстого.

В лит[ературе] рус[ской] есть писатели недооцененные и есть переоцененные — к последним принадлежит Григорович. Сын гусара и француженки, дочери роялиста, которому в [17]91 г[оду] отрубили голову — Григорович [2] получил чисто французское воспитание и долгое время говорил по-русски с великим трудом.

---

[1] верное

[2] долгое время едва умел говорить

Он сам рассказывает в своих воспоминаниях, что ему стоило страшных усилий написать первую свою повесть «Деревня» — не хватало знания языка, да и знание [1] жизни было слабое, автор жил в деревне лишь наездами. Повесть Григор[овича] была плоха, Бел[инский] даже отказался назвать ее повестью и отнес к разряду модных в то время «физиологических очерков», т. е. очерков с натуры. И все-таки эта повесть обратила на себя внимание о[бщест]ва и критики; мнения о «Деревне» разделились на три группы: эстетики были скандализованы, они еще мирились с мелким чиновником, героем литер[атурного] произвед[ения], но никак не хотели допустить в журналы и альманахи мужика, как героя рассказа или повести; это считалось ими понижением литер[атуры].

Западники, указывая на пов[есть] Гр[игоровича], говорили: вот он русский мужик! Смотрите, как он глуп, грязен, забит, смотрите, какой дикарь!

Славянофилы ожесточенно ругали автора, обвиняя его в клевете на народ.

У меня нет под руками повести, — но если б мы могли прочитать из нее несколько выдержек — мы увидали бы, что рядом с уменьем автора описать, как мужик одет, каков он пьяный, как он бьет жену и, вообще, каков он с внешней стороны, — внутренние свойства мужику Григ[орович] вложил от себя, или вернее — из романа Бальзака «Крестьяне», и его русские мужики поразительно не похожи ни на симбирских, ни на вообще россий[ских] крестьян. И видя их, мы опять-таки не в состоянии сообразить, но где же тот непрерывно бунтующий, беспокойный мужик — где он?

Нет этого мужика и в знаменитом романе Григ[оровича] «А[нтон] Г[оремыка]» — эта чувствительная книга написана под влиянием Жорж Занд и преисполнена смущающей совр[еменного] читателя слезливостью, ложным пафосом и совершенно невыносимым для демократического чувства отношением к мужику, как представителю низшего типа зоологии.

Автор, вводя в литературу плохонького мужичонку Антона, настроенного христианнейше и относящегося к господам с рабьим смирением — все время как бы извиняется за дурной запах онуч и овчины своего героя.

Но — все-таки, подвергнув Антона нечеловеческим униженьям и мукам, Григ[орович] нашел нужным закончить приключения героя и других мужиков протестом: мужики поджигают [2] дом управляющего, злодея, женатого на любовнице барина, и бросают его в огонь.

Однако цензор Никитенко сказал Гр[игоровичу], что это не годится, и Григ[орович] изменил конец романа: заставил Ант[она]

---

[1] деревенской

[2] барскую усадьбу

пристать к шайке конокрадов, а потом покаяться миру крестьянскому во грехах пред ним.

Протеста против крепос[тного] права — не вышло.

Роль Тол[стого] в борьбе против крепост[ного] права представляется мне недоразумением еще большим, чем роль Григоровича.

Во-первых — он написал до [18]61 г[ода] лишь два рассказа из крестьян[ской] жизни: в [18]52 — «Утро помещика», в 1860 — «Поликушку». *

Оба эти произведения совершенно не касаются вопроса, интересующего нас: в первом — добрый юноша кн. Нехлюдов [1] хочет облагодетельствовать своих мужиков, хочет научить их жить лучше, чище, — но, увы, — все тщетно! В своих попытках он наталкивается на недоверие к нему [2], непонимание его планов, странную мужицкую хитрость и обидную ложь. Он, напр[имер], предлагает мужику, изба которого совершенно разваливается, перебраться в каменный дом, мужик покорно говорит: «воля ваша» — и отказывается от камен[ного] дома, предпочитая ему угрожающую падением, отцами насиженную, грязную избу.

И все мужики этого рассказа — люди косные, лживые, хитрые, что, однако, не мешает им, вместе с полной покорностью воле барина, обладать какой-то непонятной читателю мудростью. Мудрость эта осуществляется посредством лжи, хитрости и т. д.

Но — пусть сам Л[ев] Н[иколаевич] расскажет нам о своих мужиках:

ч. II — 10-я *

«Поликушка» — дворовый человек, много раз уличен в воровстве, он хвастунишка, ничтожное существо. Несмотря на его дурную репутацию, добрая барыня, по соображениям, известным только ей, посылает его в город за деньгами, он получил деньги и потерял их, приехал домой и удавился. Мораль отсюда вытекает христианская, должно быть: и плохой человек не до конца плох. Где-то на дне души его всегда тлеет совесть. Но это имеет весьма отдаленное отношение к вопросу, занимающему нас.

Трех авторов взяли мы со стороны их отношения к народу, и все трое не указали нам — где же искомое нами, где бунтующий мужик?

У Тургенева — мужики по преимуществу не тягловые, а дворовые, отличительная их черта — они поэты, любят природу, песни. Против [3] рабства почти ничего не имеют, говорят о нем мало, а когда говорят, то даже не жалуются, относясь к нему, как к неизбежной форме бытия, так же равнодушно они относятся к смерти. Они — кротки, терпеливы, мягки — человека чув-

[1] бросив университет и желая жить в деревне, тщетно

[2] барину

[3] крепост[ного права]

ствительного могут довести до слез, человека же, который желал бы найти в них активное, творческое начало — способны довести до ненависти к ним.

Слезоточивые мужички Гр[игоровича], переведенные с французского, тоже чрезвычайно кроткий народ, они тоже возбуждают жалость к себе и тоже, как социальный материал, являются безнадежными.

Толстой, до падения креп[остного] права, показывает мужиков хитрых, лживых, косных, а впоследствии они встанут пред нами, как носители самой высокой и законченной мудрости житейской, как люди, у которых надо всем нам учиться жить, — но это уже тема будущего.

Изображал народ Гоголь; но его народ ест галушки, пьет горилку, женихается, жартует, никогда не работает, показывается автором только в праздники, накануне праздников, в майские ночи и т. д.

Это народ оперный, красиво одетый, настроенный поэтически и — никогда не существовавший в действительно существующей Полтавской губернии.

У всех трех писателей совершенно отсутствует демократизм, как чувство своей исторической и социальной связи с народом и как ясное представление о[б] [1] исторических жизненных задачах этого народа в будущем. Все они в описании психических свойств мужика сходятся, одинаково ярко подчеркивая его кротость и способность к терпению, все замолчали его склонность к бунтам. Эту склонность замолчали не только писатели либералы, но и консерваторы — почему? Вопрос сложный, мы его пока оставим в стороне.

Гораздо серьезнее, более правдиво и всесторонне изображал народ Влад[имир] Даль — автор замечательного «Словаря великор[усского] языка» и бесчисленных очерков народной жизни, нравов, обычаев. Он — не художник, а то, что называется этнограф, его очерки — простые описания натуры, такою, какова она есть. Эти очерки имеют огромную ценность правдивых исторических документов, и если бы мы захотели детально изучать [2] жизнь крестьян 40-х—50-х годов — для этой цели сочинения Даля — единственный и бесспорный материал. Но, как сказано, Даль не художник, он не пытается заглянуть в душу изображаемых им людей, зато их внешнюю жизнь он знает, как никто не знал ее в то время. Следует помнить, что Даль — современник и товарищ всех вышеназванных литераторов и что все они относились к нему, как знатоку народной жизни.

После мы увидим, что такая фигура, как Даль, много раз повторится в рус[ской] литер[атуре] и что Реш[етников], Г[леб]

---

[1] ближайших

[2] историю

Успенский, Наумов, Нефедов имеют не мало общего с ним, как в манере писать, так и в отношении к материалу.

[1]Даль — сын датчанина, служившего на Луганском заводе, он военный доктор, участник похода против поляков в 1831 г[оду], он смолоду жил среди рабочих, юношей — среди солдат и успел превосходно изучить быт, нравы и язык рус[ского] народа, у него можно было учиться многому, но не учились ничему.

Не учились и у Т[араса] Шевченко—первого истинно демократического, т. е. народного поэта России, первого, потому что наименование «народный поэт» приложимо к нему с большим правом, чем к нашему Кольцову.

Темы Кольцова — труд и любовь; разве только этим ограничена жизнь народа? И разве только в поле трудится он?

Русский народ, как строительная сила, создал три типа государственного бытия: демократическое княжество — Киевскую Русь, республиканские народоправства — Новгор[од], Пск[ов], Вятку, самодержавную татарского типа деспотию — Москву.

Этот народ несколько раз поднимался против Москвы, добиваясь свободы — Разин, Булавин, Пугачев были, как никак, выразителями его тенденций.

Он, нар[од] этот, без помощи государства захватил и присоединил Москве огромную Сибирь, руками Ермака и понизовой вольницы, беглой от бояр.

Он, в лице Дежнева, Крашенинникова, Хабарова и массы других землепроходцев открывал новые места, проливы — на свой счет и за свой страх.

Он же додумался на 53 г[ода] ранее Дениса Папина до изобретения паровой водоподъемной машины — изобретенной на Урале в 1637 г[оду].

Этим народом сделано много дела, у него есть большая история — исчислять его работу у нас нет времени, но нам необходимо было вспомнить обо всем этом, для того, чтобы сказать: народный поэт Кольцов не касался прошлого своего народа, он не знал его истории и не чувствовал его внутренней, духовной жизни. Шевченко — все знал или, по крайней мере, все чувствовал: он, взглянув на жизнь народа оком пóэта и провидца, воскликнул:

І день іде, [і ніч іде...
І голову схопивши в руки,
Дивуешся: чому не йде
Апостол правди і науки!] *

Тарас Шевченко — крепостной мужик помещика Энгельгардта, до 9 лет он жил, так сказать, на воспитании и содержании у самой

[1] Даль — демократ, он глубоко чувствует свою связь с народом, но еще более его демократ Тарас Шевченко, поэт, крепостной мужик.

природы. С одиннадцати, выучившись грамоте у дьячка, он служит у попа погонычем волов, затем — работает с малярами, пасет овец, потом служит у Энг[ельгардта] поварен[ком] и казачком.

Энг[ельгардт] отдает его в ученики худож[нику] в Питер, * литер[атор] Гребенка, * заметив у мальчика талант, устроил его в Академию. Пытались выкупить Ш[евченко] из рабства, но неудачно, хотя хлопотали об этом знаменитые худож[ники] той поры Брюллов, Венецианов и знатный человек — Жуковский. * Брюллов, ездивший в Звенигород к помещику, сказал про Энгельг[ардта]: «Это самая крупная свинья, какую я видел до сего дня»!*

Шевченко впал в отчаяние и едва не покончил самоубийством.

Наконец — *

У меня нет Кобз[аря], и мы не можем почитать задушевных стихов этого поэта, у которого, к сожалению, мало учились наши поэты, как надо воспринимать и чувствовать народную жизнь, как широко надо брать ее.

Деятельность Шевч[енко]-живописца тоже заслуживает упоминания, ибо он был учителем знаменитого и первого рус[ского] жанриста Федотова, положившего основание школе русских художников-реалистов.

Этот человек жил в одно время с Тур[геневым], Тол[стым], Некр[асовым], Писем[ским], Григ[оровичем] — со всеми столпами рус[ской] литерат[уры], и все они ничего не могли сделать для облегчения его тяжелой судьбы — но это объясняется их бессилием и гнетом, лежавшим на них.

А почему он, Ш[евченко], остался непризнан ими, почему его не читали и не оценили — этого я не умею объяснить.

Между тем он заслуживает высокой оценки, именно как первый и воистину народный поэт, не искажавший субъективными добавлениями народных дум и чувств.

В его жалобах на личную судьбу — слышна жалоба всей Малороссии, в его воспоминаниях о казацкой воле — вы почувствуете воспоминания всего народа.

Он не говорил, как Некр[асов], которого тоже часто называют народным поэтом:

Пожелаем тому доброй ночи,
[Кто все терпит во имя Христа,
Чьи не плачут суровые очи,
Чьи не ропщут немые уста,
Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусства, в науки,
Предаваться мечтам и страстям...] *

Это — ироническое пожелание, конечно. Но горькая его ирония вызвана у Некр[асова] сознанием отдаленности своей от народа, ощущением одиночества — чувствами, которых не ведал Ш[евченко], духовно близкий своей родной Малороссии.

[ПЕТРАШЕВЦЫ. — 1848 ГОД. — ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ РЕАКЦИЯ В РОССИИ. — РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ ОТ ДЕКАБРИСТОВ ДО ПЕТРАШЕВЦЕВ]

В конце 40-х годов в С.-П[етербурге] сложился кружок молодых людей; в состав кружка входили: сын лекаря Ф. Достоевский, мещанин П[етр] Шапошников, студенты Ахшарумов, Филиппов, Ханыков, чиновники Дебу и Кашкин, учитель Феликс Толь, литераторы Дуров, Ал. Плещеев и Пальм, бывший исправник Черносвитов, несколько офицеров, а во главе кружка стоял, как его организатор, титуляр[ный] совет[ник] Буташевич-Петрашевский. Роль шпиона, а отчасти — и провокатора исполнял некто Липранди, сын директора росс[ийских] фабрик — была такая должность — позднее ген[ерал]-майор и литератор.

Кроме названных лиц, кружок посещали еще сын бедного попа Сарат[овской] губер[нии] Ир[инарх] Введенский, впоследствии знаменитый переводчик Диккенса и автор солиднейшего сочинения о Тредьяковском, семинарист Благосветлов, потом издатель «Р[усского] с[лова]» и «Дела», Н. Г. Чернышевский, литер[аторы] Милюков, Энгельсон, будущий деятельный сотрудник герценовской «П[олярной] з[везды]», теоретик славянофильства Н. Данилевский, Щедрин-Салтыков и поэт А. Майков. Бывали на собраниях петр[ашевцев] по пятницам и два критика — В. Майков и В. Белинский. *

Все эти разнообразнейшие люди рассуждали о строгостях цензуры, взяточничестве чиновников, о крепостном праве, с жаром читали книги Кабэ, Фурье, Прудона и не однажды слушали чтение письма Бел[инского] к Гоголю по поводу «Переп[иски]» последнего.

Самый старший из них по возрасту — бывший исп[равник], ему 39 лет, остальные юноши.

Историки рус[ской] лит[ературы] и общества, говоря о петр[ашевцах], называют этот кружок — первым кружком социалистов.

Чего же собственно хотели эти люди? По доносу Липранди оказывается, что —

«Члены общества, — говорил в своем докладе Липранди, — предполагали итти путем пропаганды, действующей на массы. С этой целью в собраниях происходили рассуждения о том, как возбуждать во всех классах народа негодование против правительства, как вооружать крестьян против помещиков, чиновников против начальников, как пользоваться фанатизмом раскольников, а в прочих сословиях подрывать и разрушать всякие религиозные чувства, как действовать на Кавказе, в Сибири, в Остзейских губерниях, в Финляндии, в Польше, в Малороссии, где умы предполагались находящимися уже в брожении от семян, брошенных сочинениями Шевченки (!). Из всего этого я извлек убеждение, что тут был не столько мелкий и отдельный заговор, сколько всеобъемлющий план общего движения, переворота и разрушения...» *

Дос[тоевский], вспоминая о своем участии в кружке Петр[ашевско]го, говорит так:

9. 337

«Монстров» и «мошенников» между нами, «Петрашевцами», не было ни одного (из стоявших ли на эшафоте, или из тех, которые остались нетронутыми — это все равно). Не думаю, чтобы кто-нибудь стал опровергать это заявление мое. Что были из нас люди образованные, против этого, как я уже заметил, тоже, вероятно, не будут спорить. Но бороться с известным циклом идей и понятий, тогда сильно укоренившихся в юном обществе, из нас, без сомнения, еще мало кто мог. Мы заражены были идеями тогдашнего теоретического социализма. Политического социализма тогда еще не существовало в Европе и европейские коноводы социалистов даже отвергали его.

Луи-Блана напрасно били по щекам и таскали за волосы (как нарочно густейшие, длинные и черные волосы) члены-товарищи его национального собрания, депутаты правой стороны, из рук которых вырвал его тогда Араго (астроном, член правительства, теперь уже умерший) — в то несчастное утро, в мае месяце 48 года, когда в палату ворвалась толпа нетерпеливых и голодных работников. Бедный Луи-Блан, некоторое время член временного правительства, вовсе не возмущал их: он только лишь читал в люксембургском дворце этим жалким и голодным людям, вследствие революции и республики разом потерявшим работу, об их «праве на работу». Правда, так как он все-таки был членом правительства, то лекции его в этом смысле были ужасно неполитичны и, конечно, смешны. Журнал же Консидерана, равно как статьи и

брошюры Прудона, стремились распространить между этими же голодными и ничего за душой не имевшими работниками, между прочим, и глубокое омерзение к праву наследственной собственности...*

Мы [1] запомним только указание Дос[тоевского] на то, что его товарищи по кружку были люди голодные, и что они не имели за душою ничего. Это мы примем с поправкой и поправкой серьезной.

Выше было указано, что о[бщест]во для пропаг[анды] социал[изма] не состоялось по разномыслию членов, но, во-первых, —это значит, что каждый из них мыслил своеобразно, стало быть — за душой-то у него что-то имелось, а во-вторых — ни Липранди, ни Достоевский, ни генерал-прокурор не объясняют нам, что же собственно собирало этих людей под одну кровлю, что соединяло их в течение пяти с лишком лет, а потом привело на каторгу и в ссылку?

Рассмотрим этих людей по группам, а кого можно — отдельно, что, как увидим далее, имеет значение для нас:

Группа 1-я соединяет громкие имена Дос[тоевского], Ап[оллона] Григорьева, Данилевского — все трое славянофилы. *

Дост[оевский], как говорит Розанов, лучший знаток его и наиболее психически близкий ему человек, Достоев[ский] посещал кружок Пет[рашевского] «с целью выслушать и оспорить, нежели сколько-нибудь подчиниться». * Это — верно и засвидетельствовано самим Дост[оевским] в «Записках из подполья», где он обливает желчью утопические мечты фурьеристов, в «Бесах», где он, воздавая должное нечаевщине, попутно заушал социализм,[2] учение органически враждебное ему; это же стремление оспорить, опрокинуть социализм наполняет и его «Дневник писателя».

Григорьев — человек талантливый, образованный и психически здоровый — всю свою краткую жизнь посвятил изысканиям примирительной средней между дикими крайностями славян[офилов] и не менее дикими увлечениями нигилистов, между теорией,[3] требовавшей подчинения искусства целям о[бщест]ва, и теорией искусства для искусства. В сочинениях его уже звучат ноты идиллического народничества 70-х годов, к социализму он относится скептически, а порою — враждебно. Для него высшей ценностью являлась личность, социализм же, в его представлении, должен был откусить голову личности.

Данилевский,[4] автор ныне существующих нелепейших законов о рыболовстве и автор знаменитых книг «Дарвинизм» и «Рос-

---

[1] примем во внимание и...

[2] теорию

[3] искусства — полезности и искусства для искусства.

[4] реакционер

сия и Европа»; в сочин[ении] о «Дар[винизме]» он доказывает неосновательность и вред теории Дар[вина]; в книге «Р[оссия] и Ев[ропа]» является [1] сторонником теории слав[янофилов], отрицая их утвержд[ение], что рус[ский] народ имеет всем[ирно-] истор[ическое] призвание, как единственный и истинный носитель всечеловеческого окончательного просвещения, но признает народ этот культ[урно]-истор[ическим] типом, наиболее широким и полным. Человечество для него — пустая абстракция и никаких общечелов[еческих] задач нет, не может быть, ибо существуют несоединимые ничем и враждебные друг другу племенные культурно-исторические типы.

Очевидно, что Фурье, Кабэ и Консидеран были чужды этим троим.

Трое социалистов: о Чернышев[ском] и Салтыкове не будем говорить, — они, как известно, нашли в кружке Петр[ашевского] отправные точки для развития своих идей, каждый по-своему. Сам Петр[ашевский], видимо, был человек чрезвычайно энергичный, об этом говорит самый факт организ[ации] им кружка в то время, когда в Р[оссии] ни единая душа не смела пикнуть. Его замолчали; во всех воспоминаниях о нем он является фигурою туманной, как бы облеченной дымкой некот[орого] удивления перед ним. Даже о внешности его говорит лишь одна Панаева — из всех, кто о нем вспоминал. *

П[анаева] 197

> Петрашевский имел всегда вид мрачный; он был небольшого роста, с большой черной бородой, длинными волосами, всегда ходил в плаще и в мягкой шляпе с большими полями и с толстой палкой. *

Литераторы: поэт Майков был сторонником теории искусства для искусства, Плещеев всю жизнь качался слева направо, Благосветлов, подобно Ан. Краевскому, знаменит умением эксплоатировать литераторов, Алек[сандр] Милюков — злостный болтун, за что и возлюблен Ал[ексеем] Суворины м — р[едактором] «Н[ового] в[ремени]», издавшим его пустые книжки, романист-фантазер Ахшарумов — тоже поборник теории свободного искусства и враг радикального течения, представленного «Совр[еменником]», «От[ечественными] зап[исками]» и Рус[ским] слов[ом]», наконец, Пальм, — автор известных пьес «Старый барин», «Наш друг Неклюжев» и еще многих, а также романа «Алек[сей] Слободин» — этот Пальм, отбыв наказание по делу Петраш[евского], служил управляю[щим] контрол[ьной] палатой, растратил казенные деньги, снова был судим и сослан.

Всей этой разношерстной группе людей социальные утопии были, очевидно, чужды: ни один из них, никогда на всем протяжении деятельности своей не вспоминал о теориях Кабэ и Фурье.

[1] защитн...

Введенский и Толль — это два серьезнейших и честнейших работника; Толль составил превосходный словарь ру[сского] яз[ыка]; * о Вв[еденском] — говорилось. Они оба — профессионалы-литераторы, люди ежедневного труда, глубоко понимавшие его значение для России. И увлеченные трудом, они не вдавались в мечты о фаланстерах.

В. Майков умер до ареста п[етрашевце]в. Это был человек, много обещавший по таланту критика, а его воззрения на социализм мы увидим из его статьи: «Производительность и распределение богатств», написанной в 1845 г[оду].

М[айков] II. 83

...спрашиваем: если б изобретен был такой способ распределения богатства, при котором нужда не возможна, не остановилось ли бы тогда человечество в своем развитии? Старая истина, что нужда развивает способности человека. Пример влияния противного, то есть, постоянного обеспечения, видим мы в народах, избалованных постоянным обилием даров природы. При постоянном обеспечении человек делается ленивым, беспечным, малодушным, неспособным ни к каким усилиям; ум его лишен изобретательности, не приучен к быстрому охватыванию частностей, склонен к безжизненным отвлеченностям и утопической игре и, сверх того, упрям и неповоротлив. Но яснее всего различие между обществом знакомым и обществом незнакомым с нуждою обнаруживается в сравнении городов. Сравните два города, из которых в одном живут люди, вызванные на труд нуждою, а в другом — люди, обеспеченные в своих средствах наследственными капиталами, с целью приятно проводить время. Вы увидите, что жители первого, то есть города нужды, отличаются деятельностью, рачительностью, специальностью, энергией стремлений, жаждой усовершенствования, изобретательностью, гибкостью и практической жизненностью ума, между тем как в жителях второго вас поразят черты противоположные — леность, беспечность, преобладание частных интересов, душевное бессилие, косность в старине, склонность к безжизненым отвлеченностям и т. д. Что же из этого следует? То, что нужда побуждает человека к развитию, заставляя его напрягать свои силы и направлять их к удовлетворению потребностей. Удалить из общества этот могучий рычаг значит погрузить его в вечное усыпление. Вот почему не должны обольщать нас обещания утопистов избавить общество от нужды...*

Итак, мы видим пред собою целый ноев ковчег; в нем есть представители всех сословий: мещане, чиновники [1], мел[ко]-

[1] студенты

пом[естные] дворяне, семинаристы, отставной исправник — полностью представлена вся разночинная интеллигенция, нет лишь купца.

Достоевский не совсем прав, говоря, что «между нами не было мошенников» — Липранди вполне заслуживает этого звания, * да и Пальм не далеко ушел от него.

(Между прочим, сын этого Пальма, сначала известный артист и опереточный антрепренер, издавал в Батуме преподлый «Черноморский вест[ник]», доносы которого погубили первую грузинскую с[оциал]-д[емократическую] газету «Квали».)

Ясно, что вся эта публика не могла быть связана [1] какой-либо единой идеей — всяк молодец думал на свой образец; связывало их лишь настроение, вытекавшее из отрицательного взгляда на крепостное право.

Но отрицательный взгляд этот опять-таки не имел почвы в общем миросозерцании членов кружка — такового, мы знаем, не было и он не коренился в каком-либо идеализме — у нас нет на это указаний, происхождение его имело вполне реальную и ясную причину — голод, отсутствие работы, неимение места в жизни страны.

Ахшар[умов] говорит в своих воспоминаниях: «Все мы были бедны, как церковные мыши, и нам невольно приходилось осуществлять в жизни идеи коммунистические. У троих было одно пальто, жили по двое в одной комнате, деньги для нас являлись редкостью — вообще жилось плохо в телесном смысле. Выручала молодость, поддерживали надежды».* Это — голос истинного пролетария.

Некрасов неделю жил в пустой комнате; квар[тирная] хозяйка, желая выжить поэта, вынула вьюшки из трубы, вынесла из комнаты всю мебель, он спал на голом полу, подложив под голову пальто, писал — тоже ложась на пол или стоя на коленях у подоконника. Чахотка Бел[инского] развилась на почве недоедания, преждевременная смерть Доб[ролюбова] объясняется крайним истощением организма, трудом; от этой же причины погиб и В. Майков. И этот пролетарий был уже настолько сообразителен умственно, что видел врага, понимал кто он: врагом же было крепостное право.

Оно стояло на пути этих людей к жизни, оно не давало им места в стране. Куда они могли посеять свои знания, к чему приложить силы? Купцу и фабриканту не требовалось таких людей, крестьянство не нуждалось в них, помещики не могли поглотить такую массу пролетария, государство было обеспечено служащими его целям дворянами; оно смотрело на разночинца подозрительно, не зная, что ему делать с этими неожиданными людями? И боялось их: чуть только они где-нибудь начинали собираться — им подставляли шпиона: так м[инистр] в[нутренних] д[ел] подставил петр[ашевцам] Липранди.

---

[1] объединена

Крепостное право затрудняло культ[урный] и экон[омический] рост страны; почти все петр[ашевцы] понимали это, чем, повторяю, и были связаны. Они старались распространять свои взгляды и находили людей сочувствовавших, как в среде голодного разночинца, так и в дворянстве, догадавшемся о невыгодности рабьего труда. Такое д[ворянство] уже было в ту пору, как вам известно.

[1]Но как только после севаст[опольского] позора стало ясно, что рабство не может существовать и [2] будет уничтожено — разночинец-интеллигент разбился на целый ряд мелких групп; каждая из них представляла особое течение мысли, все встали друг против друга во враждебные позиции и вчерашние друзья [3] бросались в драку из-за пустяков.

Но ведь они были литераторами в большинстве своем, а литератур[ный] труд оплачивается [4] высоко?

Положение литератора и журналиста было в ту пору крайне тяжелым и морально и материально.

Вот как характ[еризует] его Тургенев в [18]52 г[оду].

Пан[аева] 131

> Не понимаю даже, как ты [Некрасов] не чувствуешь приниженности, пресмыкания, на которые обречены русские писатели?.. Впрочем, ты потому не чувствуешь этого, что не видел, какое положение занимают иностранные писатели в каждом цивилизованном государстве. Они считаются передовыми членами образованного общества, а мы? Какие-то парии! не смеем высказать ни наших мыслей, ни наших порывов души — сейчас нас в кутузку, да и это мы должны считать за милость... Сидишь, пишешь и знаешь заранее, что участь твоего произведения зависит от каких-то бухарцев, закутанных в десять халатов, в которых они преют, и так принюхались к своему вонючему поту, что чуть пахнет на их конусообразные головы свежий воздух, приходят в ярость и, как дикие звери, начинают вырывать куски из твоего сочинения!..*

[5]Это жалуется литератор-дворянин, человек с развитым чувством собственного достоинства и обеспеченный, а не голодный пролетарий, готовый продать свои способности кому угодно за самую сходную цену. Но — покупателя не было. Ник[олай] I и его правит[ельство] строго наблюдали за тем, чтоб количество журналов и газет не увеличивалось.

---

[1] Но когда вопрос об уничтожении этого института теоретически разрешился

[2] должно

[3] закидывали друг

[4] сносно

[5] Это говорит один из столпов литературы.

А тут грянул [18]48 г[од]. Россия, по должности «жандарма Европы», пошла в Австрию душить демократов, наше вельможное дворянство испугалось, напугало царя; Ник[олай] I приказал обратить особенное внимание на домашние дела — обратили, и в лице петраш[евцев] нашли у себя дома коммунистов, социалистов, демократов, вообще — страшных людей.

25 л[ет] прошло с той поры, как Ник[олай] повесил Рылеева, сослал в каторгу Одоевск[ого] и Бестужева; за эти годы он отдал в солдаты Шевченко, Полежаева, загнал на Кавказ Лермонтова, свел с ума архитектора Витберга, заставил убежать из Р[оссии] Герцена, Бакунина, Печерина, Долгорукова, погубил десятки ценных и талантливых людей, в [18]48 г[оду] он сослал в Вятку Щедрина, посадил в крепость Юрия Самарина, приговорил к смертной казни, помиловав, послал на каторгу Достоевского.

Этот царь был каким-то ненасытным пожирателем литераторов, он истребил и изувечил их едва ли меньше, чем Ив[ан] Грозный бояр.

Умный человек — он превосходно понимал силу литературы,[1] внимательно читал все журналы той поры и сам указывал цензуре ее промахи. Но он был страшно напуган событиями [18]48 г[ода] и немедленно начал принимать экстренные меры к подавлению в России всякой жизни.

27-го февр[аля] [18]48 г[ода] он по дошедшим до него «сведениям о весьма сомнит[ельном] направлении наших журналов»— предписал:

Л[емке] 194—8

«Необходимо составить комитет, чтобы рассмотреть, правильно ли действует цензура, и издаваемые журналы соблюдают ли данные каждому программы. Комитету донести мне с доказательствами, где найдет какие упущения цензуры и ее начальства, т. е. министерства народного просвещения, и которые журналы и в чем вышли из своей программы. Комитету состоять под председательством генерал-адъютанта князя Меньшикова, из действительного тайного советника Бутурлина, статс-секретаря барона Корфа, генерал-адъютанта графа Александра Строганова, генерал-лейтенанта Дубельта и статс-секретаря Дегая. Уведомить о сем кого следует и генерал-адъютанта графа Левашева, а занятия комитета начать немедля».*

. . . . . .

7. Не пропускать в печать рассуждений о потребностях и средствах к улучшению какой-либо отрасли государственного хозяйства Империи, когда под средствами разумеются меры, зависящие от правительства, и вообще суждений о современных правительственных мерах. *

---

[1] сам цензуровал

Всего лучше здесь — запрещение рассуждать — это запрещение дает ясное представление как о силе страха пред словом и мыслью, так и о том, чем была Россия в глазах царя.

Комитет 2 апреля, или т[ак] н[азываемый] Бутурлинский комитет, является собственно литер[атурной] инквизицией.

Гонения на литер[атуру], начатые им, поражают своей бессмысленностью и строгостью. Он начал истреблять крамолу с официальной газеты.

Л[емке] 211 *

Уж если так относились к газете своей же, правительственной, можете себе представить, что делали с [1] литературой того времени.

Как она отвечала на этот натиск?

Честные молчали, рот был зажат крепко. А податливые люди говорили, как приказано. Вот напр[имер], рассказ бар[она] Корфа об «От[ечественных] зап[исках]».

212

«Протянув мне руку, государь продолжал свою прогулку по галлерее вместе со мною и начал говорить о делах нашего цензурного комитета.

— Последнее замечание ваше об анекдоте в «Северной пчеле», — сказал он, — не важно; однако, хорошо, что и это от вас не ускользнуло.

— Государь, — отвечал я, — мы вменяем себе в обязанность доводить до вашего сведения о всех наших замечаниях, даже и мелочных, предпочитая представить что-нибудь мелочное, чем пропустить важное.

— Так, так и надо; прошу и вперед также продолжать; ну, а что теперь Краевский с своими «Отечественными записками» после сделанной ему головомойки?

— Я в эту минуту именно читаю майскую книжку и нахожу в ней совершенную перемену, совсем другое направление, и нет уж следа прежнего таинственного аргò. Повешенный над журналистами Дамоклов меч, видимо, приносит добрые плоды.

— Надеюсь и, признаюсь, не могу только надивиться, как прежде допустили вкрасться противному. *

[2]Выше мы пришли к выводу, что разночинец объединялся на почве [3] отрицания крепостного права, которое мешало ему жить; теперь, рассмотрев отношения правит[ельства] Ник[олая] I к литературе, как органу слуха, зрения и речи о[бщест]ва, мы

[1] журналами той

[2] Думаю, что сказанное достаточно освещает эпоху, роль и задачи правит[ельства] и социальное положение разночинца. Посмотрим теперь, каковы были в ту пору основные тенденции изящной литер[атуры]

[3] отношения к вопросу о рабстве

видим, что правител[ьство] старалось оглушить, ослепить и вырвать язык у о[бщест]ва. Эти усилия п[равительст]ва должны были вызвать сопротивление о[бщест]ва, должны были заставить его понять всю тяжесть самодержавного гнета. Но о[бщест]во только что слагалось в 30-х-40-х-50-х г[одах], оно не могло еще вести правильную борьбу рядами, группами и выдвигало из своей среды отдельных лиц; на протяжении всего царствования Ник[олая] I мы видим целый ряд [1] различных попыток борьбы против его власти [2].

Перечислим кратко эти попытки,[3] носившие, по преимуществу, характер заговоров и бунтов.

В [18]26 г[оду] возникает брожение среди кр[есть]ян Киев[ской] губер[нии]. Солдат Семенов встает во главе кр[естья]н, отказавшихся от барщины, сечет помещиков розгами, арестует их приказчиков и офицеров, посланных для расследования волнений. Сем[енов] приговор[ен] к смерти. 150 кр[естья]н биты кнутом и сосланы.

Прекращено печатание [4] книг св[ященного] пис[ания]: Ев[ангелия], Библии и др., выселены евреи из столиц, Киева, Севаст[ополя] и дру[гих] гор[одов].

В [18]27 разыгралось таинственное дело бр[атьев] Критских; обвинялись в заговоре около 10 ч[еловек]. Арестовано в Оренб[урге] 33 ч[еловека] — четверым каторга, некоторые сданы в солдаты.

В [18]28 декабр[ист] Сухинов пытался поднять восстание в Зерентуе — за Байкалом — он и еще пятеро расстреляны, 13 ч[еловек] биты плетьми.

[В 18]29 — бунт зав[одских] крест[ьян] на Урале; 20 ч[еловек] казнено.

29 мая т[ого] же г[ода] покушались на жизнь царя—Высоцкий в Варшаве.

Обратимся к книге «За сто лет».

— За 100 лет» *

Дело Сунгурова, подобно делу бр[атьев] Крите[ких], до сих пор не освещено в достаточной степени: неизвестно, чего хотели эти люди. Нам важно отметить, что большинство их были дети чиновников, духовенства и бедных дворян.

Как видите — царствование было беспокойное, требовало огромного напряжения сил со стороны пр[авительст]ва. Однако не надобно думать, [что] все эти [5] заговоры и волнения, собран-

---

[1] единоличных выступлений

[2] выступлений, носивших заговорщицкий характер и, видимо, имевших целью цареубийство.

[3] создать заговоры или убить царя

[4] и издание

[5] толчки со стороны о[бщест]ва

ные нами воедино и потому производящие [1] впечатление непрерывного ряда ударов, были и на самом деле непрерывны,[2] связаны друг с другом единством цели, единой идеей. Нет, большинство их является выражением отчаяния, приемом самоубийства [3] людей, которые, не видя [4] возможности вырваться из тюрьмы, слепо бросались на тюремщика, забывая о своем бессилии, о запертых дверях, от которых нет ключей, и о высоких стенах тюрьмы, строенной веками.

По кружку петр[ашевцев] вы видите, что это были люди всех сословий, самых разнообразных способностей и взглядов.

Сказано уже, что как только вопрос [5] об отмене креп[остного] права был решен, организация разночинцев, объединенная отрицат[ельным] отнош[ением] к рабству, распалась на отдельные группы по вопросу об отнош[ении] к народу; разумеется, что все эти люди должны были разойтись и по вопросу об отношении к самодержавию.

Но раньше, чем говорить об этих важных для нас линиях расхождения, о делении передовой части рус[ского] о[бщест]ва на постепеновцев и радикалов, на нигилистов и людей божьих, мы должны остановиться на самой яркой фигуре 40-х и 50-х годов — знаменитом Герцене — он воплощает в себе эту эпоху поразительно полно, цельно, со всеми ее недостатками и со всем незабвенно хорошим.

---

[1] известное

[2] Ничего подобного, все это было...

[3] не более

[4] иного выхода

[5] о падении

[ЧААДАЕВ. — ГЕРЦЕН, «ДРАМА РУССКОГО БАРСТВА»]

Царств[ование] Ник[олая] I началось под влиянием [1] события 14 декабря — тяжкое влияние этого события русское о[бще-ст]во испытывало 41 г[од] — за это время, главным образом, и образовались основные психические черты русской интеллигенции — сложился непонятный Европе человек крайностей.

Так как брожение 20-х годов произошло, по взгляду правительства — от поверхностного воспит[ания] и вольнодумства, заимствованных с Запада, прав[ительст]во решило дать преобладающее значение исконно русским началам, славянофилы невольно подхватили этот лозунг и создали свою теорию самобытности, доведя ее до полного отрицания всего опыта иноземных народов.

Сам [2] мужик отвечает на эту «народную» политику бунтами и тем, что организует анархистическую секту «странников», анархизм же, [3] как психологическое явление, суть симптом отчаяния личности, потерявшей [4] ощущение своей связи с миром и [5] не сознающей [6] своей духовной зависимости от социальной среды.

Не случаен тот факт, что именно в России сложилась крестьянская анархическая секта и в ней выросли такие анархисты, как Бак[унин], Кропот[кин] и Толстой — анархист-пассивист.

Но в [18]36 г[оду] жур[нал] Надеждина «Телескоп» печатает «Фил[ософические] письма» друга Пушкина, поручика гвардии Чаадаева, и эти письма рисуют нам всю русскую историю, весь опыт многомиллионного народа, как сплошное и дикое заблуждение.

---

[1] восстания
[2] народ
[3] и нигилизм
[4] надежды, сознание и целесообразность своих действий
[5] сознание единства своего с...
[6] более важности для нее

«... одна из самых жалких странностей нашего общественного образования, что истины, давно известные в других странах и даже у народов, во многих отношениях менее нас образованных, у нас только что открываются. И это оттого, что мы никогда не шли вместе с другими народами; мы не принадлежим ни к одному из великих семейств человечества, ни к Западу, ни к Востоку, не имеем преданий ни того, ни другого. Мы существуем как бы вне времени, и всемирное образование человеческого рода не коснулось нас. Эта дивная связь человеческих идей в течение веков, эта история человеческого разумения, доведшие его в других странах мира до настоящего положения, не имели на нас никакого влияния. То, что у других народов давно вошло в жизнь, для нас до сих пор есть только умствование, теория».

Примеры такого положения вещей, — продолжает автор, — недалеки: у нас нет даже хорошего распределения жизни, тех обыкновений и навыков, которые дают уму приволье, душе правильное движение.

«Посмотрите вокруг себя. Все как будто на ходу. Мы все как будто странники. Нет ни у кого сферы определенного существования... нет ничего, что́ бы привязывало, что́ бы пробуждало ваши сочувствия, расположения; нет ничего постоянного, непременного: все проходит, протекает, не оставляя следов ни на внешности, ни в вас самих. Дома мы будто на постое, в семействах как чужие, в городах как будто кочуем, и даже больше, чем племена, блуждающие по нашим степям, потому что эти племена привязаннее к своим пустыням, чем мы к нашим городам. Не воображайте, чтоб эти замечания были ничтожны. Бедные! Неужели к прочим нашим несчастиям мы должны прибавить еще новое: несчастие ложного о себе понятия?..»

У всех народов бывают периоды сильной, страстной деятельности, периоды юношеского развития, когда создаются их лучшие воспоминания, поэзия и плодотворнейшие идеи. Здесь источник и основание дальнейшей их истории. «Мы не имеем ничего подобного. В самом начале у нас дикое варварство, потом грубое суеверие, затем жестокое, унизительное владычество завоевателей, владычество, следы которого в нашем образе жизни не изгладились совсем и доныне. Вот горестная история нашей юности. Мы совсем не имели возраста этой безмерной деятельности, этой поэтической игры нравственных сил народа. Эпоха нашей общественной жизни, соответствующая этому возрасту, наполняется существованием темным, бесцветным, без силы,

без энергии. Нет в памяти чарующих воспоминаний, нет сильных наставительных примеров в народных преданиях. Пробегите взором все века, нами прожитые, все пространство земли, нами занимаемое, вы не найдете ни одного воспоминания, которое бы вас остановило, ни одного памятника, который бы высказал вам протекшее живо, сильно, картинно. Мы живем в каком-то равнодушии ко всему, в самом тесном горизонте, без прошедшего и будущего...»

Какая-то странная судьба разобщила нас от всемирной жизни человечества, и чтоб сравняться с другими народами, нам надо «переначать для себя снова все воспитание человеческого рода. Для этого, перед нами — история народов и плоды движения веков».

Народы живут только могущественными впечатлениями прошедшего на умы их и соприкосновением с другими народами. Через это каждый человек чувствует свою связь с целым человечеством. У нас этого нет. «Мы явились в мир, как незаконнорожденные дети, без наследства, без связи с людьми, которые нам предшествовали, не усвоили себе ни одного из поучительных уроков минувшего. Каждый из нас должен сам связывать разорванную нить семейности, которою мы соединялись бы с целым человечеством. Нам должно молотами вбивать в голову то, что у других сделалось привычкою, инстинктом. Наши воспоминания не далее вчерашнего дня; мы, так сказать, чужды самим себе... Мы растем, но не зреем; идем вперед, но по какому-то косвенному направлению, не ведущему к цели...» *

Здесь [1] ясно звучит именно отчаяние. П[равительст]во объявило Чаадаева за эти письма сумасшедшим, журнал закрыли, издателя сослали. Чаад[аев] пишет новую статью — «Защита сумасшедшего» * — в ней мы читаем такие строки:

«Правительство, — говорит Чаадаев, — в сущности только исполнило свой долг; можно даже сказать, что строгость, употребленная против нас в эту минуту, не имеет ничего чрезвычайного, потому что, конечно, она далеко не превзошла ожиданий многочисленной публики. Что же, в самом деле, надо было сделать правительству, самому благонамеренному, как не сообразоваться с тем, что оно искренно считает серьезным желанием страны? *

Этими словами утверждается, что правительство — и культурнее и справедливее о[бщест]ва, что, конечно, было очень

[1] на мой взгляд

лестно слышать Ник[олаю] и его вельможам. Здесь снова мы встречаем [1] неожиданную и вредную крайность.[2]

[3]Итак, утверждение, что Россия совершенно самобытна — вызывает полное отрицание ее особенностей явных и очевидных; наряду с увлечением мистикой — мы встречаем жестокий рационализм, обыкновенно сопровождаемый кощунством.

Привести в пример «Правду». *

[4]Чайковский и Маликов говорят: русский революционер — человек божий, а Нечаев начинает свою программу словами: «революционер — не человек».

Увлекаясь естественными науками, мы немедленно доходим до нигилизма, в женском вопросе — до распущенности, скотства, в народничестве — до того, что литератор, садясь за стол сочинять рассказ из мужицкой жизни, надевает пестрядинные портки и лапти, как это делали Мачтет и Нефедов.

Все это очень смешно с виду, но чрезвычайно значительно и горестно по существу, ибо, свидетельствуя о [5] свежести мозга, быстро схватывающего все ценное, не указывает на его способность основательно перерабатывать взятое, не говорит об умении применять чужой опыт к своим делам.

Но оставим это пока, к этой теме нам, к сожалению, придется возвращ[аться] слишком часто.

Чем же, однако, объясняется эта странная и печальная особенность характера рус[ского] человека? Почему он, бросаясь из стороны в сторону, любит везде становиться на самые крайние точки?

[6]На это превосходно отвечает А. И. Герцен, человек, которому мы можем поверить — он достаточно и умен, и знающ, и правдив.

Он говорит, подразумевая себя и свое поколение:

«Мы — умные ненужности, мы стоим вне народных потребностей».* Так это и было.

Бог[учарский] 146—7

...«Встреча двух культур» породила на русской почве еще в самом начале XIX века типы «умной ненужности». Идейные дети Европы, они по «субстанции» своей оставались сынами русских условий жизни. Не встречая никакой

---

[1] ненужную

[2] суждения

[3] Продолжим сопоставления

[4] Рядом с полной раздробленностью мнений, как в кружке петр[ашевцев]

[5] быстроте ума

[6] Мне кажется потому, главным образом, что, чувствуя в себе некую силу — силу своей юности исторической — человек русский, загнанный и забитый начальством, не имеющий под ногами почвы для посева своих знаний и применения сил, он становится...

почвы для приложения своих взглядов к русской действительности, «умная ненужность» эта «потерялась в искусственной жизни, в чувственных наслаждениях и нестерпимом эгоизме». Но последнее зависело преимущественно от того, что носителями «европейской культуры» явились почти исключительно люди самого высшего круга в России, баре, отличавшиеся «широкой русской натурой», не привыкшей ни к какому самообузданию. Пришли другие времена: «нестерпимый эгоизм» сменился самыми благороднейшими побуждениями, но скрещивание европейских идей и русских порядков продолжало систематически производить в России «умные ненужности». Разве не признавал самого себя и свой круг, т. е. круг лучших, интеллигентнейших русских людей, много лет спустя «умными ненужностями» тот же Герцен, когда писал, что «мы находимся в н е н а р о д н ы х п о т р е б н о с т е й». Страшное сознание это неизбежно должно было привести к взгляду на себя, как на «умную ненужность». «Умную» потому, что она сознала и не побоялась высказать страшную правду; «ненужность» — потому, что это простая перифраза выражения «вне народных потребностей...»

Прочтите следующие, раздирающие душу строки из XXVIII главы «Былого и дум».

«Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю т р а г и ч е с к у ю с т о р о н у нашего существования?.. Поймут ли они, отчего мы лентяи, отчего ищем всяких наслаждений, пьем вино и пр.?.. Отчего в минуту восторга не забываем тоски?.. О, пусть они остановятся с мыслью и с грустью перед камнями, под которыми мы уснем; мы заслужили их грусть...»

Рассказавши об одной статье, напечатанной в «Отечественных записках» по поводу «Мертвых душ», Герцен писал: «Перечитывание строк задушило меня какой-то безвыходной грустью: Русь так живо представилась мне, современный вопрос так болезненно повторялся, что я готов был рыдать. Долог сон, тяжел. З а ч т о м ы п р о с н у л и с ь, — спать бы себе, спать, к а к в с е о к о л о!..» *

Вставка. Затем Щедрин и *

Но посмотрим — кто был Герцен.

140—48—9—50—1

3—5—7—9—61—2—3—5—6—8—9—77—8—80—4—5—6—7—8—93—4—5—6. *

Мы должны возможно подробнее остановиться на жизни и деятельности Герцена — его значение в истории раз[вития] рус[ского] о[бщест]ва и рус[ской] мысли огромно и до сей поры еще не оценено полностью во всей широте и глубине.

Герцен — первый рус[ский] мыслитель, до него никто не смотрел так разносторонне и глубоко на рус[скую] жизнь.

Его ум — ум исключительный по силе, как его язык исключителен по красоте и блеску. Приведем для примера хотя бы следующие строки, написанные 59 л[ет] тому назад.

Ветр[инский] 224

«Все наше образование, наше литературное и научное развитие, наша любовь изящного, наши занятия предполагают среду, постоянно расчищаемую д р у г и м и, приготовляемую д р у г и м и, надобен чей-то труд для того, чтобы нам доставить досуг, необходимый для нашего психического развития, тот досуг, ту деятельную праздность, которая способствует мыслителю сосредоточиваться, поэту мечтать, эпикурейцу наслаждаться, которая способствует пышному, капризному, поэтическому, богатому развитию наших аристократических индивидуальностей.

Кто не знает, какую свежесть духу придает беззаботное довольство... бедность страшно искажает душу человека,— не меньше богатства. Забота об одних материальных нуждах подавляет способности. А разве довольство может быть доступно всем при современной гражданской форме? Наша цивилизация — цивилизация меньшинства, она только возможна при большинстве чернорабочих».*

Объяснить.

Герцен первый в 40-х г[одах] в своем расск[азе] «Сорокаворовка» смело высказался против креп[остного] пр[ава] — до него русская лит[ература] изображала крестьянина таким, как в «Зап[исках] охот[ника]», т. е. не поддающимся гнету рабства; Гер[цен] сказал — неправда!

Он первый резко поставил вопр[ос] о положении женщины в своем романе «Кто виноват?». Это его идеи развивали впоследствии Тур[генев], Авдеев, Марко Вовч[ок] и др.

В Герцене заключен весь Михайловский, Герцен дал все основные посылки народничества — на протяжении целых 50 лет рус[ское] о[бщест]во не выдумало ни одной мысли, незнакомой этому человеку...

Он представляет собою целую область, страну изумительно богатую мыслями.

Основываясь на его сочинениях, доказывали самые разноречивые положения: консерваторы утверждали не раз, что Г[ерцен] консерватор, славянофилы признают его своим, социалисты называют первым русс[ким] социалистом и еще недавно — в т[екущем] г[оду] — Русанов, сотруд[ник] «Рус[ского] бог[атства]», доказывал — и доказал? — что Г[ерцен] является изобретателем русского с[оциал]изма — так богат и полон знаниями этот человек.

Для нас он интересен как некая правдивая мысль, коя на протяжении почти сорока лет отмечала и оценивала все разнообразные явления рус[ской] жизни.

Главным же образом, он интересен нам, как человек, который, поняв печальную способность психики рус[ского] человека увлекаться крайностями и уродовать действительность, всю жизнь указывал на вред этой способности, всю жизнь, не щадя себя, боролся с нею.

Поэтому, я говорю, что мы должны остановиться на жизни и работе Г[ерцена] возможно подробнее.

Заграничная жизнь и деятельность Г[ерцена] многообразна и сложна, нам придется говорить о ней не однажды, здесь же мы [1] очертим ее кратко.

Ветр[инский] 177

«Господствующая ось, около которой шла наша жизнь, это — наше отношение к русскому народу, вера в него, любовь к нему и желание деятельно участвовать в его судьбах». *

Посмотрим, что было сделано для реализации этого желания:

179 по 86-ю *

* Чтобы закрепить в памяти драму русского барства, вспомним кратко ее основные черты.

Человек сознал свое достоинство — и видел, и чувствовал на каждом шагу, что его личность не свободна, что ее права не признаются властью, командующей всей жизнью русс[кого] человека.

Он сознал необходимость бороться за свободу своей личности— ясно сознавал, что он одинок, ему не на кого опереться в борьбе.

Будучи человеком умным, он чувствовал себя «умной ненужностью».

Он ясно понимал, что крепостное право губит страну и — сам владел рабами. Его жизнь, его психика полны противоречий.[2] Он хватается за все, что может, по его мнению, ответить ему на роковой вопрос «что делать»? Из него вырастает «рыцарь на час». «Что ему книга последняя ска[жет], [то на душе его сверху и ляжет...»] *

Об этих людях Маркс иронически сказал:

«Русская аристократия гонится... всегда за самым крайним, что только дает Запад. Это чистейшее гурманство, такое же, каким занималась часть француз[ской] аристократии в XVIII столетии».*

---

[1] осветим ее

[2] и сам он «рыцарь на час».

Это не совсем верно: здесь не гастрономия, а необходимость толкала людей от признания всей действительности разумной до отрицания всего действительно ценного, от Пушкина — «пустынного сеятеля свободы» — до мужика, который безуспешно добивался этой свободы кулаками.

И так появились «лишние люди», «умные ненужности».

Но в этих терминах любители крайностей перешагнули, так сказать, границу самоотрицания. Ведь они были умные, а когда же умное — не нужно? Да еще в нашей стране головотяпов?

Памятуя историческую преемственность идей, мы должны сказать, что русское барство положило [1] основание нашей культуре,[2] внесло в обиход русского об[щест]ва наиболее прогрессивные научные и политические идеи Запада — вплоть до социализма, первыми пропагандистами которого явились Герцен и его кружок.[3] Барство оставило новорожденному интеллигенту-разночинцу прекрасное наследство, лучшая часть которого состояла из богатой литературы по народоведению и из прекрасно разработанного учения о ценности личности — в стране рабов это учение необходимо должно было явиться, и вот как формулировал его Герцен:

127 Сол[овьев]

> «... Разумеется, люди эгоисты, потому что они л и ц а. Как же быть самим собою, не имея резкого сознания своей личности...
>
> ... Мы эгоисты, и потому добиваемся независимости, благосостояния, признания своих прав, потому жаждем любви, ищем деятельности и не можем отказывать без явного противоречия в тех же правах другим... Всего меньше эгоизма у рабов...» *

Вы видите, что здесь постановка вопроса не индивидуалистическая — личность с ее законными правами на свободу не противопоставляется о[бщест]ву, общество не приносится в жертву индивидууму, но и человек не должен быть жертвой; ибо, говорит Герцен:

126

> «Подчинение личности обществу, народу, человечеству, идее — продолжение человеческих жертвоприношений, заклание агнца для примирения бога, распятие невинного за виновных. Все религии основывали нравственность на покорности, т. е. на добровольном рабстве, потому они и были всегда вреднее политического устройства. Там было насилие, здесь разврат воли. Покорность значит с тем вместе пере-

[1] фундамент русской

[2] что оно первое создало науку

[3] Оно же помогло новорожденному интеллигенту-разночинцу прилично одеться в духовное

несение всей самобытности лица на всеобщие безличные сферы, от него независимые. Христианство, религия противоречий, признавало, с одной стороны, бесконечное достоинство лица, как будто для того, чтобы еще торжественнее погубить его перед искуплением, церковью, отцом небесным. Его воззрение проникло в нравы, оно выработалось в целую систему нравственной неволи, в целую искаженную диалектику, чрезвычайно последовательную себе. Мир, становясь более светским... примешал свои элементы в христианское нравоучение, но основы остались те же. Л и ц о, истинная действительная монада общества, было всегда пожертвовано какому-нибудь общему понятию, собирательному имени, какому-нибудь знамени. Для кого работали, кому жертвовали, кто пользовался, кого освобождали, уступая свободу лица, об этом никто не спрашивал. Все жертвовали (по крайней мере, на словах) самих себя и друг друга».*

Это учение имеет корни свои в книгах Фурье, С[ен]-Симона и прочих социалистов, занимавшихся разрешением задачи о том, как слить гармонически интересы о[бщест]ва и личности, резко враждебные в современном государстве, основанном на борьбе всех со всеми?

Решение вопроса Герценом не может удовлетворить нас, да он, в сущности, и не решил его, а лишь поставил и поставил совершенно правильно.

Вопрос решили Кропоткин и Т[олст]ой в смысле анархизма, Писарев — в смысле крайнего индивидуализма и полной свободы личности, Лавров, Михайловский и Кареев, видя к чему приводит писаревщина, хотели поправить дело и — окончательно запутали его. По их учению, роль личности сводится к роли пастуха, подчиненного настроениям разнообразного стада, в котором утки, гуси, ку[ры], овцы, быки, козлы, предполагается, обладают совершенно одинаковыми потребностями и свойствами,[1] и лишены эгоистических тенденций.

Итак, «лишние люди», «умные ненужности» сошли со сцены, как об этом прозвонил «Колокол» Гер[цена] еще в [18]59 г[оду].

Эпиграф

... Онегины и Печорины были совершенно истинны, выражали действительную скорбь и разорванность тогдашней русской жизни. Печальный тип л и ш н е г о, потерянного человека, только потому, что он развился в ч е л о в е к а, являлся тогда не только в поэмах и рома-

[1] и вся домашняя птица, весь рогатый скот совершенно инстинктивно стремится к слиянию, как бы нанизана на некую невидимую нить

нах, но на улицах и в гостиных, в деревнях и городах...

... Но время Онегиных и Печориных прошло. Теперь в России нет лишних людей, теперь, напротив, к нашим огромным запашкам недостает рук. Кто теперь не найдет дела, тому пенять не на кого, тот в самом деле пустой человек, свищ или лентяй...*

(«Колокол», 1859, л. 44.)

Место барина в рус[ской] жизни и литер[атуре] заступил разночинец; посмотрим сначала, каковы были внешние условия его жизни в 50-х годах.

О Кущевском.

Его рассказ.

Левитов. Помяловский. Благовещенский.

Воронов — сын саратовского брандмейстера. *

[ПЯТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ: КРЫМСКАЯ ВОЙНА, ПОРАЖЕНИЕ НИКОЛАЕВСКОЙ МОНАРХИИ В ВОЙНЕ, ЗНАЧЕНИЕ ЭТОГО СОБЫТИЯ.–КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА, ОТНОШЕНИЕ К НЕЙ РАЗЛИЧНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ГРУПП. — ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ТОГО ВРЕМЕНИ.–«ИСКРА». — ЧЕРНЫШЕВСКИЙ. — НИКОЛАЙ УСПЕНСКИЙ. — ВОПРОС ОБ ОБЩИНЕ. — НАРОДНИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.—ПОЛОЖЕНИЕ РАЗНОЧИННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ, ЕЕ РАССЛОЕНИЕ. — РАХМЕТОВ, «РЕАЛИСТЫ» — ПОСЛЕДОВАТЕЛИ ПИСАРЕВА ВО ВТОРУЮ ПОЛОВИНУ 60-х ГОДОВ. — РЕВОЛЮЦИОННАЯ БОРЬБА В 70-Е ГОДЫ.—«ТРУДНОЕ ВРЕМЯ» В. СЛЕПЦОВА]

1. Психика династии.

Н[иколай] I говорил: «народ — для возмущения, правительство — для укрощения», сын его Ал[ександр] II сказал: «если мы не освободим народ сверху, он сам освободит себя снизу».

Воспитанник Жук[овского], человек путешествовавший, знавший Русь лучше своего отца, он, еще будучи наследником, принимал участие в делах управления своей страной, но, как натура, это был, прежде всего, раб своей чувственности.

Примеры: Белост[окский] инст[итут], Шванвич, Сидорацкая, Куракина, Долгорукая и т. д.

И затем это была натура двойственная, бесхарактерная и способная легко поддаться всяким влияниям.

Кори[илов] 13, Пы[пин] 34, К[орнилов] 24.

...Еще недавно он сам был охвачен — под впечатлением политических бурь 1848 года — вместе со своим старым воспитателем Жуковским самыми реакционными стремлениями, ярко выразившимися в письмах Жуковского того времени и отразившимися, без сомнения, и на взгляд Александра Николаевича на крестьянский вопрос и на многое другое.

Известно, что в начале 50-х годов он выступил резким оппонентом Бибикова по вопросу об инвентарях в литовских губерниях и защитником неприкосновенности дворянских привиллегий, т. е. крепостного права. Он действовал в этом случае вполне сознательно, под влиянием опасений, внушенных 1848 годом, и отвращения ко всякому демократическому движению. Но положение, в которое приведена была Россия политикой, основанной на реакционных принципах, и тот крах, который грозил ей в 1854 году, радикально перевернули его правительственные взгляды. Он понял, что система гнета и обскурантизма никуда не годится и ведет к гибели...

. . . . . .

...У него не было ни плана, ни даже ясно усвоенных руководящих принципов. Он понял необходимость простора и света, но не умел их дать и часто боялся даже их допустить. Представлявшийся ему вновь назначенный попечитель Московского округа высказывает ему, что гласность необходима. — «И я так думаю, — отвечал ему Александр, — только у нас дурное направление». В другой раз он говорит одному из представителей цензурного ведомства: «Есть стремления, которые несогласны с видами правительства. Надо их останавливать... Но я не хочу никаких стеснительных мер» (!). Эти фразы, заключающие в себе внутреннее противоречие, чрезвычайно характеристичны для Александра. После падения Севастополя Александр Николаевич отправился к армии; он многое осмотрел со вниманием и сам воочию убедился, какое ужасающее воровство там процветало. Тем не менее он не выносил, чтобы при нем свободно говорили об этом... *

Тем не менее он понимал необходимость освоб[ождения] кр[естья]н, понимал и то, что дворяне не уступят без борьбы, и ради убеждения их прибегал к мерам героическим, так, напр.:

Кор[нилов] 17

Замечательно, что князь Васильчиков, полагавший, что если бы Паскевич не оказал систематической обструкции передвижению двух корпусов с юго-западной границы в Крым, то союзникам пришлось бы дорого поплатиться за свое рискованное предприятие, оканчивает свою любопытную статью следующими характерными словами: «Свыше было решено иначе; в е р о я т н о, д л я т о г о, ч т о б ы м ы, р у с с к и е, н е з а з н а л и с ь о к о н ч а т е л ь н о, в з г л я н у л и с е р ь е з н о н а в н у т р е н н и е н а ш и н е у р я д и ц ы и п о д у м а л и б ы о в р а ч е в а н и и с в о и х н е д у г о в»*.

Это значит, что царь хотел проиграть сев[астопольское] дело возм[ожно] позорнее, дабы хоть этим пошатнуть эгоистический консерватизм дворянства. Помимо свидетельства кн[язя] Васильч[икова] есть еще ряд мнений, утверждающих тот факт, что в Питере был влиятельный кружок, желавший проигрыша Севаст[опольской] кампании. Пирогов в одном из своих писем говорит: «Вчера Тотлебен прямо сказал, что злейшие враги Сев[астополя] сидят в Питере, на что адъютант его К. громко проворчал: «враги Сев[астополя], а России друзья. И верно: если Сев[астополь] отстоится — плохо дело России!» Норов — м[инистр] н[ародного] пр[освещения] — писал: «В Сев[астополе] иностранцы дерутся за своб[оду] Р[оссии], а русские за Ник[олая] I-го».*

И наконец:

Кор[нилов] 14

> Вспыхнувшие по этому поводу [указ о народном ополчении 29 января 1855 года] во многих губерниях волнения как будто оправдывали то предсказание в одном из писем Погодина, где говорилось о возможности нового народного восстания вроде пугачевщины. Они, очевидно, навевали на правительство мрачные думы, резюмированные впоследствии в знаменитых словах Александра II московскому дворянству о том, что лучше начать освобождение сверху, нежели ждать, чтобы оно само собой началось снизу. Правительство чувствовало себя в большом затруднении по отношению к бунтовавшим во многих губерниях, но проникнутым патриотическим чувством крестьянам: велено было принимать все нужные меры к усмирению восставших, однако ж, «не охлаждая проявляющегося в крестьянах чувства преданности престолу и отечеству»...*

Наконец,[1] Ник[олай] I умер, А[лександр] II заключил мир. Ему со всех сторон указывали, что нужно сделать: еще в [18]54 г[оду] М. Погодин писал его отцу:

Кор[нилов] 12

> ...Составь около себя постоянный на это время верховный совет, как составляла Екатерина в первую турецкую войну, на который возложились бы все попечения о ходе дел военных и политических с ответственностью перед отечеством...
>
> . . . . . .
>
> ...Рассей лучами милости и благости эту непроницаемую атмосферу страха, скопившуюся в продолжение стольких

[1] С[евастополь] пал.

лет. Войди в соприкосновение с народом. Призови на работу все таланты — мало ли их на святой Руси?.. Освободи от излишних стеснений печать, в которой не позволяется теперь употреблять даже выражение о б щ е г о б л а г а. Не книги опасны, а события...*

Как вели себя в это время представители разных слоев о[бщест]ва, какие планы социальных преобразований выдвигали они, какова была их тактика? Крупное земельное дворянство ничего не хотело нового, сев[астопольский] разгром не образумил его, оно продолжало крепко отстаивать свое право на обладание людьми, как рабами. Ал[ександр] II двойственным поведением своим поддерживал их надежды.

К[орнилов] 33

Отставку Клейнмихеля все праздновали, как первую победу над врагами внутренними. Но замена Бибикова Ланским многим показалась странной. Ланской считался приверженцем помещичьей партии, а Бибиков был известен, как защитник крестьянских интересов в Западном крае. Недоумение усилилось, когда Ланской опубликовал свой первый циркуляр предводителям дворянства, в котором он заявлял, между прочим, что государь повелел ему «ненарушимо охранять права, венценосными его предками дарованные дворянству». «Считаю себя счастливым, — прибавлял министр, — передать о столь высокой милости государя в лице вашем всему (такому-то) дворянству и вместе с тем с особенно утешительным для меня чувством удостоверяю, что, по собственному, глубоко в сердце моем вкоренившемуся, убеждению, я всегда почитал дворянское сословие верным сподвижником державной власти и твердою опорою отечества». Для чего понадобились эти кудреватые фразы — неизвестно. Но впечатление они произвели большое. Крепостники раскупали этот циркуляр нарасхват, так что пришлось отпечатать его вторым изданием. Либералы были им очень смущены. *

Теперь: как относились к событиям наиболее просвещенная часть о[бщест]ва и литература?

42

Первое впечатление, которое произвело опубликование рескриптов Назимову и Игнатьеву на всех мыслящих передовых людей в России, было беспредельное чувство радости, без примеси каких бы то ни было критических соображений.

День встает багрян и пышен,
Долгой ночи скрылась тень,
Новой жизни трепет слышен,
Чем-то вещим смотрит день!
С сонных вежд стряхнув дремоту,
Бодрой свежести полна,
Вышла с богом на работу
Пробужденная страна...

. . . . . .

Так приветствовал зарю занимавшегося дня Иван Аксаков, и под этим стихотворением в ту минуту свободно могли подписаться и Герцен, и Чернышевский. Герцен писал в то время свою знаменитую статью с эпиграфом «Ты победил, Галилеянин!»...

. . . . . .

... А Чернышевский в это время писал свою статью «О новых условиях сельского быта» с эпиграфом «Возлюбил еси правду и возненавидел еси беззаконие: сего ради помазал тя бог твой. (Псалом XLV, стих. 8)».*

Вы видите единодушие мнений, какого никогда не переживала Россия; славянофил Аксаков и западник-социалист Герцен, завтрашний консерватор, щит и меч реакции Катков и радикал, будущий политический преступник Чернышевский — все четыре главнейшие течения мысли, все так резко разнообразные психики слились в одном ликовании — не надолго, конечно.

Ликование — законное, ибо —

Порвалась цепь великая, —
Порвалась — расскочилася:
Одним концом по барину,
Другим по мужику!..*

[1]Барин не сразу почувствовал боль удара — он ликовал, видя несомненную политическую победу, видя пред собой открытый путь; но куда вел этот путь — это он видел неясно.[2]

Где был, что затевал в ту пору разночинец, мы, отчасти, знаем, нам необходимо еще знать, что в [18]54 г[оду] министр Норов разрешил доступ в университеты вольнослушателям всех сословий, что, конечно, усилило приток учащихся в города.

---

[1] Барин, конечно, сразу же очень сильно почувствовал боль от удара и немедленно начал жаловаться и стонать.

[2] каковы будут для него экономические и социальные результаты реформы — это не сознавалось на первых порах.

Капризный граф Лев Толстой, любя противоречить всему и всем на свете, изображал в 1863 г[оду] это время иронически — и как раз эту иронию мы встретим потом у писателей консервативного лагеря

В города же, главным образом в столицы, двинулась масса дворянства, гонимого страхом мятежа.

Разночинец отчасти тоже ликовал, но более всего он занимался обличением разных мелких беспорядков жизни — казнокрадства, взяточничества, грубости полицейских нравов и т. д.

В [18]56 г[оду] является первый общественно-сатирический листок «Знакомые» Степанова*, но он имел небольшой успех, и скоро издатель решил организовать серьезный журнал — с 1859 г[ода] выходит знаменитая «Искра». В жур[нале] этом собралась компания самых резких и наиболее демократически настроенных людей того времени: Елисеев — внутр[енний] обозреват[ель] «От[ечественных] зап[исок]» и автор солидного исследования об общине, Добролюбов, братья Курочкины, Вейнберг, Минаев, Кузьма Прутков и еще целый ряд крупных имен. Был там и революционер Михайлов, осужденный вместе с Чер[нышевским], и ренегат Буренин, Полонский и народник Наумов — без числа народу.

Чтоб иметь представление о характере этого журнала, прочитаем из него несколько вещей. *

Роль «Искры» была огромна: «Колок[ол]» Герцена был журналом, пред которым трепетали верхние слои о[бщест]ва столиц, «Искра» распространялась в нижних слоях и по провинции. «Искра» в первом же году издания поняла, что дело не в мелочных обличениях взяточничества и т. д., а в общих условиях социального быта России, и ее сотрудники поставили себе целью «демократизацию прогрессивных идей», как выразился Н. Курочкин, литературный крестный отец Михайловского, человек большого таланта и, конечно, пьяница.

Вот что говорят о ее значении такие серьезные люди, как Елисеев:

Лемке 47

«В «Искре», — пишет Г. З. [Елисеев], — кроме бесчисленных обличительных корреспонденций во всех родах, и в прозе, и в стихах, и в рассказах, заметках, подписанных обыкновенно псевдонимами, существовал еще особый отдел — «Нам пишут», составлявшийся по корреспонденциям, получаемым из разных мест России.

Цензура не позволяла называть обличаемых по имени, ни даже называть те города, где они живут и где происходят обличаемые действия. Поэтому образовался целый словарь городов с условными названиями: Краснорецк, Кутерма, Лилиенгард, Тмутаракань, Златогорск, Чернилин, Белокаменск и т. д., с условными именами действующих в них героев, в особенности, если они занимали в них выдающийся пост по своему общественному положению. В провинции каждый город, о котором шла речь, немедленно узнавал свой псевдоним, так как описываемое то или другое

совершившееся в нем безобразие было, конечно, известно целому городу, а вместе с тем, разумеется, узнавалось и лицо, о котором шла речь. В Петербурге, Москве и других больших городах цель гласности таким путем не могла достигаться, — разве в исключительных случаях, когда какой-нибудь крупный скандал делался известным всему городу. Тогда делу гласности помогали отчасти рисунки «Искры». Покойный Степанов, прекрасный рисовальщик, давал изображаемым на этих рисунках лицам такое сходство с подлинными, что цензура нередко приказывала или сбривать бакенбарды с изображенного лица, или поставить его не en face, а в профиль, чтобы не так резко бросалось в глаза сходство. Кроме того, у «Искры», вероятно, благодаря рисункам, появились совершенно неизвестные редакции, добровольные с л о в е с н ы е сотрудники в пользу гласности. В 1859 году мне несколько раз случалось обедать в одном небольшом табльдоте на Морской, где собиралось до пятнадцати и более человек, все люда интеллигентного, — чиновников, моряков и т. п. И при мне, в день выхода «Искры» или на другой, являлся молодой человек из служащих, обедавший постоянно тут и, повидимому, знакомый со всеми, вынимал вышедший номер «Искры» из кармана и начинал излагать чуть ли не целую лекцию об этом номере, объяснял рисунки — кого они изображают, по какому поводу они явились, говорил о статьях, о затруднениях, которые встретились в цензуре, и т. д., и т. д. Все присутствующие слушали внимательно, делали возражения, требовали пояснений. Он отвечал на все вопросы и возражения, давал требуемые пояснения; повидимому, он был au courant всего, что делалось в «Искре». Я был убежден, что этот человек участвует в «Искре», стоит близко к ее редакции и что его обеденные разговоры делаются с ведома редакции для вящшего распространения журнала. Оказалось, совсем нет. Впоследствии я довольно близко познакомился с редактором «Искры», В. С. Курочкиным, был иногда на его журфиксах, и здесь познакомился с другим редактором «Искры», Степановым, но ни тот, ни другой не имели никакого сведения о неизвестных добровольцах, действовавших в их пользу; оба они уверяли меня, что у них не было и в мыслях пользоваться подобного рода пропагандой для распространения «Искры», которая и без того шла очень шибко».*

Я потому так подробно останавливаюсь на «Искре», что ее значение считаю чрезвычайно важным: она была более доступна и уму и карману наиболее ценного читателя той поры — учащейся молодежи; она резко и ярко освещала, поскольку ей позволяли внешние условия, ход и развитие того явления, которое Елисеев называл «прогрессом» и которое, в существе своем, представляло

заигрывание правительства с интеллигентом типа Молотова, для того, чтоб при его помощи обуздать интеллигента типа базар[овско]-рахметовского. «Искра» прекрасно поняла молотовское настроение и с начала вплоть до конца дней своих высмеивала его.

Вы видели, что даже Чернышевский запел дифирамб, а «Искра» в [18]61 г[оду] печатала:

Шумахер. —

Тятька — эвон что народу
Собралось у кабака,
Ждут какую-то свободу.
Тятька — кто она така?
Цыц! Ишшкни! Пущай гуторят —
Наше дело сторона,
Как возьмут тебя да вспорят,
Так узнаешь кто она! *

Проекты Кат[кова], Леонт[ьева] — о введении обязательного обучения латыни и греческому языку — «Искра» первая оценила, как попытку забить головы начавшему мыслить русскому юношеству.

Л[емке] 85 *

Не было вопроса, которого не касалась бы «Искра», ее хороший, здоровый демократизм не пропал даром.

93

... Верная лучшим заветам Белинского и его кружка, вполне солидарная с Добролюбовым, Чернышевским и Герценом, она представила ясно русскому обществу, каких последнее имеет выразителей «общественного» мнения. И пощады этим господам, действительно, не было. Каждый их шаг на пути затемнения уже сделанного Россией перехода из мрачного прошлого, каждое поползновение представить мираж в виде идеала — все это встречало сильный отпор. *

Уже в [18]61 г[оду] Катков перебежал в лагерь реакционеров, министр Валуев широко пользуется литературой в своих реакционных целях, издает газету «Сев[ерная] почта», поддерживает «Наше время» — реакционный орган партии дворянства [1] и наносит «Искре» удар за ударом.

Нам журнал этот интересен и тем еще, что его радикально-демократическая атмосфера воспитала целый ряд писателей, т[ак] н[азываемых], второстепенных, но очень важных при изучении развития и направления идей в русском о[бщест]ве и еще более важных своим действит[ельным] знанием народа, условий его жизни, его характера.

[1] подлая «Домашняя беседа» тоже

Уже знакомые вам [1] Левитов, Воронов, Наумов, Слепцов — все эти люди потерлись в редакции «Искры». В ней начал работать Лейкин, Стопановский, работал П. Кулиш — знаток малор[оссийского] быта и автор превосходной запрещенной книги «Записки о Юж[ной] Руси».

Нам сейчас интересен родоначальник и зачинатель чисто народнической и народолюбческой литературы — Н. Успенский, двоюродный брат и учитель Глеба.

Роль беллетр[истов]-народников до сего дня остается неоцененной в истории русского о[бщест]ва; я уже не раз говорил о том, что беллетрист[ические] произведения народников мало имеют общего с теорией народничества, с политическими и культурными задачами этого учения.

Беллет[ристы]-народолюбцы дали огромный материал к познанию экономического быта [2] нашей страны, психических особенностей ее народа, изобразили его нравы, обычаи, его настроения и желания; народники-теоретики, руководясь этим материалом, взяли из него то, что могло подтвердить их выводы, и отбросили, забыли все, что противоречило им, а последнего [3] больше и оно — ценнее для нас.

Говоря кратко: наблюдения беллетристов все сводятся к одному — Россия необходимо должна европеизироваться; народ ее дик, груб и страшно подавлен духовно, у него нет веры в свои силы, нет уважения к себе, но он по натуре очень способен быстро схватывать все, что ему необходимо для правильного развития жизни и будучи поставлен на путь европейской культуры, может в идейном отношении быстро догнать сорганизованную капиталом демократию Запада.

Но эта тема впереди. Вернемся к Н. Успенскому. Вот что говорит о нем Корнилов, автор только что вышедшей книги.

194

Николаю Успенскому принадлежит заслуга первого писателя, решившегося без прикрас, с полной истиной представить то ужасное положение, в котором находился народ по выходе из крепостного состояния. Его живые и талантливые очерки взывали прямо к совести образованного русского общества. Они ставили пред этим обществом огромную тяжелую задачу поправить то веками накопленное зло, которое было историей причинено народу, просветить мужика, воскресить в нем человека. Не даром Чернышевский назвал свою статью о Николае Успенском: «Не начало ли перемены»? *

---

[1] имена

[2] и истории

[3] было

Как изображал барин мужика вы, отчасти, знаете.[1] В общем мужик являлся пред культурным о[бщест]вом воплощением кротости, терпения и прочих христианских чувств.

Выводы из этого были сделаны такие:

С[оловьев] 152—4

«У русского крестьянина нет нравственности, кроме вытекающей инстинктивно, естественно из его коммунизма; эта нравственность глубоко народная; немногое, что известно ему из евангелия, поддерживает ее; явная несправедливость помещиков привязывает его еще больше к его правам и к общинному устройству.

Община спасла русский народ от монгольского варварства и от канцелярской цивилизации, от выкрашенных по-европейски помещиков и от немецкой бюрократии. Общинная организация, хоть и сильно потрясенная, устояла против вмешательства власти; она благополучно доросла до развития социализма в Европе.

Это обстоятельство бесконечно важно для России.

Народ начинает роптать под игом помещиков; беспрестанно вспыхивают местные волнения. Партия движения прогресса требует освобождения крестьян».

. . . . . .

«Европа на первом шагу к социальной революции встречается с русским народом, который представляет ему осуществление, полудикое, неустроенное, но все-таки осуществление постоянного дележа земель между земледельцами. И заметьте, что этот великий пример дает нам не образованная Россия, но сам народ, его жизненный процесс. Мы, русские, прошедшие через западную цивилизацию, мы не больше как закваска, как средство, как посредники между русским народом и революционной Европой. Человек будущего в России — мужик, точно так же, как во Франции работник». *

Но появились Успенские, Решетниковы, Левитовы и показали совершенно другого мужика: дикого, невежественного, не умеющего оценить своих интересов, неспособного бороться за них, иначе как посредством кулака.

По свидетельству этих беллетристов оказалось, что и община — учреждение не сладкое, что она всячески стесняет развитие личности, что она лишена способности развивать далее свою, якобы социалистическую, тенденцию.

Первое открытие, — что мужик не таков в действительности, каким его изображают Тур[генев], Тол[стой], Григоровичи,— Чернышевский признал правильным: да, мужичок в действительной жизни совсем не похож на вяземский пряник!

---

[1] а выводы из этих изображений...

Ч[е]рн[ышевский] — 340

... Есть у г. Успенского другое качество, очень сильно нравящееся лучшей части публики. Он пишет о народе правду без всяких прикрас. . . . . .

. . . . . .

... умейте подводить частные виды одного и того же чувства под общую их сущность; умейте, например, понимать, что стремление получить деньги — одно и то же стремление, будут ли деньги представляться в виде пачки кредитных билетов или в виде двугривенного; умейте понимать, что привычка считать крупной такую сумму денег, которая иному кажется мелка, ни мало не изменяет сущности действий, внушаемых надеждою получить деньги и опять-таки умейте понимать, что выслушивать колкости или скучать в неприятном обществе, или подставлять шею под материальные толчки кулаком — и улыбаться в надежде получения, или в благодарность за получение денег — все это в сущности одно и то же. Если вы твердо знаете это, вас нимало не обескуражит сцена, которой заканчивается очерк г. Успенского «Проезжий».

. . . . . .

... Успенский заботливо всмотрелся в эту главную черту и дал нам вдоволь полюбоваться на нее, не отвлекая от нее нашего пристального взгляда ничем другим, более разнообразным или живым. Скажите же, не наводило на вас тоску то же самое бесконечное толкование наших простолюдинов, напрасно бьющихся над соображением самым простым?

. . . . . .

Правда ли это? Так ли оно действительно бывает? Скажите после этого, где же прославляемая сметливость русского простолюдина? Только немногие, очень горячо и не бестолково любящие народ, поймут, как достало у г. Успенского решимости выставить перед нами эту черту народа без всякого смягчения. Да понимал ли он, что делает? Только в том случае, если не понимал он, и могут простить ему этот отрывок квасные патриоты, разряд которых гораздо обширнее, чем воображают разные господа, подсмеивающиеся над квасными патриотами, а сами принадлежащие к их числу. Ведь г. Успенский выставил нам русского простолюдина простофилею.

. . . . . .

Исключений мало. Они есть; но теперь, вслед за г. Успенским, мы ведем речь не об этих исключениях, а о людях дюжинных, об огромном большинстве людей.

Русскому мужику трудно связать в голове дельным образом две дельные мысли, он бесконечно ломает голову над пустяками, которые ясны, как дважды два четыре; его ум слишком неповоротлив, рутина засела в его мысль так крепко, что не дает никуда двинуться, — это так; но какой же мужик превосходил нашего быстротою понимания?

. . . . . .

Торгуется он [мужик], например, так, что иной сиделец может ему позавидовать; обмануть вас, он так искусно обманет, что после того подивишься и вы не заблуждайтесь, не сочтите за доказательство противного ту нелепую тупоумную бесчестность, какую обнаружили мужики г. Успенского в расчете с хозяином постоялого двора.

. . . . . .

Но не спешите выводить из этого никаких заключений о состоятельности или несостоятельности ваших надежд, если вы желаете улучшения судьбы народа .....*

Но ведь коли мужичок столь неказист, как же созданная им социалистическая ячейка — община — объясняется? Как же это дикое существо могло создать нечто, затыкающее за пояс все Европы?

Ясно, что надо было немедленно подвергнуть общину всестороннему и беспристрастному анализу, надо было рассмотреть, в какой степени она удобна для личности, как форма социального бытия, и чем именно она приятна для правительства, защитника и сторонника ее?

Если б за это исторически необходимое дело люди того времени могли взяться беспристрастно, они бы тогда же открыли секрет, что община создана правительством в интересах фиска, что народ принял ее с боем, против своего желания, что круговая порука является для мужика цепью не менее крепкой, чем само крепостное право и что никакого социализма в русской об[щи]не не посеяно, не содержится, не растет.

Но знания о[бщин]ы в ту пору были не велики, изучением ее не было времени заняться, а суждения о ней были не только не беспристрастны, а, напротив, отличались догматизмом.

В этих суждениях — мы их уже слышали от Герцена — бессознательно сказались и влияние официальной теории народности и славянофильские взгляды, а более всего эти суждения являлись для людей того времени соломинкой, за кою они хватались, боясь утонуть в хаосе событий

Вот как рассуждает об общине Чернышевский.

IV. 88

... Принцип общинного владения непогрешителен, и мы чрезвычайно счастливы тем, что он не только вполне применим к нашей будущности, но существует уже, как факт,

в настоящем, сроден нашему толковому народу и прочно лег уже в основание нашей общественной жизни. Это такое благо, которому могут позавидовать и опередившие нас в развитии народы: оно в наших руках, и может в будущем предохранить от язвы пролетариата многие миллионы русских людей. Это истина, и притом истина как нельзя более утешительная. *

Ему возражал на это Вернадский и другие более проницат[ельные] люди:

309

... Частная поземельная собственность есть позднейшая форма, вытеснившая собою общинное владение, оказывавшееся несостоятельным перед нею при историческом развитии общественных отношений; и так мы, подобно другим народам, должны покинуть его, если хотим итти вперед по пути развития. *

Он торжественно догматизирует:

331—3

...именно потому, именно потому, именно потому, что общинное владение есть первобытная форма, и надобно думать, что высшему периоду развития поземельных отношений нельзя обойтись без этой формы. *

В этих рассуждениях я прошу отметить следующую черту: ведется спор о том, прогрессивна ли, социалистична ли об[щи]на. Одни утверждают — да, другие говорят — нет, но ни те, ни другие, при всем прославленном народолюбии их, не спрашивают себя: а хорошо ли в о[бщи]не мужику, человеку?

Черта — значительная, она пронизывает собою всю драму отношений интеллигенции к народу: у людей барской культуры были фетиши: искусство, народность, государство, славянство; эти фетиши стояли над демократией и демократия приносилась им в жертву; у разночинца явились новые фетиши: «я» — у людей базаровско-писаревского толка, община и артель — у людей линии Чернышевского, Рахметова. О любви к народу, как силе творческой, лучшей энергии природы, о любви к человеку, как равному мне мыслящему и чувствующему существу, — тут нет речи.

Речь идет лишь о том, чтоб силою людей построить ту или иную форму социального бытия, речь идет о человеке, как строительном материале, который можно употреблять так или иначе — в целях улучшения его бытия, конечно, но, по возможности, без помощи его сознания. Я говорю — по возможности — требовалось, конечно, чтоб человек сознательно у в е р о в а л в преимущества о[бщи]нного владения землей пред частным и веру свою активно проводил в жизнь.

Почему нужно было это — спросите вы? Нужна была организующая идея, но построить ее на фактических данных не позволял опыт той поры; его было недостаточно, и вот опыт заменяли иллюзией, утопическим мнением о русском народе — сначала, как о единственном обладателе социалистической об[щи]ны, затем, когда оказалось, что о[бщи]на не новинка, что она везде существовала и пережита, стали говорить: «а у нас еще существует, и мы перескочим с низшей ступени социально-исторической лестницы прямо на высшую, минуя средние логические моменты».

30 лет будут без помехи писать книги и статьи, доказывая возможность обойти логику истории, и лет 20 — до сегодня еще — будут жарко спорить об этом.

В стремлении показать, что община является единым средством спасения рус[ского] народа, необходимо было, конечно, переделать самый народ, одеть его сообразно требованиям теории.

И, конечно, дикие индивидуалисты мужики Успенского Николая, Решетникова и других должны были уступить место новым мужикам — миролюбам, общинникам, мужичкам-коллективистам.

Российский интеллигент, в лице Златовратского, Засодимского, Нефедова, Ивановича и отчасти Каронина, немедленно сотворил мужика, какого требовало учение Михайловского-Лаврова-Воронцова, мужика, чрезвычайно похожего по свойствам психики своей — кроткой и преисполненной романтическими надеждами — чрезвычайно похожего на мужиков Толстого, Тургенева и вообще мужиков дореформенной литературы.

Необходимо было создать и нового интеллигента: эгоисты и нигилисты писаревско-базаровского типа не годились для работы в деревне, пропаганды социал[изма] и развития общины в социалистическое государство — Молотовы совершенно не способны к действиям против силы враждебной им, они уже нашли себе удобные места и вот как рассуждают, сидя на них.

Ч[ернышевский] IV. 392

> «Надобно злоупотребления искоренять... гласность необходима; железных дорог надобно больше проводить; об освобождении крестьян очень много хорошего говорили. О своих городских делах рассуждали тоже очень хорошо. Все так; но подвернись им на грех под язык ковенские крестьяне, тут мне как-то страшно стало их слушать: это, говорят, вопрос очень щекотливый. Пьянство наш народ разоряет, — спору нет, говорят: — но тут не о пьянстве дело идет; тут надобно принимать в соображение государственный интерес. Откупов одобрять нельзя, но ведь тут и не в откупе дело: пусть его заменят казенным акцизом. Но что же будет, если в самом деле народ перестанет пить водку? Ведь винная регалия составляет самую главную часть государственного дохода. Государство пострадает,

если потребление водки уменьшится; притом уж не новая ли секта это какая? Как можно допустить, чтобы мужик сам собою бросил пить вино? — тут надобно предполагать какое-нибудь наущение. Это фанатизм».

«Что вы думаете? нашелся из членов даже такой один, что стал говорить: «этого нельзя позволить, против этого надобно меры принять; надобно отыскать виновных и наказать, чтобы не заводили сект».

«С этим не согласились другие. — «Вы, говорят, односторонним образом смотрите на дело. Если бы только секта, это бы еще ничего. Но государственные доходы уменьшаются, — это другое дело. Вот именно с этой стороны и надобно принять меры. Думать они пусть думают, как хотят, но чтобы вреда государству от этого не было. Меры принять надобно, это так. Только не против сектантов меры надобно принять, а против тех, которые целыми селами и уездами отказываются от употребления водки, будь они сектанты или не сектанты — все равно».

«Я, присмотревшись к членам и увидев, что они люди снисходительные, даже с простым человеком грубо не обходятся и все так гуманно рассуждают, осмелился в их разговор свое слово вставить: надеялся, что не примут в обиду. «Как же, говорю, меры будут принимать? не зазорно ли будет насильно людям водку в рот лить? Кабы дурное что они делали, можно власть употребить. А то за непитие наказывать, — можно ли это?»

«Точно — не обиделись. Ласково мои слова приняли, однако не согласились».

«Вы, говорят, совершенно ошибаетесь. Мы никак не полагаем, чтобы именно за непитие, по вашим словам, наказывать. Наказание не за то должно быть, а за беспорядки. Этого не может быть, чтобы нельзя было тут беспорядков найти».

«Как же, говорю, вы беспорядки найдете? Беспорядки больше в хмелю делаются. Без пьянства смертоубийств не будет, потому что драки в хмелю происходят. Когда пьяниц не будет, ни воров, ни грабителей не будет».

«Это вы опять не то говорите, отвечают мне. Вы говорите о преступлениях, а мы говорим о беспорядках. Преступления уголовная палата судит; ей точно дела меньше будет. А беспорядков нечего до уголовного суда доводить. За беспорядками должна полицейская власть смотреть. Она сама с ними управится. Зачем уголовное наказание? Исправник отечески посечет — и того довольно».

— «Да за что же он посечет?» я спрашиваю.

— «Как за что? за беспорядки, вам говорят».

— «Да за какие же беспорядки?» я все-таки пристаю.

— «Как за какие? за всякие, говорят: это уж его дело беспорядки открыть...» *

Таковы-то гг. Молотовы, они же — Струве и прочие сотрудники «Рус[ской] мысли», «Вех» и т. д.

Теперь взглянем, каковы события: возьмем [18]61 г[од].

Бур[цев], Кор[нилов] 194—196—8 *

Кто же пошел «в народ» для служения по формуле Лаврова, т. е. для развития из голодного, неграмотного, жадного мужика личности совершенной «в физическом, умственном и нравственном отношении»?

Пошел Рахметов: все «положительные типы» или герои русской литературы по происхождению инородцы — факт, который свидетельствует о трогательной правдивости русских литераторов: героя русской, славянской крови они не видят, и потому Тургенев, для подражания нам, сочиняет хорошего болгарина, Гончаров — немца, Лесков — швейцарца, Рахметов — из татар.

Что д[елать?] 183

... Рахметов был из фамилии, известной с XIII века, то есть одной из древнейших не только у нас, а и в целой Европе. В числе татарских темников, корпусных начальников, перерезанных в Твери вместе с их войском, по словам летописей будто бы за намерение обратить народ в магометанство (намерение, которого они наверное и не имели), а по самому делу, просто за угнетение, находился Рахмет. Маленький сын этого Рахмета от жены русской, племянницы тверского дворского, то есть обер-гофмаршала и фельдмаршала, насильно взятой Рахметом, был пощажен для матери, и перекрещен из Латыфа в Михаила. От этого Латыфа-Михаила Рахметовича пошли Рахметовы.

. . . . . .

Рахметов в 16 лет, когда приехал в Петербург, был с этой стороны обыкновенным юношей довольно высокого роста, довольно крепким, но далеко не замечательным по силе: из десяти встречных его сверстников, двое, наверно, сладили бы с ним. Но на половине 17-го года он вздумал, что нужно приобресть физическое богатство, и начал работать над собою. Стал упорно заниматься гимнастикою; это хорошо, но ведь гимнастика только совершенствует материал, надо запасаться материалом, и вот, на время вдвое большее занятий гимнастикою, на несколько часов в день он становился чернорабочим по работам, требующим силы: возил воду, таскал дрова, рубил дрова, пилил лес, тесал камни, копал землю, ковал железо; много работ он проходил, и часто менял их, потому что от каждой новой работы, с каждой переменой, получают новое развитие какие-нибудь мускулы. Он принял боксерскую диэту: стал кормить себя, — именно кормить себя, — исключительно вещами, имеющими репутацию укреплять физическую силу,

больше всего бифштексом, почти сырым, и с тех пор всегда жил так. Через год после начала этих занятий он отправился в свое странствование, и тут имел еще больше удобства заниматься развитием физической силы: был пахарем, плотником, перевозчиком и работником всяких здоровых промыслов; раз даже прошел бурлаком всю Волгу, от Дубовки до Рыбинска . . . . . .

. . . . . .

«Так нужно, — говорил он: — это дает уважение и любовь простых людей. Это полезно, может пригодиться».

. . . . . .

... За несколько времени перед тем, как вышел он из университета и отправился в свое поместье, потом в странствование по России, он уже принял оригинальные принципы и в материальной, и в нравственной, и в умственной жизни, а когда он возвратился, они уже развились в законченную систему, которой он держался неуклонно. Он сказал себе: «я не пью ни капли вина. Я не прикасаюсь к женщине». А натура была кипучая. «Зачем это? Такая крайность не нужна». — «Так нужно. Мы требуем для людей полного наслаждения жизнью, — мы должны своею жизнью свидетельствовать, что мы требуем этого не для удовлетворения своим личным страстям, не для себя лично, а для человека вообще, что мы говорим только по принципу, а не по пристрастию, по убеждению, а не по личной необходимости».

Поэтому же он стал и вообще вести самый суровый образ жизни. Чтобы сделать и продолжать быть Никитушкою Ломовым, ему нужно было есть говядины, много говядины, — и он ел ее много. Но он жалел каждой копейки на какую-нибудь пищу, кроме говядины; говядину он велел хозяйке брать самую отличную, нарочно для него самые лучшие куски, но остальное ел у себя дома все только самое дешевое. Отказался от белого хлеба, ел только черный за своим столом. По целым неделям у него не бывало во рту куска сахару, по целым месяцам никакого фрукта, ни куска телятины или пулярки. На свои деньги он не покупал ничего подобного: «не имею права тратить деньги на прихоть, без которой могу обойтись», — а ведь он воспитан был на роскошном столе и имел тонкий вкус, как видно было по его замечаниям о блюдах, когда он обедал у кого-нибудь за чужим столом, он ел с удовольствием многие из блюд, от которых отказывал себе в своем столе, других не ел за чужим столом. Причина различения была основательная: «то, что ест, хотя по временам, простой народ, и я могу есть при случае. Того, что никогда недоступно простым людям, и я не должен есть! это нужно мне для того, чтобы хоть несколько чувствовать, насколько стеснена их жизнь

сравнительно с моею». Поэтому, если подавались фрукты, он абсолютно ел яблоки, абсолютно не ел абрикосов; апельсины ел в Петербурге, не ел в провинции, — видите, в Петербурге простой народ ест их, а в провинции не ест. Паштеты ел потому, что «хороший пирог не хуже паштета, и слоеное тесто знакомо простому народу», но сардинок не ел. Одевался он очень бедно, хотя любил изящество, и во всем остальном вел спартанский образ жизни: например, не допускал тюфяка, и спал на войлоке, даже не разрешая себе свернуть его вдвое...

. . . . . .

... Рахметов сказал Кирсанову: «дайте мне порядочное количество мази для заживления ран от острых орудий». Кирсанов дал огромнейшую банку, думая, что Рахметов хочет отнести лекарство в какую-нибудь артель плотников или других мастеровых, которые часто подвергаются порезам. На другое утро хозяйка Рахметова в страшном испуге прибежала к Кирсанову: «батюшка лекарь, не знаю, что с моим жильцом сделалось: не выходит долго из своей комнаты, дверь запер, я заглянула в щель: он лежит в крови; я как закричу, а он мне говорит сквозь дверь: «ничего, Аграфена Антоновна» — какое, ничего! Спаси, батюшка лекарь, боюсь смертного случаю. Ведь он такой до себя безжалостный». Кирсанов поскакал. Рахметов отпер дверь с мрачною широкою улыбкою, и посетитель увидел вещь, от которой и не Аграфена Антоновна могла развести руками: спина и бока всего белья Рахметова (он был в одном белье) были облиты кровью, под кроватью была кровь, войлок, на котором он спал, также в крови; в войлоке были натыканы сотни мелких гвоздей шляпками с исподи, остриями вверх, они высовывались из войлока чуть не на полвершка; Рахметов лежал на них ночь. «Что это такое, помилуйте, Рахметов», — с ужасом проговорил Кирсанов. — «Проба. Нужно. Неправдоподобно, конечно; однако же, на всякий случай нужно. Вижу, могу»... *

Как видите, это не человек, а «нарочно». Это существо, сделанное довольно-таки не искусно из той русской слякоти, которая называется «совестью»; к совести примешана наивность и еще христианский аскетизм.

В той же мере, в какой Писарев, сочинив Базарова, и Нечаев, сочинив свою «программу революционера», который прежде всего «не человек», — в той же мере, как они оба скомпрометировали молодое поколение, выставив его пред лицом России нигилистами и зверями — Чернышевский, написав Рахметова, поставил пред Россией некую нелепейшую выдумку. Базаров и Нечаев вызвали общий протест, испуг и подозрительное отношение к юношеству со стороны людей зрелых; это подозрительное

отношение немедленно выразилось в том, что когда в Питере сгорел Апраксин двор — все заговорили, что студенты подожгли.

О последователях Писаревского реализма ныне рассуждают так:

Корн[илов] 225

...Реалисты «Современника» и «Русского слова», бывшие, по выражению Шелгунова, в начале шестидесятых годов настоящими идеалистами земли, в эпоху упадка общества, наступившего в конце шестидесятых годов, стали вырождаться в обыкновенных разнузданных эгоистов, применявших смелые взгляды Писарева к самым темным и низменным поползновениям... *

А право рассуждать так дал Михайловский, писавший о них следующее:

226

...Как волны морские, ... отхлынув от берега, оставляют на нем рыб, молюсков, которым предстоит умереть вне родной стихии, так и волны нашего общественного движения, отхлынув, оставили на берегу краткие и грубые формулы, которые сами по себе, без оживляющего нас недавно духа, мертвы. Пришли люди, не мучавшиеся над их выработкой, не знающие их цены, не имеющие той внутренней гарантии, которая не допустила бы практического падения, несмотря на односторонность теоретических положений. Пришли люди и сказали: мы — люди трезвые, плюем на всякий идеализм, держимся строгих предписаний науки и реальной философии. Мы — реалисты, а так как, с точки зрения реализма, нравственно то, что естественно, то мы, повинуясь естественной борьбе за существование, признаем нравственным давить слабых и неприспособленных. Мы — реалисты, а так как, с точки зрения реализма, жертва есть сапоги в смятку, то мы живем единственно ради своей утробы...

...Мы — реалисты, а так как, с точки зрения реализма, человек есть раб обстоятельств, то мы объявляем себя не ответственными за все те подлости, которые мы сделали, делаем и имеем делать... *

Рахметов вызвал, конечно, иное отношение: в правящих сферах, в бюрократии, которая росла все быстрее и все крепче сливалась во единую силу, над Рахмет[овым] смеялись[1]; такой враг и не мог вызвать у них иного отношения к себе.

«Этот Рахметов, — говорил Ливен,[2] — так свят и глуп, что

[1] Мне передавал один видный бюрократище, что гр. Ростовцев, ⟨говоря⟩ рассказывая о Рахм[етове] в [18]65 году...

[2] Растопчину

едва ли мог кого-нибудь испугать. Не кажется ли вам, что это чучело сделано, чтоб загородить отвратительную фигуру Базарова, живого и действующего человека? В ту пору, когда вышел роман Чернышевского, многие так думали в о[бществе]».

Как видите, бюрократ смотрел на дело тоже глазами реалиста: силен Рахметов? Чем он угрожает? Нет, не силен. Хорошо, значит, мы его задушим!

И принялись душить всех, подобных Рах[метову], идеалистов.

Были ли они подобны ему?

Да, как об этом говорят они же сами.

Вот, напр[имер], речь Мышкина:

К[орнилов] 214

...«При всем различии взглядов по другим вопросам, — сказал он, — приверженцы социальной революции сходятся в одном: что революция может быть совершена не иначе, как самим народом, при сознании им, во имя чего она совершается; другими словами, настоящий государственный строй должен быть ниспровергнут *только тогда, когда пожелает этого сам народ*.

Следовательно, если правительство солидарно с народом, оно не может считать нас злоумышленниками. Можно ли указывать, как на заговорщиков и бунтовщиков, на тех, кто говорит: «мы будем ходатайствовать перед народом об удовлетворении настоятельнейших нужд страны, нужд, сознаваемых хорошо самим народом; мы предлагаем для этого свою посильную помощь и — да будет все так, как пожелает народ».

«Ведь в нашем распоряжении, продолжал он, нет ни тюрем, ни военных команд, ни больших промышленных предприятий, закабаляющих тысячи рабочего люда. Следовательно, мы не имеем никаких средств насиловать народную волю в пользу излюбленных нами идей. Мы можем действовать только убеждением. Все средства насилия находятся в распоряжении и действительно практикуются нашими противниками».

«Если же, несмотря на крайне неблагоприятные для нас условия, правительство все-таки имеет серьезные основания опасаться, что наша деятельность увенчается успехом, то значит, мы не ошибаемся, рассчитывая на сочувствие народа нашим идеям; но в таком случае мы не преступники, не злоумышленники, а лишь выразители потребностей, сознанных народом...» *

Речь Бардиной: *

Некрасов посвятил этим людям трогательные стихи:

Смолкли честные, доблестно павшие,
Смолкли их голоса одинокие,
За несчастный народ вопиявшие,
Но разнузданы страсти жестокие.
Вихри злобы и бешенства носятся
Над тобою, страна безответная.
Все живое, все доброе косится...
Слышно только, о ночь безрассветная,
Среди мрака, тобою разлитого,
Как враги, торжествуя, скликаются,
Как на труп великана убитого
Кровожадные птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются! *

Но здесь мы вторгаемся в другую тему — в историю партии, наша тема — русская литература и русская интеллигенция в их отношениях к народу.

Вы, я думаю, из всего до сего дня сказанного уже видите, что народ, т. е., главным образом, крестьянство, привлекал внимание разночинной интеллигенции и служил основной темой мышления ее потому и только потому, что у этой интеллигенции не было иной точки опоры для развития своих сил, для завоевания себе места в жизни.

Она является тонким слоем между государством, т. е. бюрократией и многомиллионной массой невежественной.. [нрзб]

Бюрократия не может дать интеллигенту столько места и свободы, сколько нужно ему, как личности, для правильного и непрерывного развития; бюрократии нужен послушный раб ее велений — она и отбирает из интеллигенции людей молотовского типа. Демократия в массе своей не чувствует потребности в интеллигенте, как проводнике общекультурных знаний, и если б почувствовала эту потребность, то не могла бы самостоятельно удовлетворить ее, ибо государство, снабжая деревню учителями, врачами и т. д. в самом ничтожном количестве, не позволяет им заняться общекультурной деятельностью, да и они сами не имеют для этого времени. Люди честные видят, что честно работать в деревне невозможно: у доктора и учителя нет для этого ни достаточных пособий, ни средств, ни свободы и, наконец, нет охоты работать бесполезную работу: ибо голодный тиф лечить глупо и смешно, надо не допускать его развития, не допускать голода.

Создается драматическое положение: нельзя двинуться ни туда, ни сюда, никакая культурная работа невозможна, — значит, необходима работа революционная, работа чисто политическая; цель ее — ограничение самодержавной власти.

Во всей этой картине, — верность ее едва ли можно отрицать, — нет, как вы видите, места социализму.

И речи Бардиной, Мышкина, всех, судившихся по процессу 193-х, 50-ти и т. д., подтверждают наш взгляд: не социализм цель, а борьба с самодержавием.

Самое честное и наименее приукрашенное изображение русского интеллигента дал Слепцов, в лице умного человека Рязанова:

Сл[епцов] 308

— Я хочу знать, как вы смотрите на все, что окружает вас здесь, в деревне, на все, что здесь происходит...

... Жизнь, как жизнь: все совершается в строгой зависимости и надлежащем порядке, случайностей никаких нет и быть не может... В риторике Кошанского есть такой пример (и бог его знает только, как он туда попал): «вот, говорит, медведь душит волка, волк режет овцу, овца ест траву, трава из земли сок получает; а лев, говорит, и медведя, и волка, и овцу, и всех побеждает». Вот это порядок. Теперь какие же тут могут быть случайности? Разве, что резал волк овцу, да не дорезал, потому что самого в это время медведь задушил, или что лев мимо медведя прошел и тронул его?.. Такие случайности бывают, — это и точно; но удивляться этому я, право, надобности никакой не вижу...

— Стало быть, вы находите, что все эти гадости так и должны быть?

— Какие гадости?

— Да вот, что... ну, я не знаю... Одним словом, все это хозяйство; ну, вот, что надо мужиков наказывать, давать им за работу как можно меньше и прочее.

— Я никогда не говорил, что так надо и что иначе и быть не может.

— Но ведь вы находите, что все это очень естественно и натурально.

— А вы не находите? Так это потому только, что вы не хотите подумать. Если, положим, человека посадят в угарную комнату и он там угорит, — так это, по-вашему, будет неестественно? Если ему не дадут есть двое суток и у него живот подведет, — так это, по-вашему, будет ненатурально?

— Ну, конечно, так; только согласитесь, что уж это вовсе неестественное желание морить другого голодом?

— Я с этим никак не могу согласиться, потому что если на двоих отпущена только одна порция хлеба, и из этих двоих один сильнее другого, то со стороны сильнейшего будет самым естественным делом — отнять этот хлеб у слабейшего. Что же может быть натуральнее этого побуждения? И это, однако, нисколько не мешает человеку в другом случае самого себя лишить пищи в пользу другого, т. е. следовать совершенно противоположному побуждению, которое в свою очередь тоже очень естественно и натурально.

Все зависит от условий, в которых человек поставлен; при одних условиях он будет душить и грабить ближнего, а при других он снимет и отдаст с себя последнюю рубашку. Видимые результаты всегда естественны и натуральны, когда причина их известна... *

Социализм, как идея, организующая известный опыт и обязывающая к известной активности, интеллигенции не мог быть доступен непосредственно, не всасывался в нее органически; он всегда служил для нее лишь средством привлечь к себе внимание масс, средством заставить эти массы пойти за собой.

И когда историки рус[ской] литер[атуры] и рус[ского] об-[щественно]го движения утверждают, что наша интеллигенция насквозь социалистична — в это не надо верить, против этого следует возразить так:

Бюрократия, наиболее организованная сила в России, существует и обновляется за счет интеллигенции. Революционная интеллигенция, как только ей покажется, что поли[тические] условия изменились к лучшему для нее, немедленно заменяет свой социализм — либерализмом.

Все это, м[ожет] б[ыть], следовало сказать не сейчас, а позднее, но мне важно, чтоб вы ясно видели тот угол, под которым я рассматриваю психику интеллигента, важно это потому, что, когда мы будем рассуждать о современной нам литературе, вам будет облегчено понимание ее хаоса и разнообразия именно этой точкой зрения.

[1]Жизни такой, какой хотелось ин[теллиген]ту той поры, не

---

[1] Могут подумать, что я анархист — это будет ошибка. Анархистично все русское о[бщест]во, все наши консерваторы, либералы, революционеры — более или менее анархисты по настроению, ибо все они, по существу — нигилисты, даже и тогда, когда проповедуют мистику.

Моя точка зрения такова: силою исторической необходимости разночинец-интеллигент явился у нас человеком без места. В торопливых поисках за социальной почвой, на коей он мог бы утвердить свое бытие, он выработал [в] себе способность быстро схватывать все, что ему кажется полезным, и не мог достаточно хорошо ознакомиться с историческими условиями, среди которых века жил наш народ. Это незнание или плохое знание быта с в о е й страны мешает ему ‹слиться с народом› с успехом играть ту роль, которую он необходимо должен играть, как проводник знаний в массу.

Его психика — существа неуверенного в правильности своей позиции, в приложимости тех или иных теорий к данным русской жизни — делает его плохим организатором, ибо недостаток своих знаний он пытается скрыть яростной защитой их и — отсюда развивается сектантство, нетерпимость, фракционность, если хотите.

было, та жизнь, какая была, убивала своей скукой, дичью, хаосом.

Оставалось выдумать, создать новую жизнь и — выдумывали мужика, особенную, показную роль для личности в истории, выдумали революционное старообрядчество, Рахметова, Стожарова и кучу других святейших интеллигентов, выдумали кучу всевозможных иллюзий, занимались этим 50 лет до 1905 г[ода] и повторили с начала до конца путь, пройденный культурным дворянством за первую половину XIX в[ека].

[ПИСАРЕВ. — БАЗАРОВ И МОЛОТОВ В ПОНИМАНИИ ПИСАРЕВА. — ПОМЯЛОВСКИЙ, «МОЛОТОВ». — ПРОБЛЕМА ИНДИВИДУАЛИЗМА]

*Ну, один-то дурной поступок мы знаем за Базаровым: ведь его отношение к Феничке нельзя назвать похвальным.

Целовать женщину с тем чувством, с каким целовал ее наш герой, едва ли допустимо для честного человека и, во всяком случае, отношение к женщине рисует Базарова не лестно: женщина для него животное, как не однажды говорит Тургенев.

Это странно слышать от Писарева — так-таки и не было ни одного общего интереса? А народ — разве он в ту пору не являлся той точкой, коя требовала тогда, как она и теперь требует этого, приложения к себе всех сил интеллигенции? А необходимость бороться за свободу культурной работы против бюрократии, которая в ту пору уже начала организовываться в целях противодействия этой работе? А идея демократизма, посеянная барством,— разве она не могла бы объединить деятельность молодого Базарова с пожилым Герценом и другими людьми до базаровского периода, людьми, к тому же, более образованными, чем он сам?

Может ли вообще у человека нового н е б ы т ь никакого интереса к людям прошлого? Разумеется, нет: это невозможно психофизиологически, ибо новый человек рождается не в безвоздушном пространстве, а в известной социальной среде, в более или менее тесном кругу идей, традиций, предрассудков и т. д.

Он может отрицать их теоретически, но он насыщен ими, они в нем есть. Пролетарий наших дней теоретически ярый враг буржуазии, но в будничной жизни он бессознательно строит свои отношения к людям отнюдь не лучше буржуа: он спокойно называет еврея жидом, хотя знает, что эта кличка не должна быть употребляема им, как кличка, в кою влагается пренебрежительное и враждебное отношение к целой расе, пролетарий не прочь отнестись к женщине с той же простотой, с какой относится к ней и буржуа.

Прол[етарий] резко осуждает инт[еллигента] за шаткость его психики, за быстрые смены настроений, но мы знаем, что он и сам уже заражен психикой интеллигента: примеры у нас налицо.

Вообще, говоря о «новом человеке», мы должны знать, что говорим о человеке, который, в силу необходимости, думает по-новому, а в силу социальной преемственности — чувствует по-старому, действия же наши руководствуются в большей мере чувством, чем разумом.

Мы видим, что Б[азаров] относится к простым людям небрежно — почему это? Не есть ли эта небрежность нечто унаследованное им из недр прошлого? Прочитайте всю повесть и вы увидите, что это именно так.

Далее:

27

— Нет, — говорил он на следующий день Аркадию, — уеду отсюда завтра. Скучно, работать хочется, а здесь нельзя. Отправлюсь опять к вам в деревню; я же там все свои препараты оставил. У вас по крайней мере запереться можно. А здесь отец мне все твердит: «Мой кабинет к твоим услугам, никто тебе мешать не будет», а сам от меня ни на шаг. Да и совестно как-то от него запираться. Ну, и мать тоже. Я слышу, как она вздыхает за стеной, а выйдешь к ней — и сказать ей нечего.

— Очень она огорчится, — промолвил Аркадий, — да и он тоже.

— Я к ним еще вернусь.

— Когда?

— Да вот как в Петербург поеду.

— Мне твою мать особенно жалко.

— Что так? Ягодами, что ли, она тебе угодила?

Аркадий опустил глаза. *

Я не понимаю, почему человек доживает до такого странного состояния, когда ему вдруг оказывается «нечего сказать» отцу и матери. Я не могу думать, что это «нечего сказать» является результатом внутреннего богатства, а не признаком духовной бедности.

Если я умнее, образованнее, что ли, моего отца, я, конечно, найду, что сказать ему. Он со мной не согласится? Может быть. Но ведь я же верю в силу моего знания, верю, что мой опыт организован правильнее, чем опыт другого человека, хотя бы отца в данном случае? Стало быть разговор между нами возможен. Конечно, если я скажу отцу, что я умница, а он дурак, ну, тогда на этом мы и покончим беседу. Но зачем же я буду называть его дураком, если мне известно, что он по непреложным законам истории и социологии должен смотреть на вещи несколько иначе, чем я.

Старик Б[азаров] лечит крестьян — вот образованный сын и научил бы его, от нечего делать, кое-чему, что помогло бы старику лечить мужиков с большим успехом и энергией. Но молодой Базар[ов] не верит в медицину, как говорит Тург[енев], и совершенно неправильно говорит, ибо лучшие наши теоретики и практики медицины и физиологии — Пирогов, Боткин, Сеченов и другие были товарищи Баз[арова] по времени жизни.

Баз[аров]у нечего было сказать отцу и матери потому, что Тур[генев] изобразил его дикарем — или — что еще хуже — нигилистом, а Пис[арев] по молодости лет, потому, что сам был нигилист, а главным образом в целях построения идеологии пролетария-интеллигента*, не усмотрев западни, поставленной Тур[геневым], попал в нее обеими ногами и торжественно расписался.

Люди типа Базарова мне нравятся, это настоящие люди: они дикари, эгоисты, ни во что не верят и думают только о себе.

Пойдем дальше, чтоб нас не обвинили в неправильном выводе:

Тур[генев] 221—Пис[арев] 35

— Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта, — перебил Базаров.

. . . . . .

— ... Вы, стало быть, искусства не признаете?..

— Искусство наживать деньги, или нет более геморроя! — воскликнул Базаров с презрительной усмешкой.

— Так-с, так-с. Вот как вы изволите шутить. Это вы все, стало быть, отвергаете? Положим. Значит, вы верите в одну науку?

— Я уже доложил вам, что ни во что не верю; и что такое наука — наука вообще? Есть науки, как есть ремесла, звания; а наука вообще не существует вовсе. *

. . . . . .

— Молодые люди, подобные Берсеневу, входят в храм науки и прежде всего попадают в преддверие, из которого расходятся в две противоположные стороны — в два коридора. Пойдешь налево — тебе покажут тысячи палисандровых дощечек и атласных лоскутков, которые тебе придется жевать для утоления умственного голода. А пойдешь направо — тебя накормят, оденут, обуют, обмоют и покажут, кроме того, как кормить, одевать, обувать и обмывать других людей. В левом, атласно-палисандровом отделении храма наук господствуют: историография Маколея и его бесчисленных, даровитых и бездарных последователей, политическая экономия не менее бесчисленных учеников Мальтуса и Рикардо и сверх того пестрейшая

толпа различных «прав»: римское, гражданское, государственное, уголовное и множество других. И все атласно-палисандровые подобия наук тщательно приведены, посредством усечений и пришиваний, в строгую гармонию как между собою, так в особенности и с общими современными требованиями. В правом отделении, напротив того, помещается изучение природы.

Если бы молодым людям, вступающим в храм науки, ставили вопрос о двух коридорах так откровенно, как он поставлен здесь, то, разумеется, кому же была охота итти налево и жевать атлас? Но к несчастью, к большому несчастью для молодых людей и для всего человечества — все левое отделение битком набито сладкогласными сиренами, вроде Маколея и Грановского, которые только тем и занимаются, что очаровывают и завлекают своим мелодическим пением неопытных посетителей великого храма. В правом отделении совсем нет сирен: во-первых, потому, что там вообще до сих пор мало обитателей, а во-вторых, и потому, что наличным обитателям решительно некогда заниматься песнопениями: один добывает какую-нибудь кислоту, другой анатомирует пузырчатую глисту, третий исследует химические свойства гуано, четвертый возится с коренным зубом какого-нибудь Elephas meridionalis, пятый прилаживает отрезанную лапку лягушки к гальванической батарее, шестой анализирует мочу помешанных людей, и так далее, и так далее, все в том же прозаическом направлении. Ну, скажите, бога ради, такие ли это занятия, чтобы можно было запеть по поводу их мелодическую серенаду, способную очаровать и привлечь молодых посетителей, только что поступивших в храм науки и не умеющих ясно отличать область чистой фантазии от области строгого знания? *

. . . . . .

Здесь рассуждают два дикаря, один, в очаровании самим собою, впадая в метафизику нигилизма, совершенно отрицает науку, как орудие познавания, как начало, способное организовать и объективировать весь опыт мира, дать нам временный итог наших знаний, синтез их; другой отрицает в науке этот же элемент творчества, забывая о ее праве и долге создавать гипотезы, строить теории, исключает из нее элемент фантазии и любви, делает науку трудом, ремеслом, а занятия ею низводит к какой-то сухой и глупой канцелярщине.

Надо заметить, что, будучи по организации своей, по характеру всех свойств психики, дилетантом, человеком верхушек и пенкоснимателем, интеллигент наш чрезвычайно способен и к другой крайности — узкому сухому специализму. У нас

по всяком углу сидит маленький, уродливый специалистик по всем отраслям знаний и деятельностей, но мы от этого ни мало ни выигрываем, ибо каждый из этих людей — враг активного и неустанного развития; он — консерватор по существу — относится к своим знаниям, как хозяин к своей собственности и единственно о чем заботится, — это чтобы охранить маленькое имущество свое от порчи.

Отношение Б[азарова] к женщине не вполне похвально, как мы говорили. Писарев по этому вопросу говорит следующее:

49. Пис[арев]

... Увидавши Одинцову на бале у губернатора, Базаров прежде всего обращает внимание на ее наружность. «Кто бы она ни была, — говорит он Аркадию, — просто ли губернская львица, или «эманципе», вроде Кукшиной, только у ней такие плечи, каких я не видывал давно». — Аркадия покоробило от цинизма Базарова. . . . . .

Уж на том свет стоит, что молодые люди нравятся друг другу, и что любовь начинается преимущественно с того приятного впечатления, которое производит привлекательная наружность. Когда человек почувствовал это приятное впечатление, то почему же его не высказать третьему лицу, которому это сообщение нисколько не может быть оскорбительно?

Да, — конечно, скажет мой изящный читатель, — но к а к высказать? О, я знаю; что в этом к а к и заключается настоящая загвоздка. Молодому человеку позволяется говорить о красоте женщины, даже о ее бюсте, даже о ее роскошных формах, но при этом он, во-первых, должен выражаться отборными словами, специально обреченными для подобных живописаний, а во-вторых, — он должен во время такого разговора млеть и благоговеть, прищуривать глаза и изображать на своих губах блаженную улыбку небесного созерцания. Тогда никому в голову не придет произнести слово «цинизм»; тогда скажут, напротив того, что молодой человек — художник, способный увлекаться высшими идеалами, и что он в конечной форме усматривает бесконечную идею прекрасного.

Но так как Базаров говорит спокойно и называет плечи — плечами, а не формами, и о бесконечной идее прекрасного не заикается, то сейчас на сцену является «цинизм» и начинает коробить благонравного Аркадия, который, однако, способен, подобно большей части юных птенцов, выслушивать с величайшим наслаждением самые нескромные описания, если только эти описания производятся по всем правилам эстетики. Куда ни кинь, везде на эстетику наткнешься. Любопытно заметить, что сам Добролюбов с этой

стороны заплатил дань эстетике. Защищая какой-то характер, кажется, характер Катерины, он говорит, что его могут извратить и опошлить в своем понимании только те грязные люди, которые все марают своим прикосновением, которые на какую-нибудь Венеру Милосскую смотрят с приапической улыбкой и с низкими чувственными помышлениями. Я совершенно согласен с Добролюбовым, что скалить зубы перед мраморной статуей — занятие очень глупое, бесплодное и неблагородное; но, наперекор всем художникам и эстетикам в мире, я осмелюсь утверждать, что все экстазы самых просвещенных и рафинированных поклонников древней скульптуры в сущности ничем не отличаются от приапических улыбок и чувственных поползновений. *

Из этих строк можно вывести только одно: мыслящий человек баз[аровского] типа не может смотреть на женщину, не думая о красоте ее плеч и т. д.

Рассуждение грубое, варварское и — я сказал бы — циничное.

Вообще как мыслитель Писарев прежде всего человек некультурный и производит отвратительное впечатление скоропалительностью своих выводов. Вот, напр[имер], его рассуждения об эстетике:

68—7

В том-то и состоит пошлость всяких эстетических приговоров, что они произносятся не вследствие размышления, а по вдохновению, по внушению того, что называется голосом инстинкта, или чувства...

. . . . . .

.. Наш организм имеет свои бесспорные права и предъявляет их, и не терпит их нарушения. Но скажите пожалуйста, какие права своего организма заявляла, например, французская публика времени Вольтера, когда она систематически освистывала всякую трагедию, в которой не было un amoureux et une amoureuse? Или какие права организма выражались в том, что нашим уездным барышням тридцатых и сороковых годов нравились почти исключительно блестящие мундиры и разочарованные герои?.. *

Невежество отчаянное и постыдное.

«Права организма» уездных барышень — прямо стыдно читать: и для слепого ясно, что уездные барышни в 30-х гг. должны были увлекаться именно офицерами, ибо в 25 году этих офицеров вешали и ссылали на каторгу, ибо эти офицера — их братья — явились в ту пору носителями яркой, активной, романтической идеи освобождения человека.

Вообще характернейшая особенность Пис[арева] — руководителя известной части интеллигенции — полное незнакомство его с условиями страны и эпохи.

Он принял всерьез насмешливо написанный Тургеневым портрет нового человека, расписал этот портрет своей рукой, окарикатурил его еще больше и возгласил на всю Русь — вот мы какие новые люди, нигилисты!

Его две наиболее громкие статьи «Реал[исты]» и «Мыс[лящий] пролет[ариат]» — произвели на русское о[бщест]во той поры резко отрицательное впечатление: в литературе, все, начиная со Щедрина и кончая Писемским, Лесковым, начали поход против нигилистов, причем, конечно, оплеухи доставались больше невинным, чем виновным, и хуже всего то, что писаревщина, развернувшаяся столь ярко, так угрожающе анархически, должна была вызвать, как реакцию против себя, другую крайность и, конечно, вызвала ее в лице русского консерватора.

Послушаем Герцена, наиболее ясно понявшего весь вред нигилизма:

416

Верно ли понял Писарев Тургеневского Базарова, до этого мне дела нет. Важно то, что он в Базарове узнал *себя* и *своих* и добавил, чего не доставало в книге. Чем Писарев меньше держался колодок, в которые разгневанный родитель старался вколотить упрямого сына, тем свободнее перенес на него свой идеал...

. . . . . .

Базаров для Тургенева больше, чем посторонний, для Писарева больше, чем свой; для изучения, конечно, надобно взять тот взгляд, который в Базарове видит свой desideratum.

. . . . . .

Онегины и Печорины прошли.

Рудины и Бельтовы проходят.

Базаровы пройдут... и даже очень скоро. Это слишком натянутый, школьный, взвинченный тип, чтоб ему долго удержаться.

На его смену напрашивался уже тип, в весне дней своих сгнивший, тип православного студента, *консерватора и казеннокоштного патриота*, в котором отрыгнулось все гнусное императорской Руси... *

Говоря все это, Герцен не мог сказать одного, самого главного, чего он еще не видел и не мог видеть, а именно: среди нигилистов Базаровых родились и росли мещане Молотовы, люди, которые сами себя характеризуют так:

«... Но я — не гений, не титан, даже не сильный талант. Я не могу и никогда не мог сказать людям такое слово, которое заставило бы их глубоко задуматься или очнуться от глубокого сна. Я просто не глупый и вследствие этого не подлый человек. И прошу я вас, молодые деятели, только об одном: поставьте меня в вашем мнении не выше и не ниже того извозчика, который возит шалопаев, но, несмотря на то, обращается совершенно честно и с хозяином, и с седоками, и с лошадью. Героем я себя не считаю, на пьедестал не лезу, но уважением умных и честных людей дорожу».

И, действительно, никакие молодые деятели будущего времени, никакие титаны в мире не имеют возможности смотреть с презрением на того обыкновенного человека, который, подобно Молотову, скромно сознавая свою обыкновенность и понимая невозможность переделать обстоятельства обыкновенными и изолированными силами, сосредоточил все свое внимание на той простой задаче, чтобы совершенно честно прокормить свою собственную личность. Если бы Штольц был бы возможен, то он был бы смешон и гадок. Ему надо было бы дать щелчок в нос, чтобы он слетел с пьедестала, на который его суконное рыло не дает ему ни малейшего права.

Молотов, напротив того, совершенно возможен и очень симпатичен своей светлой и тихой грустью... *

В этих словах о Молотове есть как бы противоречие с тем, что сказано Писаревым о Базарове, но противоречие это чисто внешнее; по существу психики, и активный, нападающий Базаров, и пассивно защищающий свою узко личную позицию — оба мещане, оба нигилисты,[1] как сам Писарев. Посмотрите, как он понимает Молотова и как дорог ему этот человек, обладающий, в сущности, одним только качеством — ловким уменьем применяться к среде, подчиняясь ей. Писарев не мог предвидеть, да и предвидя — умолчал бы, вероятно, о том, что когда Молотовы устроятся, они, нигилисты смирные, выступят против Базаровых — воинствующих нигилистов, что они переменят свою маску, как, например, Петр Струве, Булгаков, Бердяев и другие скромненькие нигилистики наших дней перевернули шкуры.

«Я не знаток русского быта» — говорил про себя Писарев, и он действительно не знал русский быт, как нечто трудно сложившееся годами истории; он не знал и гибкой русской психики, умеющей применяться ко всяким обстоятельствам, как бы гнусны они ни были. Вот как, напр[имер], Помяловский рисует положение Молотова у помещика Обросимова:

[1] оба индивидуал[исты]

... «Кто это произнес мое имя?» — подумал Егор Иваныч. Он подошел к беседке. Ясно слышался разговор между Обросимовым и его женою.

— Это клад достался нам, — говорил Аркадий Иваныч.

— Признаться, я не совсем понимаю его, — ответила жена.

— Что же?

— Что ни заставь, все сделает...

— Это умнейший молодой человек, — ответил муж, — я все думаю, как бы приурочить его к нашему гнезду. Я бы и за жалованьем не постоял, но сама ты знаешь, какие у меня теперь расходы.

— Ах, душенька, поверь, он сам рад, что попал в нашу семью... сколько раз он об этом говорил! Этим людям кусок хлеба дай, и они что хочешь будут делать.

— Что делать!.. бедность! — сказал со вздохом Аркадий Иваныч.

Аркадий Иваныч остался верен себе: он всегда и всех защищал и оправдывал.

— Нет, не то, — сказала жена: — ты согласись, что у них нет этого дворянского гонору... манер нет...

— Что ж делать, мать моя! порода много значит.

— Они, я говорю, образованный народ, — продолжала жена: — но все-таки народ чернорабочий, и все как будто подачки ждут...

— Что же? можно сделать ему подарок какой-нибудь. Он стоит того.

— Я думаю, часы подарить...

— Это привяжет его... А что ни говори, жена, — эти плебеи, так или иначе пробивающие себе дорогу, вот сколько я ни встречал их, удивительно дельный и умный народ... Семинаристы, мещане, весь этот мелкий люд — всегда способные, ловкие господа.

— Ах, душенька, все голодные люди умные... Ты дворянин, тебе не нужно было правдой и неправдой насущный хлеб добывать; а этот народец из всего должен выжимать копейку. И посмотри, как он ест много. Нам, разумеется, не жаль этого добра; но... постоянный его аппетит обнаруживает в нем плебея, человека, воспитанного в черном теле и не видавшего порядочного блюда... Не худо бы подарить ему, душенька, голландского полотна, а то, представь себе, по будням манишки носит — ведь неприлично!..

. . . . . .

Егор Иваныч слово в слово припомнил разговор помещика, и в тот день перекреститься еще не успел, а уже ругался. Он почувствовал в себе присутствие дурных ин-

стинктов, которые теперь проснулись в нем: в нем злость заходила, драться ему хотелось. Потом в каждой черте его лица, в складке губ, в глазах, повороте головы выразилось глубокое, беспощадное презренье. В грубые и крупные слова одевалась мысль его. — «Белая порода!.. чем же мы, люди черной породы, хуже вас? Мы мещане, плебеи, дворянского гонору у нас нет? У нас свой есть гонор!»... *

. . . . . .

Да, трудно зарабатывать в нашем обществе хлеб своими руками. Лишь откроется место учителя, корреспондента, управляющего домом, секретаря и т. п., — сейчас являются сотни претендентов. Мне казалось, да и теперь часто думается, что в самом честном-то труде много нечестного. Отчего мне работу, а не другим? Ведь и они есть хотят? Сделают то же, что и я. Права одинаковы на работу. Почему же мне ее дали?.. Мы постоянно поедаем друг друга... Но что ж делать? Они есть хотят, и я хочу; они имеют право на работу, и я тоже; они сделают хорошо дело, и я хорошо; я не прав, что отбиваю работу у них, и они неправы, что отбивают ее у меня. Много ли людей, которые работают не потому только, что есть хотят? Чего фальшивить и становиться на ходули? Деньги всем нужны. Были когда-то побуждения иные, высшие, а теперь приобретать хочется, копить, запасать и потреблять. Не поэтично, но честно и сытно. Честная чичиковщина настала, и вот, сознаю, что я тоже приобретатель...

. . . . . .

... Много было потрачено сил душевных, терпенья и выжиданья, прежде нежели я освоился, огляделся, приобрел ловкость, такт и изворотливость, приобрел связи и рекомендацию и, наконец, остановился. Я теперь вполне обеспечен, потому что, при даровой квартире и дровах за управление домом, могу проживать до полуторы тысячи рублей, сыт всегда достаточно, одет прилично, помещен в тепле. Я люблю свою квартиру .. Ты увидишь в ней, Надя, что-то семейное, домовитость, порядок и приют. На стенах картины и канделябры, на окнах пальма, золотое дерево, фига, лимон, кактус и плющ, на столах вазы, на полу ковер, перед камином дорогой резьбы ореховое кресло. Я много положил забот, чтобы устроить свой кабинет изящно. В нем мы будем проводить время, читать, работать. Много ты у меня найдешь серебра, фарфора, мрамора и дорогих бобров. Я постоянно приобретал себе вещи, и каждая из них куплена обдуманно, с размышлением, по личному вкусу: вещь прочная и изящная. Я долго собирал книги, собирая их понемногу, и составилась библиотека всех моих любимых авторов. У меня есть отличный микроскоп, зрительные трубы и другие физические инструменты. Поло-

женное число раз я бываю в русском театре и в итальянской опере, абонируюсь в библиотеке и читаю все лучшее. Я понемногу свивал свое холостое гнездо и десять лет копил усидчиво собственность. В шкатулке собственной работы у меня заперто более пятнадцати тысяч. Вот таким-то образом я одел себя, обул, поместил в тепло, среди красивой обстановки, добыл себе изящную в возможных размерах жизнь, и не стоит теперь передо мной каждый день, каждый час мучительный, неотразимый, иссушающий мозги вопрос: «хлеба, денег, тепла, отдыха!..»

. . . . . .

... Но душа спала, и когда просыпалась, я ощущал страшную скуку и тоску. «Экое дело, думалось мне, что я честен, не пью водки и в квартире у меня хорошо!.. Что в том толку?.. И не глуп я, и силен, и работать люблю, но куда пошли мои силы?.. На брюхо свое, на добывание насущного хлеба!.. Благонравная чичиковщина!.. скучно!.. благочестивое приобретение, домостроительство, стяжание и хозяйственные скопы!..»

. . . . . .

...Мы ломать любим, либо делаемся отъявленными подлецами, либо благодушествуем, как я благодушествую. С тупым изумлением смотрим мы на людей, потому что они не похожи на нас. Положение нелепое — торчать от всех особняком; пальцами начнут указывать, на смех поднимут, возненавидят. Поневоле пришлось съежиться, обособиться притвориться, что и ты такой же человек, как все, а дома устроить себе и моральную и материальную жизнь по-своему, завести своих пенатов, своих поэтов, общество и друзей. Что же делать, не всем быть героями, знаменитостями, спасителями отечества...

. . . . . .

Тут и конец мещанскому счастью. Эх, господа, что-то скучно!.. *

Да, скучновато. И — очень печально. Только что выскочили на сцену новые, свежие люди, накричали, нашумели, отвергли всю историю своей страны, искусство, поэзию, эстетику — все! порекомендовали заняться одним — популяризацией науки, другим — читать научные книжки — и в десяток лет бросив все это — поступили на государственную службу, пошли в адвокаты, в чиновники, в правительство — в болото, собственно говоря.

И не зря говорил Щедрин, что каждый нигилист есть в существе своем — будущий титулярный советник и кавалер святые Анны — самой низкой степени.

Противный кавалер!

[ДОСТОЕВСКИЙ. — ПИСАРЕВ И НИГИЛИЗМ. — ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ОБЩЕСТВЕННАЯ БОРЬБА В 70-Е ГОДЫ. — ГЛЕБ УСПЕНСКИЙ.]

Один из героев Д[остоевского] ставит такой вопрос:

— О чем может говорить порядочный человек с наибольшим удовольствием?

И отвечает: о себе.

Он же, этот герой, рекомендует себя читателю так:

Начало

Я человек больной... Я злой человек. Непривлекательный я человек. Я думаю, что у меня болит печень. Впрочем, я ни шиша не смыслю в моей болезни и не знаю, наверно, что у меня болит. Я не лечусь и никогда не лечился, хотя медицину и докторов уважаю. К тому же я еще и суеверен до крайности, ну хоть настолько, чтоб уважать медицину. (Я достаточно образован, чтоб не быть суеверным, но я суеверен.) Нет-с, я не хочу лечиться со злости. Вот вы этого, наверно, не изволите понимать. Ну-с, а я понимаю. Я, разумеется, не сумею вам объяснить, кому именно я насолю в этом случае моей злостью; я отлично хорошо знаю, что и докторам я никак не смогу «нагадить» тем, что у них не лечусь; я лучше всякого знаю, что всем этим я единственно только себе повредю, и никому больше. Но все-таки, если я не лечусь, так это со злости... *

Но через несколько строк продолжает:

73

...Я не только злым, но даже и ничем не сумел сделаться, ни злым, ни добрым, ни подлецом, ни честным, ни героем, ни насекомым. Теперь же доживаю в своем углу, дразня себя злобным и ни к чему не служащим утешением, что умный человек и не может серьезно чем-нибудь сделаться, а делается чем-нибудь только дурак. Да-с, человек девят-

надцатого столетия должен и нравственно обязан быть существом по преимуществу бесхарактерным; человек же с характером, деятель, — существом по преимуществу ограниченным Это сорокалетнее мое убеждение. Мне теперь сорок лет, а ведь сорок лет — это вся жизнь; ведь это самая глубокая старость. Дольше сорока лет жить неприлично, пошло, безнравственно. Кто живет дольше сорока лет? — отвечайте искренно, честно. Я вам скажу, кто живет: дураки и негодяи живут. Я всем старцам это в глаза скажу, всем этим почтенным старцам, всем этим серебровласым и благоухающим старцам! Всему свету в глаза скажу! Я имею право так говорить, потому что сам до шестидесяти лет доживу. До семидесяти лет проживу! До восьмидесяти лет проживу!.. Постойте! Дайте дух перевести!.. *

Откуда эта истерика, этот дикий взрыв визгливой и бессильной злобы?

Из чувства обиды за себя, за личность, коя, будучи волею истории выдвинута в первые ряды жизни, видит себя, по существу своему, бессильной пред вопросами, требующими разрешения и обижена своим бессилием, оскорблена слабостью своего сознания, оскорблена так, что вместо естественного желания расширить и углубить сознание это — впадает в отчаяние и отрицает его.

75—8

... Но все-таки я крепко убежден, что не только очень много сознания, но даже и всякое сознание — болезнь .. ... отчего так бывало, что, как нарочно, в те самые, да, в те же самые минуты, в которые я наиболее способен был сознавать все тонкости «всего прекрасного и высокого», как говорили у нас когда-то, мне случалось уже не сознавать, а делать такие неприглядные деянья, такие, которые... ну да, одним словом, которые хоть и все, пожалуй, делают, но которые, как нарочно, приходились у меня именно тогда, когда я наиболее сознавал, что их совсем бы не надо делать? . . . . . .

... Я стыдился (даже, может быть, и теперь стыжусь); до того доходил, что ощущал какое-то тайное, непормальное, подленькое наслажденьице возвращаться, бывало, в иную гадчайшую петербургскую ночь к себе в угол и усиленно сознавать, что вот и сегодня сделал опять гадость, что сделанного опять-таки никак не воротишь, и внутренно, тайно, грызть, грызть себя за это зубами, пилить и сосать себя до того, что горечь обращалась, наконец, в какую-то позорную, проклятую сладость и, наконец, — в решительное, серьезное наслаждение! Да, в наслаждение, в наслаждение! Я стою на том. Я потому и заговорил, что мне

все хочется наверно узнать: бывают ли и у других такие наслаждения? Я вам объясню: наслаждение было тут именно от слишком яркого сознания своего унижения . . . .
. . . . . .
... И я тем более убежден в этом, так сказать, подозрении, что если, например, взять антитез нормального человека, то есть человека усиленно сознающего, вышедшего, конечно, не из лона природы, а из реторты (это уже почти мистицизм, господа, но я подозреваю и это), то этот ретортный человек до того иногда пасует перед своим антитезом, что сам себя, со всем своим усиленным сознанием, добросовестно считает за мышь, а не за человека. Пусть это и усиленно сознающая мышь, но все-таки мышь, а тут человек, а следственно, и проч. И, главное, он сам, сам ведь считает себя за мышь; его об этом никто не просит; а это важный пункт. Взглянем же теперь на эту мышь в действии. Положим, например, она тоже обижена (а она почти всегда бывает обижена) и тоже желает отомстить. Злости-то в ней, может, еще и больше накопится, чем в l'homme de la nature et de la vérité. Гадкое, низкое желаньице воздать обидчику тем же злом, может, еще и гаже скребется в ней, чем в l'homme de la nature et de la vérité, потому что l'homme de la nature et de la vérité, по своей врожденной глупости, считает свое мщенье просто-напросто справедливостью; а мышь, вследствие усиленного сознания, отрицает тут справедливость. Доходит, наконец, до самого дела, до самого акта отмщения. Несчастная мышь, кроме одной первоначальной гадости, успела уже нагородить кругом себя, в виде вопросов и сомнений, столько других гадостей, к одному вопросу подвела столько неразрешенных вопросов, что поневоле кругом ее набирается какая-то роковая бурда, какая-то вонючая грязь, состоящая из ее сомнений, волнений и, наконец, из плевков, сыплющихся на нее от непосредственных деятелей, предстоящих торжественно кругом в виде судей и диктаторов и хохочущих над нею во всю здоровую глотку. Разумеется, ей остается махнуть на все своей лапкой и с улыбкой напускного презренья, которому и сама она не верит, постыдно проскользнуть в свою щелочку... *

Эти болезненные идеи — вернее ощущения, чем идеи — составляют главное содержание произведений Достоевского. Он любит копаться в сфере бессознательного, неясного и запутанного и хотя, по преимуществу, разрыхляет т[ак] с[казать] верхний слой бессознательного — те социальные наслоения, ту пыль и сор, которые прикрывают наши здоровые инстинкты и отчасти разрушают их, как ржа железо.

Он чувствует себя как бы глашатаем некиих темных и враждеб-

ных человеку сил, он постоянно указывает на разрушительные стремления человека, который ищет, главным образом, полной личной свободы, требует, чтоб за ним было признано право всем пользоваться, всем наслаждаться, не подчиняясь ничему.

Это был бы анархизм, но Д[остоевский] — человек, при всей своей дерзости боязливый, он верует в бытие божие и, отрицая все, то-и-дело справляется где-то — так ли? верно ли? Чего он ищет в конце концов? А вот чего:

85—6—7—8—9—90

... О скажите, кто это первый объявил, кто первый провозгласил, что человек потому только делает пакости, что не знает настоящих своих интересов; а что, если б его просветить, открыть ему глаза на его настоящие, нормальные интересы, то человек тотчас же перестал бы делать пакости, тотчас же стал бы добрым и благородным, потому что, будучи просвещенным и понимая настоящие свои выгоды, именно увидел бы в добре собственную свою выгоду, а известно, что ни один человек не может действовать, зазнамо против собственных своих выгод, следственно, так сказать, по необходимости стал бы делать добро? О, младенец! О, чистое, невинное дитя! . . . . . .
... Выгода! Что такое выгода? Да и берете ли вы на себя совершенно точно определить, в чем именно человеческая выгода состоит? А что, если так случится, что человеческая выгода, и н о й р а з, не только может, но даже и должна именно в том состоять, чтоб в ином случае себе худого пожелать, а не выгодного? А если так, если только может быть этот случай, то все правило прахом пошло . . . . . .
... все эти прекрасные системы, все эти теории разъяснения человечеству настоящих, нормальных его интересов с тем, чтоб оно, необходимо стремясь достигнуть этих интересов, стало бы тотчас же добрым и благородным, — покамест, по моему мнению, одна логистика! . . . . . .
... Ведь я, например, нисколько не удивлюсь, если вдруг ни с того, ни с сего, среди всеобщего будущего благоразумия возникнет какой-нибудь джентльмен с неблагородной или лучше сказать, с ретроградной и насмешливой физиономией, упрет руки в боки и скажет нам всем: а, что, господа, не столкнуть ли нам все это благоразумие с одного разу, ногой, прахом, единственно с той целью, чтоб все эти логарифмы отправились к чорту и чтоб нам опять по своей глупой воле пожить! . . . . . .
... Свое собственное, вольное и свободное хотенье, свой собственный, хотя бы самый дикий каприз, своя фантазия, раздраженная иногда хоть бы даже до сумасшествия —

вот это-то все и есть та самая, пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни под какую классификацию не подходит и от которой все системы и теории постоянно разлетаются к чорту. И с чего это взяли все эти мудрецы, что человеку надо какого-то нормального, какого-то добродетельного хотенья? С чего это непременно вообразили они, что человеку надо непременно благоразумно-выгодного хотенья? Человеку надо — одного только самостоятельного хотенья, чего бы эта самостоятельность ни стоила и к чему бы ни привела. Ну, и хотенье ведь чорт знает... *

Здесь, я говорю, сконцентрированы все основные мотивы творчества Д[остоевского] — творчества мучительнейшего и — я сказал бы — бесплодного,[1] ибо оно ничего не уясняет, не увеличивает в жизни положительное, а, подчеркивая в ней лишь отрицательные стороны,[2] закрепляет их в памяти человека, всегда рисует его беспомощным в хаосе темных сил и может привести его к пессимизму, мистицизму [3] и т. д.

Сам Д[остоевский] объясняет подобного рода направление ума и чувства так:

81

... Я вас прошу, господа, прислушайтесь когда-нибудь к стонам образованного человека девятнадцатого столетия, страдающего зубами, этак на второй, или на третий день болезни, когда он начинает уже не так стонать, как в первый день стонал, то есть не просто оттого, что зубы болят; не так, как какой-нибудь грубый мужик, а так, как человек, тронутый развитием и европейской цивилизацией, стонет, как человек, «отрешившийся от почвы и народных начал», как теперь выражаются. Стоны его становятся какие-то скверные, пакостно-злые и продолжаются по целым дням и ночам. И ведь знает сам, что никакой себе пользы не принесет стонами: лучше всех знает, что он только напрасно себя и других надрывает и раздражает; знает, что даже и публика, перед которой он старается, и все семейство его уже прислушались к нему с омерзением, не верят ему ни на грош, и понимают про себя, что он мог бы иначе, проще стонать, без рулад и без вывертов, а что он только так со злости, с ехидства балуется. Ну, так вот в этих-то всех сознаниях и позорах и заключается сладострастие. «Дескать, я вас беспокою, сердце вам надрываю, всем в доме

---

[1] и даже — вредного

[2] фиксирует

[3] вообще к пассивному отношению

спать не даю. Так вот не спите же, чувствуйте же и вы каждую минуту, что у меня зубы болят...» *

Очень вероятно, что Д[остоевский] субъективно прав; он не однажды говорил о том, что и сам он и все вообще люди имеют способность наслаждаться мучениями других и любят мучить друг друга: за такое мнение говорит целый ряд фактов, всем нам известных, напр[имер], особенные формы избиения конокрадов и обозных воров, которым обыкновенно вгоняют палку во внутренности, через задний проход, частые случаи насилия над [1] малолетними, жестокость, с которой бьют детей, и т. д.

Но надо помнить, что рядом со всеми этими ужасами в простом народе наблюдаются и черты мягкости, добродушия, сострадания, что, вероятно, и тут — как во многом — мы имеем дело с наследием татар и крепостного права.

Разумеется, что скверное наследство не оправдывает наследника — зачем принимал? — но оно объясняет все эти дикие и позорные жестокости.

Вспомните ту же Салтычиху, генер[ала] Изм[айлова], помещика Кашкарова и всех этих людей, которые прижигали крепостных каленым жел[езом], вырывали у женщин груди, и пороли, пороли, пороли.

Должен был явиться человек, который воплотил бы в своей душе память о всех этих муках людских и отразил эту страшную память — этот человек Дос[тоевский].

Он тем более должен был остановиться на этой позорной и обидной стороне жизни, что был невероятно [2] нервозен и страдал припадками эпилепсии — болезнью, которая повышает впечатлительность.

Помимо этой субъективной причины, есть еще одна объективная: Д[остоевский] — разночинец, а вы помните, как презрительно относился к разночинцу всюду командовавший класс дворянства.

Прочитанные мною выдержки взяты из повести, которую Д[остоевский] [3] задумал еще в ту пору, когда он был членом кружка петрашевцев. Как вы знаете, в этом кружке говорилось о Фурье, Кабэ, о фаланстерах, о возможности освобождения всего человечества из плена капитализма.

— А, вы желаете хрустальных дворцов для человечества — а человеку что даете вы? — спрашивает Д[остоевский]. — А чем вы ему, единице, заплатите за страдания, изжитые и изживаемые им каждый день?

---

[1] женщинами

[2] чуток

[3] писал

Ведь это глупейшее, ведь этот свой каприз и в самом деле, господа, может быть всего выгоднее для нашего брата из всего, что есть на земле, особенно в иных случаях. А в частности может быть выгоднее всех выгод даже и в таком случае, если приносит нам явный вред и противоречит самым здравым заключениям нашего рассудка о выгодах, — потому что во всяком случае сохраняет нам самое главное и самое дорогое, то есть нашу личность и нашу индивидуальность...

. . . . . .

... Я верю в это, я отвечаю за это, потому что ведь все дело-то человеческое, кажется, и действительно в том только и состоит, чтоб человек поминутно доказывал себе, что он человек, а не штифтик! Хоть своими боками, да доказывал; хоть троглодитством, да доказывал. А после этого как не согрешить, не похвалить, что этого еще нет и что хотенье покамест еще чорт знает от чего зависит...

. . . . . .

... Извольте смеяться; я все насмешки приму и все-таки не скажу, что я сыт, когда я есть хочу, все-таки знаю, что я не успокоюсь на компромиссе, на беспрерывном периодическом нуле, потому только, что он существует по законам природы и существует *действительно*. Я не приму за венец желаний моих — капитальный дом, с квартирами для бедных жильцов по контракту на тысячу лет и, на всякий случай, с зубным врачом Вагенгеймом на вывеске...

. . . . . .

... Конец концов, господа: лучше ничего не делать. Лучше созерцательная инерция... *

Посмотрите, сколько точек соприкосновения с Тол[стым] — и полная автономия личного начала, и требование гармонии, и признание некоей надземной, сверхчеловеческой воли и даже, наконец, знаменитое неделание, брошен[ное] вскользь!

Главное же совпадение между двумя величайшими писателями России в том, что оба они являются проповедниками [1] такого взгляда:

— Жизнь человечества не может быть устроена гармонично силою разума; двигающим мотивом, главной посылкой в будущее является не рационализм, а мистицизм.

«Деятель — существо ограниченное», — говорит Достоевский, имея в виду, главным образом, строителей будущего, созидателей хрустального дворца; то же немного позднее скажет Т[олстой], эту мысль подчеркнет Гончаров, Писемский, Лесков — вся [2]

[1] идеи не устроимости челов...

[2] дворянская

наиболее талантливая литература выступит более или менее резко против «деятеля» и постарается изобразить его как можно хуже,[1] ограниченнее.

Что это значит? Защищала ли дворянская литература одну определенную точку зрения, имела ли она в виду некоторый общий ей интерес, чисто классовый?

Тургенев был, по преимуществу, лирик, он ясно видел, что дворянство разлагается, и во всех своих произведениях служил над ним панихиду.

Гончаров, отчасти идя по стопам Тургенева, тоже описывал дворян, печально помава главой и злобно, враждебно подчеркивая новый тип дворянина — дворянина-бюрократа.

Умный скептик Писемский всю жизнь издевался над дворянином, рисуя его карикатурно и грубо смеясь над ним.

Лесков хоронил дворянство со вздохом сожаления, Толстой резко отвернулся от него; никто из этой группы первейших рус[ских] писателей не является определенным защитником тенденций дворянства, как класса; все они пассивно смотрят на разложение этого класса и — вздыхают. Боевых людей нет среди них, а поскольку они иногда настраиваются воинственно — весь этот воинственный пыл направляется ими против дворянства же и никто из них не признал в Базарове, Рахметове, Волохове, Рязанове и Молотовых людей, которые способны заменить сошедшее со сцены дворянство, способных оценить то наследство, которое им оставлено передовым классом. В новом человеке, разночинце, который звал — насколько искренно звал — другой вопрос — к строению хрустального дворца, к социализму, в этом человеке видели прежде всего врага, который глуп, хотя и силен; видели в нем варвара, который, отрицая Пушкина и искусство, отрицает все единственно ценное, всю культуру страны.

А еще видели в нем человека, который не хочет или не может понять и оценить с достаточной точностью роль личности в истории своей страны.

Каждый из них ясно видел, что страна нуждается в личности как светоче разума, как в проводнике знаний, необходимых для организации пассивной массы; каждый из них понимал, как тонок слой интеллигенции над омутом, где кишат десятки миллионов полулюдей, полузверей; каждый чувствовал, как неустойчива эта новая интеллигенция в себе самой, как шатки, противоречивы ее программы, как они быстро сменяются одна другой, как мало нужно для того, чтобы только что объединившаяся на какой-либо платформе группа распалась, раскололась при первом же толчке извне.

Никто, кроме Герцена, не понимал, что веками накопленное презрение к человеческой личности, созданное рабством, необходимо должно было вызвать борьбу за индивидуальность, за

---

[1] а главное

свободу личности прежде всего. Но Гер[цен] смотрел на личность именно как на силу организующую, он не вырывал ее из социальной среды, все же иные идеологи или совершенно отрывали ее с почвы истории, или же приносили в жертву о[бщест]ву.

Писарев кричал:

Кори[илов] 123

> «Позвольте нам, юношам, — писал он в мае 1861 г. — говорить, писать и печатать; позвольте нам встряхивать своим самородным скептицизмом те залежавшиеся вещи, ту обветшалую рухлядь, которые вы называете общими авторитетами...»
>
> «Вот заключительное слово нашего юного лагеря, — писал он там же, — что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится; что разлетится вдребезги, то хлам; во всяком случае бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть...» *

Этот крик пугал Тургеневых, Толст[ых] и даже Д[остоевских], ибо все ясно видели, что за этим криком нет определенной программы об[ществен]ной деятельности, нет опреде[ленного] идеала обществ[енного] строя, во имя коего можно бы вступить в борьбу с самодержавием, одинаково для всех тягостным и всеми изжитым.

Мало того: Писарев к числу цепей, отягощавших человеческую личность, относил всякие общие принципы и идеалы, которым люди могли бы подчинить свое поведение. Он возводил в главнейший [1] мотив поведения — эгоизм и, как мы видели, старался показать, что люди просвещенные, мыслящие реалисты, будучи чужды всяких предрассудков и руководствуясь исключительно голым эгоизмом, всегда придут к общему благу.

Мы видели, как Д[остоевский] воспринял этот нигилизм и как отвратительно показал его нам в самом голом его виде.

Чернышевский, а затем Лавров, поняв опасность занятой Пис[аревым] позиции, всячески старались исправить ее, но — впечатление было произведено, и за Писарева все ухватились, как за самое слабое место в идеологических построениях разночинцев. Ухватиться было тем более легко, что Писар[ев], продолжая стоять на точке зрения разумного эгоизма, вступил в бой с Лавровым, резко оспаривая его расплывчатую философию социологии.

Кори[илов] 141—197—8

> ... Лавров, — писал он, — требует идеала и цели жизни вне ее процесса; я вижу в жизни только процесс и устраняю цель и идеал. Лавров останавливается пред аскетом

---

[1] принцип

с особенным уважением; я даю себе право пожалеть об аскете, как пожалел бы о слепом, о безруком или о сумасшедшем; Лавров видит в человечности какой-то сложный продукт разных нравственных специй и ингредиентов; я полагаю, что полнейшее проявление человечности возможно только в цельной личности, развившейся совершенно безыскусственно и самостоятельно, не сдавленной служением разным идеалам, не потратившей сил на борьбу с собой...* ... Миртов дал формулу, во имя которой эта борьба могла быть обоснована и предпринята; при том его формула вполне соответствовала тому общественному настроению, которое, образовавшись под влиянием крестьянской реформы, росло и развивалось с тех пор в захватывающих душу произведениях беллетристов-народников.

«Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении, воплощение в общественных формах истины и справедливости — вот краткая формула, обнимающая, по словам Миртова, все, что можно считать прогрессом».

. . . . . .

... Программа, изложенная Миртовым в «Исторических письмах», отнюдь не была программой специально революционной. Она давала огромный простор для выбора способов и путей для деятельности и борьбы; она могла поэтому удовлетворить широкие круги идейно настроенной молодежи. Под рубрики этой формулы удобно подводились и самые крайние революционные программы, и мирные программы народников-культуртрегеров, которые главным образом и объединялись в то время под знаменем «Недели». *

Но, давая широкий простор для всякой работы от чисто культурной до метания бомб, — эта программа, опубликованная в [18]68 г[оду] в «Неделе», уже не могла помирить [1] литераторов; взаимно озлобленные полемикой, они уже видели, что мириться для совместного боя против самодержавия культурное общество не хочет да и не может: акционерные предприятия, строение жел[езных] дор[ог] и весь размах капитала успели уже разъединить людей на группы с интересами прямо противоположными.

Естественное и прогрессивное явление — рост капитала в стране — вызвало у нас в 70-х годах нечто вроде умопомешательства, золотой лихорадки: все как-то сразу обезумели и бросились в наживу, эксплоатируя труд людей и богатства страны самым хищническим образом, самыми разорительными приемами.

Эту эпоху великолепно охарактеризовал Щедрин:

---

[1] культурное общество и

Хищничество — вот наследие, завещанное нам крепостным правом; вот стихия, которая движет нами, перед которою мы пресмыкаемся и раболепствуем, которую мы во всякую минуту готовы обожествить. Прежние пресловутые поговорки, вроде: «с сильным не борись», «куда Макар телят не гонял», «куда ворон костей не заносил», несмотря на их ясность и знаменательность, представляют лишь слабые образчики той чудовищной терминологии, которую выработало современное хищничество. Эта терминология — вся сплошь какое-то дикое, озлобленное цырканье, в котором нельзя отличить ни одного членораздельного звука, но которое и во сне заставляет нас цепенеть... А еще говорят: нет крепостного права! Нет, оно есть; но имя ему: хищничество. Это единственная сила, притягивающая к себе современного человека, это единственное понятие, насчет которого не существует разногласия.

Везде, где мы замечаем хищничество, мы встречаем его уже организовавшимся, представляющим нечто солидное, способное и нападать, и защищаться...

. . . . . .

«Хищник» — вот истинный представитель нашего времени, вот высшее выражение типа нового ветхого человека. «Хищник» проникает всюду, захватывает все места, захватывает все куски, интригует, сгорает завистью, подставляет ногу, стремится, спотыкается, встает и опять стремится... *

В деле разграбления Рос[сии] принимали участие и Молотовы— предст[авители] новой интеллигенции.

Этот вопль умнейшего человека 70-х — 80-х годов почти сливается страстностью своей с истерическим визгом Д[остоевского].

Два человека резко противоположных взглядов — один славянофил, другой — западник, оба волками воют, видя вокруг себя вихрь хищничества, зверства и одичания, видя, что все это— поскольку оно звериное — поощряется правительством, а поскольку человечье — преследуется им.

Людей делает страна и эпоха — это выражение наиболее приложимо к нашей стране и нашей истории.

Как бы ни казались разнородны и разнолицы такие люди как граф Толстой, сын лекаря Достоевский, губернатор Салтыков и сын священника Глеб Успенский * — эпоха наложила на всех их свой отпечаток крайней спутанности мнений и торопливости выводов, отпечаток нервозной крикливости и тоскливого отчаяния.

Каждому из них прежде всего приходилось «опустошать душу от личной биографии» — т. е. от воспоминаний о том прошлом, которое так или иначе соприкасалось с развращающим

влиянием рабства, рабства, построившего между мужиком и барином темную, неодолимую преграду.

Наиболее цельной, наименее надорванною душой оказался колоссальный человек Л. Толстой, а остальные — волей неволей — принуждены были опустошаться и наполняться новыми впечатлениями бытия.

Вот как рассказывает об этом сам Г[леб] Успенский:

IX

Вся моя личная жизнь, вся обстановка моей личной жизни лет до 20-ти обрекала меня на полное затмение ума, полную погибель, глубочайшую дикость понятий, неразвитость и вообще отдаляла от жизни белого света на неизмеримое расстояние. Я помню, что я плакал беспрестанно, но не знал, отчего это происходит. Не помню, чтобы до 20 лет сердце у меня было когда-нибудь на месте. Вот почему, когда «настал 61 год», взять с собою «в дальнюю дорогу» что-нибудь вперед из моего личного прошлого было решительно невозможно — ровно ничего, ни капельки; напротив, для того, чтобы жить хоть как-нибудь, надобно было непременно до последней капли забыть все это прошлое, истребить в себе внедренные им качества. Нужно было еще перетерпеть все то разорение невольной неправды, среди которой пришлось жить мне годы детские и юношеские, надо было потратить годы на эти непрестанные похороны людей, среди которых я вырос, которые исчезли со света безропотно, как погибающие среди моря, зная, что никто не может им помочь и спасти, что — «не те времена». Самая безропотность погибавших людей, явное сознание, что все, что в них есть и чем они жили, — неправда и ложь, и беспомощность их, уже одно это прямо убеждало людей моего возраста и обстановки жизни, что из прошлого нельзя и не надо, и невозможно оставить в себе даже самомалейшего воспоминания; ничем из этого прошлого нельзя было и думать руководиться в том новом, которое «будет», но которое решительно еще неизвестно. Следовательно, начало моей жизни началось только после забвения моей собственной биографии, а затем и личная жизнь и жизнь литературная стали созидаться во мне одновременно собственными средствами. В опустошенную от личной биографии душу я пускал только то, что во всех смыслах противоречило неправде; каждая «малость», которая радовала душу, где бы я ее ни нашел, попадала теперь непременно в мою новую душевную родословную. *

Когда человек свободно пускает в душу себе только то, что противоречит неправде, это, конечно, должно свидетельствовать

о силе его жажды найти правду, но нас, читателей, обязывает относиться к показаниям такого человека с осторожностью и критикой.

Мы ведь знаем, что и то, что противоречит правде, глубоко-важно и ценно, мы хотим знать все явления жизни во всей их полноте, дабы тем успешней разобраться в них.

Совершая искусственный отбор противоречий неправде, т. е. явлений исключительных, Усп[енский] в первых своих произведениях является пред нами великим народолюбцем. Это так, но его мужичок прикрашен по моде времени и по требованию душ, свободных от биографии, т. е. от наследства, от культурных традиций, от сознания преемственности жизни.

Иначе говоря, российский интеллигент снова начал фантазировать, снова создал себе кумирище и ушибся об него даже до смерти и до сумасшествий, как это случилось с Успенским.

Вот еще одно характерное признание Успенского:

XI

> Затем подлинная правда жизни повлекла меня к источнику, т. е. к мужику. Но несчастью, я попал в такие места, где источника видно не было... Деньга привалила в эти места, и я видел только, до чего может дойти бездушный мужик при деньгах. Я здесь, в течение полтора года, не знал ни дня ни ночи покоя. Тогда меня ругали за то, что я не люблю народ. Я писал о том, какая он свинья, потому что он действительно творил преподлейшие вещи. Но мне нужно было знать источник всей этой хитроумной механики народной жизни, о которой я не мог доискаться никакого простого слова и нигде. И вот я из шумной, полупьяной, развратной деревни забрался в леса Новгородской губернии, в усадьбу, где жила только одна крестьянская семья. На моих глазах дикое место стало оживать под сохой пахаря, и вот я тогда в первый раз в жизни увидел действительно одну подлинную важную черту в основах жизни русского народа — именно власть земли. *

Кто внимательно прочитает книгу Успен[ского] о «Вл[асти] земли», тот неизбежно почувствует в ней глубочайший фатализм, уверенность в необоримой силище власти земли над[1] мужиком.

XXI 109—15

> ... явления народной жизни, в которых власть земли над человеком имеет первенствующее значение, до такой сте-

[1] человеком

пени многочисленны и важны и вместе с тем выражаются в такой массе ничтожнейших, повидимому, мелочей, что в них немудрено запутаться и затемнить основную мысль, которую мне бы хотелось высказать. Вот почему-то мне и думается, что, быть может, и следовало даже определить эту мысль грубыми и резкими чертами.

Земля, о неограниченной, могущественной власти которой над народом идет речь, есть не какая-нибудь аллегорическая или отвлеченная, иносказательная земля, а именно та самая земля, которую вы принесли с улицы, на своих калошах в виде грязи, — та самая, которая лежит в горшках ваших цветов, черная, сырая, — словом, земля самая обыкновенная, натуральная земля. Могущество этой персти, «праха» с глубочайшею силой и простотой указано еще в старинейшей былине о Святогоре Богатыре.

. . . . . .

... Итак, приводя в порядок все до сих пор сказанное, я думаю, что мало ошибусь, если скажу, что двухсотлетняя татарщина и трехсотлетнее крепостничество могли быть перенесены народом только благодаря тому, что и в татарщине и в крепостничестве он мог сохранить неприкосновенным свой земледельческий тип (он изнурялся физически на барской работе, но делал ту же работу, что и для себя), цельность своего земледельческого быта и, главное, земледельческого миросозерцания. Не нагайки, не плети, не дранье на конюшне, не становые или урядники, ни тем паче пятнадцать томов законов с двадцатью томами примечаний — держали его в повиновении, развили в нем строгую семейную и общественную дисциплину, сохранили его от тлетворных лжеучений, а деспотическая власть «любящей» мужика матери-земли, обязывавшей его тяжким трудом и вместе с тем облегчавшая этот труд, делая его интересом всей жизни, давая возможность в нем же находить полное нравственное удовлетворение. *

Это, конечно, не проповедь зоологического существования, но это — несомненнейшая проповедь необходимости для человека подчиниться некой власти, в данном случае — власти природы, земли.

Обратите внимание — не борьба проповедуется, а под видом слияния с природой — подчинение ее власти, значит — и ее целям.

Русский человек всегда ищет хозяина, кто бы командовал им извне, а ежели он перерос это рабье стремление, так ищет хомута, который надевает себе изнутри, на душу, стремясь опять-таки не дать свободы ни уму, ни сердцу.

Труд, сознательно ставящий себе цели, исследование явлений жизни, свободное и бесстрашное, нам все еще чуждо, мы еще не

доросли до этого и на каждом шагу стремимся создать себе фетиш.[1]

А вот сам мужик в его отношениях к людям:

XX 20—51—57

Много и долго распространялся я иногда на тему «о непонимании собственной пользы», о грабительстве, которому служат Иваны Ермолаевичи своими трудами и руками... О всяких коллективных оборонах против всевозможных современных зол, идущих на деревню, не могло быть и речи.

— Захотели вы с нашим народом! Нешто наш народ присогласишь? Нешто он что понимает?

Вот какие были ответы Ивана Ермолаевича на мои разглагольствования о «ихней пользе». Такой неустанный труженик не знал, куда, кому и зачем он платит, не имея никакого понятия о земстве, о выборе в гласные и т. д. Твердо был уверен, что все это до него ни капли не касается. О ссудо-сберегательном товариществе ровно ничего не понял из всех моих рассуждений и только заметил: «Брать-то хорошо, а вот отдавать-то как? . Свяжешься... бог с ним совсем!» А когда я указывал на кулака, который берет и отдает и выгоду имеет, то Иван Ермолаевич говорил:

---

[1] Вот выводы из многолетних наблюдений над мужиком-рабом земли, а вот как относится этот мужик к интеллигенту:

Ив[ан] Ерм[олаевич] 3—5—15

... Вот уже почти год как я живу в деревне и нахожусь в ежедневном общении с хорошей крестьянской семьей, ведущей основательное подлинно-крестьянское, т. е. исключительно земледельческое хозяйство, и как в первый день знакомства, так и сию минуту ни я, ни эта семья не смогли проникнуться интересами друг друга. Я не понимаю, зачем существует на свете семья и из-за чего она бьется, а семья тоже совершенно понять не может и удивляется: зачем собственно я существую на белом свете? Мы находимся в самых приятельских отношениях; при встрече всегда здороваемся, раскланиваемся, спрашиваем: «как дела?», «все ли благополучно?» и даем друг другу ответ: «ничего, слава богу, помаленьку», но понимать друг друга все-таки не понимаем. Ни малейшего мало-мальски общего интереса между нами не образовалось...

. . . . . .

Еще с здешним «подстоличным» мужиком, почти отбившимся от сельского хозяйства, толкающимся по станциям двух железных дорог, еще с таким испорченным цивилизацией мужиком у меня иной раз может выйти какой-нибудь обоюдный разговор.

. . . . . .

... Я очень хорошо знаю и понимаю, что, кроме непрерывного труда, химический круговорот наблюдаемой мною жизни также

«Ну, пес с ним... там уж это ихний расчет... А то свяжешься — не развяжешься»...

Однажды он меня поразил самым неожиданным образом в разговоре об общественных крестьянских должностях:

— Все они (выборные) — народ ненадежный .. Покуда живет крестьянством — ничего, а как выбрали в должность — чистая делается собака. Как присягу принял, точно в зверя оборачивается.. По мне, так я, кажется, за миллион на это не согласился бы...

. . . . . .

Не говоря о равнодушии к общественным порядкам, не касающимся непосредственно хозяйства, я замечал в Иване Ермолаевиче невнимание и к людям. Например, он отлично знал, сколько у кого скота, хлеба, что «дадено» за лошадь в таком-то дворе; словом, сколько у кого физических ресурсов к существованию. Но случись в этом дворе какое-нибудь из ряду выходящее событие, объяснить которое можно, только зная «людей», участвовавших в нем, — не объяснит. Случилось в деревне два самоубийства, и никто ничего не мог объяснить. «Должно деньги пропил...» — говорили про солдата, который еще вчера работал в огороде, полол капусту, а сегодня найден под переметом. — «Ведь это, братец, как сказать — от чего? Стало быть, уж так ему положено. Вот прошлый год тож вдова одна так же вот

переплетен во всех направлениях страданиями сердца, радостями и горестями; тут слышен плач, там стоны, там скрежет зубовный; я очень хорошо знаю, что, кроме химического элемента, во всем этом процессе постоянно слышится и чувствуется «человек», но именно потому-то, что я это понимаю, меня и поражает бесплодность труда, бесплодность по отношению к человеку, к его слезам, радостям и к зубовному его скрежету. Имено в человеческом-то смысле, или, говоря точнее, «в расчете-то на человека» бесплодность неустанного труда оказывается поразительною. Как бы я пристально ни вглядывался в него, как бы ни ужасался его размеров, я решительно не вижу, чтобы в глубине этого труда и в его конечном результате лежали мысль и забота о человеке в размерах, достойных этого неустанного труда.

. . . . . .

... вот для лошади в народе есть уже профессия не вполне шарлатанская, — к услугам коновала прибегают и культурные владетели лошадей. У коновала есть «инструменты», выдуманные народом, есть «верные», точные средства, а для человека ничего в этом роде не выдумано, кроме знахарей, которые далеко ниже по познаниям коновала и, как всем известно, преисполнены шарлатанства, выезжают на невежестве, тогда как коновалу на незнании своего дела никоим образом выехать невозможно; всякий крестьянин и сам в этих (лошадиных) делах понимает очень много.*

самовольно покончилась. А после нее осталось денег тринадцать рублей, две коровы, да картофелю мешка четыре — вот тут и думай! Скучал-скучал, глядишь—и задавился!..»

. . . . . .

... и сам Иван Ермолаевич уж на что подлинный крестьянин, а, не беспокойтесь, не променяет керосиновой лампы на лучину и не посадит свою жену за «прясло», когда есть деньги, чтобы купить ситчику...

. . . . . .

Но новые времена стали расшатывать уверенность старого миляги в том, чтобы в «нонешнее» время можно было так просто делать доброе дело, как прежде. Цивилизация продала у него лошадей двадцать, розданных в долг, за невзнос податей теми мужиками, которым они были розданы. Она же стала наталкивать на него таких людей, которым уже ничего не стоит отпереться от своего слова, таких, которые уж знают, что без росписки ничего не возьмешь и т. д. *

И в то самое время, как Усп[енский], с болью в сердце, рассказывал, каков, по его наблюдениям, тот мужичок, которым он еще недавно был очарован, — в то время Достоевский, закрыв на все глаза, говорил:

9—21—24—26

Да, мы веруем, что русская нация — необыкновенное явление в истории всего человечества. Характер русского народа до того не похож на характеры всех современных европейских народов, что европейцы до сих пор не понимают его и понимают в нем все обратно. Все европейцы идут к одной и той же цели, к одному и тому же идеалу; это бесспорно так. Но все они разъединяются между собою почвенными интересами, исключительны друг к другу до непримиримости, и все более и более расходятся по разным путям, уклоняясь от общей дороги. Повидимому, каждый из них стремится отыскать общечеловеческий идеал у себя, своими собственными силами и потому все вместе вредят сами себе и своему делу. Повторяем теперь серьезно то, что сказали выше в шутку: англичанин до сих пор не может понять никакой разумности во французе, и обратно: француз в англичанине, и это не только у них сборное мнение, инстинктивное чувство всей нации, но замечается даже в первых людях, в предводителях обеих наций...

. . . . . .

... европейцы совершенно не понимают русских, и величайшую особенность в их характере назвали безличностью...

. . . . . .

... И страшно, до какой степени свободен духом человек русский, до какой степени сильна его воля! Никогда ни-

кто не отрывался так от родной почвы, как приходилось иногда ему, и не поворачивал так круто в другую сторону, вслед за своим убеждением! И кто знает, господа иноземцы, может быть, России именно предназначено ждать, пока вы кончите; тем временем проникнуться вашей идеей, понять ваши идеалы, цели, характер стремлений ваших; согласить ваши идеи, возвысить их до общечеловеческого значения и, наконец, свободной духом, свободной от всяких посторонних, сословных и почвенных интересов, двинуться в новую, широкую, еще неведомую в истории деятельность, начав с того, чем вы кончите, и увлечь вас всех за собою. Сравнил же наш поэт Лермонтов Россию с Ильей Муромцем, который тридцать лет сидел сиднем и вдруг пошел, только лишь сознал в себе богатырскую силу...

. . . . . .

... Если б вы знали, какие это милые, симпатичные, родные типы! О, если б вам удалось прочесть хоть рассказы Толстого; там кое-что так верно, так симпатично схвачено! Да что! Неужели Севастополь русские защищали из религиозного фанатизма? Я думаю, ваши храбрые зуавы хорошо познакомились с нашими солдатиками и знают их. Много ли они от них видели ненависти? И как хорошо знаете вы тоже наших офицеров! Вы задали себе, что у нас всего только два сословия: les boyards и les serfs; на том и сидите. Какие тут boyards! Положим, что у нас довольно цельно определены сословия. Но во всех сословиях наших гораздо более точек соединения, чем разъединения, а в этом все и дело. Это залог нашего всеобщего мира, спокойствия, братской любви и процветания. Всякий русский — прежде всего русский, а потом уже принадлежит к какому-нибудь сословию. Не так у вас, и мы вас сожалеем... *

Это тоже характерная черта в истории внутреннего раскола рус[ской] интелл[игенции] — пред нами в лице Д[остоевского] стоит человек, для которого в жизни самое главное — личность, ее свобода, ее права, ее жизнь и желания.

Он не может помириться с тем фактом, что, по его словам, «самочинная и самодовлеющая личность, начало и конец всего сущего, признается только средством, строительным материалом и бесчинно, беззаконно некоей силой бросается к подножию возводимого здания цивилизации, а когда здание это будет построено, сколько жизней потребует оно и будет ли стоить сделанных затрат — никто этого не знает».

С этой точки зрения, при такой высокой оценке личности, казалось бы, никакие государственные теории не должны иметь места и цены, ибо всякое [1] организованное бытие враждебно

[1] государство

целям личности, как утверждает сам же Д[остоевский], а гос[ударство] — организация.

Но — такова уж роль русского человека: он всю свою жизнь точно маятник качается из стороны в сторону от идей коллективизма, развитого до крайности и требующего, чтоб личность приносила себя в жертву о[бщест]ву, народу, до идей крайнего же индивидуализма, восходящего к нигилизму и отрицанию всего, что не личность.

Это и есть то главное, больное место нашей интеллигенции, на к[ото]рое я уже не раз указывал.

И что это именно так — тому подтверждением является весь характер мышления русской интеллигенции.

Мышление это прежде всего не суть мышление синтетическое, строительное, имеющее целью тот или иной вывод, способный стать лозунгом активности — это мышление в общих и главных своих чертах аналитическое, начинающееся с критики и всегда, сознательно или бессоз[нательно], подчиненное стремлению освободить личность от всех пут и норм, налагаемых на нее историей.

За всеми суждениями о человеке и роли его в жизни скрывается глубокое инстинктивное убеждение в том, что путем разума, путем науки невозможно установить главенство личности в истории, что разум не освобождает ее от подчинения.

Д[остоевский], напр[имер], рассуждает: в праве личность — юридическая фикция, просто — центр, к которому относится тот или иной договор. *

В пол[итической] экон[омии] она — рабочая сила, и лицо совершенно ненужный придаток к ней. Все подкашивает абсолютность ее: для греков были дурны все варвары, для католиков — все еретики, для социалистов — буржуа, для французов [17]93 г[ода] все консерваторы — не личности.

Где же спасение для единицы, где она абсолютна, кто ее не отрицает никогда? Только некая надземная сила, только бог, только в религии всякая личность абсолютна, как образ божий, там только она свободна и внутренно неприкосновенна, будто бы.

Именно это искание абсолютной свободы личности и приводит нашу интеллигенцию время от времени [1] к религии и всегда приводит ее, конечно, в моменты, которые как будто обещают ей самостоятельное положение, независимую роль в русс[кой] истории.

Текущий момент принимается ею за один из таких, и мы видим, как быстро она шагнула от рационализма к его противоположности — к мистике. Но помимо внутреннего тяготения интеллигентской шаткой психики в эту сторону, она [2] имеет в виду и некоторые тактические соображения: суть-то остается все та же — без мужика не проживешь, а мужик — религиозен, стало быть,

---

[1] к религиозным вопросам

[2] наверное

будемте и мы религиозны. Если же оказалось бы, что мужик — [1] атеист — завтра же все Струве, Мережков[ские], Бердяевы, Булгаковы и т. д. — имя же им легион — завтра же все они будут атеистами.

Говоря проще и короче, мы приходим к следующему выводу: психика русской интеллигенции развивалась по двум направлениям: мотивы личные толкали ее в сторону крайнего индивидуализма, в сторону выделения себя из хаоса общественных отношений в некую надклассовую группу, общеисторические условия загоняли ее в тот или иной класс. Идеология классов командующих была разрушена критикой самой же интеллигенции и не давала разумного теоретического оправдания бытия, отсюда — постоянные приливы сомнений в силе разума и необходимость принять бога, как понятие метафизическое, примиряющее все противоречия жизни.

У нас нет времени проследить этот процесс раздвоения личности на всех литераторах. Возьмем этот процесс в его наиболее типичном и страшном виде, остановимся на психическом состоянии Успенского в последние годы его жизни.

Лечивший Г[леба] И[вановича] врач Синани пишет в своем дневнике следующее:

1. LXX

«... С самого его заболевания и до сих пор в его сознании идет борьба между двумя началами: началом справедливости и началом, неясно выражаемым, но противоположным первому. Ему кажется, что его я раздвоенное, состоящее из двух личностей, борющихся друг с другом. Первая личность есть Глеб [Успенский], вторая личность есть Глеб Иванович Успенский, и даже проще и выразительнее — Иванович. (NB. Отец матери назывался Глебом, Иванович от Ивана, значит отца его.) Как ни борется Глеб, но ему очень трудно не только уничтожить, убить Ивановича, но даже устоять против власти его. Со времени его болезни борьба между ними идет ожесточенная. Случилось, что Глеб как будто отвоевывал свое существование, приобретал свою половину, но это оставалось недолго. Иванович снова вторгался в его область, пренебрегая всякими уговорами, всякими условными компромиссами, часто разрушал их и заполнял Глеба. *

Грубо ее можно очертить как борьбу нового человека — Глеба со старым — Ивановичем, т. е. с тою самой биографией, от которой Успенский старался очистить свою душу и которая привела его к мистицизму и сумасшествию.

Это — символическая болезнь, мы знаем ее причины, но повторим их еще раз:

[1] не религиозен

В стране, которая встала в новые условия, явился новый человек, но этот человек заквашен на старых дрожжах.

Что это за дрожжи?

[1]Это наследие крепостного права, рабства, не забудьте, что пятидесяти лет не прошло со времени его уничтожения, что ваши отцы росли в его атмосфере и что кое-какие свойства его лежат по сей день в натуре каждого русского человека.

Главнейшее свойство рабства, унаследованного нами, это отсутствие уважения к человеку, к личности.

Просмотрим русскую литературу — зеркало нашей жизни — она прославлена своим гуманизмом, ее основная нота — человеколюбие. Это — неоспоримо.

А что лежит в основе этого гуманизма?

Сделаем одно сопоставление. Большая часть наших писателей в своих произведениях касалась проституции: Некрасов, Дост[оевский], Гаршин, Толстой, Куприн и еще множество людей брали проститутку и, показывая нам ее милой, кроткой, чуткой девушкой, как бы говорили нам: «смотрите-ка, продажная женщина, а сохранила в себе лучшие человеческие свойства!»

И каждый писатель, более или менее гордо оглядываясь вокруг, как бы говорил: «каков я, а? даже в проститутке человека открыл!»

И читатели восхищались:

— Браво, он и в проститутке человека открыл!

Так действовал новый человек: вставал на плечи проституток и других униженных и оскорбленных людей и показывал себя публике, а публика, цепляясь за него, тоже как будто несколько поднималась над обычными своими чувствами, думами и желаниями людей старого завета, людей рабского воспитания.

И всем казалось, что в жизни создалось некое новое лицо, что воплотились новые отношения.

Но — это иллюзия, это — самообман.

Во-первых, проститутка в массе своей существо не кроткое, не доброе и не чуткое — это существо грубое[2], злое и пьяное, изображать ее в ином виде — значит стараться скрыть от себя грязное и позорное дело, забросав его цветочками выдумок, бумажными цветочками.

[3]Во-вторых, сделав проститутку, мужика и других униженных и оскорбленных людей некоторым пьедесталом, встав на который, о[бщест]во видит себя добрым, культурным и гуманным, — оно, это о[бщест]во, слезая с пьедестала, вместе со своими писателями идет в тот же публичный дом, развращает горничных и вообще продолжает унижать и оскорблять людей с усердием не меньшим, чем и при крепостном праве.

---

[1] Прежде всего

[2] грязное

[3] Вероятно, людям приятнее купить за двугривенный ласки хорошей девушки

Свинья, т. е. другая сторона лица пореформенного общества, торжествует, свинья — побеждает, этого не скроешь.

Между идеями и делом нет связи, идеи — новы, делишки — стары.

И это естественно, ибо перевоспитаться нам было некогда, мы слишком молоды, мы не культурны, т. е. у нас нет традиций, тех веками сложившихся правил, которые вросли бы в наши нервы и руководили нашими отношениями друг к другу.

Чтобы пояснить, какова сила традиции и в положительном и [в] отрицательном ее значении, возьмем отношение к проститутке в Анг[лии] — стране, что бы там ни говорили, самой крепкой и выдержанной культуры: если вы там, обратясь к уличной женщине, назовете ее не леди — сударыня — она может отправить вас в полицию и через 24 часа вы будете осуждены за оскорбление женщины, причем в приговоре будет сказано — «свободной женщины».

Но ведь это не улучшает ее положения, скажете вы. Человек, которого нельзя оскорбить безнаказанно, стоит в лучшем положении, чем человек, которого и легко и можно оскорбить, да и сам по себе первый-то человек лучше второго.

В 1715 г[оду] Даниель Дефо, автор знаменитой книги «Робинзон», написал роман «Жизнь и приключения проститутки Молл Флендерс» — если когда-нибудь попадет вам в руки «Р[усское] б[огатство]» за [1]901 г[од], где напечатан этот роман, — прочитайте его и сопоставьте его героиню с русскими проститутками. Сопоставив, вы ясно увидите два разные отношения к униженной личности: Молл Флендерс изображена, как человек пьяный, злой, грубый, ни во что не верующий, лживый, хитрый, но в то же время вы ясно видите в ней все чувства гражданки свободной страны, и когда вы слушаете ее разговоры с друзьями о себе самой, о мужчинах, об аристократии, вы видите, что пред вами личность, знающая себе цену, человек, который великолепно понимает степень личной своей вины и вину об[щест]ва, принудившего ее жить продажею своего тела, — одним словом, автор ни на минуту не забывает, что пред ним жертва уродливого социального строя, он осуждает ее за то, что Молл недостаточно упрямо сопротивлялась, но еще более резко осуждает он об-[щест]во за эту победу над женщиной.

Это написано 200 лет тому назад.

Русская проститутка в русской литературе — удивительно совестлива и всегда сознает, что занимается делом грешным, — это, м[ожет] б[ыть], необходимая, но это все-таки нехорошая ложь.

И за этой ложью лежит нехорошее, барское соображеньице:

— Я тебя насилую, но ты все-таки не теряй человеческого образа, мне необходимо всюду видеть человеческий и даже христианский образ — кроткий, терпеливый, сознающий свои недостатки и грехи.

Это нужно для некоторого духовного удобства, для комфорта.

Итак: все у нас стремятся — и в литературе, и в жизни — создать личность, освободиться от прошлого, очистить душу от биографии, и [1] никто еще не дорос до уважения к личности, отсутствие которого вы, вероятно, уже заметили и в спорах товарищей лекторов, всегда с особенным удовольствием высмеивающих обмолвки и ошибки друг друга, — вы видите это, вероятно, каждый день.

Во всем этом сказываются отзвуки рабства, его остатки.

Человек у нас дешев, и пока мы не научимся ценить его дороже, — не много толка будет из наших начинаний, ибо из дряннного материала хорошего здания не выстроишь.[2]

---

[1] во время очищения этого выливают из ванны вместе с водою и ребенка, — и то ценное, что уже есть...

[2] А Успенского мы можем характеризовать так: этот писатель дает в своих произведениях огромный и важный бытовой материал, прекрасно отражающий психологию и положение мещанства, разночинца-интеллигента, нового купца — но его выводы совершенно не приемлемы. Он требует полного подчинения личности обществу, общественному делу, но не верит, что это общественное дело может удовлетворить личность. Он утверждает необходимость власти...

[ОСИПОВИЧ-НОВОДВОРСКИЙ. — САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН. — ЛЕСКОВ]

В 70-х — 80-х годах был писатель Осипович-Новодворский, человек не очень талантливый, сложившийся под влиянием Щедрина-Салтыкова, но столь же откровенный, искренний, как Успенский или Гаршин. Он, однажды, говоря о себе самом, обмолвился удивительно метким словом:

XIII

«Все недоумевают, а между тем, дело просто: я, человек, ни — пава, ни — ворона!» *

Но — что же такое человек типа «ни пава, ни ворона»? Каково происхождение этого человека?

Новодворский рассказывает следующее в своем очерке:

Начало. *

Так было установлено в русской литературе психическое и идейное родство дворянской интеллигенции с интел[лигентом]-разночинцем, и мы видим, что, по существу своих эмоций и своих настроений, «ни пава ни ворона» — тот же самый «кающийся дворянин».

Прошу заметить, что исторический возраст человека, прошедшего такой длинный путь, равняется 30-ти годам. Быстрота, с которой от призыва «Вперед, без-страха и сомненья» люди дошли до убеждения в том, что «мы в своей стране благословенной парии», — прямо поражает. Как? На протяжении 30-ти лет испробовать и пережить все настроения, от жизнерадостной уверенности в своих силах, от жесточайшей критики всего сущего, до пессимизма, до признания самих себя ненужным хламом в жизни? Как это возможно? И — что, в сущности, сделано в жизни, какой след оставлен? Ничего, или очень мало; след же только один: стоны, скорбь, покаяние, и все это заключается возгласом Достоевского в [18]81 г[оду] — «Смирись, гордый человек!»*

Мы должны, наконец, перестать хвастаться своими подвигами

и сказать самим себе, что народ мы загнанный, внутренно разбитый, неустойчивый и что нам необходимо лечиться, т. е. — учиться жить, учиться работать, учиться понимать самих себя и друг друга.

История русской интеллигенции с 50-х до 80-х годов наиболее ярко изображена Щедриным.

[1] Щедрин шел в ногу с жизнью, ни на шаг не отставая от нее, он пристально смотрел в лицо ей и — горько пророчески хохотал надо всеми и всем.

Это не смех Гоголя, а нечто гораздо более оглушительно-правдивое, более глубокое и могучее.

Вот как он изображает деятелей 60-х — 70-х годов.

25. 284—7—8

... Тайна этой переимчивости задним числом опять-таки объясняется слишком большою талантливостью Митрофана. Ему некогда следить за быстро сменяющимися явлениями жизни, потому что он, уловивши одну какую-нибудь крупицу, уже не может отвязаться от нее, не натешившись всласть, не выжавши из нее сока, не доведя факта до абсурда. Из фрака он сделает мундир и напишет целый трактат о ношении его; из бритья бороды он создаст себе кумир и будет носиться с этим кумиром до изнеможения. Восприимчивость угнетает его и нередко даже делает опасным утопистом и беспардоннейшим регламентатором. Покуда он носится с своим «живым вопросом» и старается внедрить его в себя на веки вечные, живой вопрос давно уже оказывается сданным в архив и замененным другими, более подходящими вопросами. Что в результате такой упорной восприимчивости может быть только глухая стена, — это очевидно; но Митрофан слишком самолюбив, чтобы обвинить себя в таком неудачном результате. «Сколько лет мы носим фраки, сколько крови из-за одной бороды пролито, а все толку нет!» говорит он и принимает твердое намерение навсегда отвернуться от затей разлагающегося Запада, которые, на его взгляд, до того уже тощи, что и натешиться-то ими вдоволь нельзя.

Никто, конечно, не спорит, что политические и общественные формы, выработанные Западной Европой, далеко не совершенны. Но, здесь важна не та или другая степень несовершенства, а то, что Европа не примирилась с этим несовершенством, не покончила с процессом создания и не сложила рук, в чаянии, что счастие само свалится когда-

[1] Это огромный писатель, гораздо более поучительный и ценный, чем о нем говорят. Широта его творческого размаха удив[ительна]. Он прошел жизнь, ибо ясно видел, что

нибудь с неба. Митрофан же смотрит на это дело совершенно иначе. Заявляя о неудовлетворительности упомянутых форм, и в особенности напирая на то, что у нас они (являясь в виде заношенного чужого белья) всегда претерпевали полнейшее фиаско, он в то же время завиняет и самый процесс творчества, называет его бесплодным метанием из угла в угол, анархией, бунтом...

. . . . . .

Митрофан с особенным удовольствием останавливается на политических и общественных формах, потому что видит их внешнюю изменчивость и от этого признака приходит к заключению о негодности самого процесса создания этих форм. По его мнению, каприз и чудачество обуревают вселенную; люди не по необходимости меняют старые формы общежития на новые, а потому только, что так вздумалось. То внутреннее содержание, от которого зависит то или другое устройство обществ, те открытия и изобретения человеческого ума, которые так резко определяют характер того или другого периода истории человечества, совершенно закрыты для него. Однако же пропуск очень важный.

Историческая наука недаром отделила последние четыре столетия и существенным признаком этого отграничения признала великие изобретения и открытия XV века. Здесь проявления усилий человеческой мысли дали жизни человечества совсем иное содержание и раз навсегда доказали, что общественные и политические формы имеют только кажущуюся самостоятельность, что они делаются шире и растяжимее по мере того, как пополняется и осложняется материал, составляющий их содержание.

Митрофан ничего этого не знает и не хочет знать. Он живет в век открытий и изобретений и думает, что между ними и тою или другою формою жизни нет ничего общего. В его глазах передвигаются центры человеческой индустрии, в его глазах материальные и умственные богатства перемещаются из одних рук в другие, а он продолжает думать, что все это не более, как случайность, и спешит заткнуть ту или другую дыру и сделать некоторые ничтожные поправки в обветшавшем здании табели о рангах. Да, — только в табели о рангах, ибо как ни глумится над ней Митрофан под веселую руку, а она все-таки и доднесь составляет единственный обрывок цивилизации, действительно дорогой его сердцу...

. . . . . .

... Самонадеянность и хвастовство растут, а житье

наступает трудное, трудное даже для Митрофанов. Неленостно перенимают они всякую новую штуку; но так как эта штука является независимо от общих форм жизни, то весьма естественно, что она их же бьет в лоб. Мир открытий и изобретений, в глазах Митрофанов, есть мир подробностей, существующий an sich und für sich и не имеющий внутренней связи с общим строем жизни. Понятно, какое должно выйти столпотворение, сколько заплат, пятен и брызгов грязи должно быть на той ризе, которую сооружает себе Митрофан и к которой он каждый день прибавляет по новой заплате, по новому грязному пятну.

Но кроме путаницы Митрофану угрожает еще другая беда: отчаяние. Он может очутиться в положении раскольника, с часу на час ожидающего антихриста. *

Эти Митрофаны-просветители живейшим образом превращаются в ташкентцев:

297

... Всюду, куда я ни обращаю мои взоры, я вижу: с одной стороны — упорствующую безазбучность; с другой — увеличивающийся аппетит и возрастающую затейливость требований для удовлетворения его. Ничто так не прихотливо, как Ташкент, твердо решившийся не выходить из безазбучности и в то же время уже порастлившийся тонкою примесью цивилизации. Пирог, начиненный устностью и гласностью — помилуйте! да это такое объяденье, что век его ешь — и век сыт не будешь!.. *

Ташкентцев — множество:

299

... Итак, Ташкент может существовать во всякое время и на всяком месте. Не знаю, убедился ли в этом читатель мой, но я убежден настолько, что считаю себя даже вполне компетентным, чтобы написать довольно подробную картину нравов, господствующую в этой отвлеченной стране. Таким образом, я нахожу возможным изобразить:

ташкентца, цивилизующего in partibus;

ташкентца, цивилизующего внутренности;

ташкентца, разрабатывающего собственность казенную (в просторечии — казнокрад);

ташкентца, разрабатывающего собственность частную (в просторечии — вор);

ташкентца промышленного;

ташкентца, разрабатывающего смуту внешнюю;

ташкентца, разрабатывающего смуту внутреннюю; — и так далее, почти до бесконечности.

Очень часто эти люди весьма различны по виду; но у всех имеется один соединительный крик:

Жрать!! *

[1]Сатира Щед[рина] вызвала целый ряд подражателей, из них наиболее крупными явились Атава-Терпигорев и Круглов. До некоторой степени С[алтыков] влиял и на Лескова — писателя очень крупного и умного.

Вы видите, что Новодворский в прочитанном нами отрывке его повести подражает Щедрину — [2] взять литературного героя, литературный тип прошлого времени и показать его в жизни текущих дней — это любимый прием Щедрина. Его герои в 70-х — 80-х годах — потомки Хлестакова, Молчалина, Митрофана Простакова, заполнившие всю жизнь с особенной силой после [18]81 г[ода].[3] Значение его сатиры огромно, как по правдивости ее, так и по тому чувству почти пророческого предвидения тех путей, по коим должно было итти и шло рус[ское] о[бщест]во на протяжении от 60-х г[одов] вплоть до наших дней.

Предвидение это объясняется тем, что С[алтыков] прекрасно знал психику представителей культурного о[бщест]ва его времени, психика эта слагалась на его глазах, он же был умен, честен, суров и никогда не замалчивал правды, как бы она ни была прискорбна.

В 60-х годах все ликовали, приветствуя нового человека и совершенно забыв, что «новому человеку» негде встать, что он родился в болоте и принужден строить воздушные замки. Но здоровый социальный скептицизм не обманул Щедрина и он еще в то время злейшим образом осмеивал и нигилистов и славяно-

---

[1] За ташкентцами он изобразил молчалинцев, потомков героя Грибоедова. Молчалины, говорит он, облепили всю нашу страну, как тараканы запечный угол.

25. 288

... А этим временем, помаленьку да потихоньку, адвокаты превращаются в «аблакатов», а земские деятели — в устроителей пикников, закусок и обедов.

Подготовки нет, а ремесленность уже проникает всюду. Ремесленность самого низшего сорта, ремесленность, ничего иного не вожделеющая, кроме гроша. Надул, сосводничал, получил грош, из оного копейку пропил, другую спрятал — в этом весь интерес настоящего. Когда грошей накопится достаточно, можно будет задрать ноги на стол и начать пить без просыпу: в этом весь идеал будущего... *

[2] это Салтыковский прием

[3] он без обиняков рисовал отвратительные портреты так называемых вождей

филов, прекрасно понимая, что стране нужны не они, а прежде всего люди, умеющие работать и люди искреннего демократизма. В искренность демократических тенденций рус[ского] о[бщест]ва Щ[едрин] не верил — как он не верил и в народолюбие, которым тогда рисовались. Он понимал, что раба нельзя любить и что в сущности своей творческое чувство любви к родине, к человеку не может быть доступно и понятно новорожденному о[бщест]ву, не знающему своей родины и привыкшему пользоваться человеком, как рабом.

Щед[рин] чувствовал, что о[бщест]во, в лице даже лучших своих представителей, зовет [1] мужика на политическую барщину, т.е. на борьбу за расширение прав именно либерального о[бщест]ва.

Его положение было драматично и страшно мучило этот зоркий, острый ум, не видевший как, чем и кем разрешится эта пореформенная путаница отношений в стране, совершенно не подготовленной к бою за существование и не имеющей сложившихся, деятельных и поставивших себе определенные цели, сил. Его сатира все расширялась и углублялась.

Необходимо знать историю города Глупова — это наша русская история; и вообще невозможно понять историю Р[оссии] во второй половине XIX в[ека] без помощи Щедр[ина], — самого правдивейшего [2] свидетеля нашей духовной нищеты и неустойчивости, происходящей, будем думать, главным образом из нашей исторической молодости.

Он изображал лучшие тенденции русских людей в типах карася-идеалиста и благонамеренного зайца, а народ в его сатире явлется так:

Здесь скрыта злая ирония над всеми мужиколюбами, от славянофилов до народников, сотрудничавших в жур[нале] Салтыкова. Именно так рисовали они себе русского мужика, и это отношение к нему крайне устойчиво у нас, оно снова возникает в текущие дни, ибо снова необходима проповедь политической барщины, т. е. — культурное о[бщест]во снова должно схватиться за народ, дабы его силой продвинуться далее, к установлению в стране европейских форм жизни.

В наши дни Щедрин ожил весь, и нет почти ни одной его злой мысли, которая не могла бы найти оправдания в переживаемом моменте.

Вновь воскресли Молчалины и Хлестаковы, Митрофанушки — заседают в государственной думе, а ренегатов — еще больше, чем в 80-х годах. Несколько раз Щедр[ин] пытался создать так наз[ываемый] «положительный тип», т. е. — человека, как пример, достойный подражания, но ему это удалось еще меньше,

---

[1] народ

[2] историка

чем другим; не таков был его ум, чтобы ослеплять себя самообманами.

Он всех яснее понимал, что подавляющее большинство русской интеллигенции образовалось не выработкой снизу, а распадением сверху.

Это — главное, что надо помнить при изучении истории рус[ской] интеллигенции и при всех сношениях с ней надо помнить, что она, в большинстве своем, есть продукт распада командующих классов, а не продукт творчества народных масс. Отсюда и объясняется духовная гнилость интеллигенции, и мы должны знать, что до сего дня нам, в большинстве случаев, светят именно гнилушки, личность же, как вершина огромной пирамиды народного опыта, как некий из-под земли исходящий огонь живой — такая личность в Р[оссии] — явление редкое, да я и не могу утверждать, что оно было, ибо условий для создания его в прошлом — не вижу.

Эту личность искала вся русская литература, но в поисках за нею находили Базаровых, Молотовых и т. д.

Однако — существует некий очевидный и огромный факт: сто миллионов черепов и каждый из них — драгоценная чаша [1] человеческого мозга, который ныне едва тлеет, да, но ведь должен же он разгореться и осветить мир своим пламенем?

И вот является писатель Лесков, который ставит своей задачей доискаться истинной сути в этой массе сырого мозга, в этом огромном запасе неорганизованной воли.

Лесков — совершенно оригинальное явление русской литературы: он не народник, не славянофил, но и не западник, не либерал и не консерватор.

Его ирония над нигилистами — нигилист — голодный человек.

«Некуда». *

Его огромные люди. Их основная черта — самопожертвование, но жертвуют они собой ради какой-либо правды или дела, не из соображений идейных, а бессознательно, потому что их тянет к правде, к жертве. Лесков изображает своих героев праведниками, людями крепкими, ищущими упрямо некоей всесветной правды, но он относится к ним не с истерическими слезами Дос[тоевского], а с иронией добродушного и вдумчивого человека.

Вот как он говорит об одном эмигранте-нигилисте:

Шерамур. *

Одна у русского человека жизнь и та безделица — это основной мотив всех песен Лескова. Это кажется ему красивым, он часто любуется способностью рус[ского] человека тратить свою жизнь, как безделицу, но — еще чаще вздыхает и печально спрашивает:

---

[1] живого огня

— А к чему же этот оборот дела приведет нас, страну?

Здесь снова особенность Лескова: он писал не о мужике, не о нигилисте, не о помещике, а всегда о русском человеке, о человеке данной страны.

Каждый его герой — звено в цепи людей, в цепи поколений, и в каждом рассказе Лес[кова] вы чувствуете, что его основная дума — дума не о судьбе лица, а о судьбе России.

Как и Щедр[ин], он видел, что культурное общество наше в своих основах шатко и изменчиво, что на него, как на орган рабочий, нельзя возлагать больших надежд, не работоспособно оно.

Большая и лучшая часть деятельности Лескова падает на конец 70[-х]—первую половину 80-х годов, на его глазах о[бщест]во изменяло радикализму для жиденького, уступчивого либерализма 80-х годов.

Это было время, когда Эртель,
Соловьев, Меньшиков... *

И в эту эпоху властителями дум являлись проповедники пассивизма и социального индифферентизма — Толстой, Дост[оевский].

Дети радикалов становились консерваторами, защитниками государственного начала и политики Ал[ександра] III.

Член Исп[олнительного] ком[итета] изъяснял рус[скому] о[бществу], отчего он перестал быть революционером — оказывалось оттого, что вся история западноевропейского человечества — сплошная ошибка, и мы ее не должны повторять.

Человек, типа «ни пава ни ворона», превращался в чиновника особых поручений при г[енерал-]губернаторе и усердно, за совесть служил царю-хозяину.

Вот типичный человек 80-х годов.

[ЛЕВ ТОЛСТОЙ]

*России необходимы университеты, ибо ей нужны тысячи и тысячи докторов, юристов, учителей, инженеров, ученых — все кричат об этом.

«Университеты?» — говорит Т[олстой] в [18]61 г[оду].

IV — 109

— Да, университеты. Я позволю себе анализировать и этот храм премудрости. С моей точки зрения он ни на шаг не только не ушел вперед от женского заведения, но в нем-то и лежит корень зла — деспотизм общества, на который не поднимали еще руку.

Как пансион решил, что нет спасения без инструмента, называемого фортепиано, и языка французского, так точно один мудрец или компания таких мудрецов (пускай под этой компанией будут разуметь представителей европейской науки, от которой мы будто бы преемствовали нашу организацию университетов, все-таки эта компания мудрецов будет очень, очень малочисленна в сравнении с тою массою учащихся, для которой в будущем организован университет) учредила университет для изучения решительно в с е х наук в их высшем, самом высшем развитии и, не забудьте, учредила такие заведения в Москве, в Петербурге, в Казани, в Киеве, в Дерпте, в Харькове, завтра учредит еще в Саратове, в Николаеве, где только захочется, там и учредится заведение для изучения всех наук в их высшем развитии. Я сомневаюсь, чтобы мудрецы эти придумали организацию такого заведения. Воспитательнице еще легче: для нее есть образец — она сама. Здесь же образцы слишком разнообразны и сложны. Но положим, что такая организация придумана; положим — что еще невероятнее — что у нас есть люди для таких заведений. Посмотрим на деятельность такого заведения и его результаты. Я говорил уже о невозможности доказать программу какого бы то ни было учебного заведения, тем менее уни-

верситета, как не готовящего ни к какому другому заведению, но прямо к жизни.*

Почему так? А потому, что должно сохранить за человеком свободу, не следует подчинять личность служению обществу.

105, 104—111—126—129

... Я говорю, что университеты не только русские, но и во всей Европе, как скоро не совершенно свободны, не имеют другого основания, как произвол, и столь же уродливы, как монастырские школы. Я прошу будущих критиков не стушевывать моих выводов: или я вру или ошибается вся педагогика, — средины не может быть. Итак, до тех пор, пока не будет доказано право воспитания, я не признаю его. Но тем не менее, не признавая права воспитания, я не могу не признавать самого явления, факта воспитания, и должен объяснить его. Откуда взялось воспитание и тот странный взгляд нашего общества, то необъяснимое противоречие, вследствие которого мы говорим: эта мать дурна, она не имеет права воспитывать свою дочь — отнять ее у матери; это заведение дурно — уничтожить его, а это заведение хорошо — надо поддержать его?..

Вследствие чего существует воспитание?... Вопрос поставлен так: имеет или нет один человек право на воспитание другого? Нельзя отвечать — нет, но однако же необходимо ответить: да или нет...

. . . . . .

... Для меня одинаково возмутительны гимназии со своей латынью и профессор университета со своим радикализмом или материализмом. Ни гимназист, ни студент не имеют свободы выбора. По моим наблюдениям, даже результаты всех этих родов воспитания одинаково уродливы. Разве не очевидно, что курсы учения наших высших учебных заведений будут в XXI столетии казаться нашим потомкам столь же странными и бесполезными, какими нам кажутся теперь средневековые школы? Так легко притти к тому простому заключению, что если в истории человеческих знаний не было абсолютных истин, а одни ошибки постоянно сменялись другими, то на каком основании принуждать молодое поколение усваивать те знания, которые, наверное, окажутся ошибочными?..

. . . . . .

... цель университета — распространение образования на наибольшее число людей. Возьмем для примера сына мелкого городского купца или мелкого местного дворянина...

. . . . . .

Курс кончен. Я предполагаю своего воображаемого воспитанника одним из лучших воспитанников во всех отношениях. Он приезжает в семью; ему все чужие — и отец, и мать, и родные. Он не верит их верой, он не желает их желаниями, он молится не их богу, а другим кумирам. Отец и мать обмануты, и сын часто желает с ними слиться в одну семью, но уже не может. То, что я говорю, не есть фраза, не есть фантазия. Я знаю очень многих студентов, вернувшихся в свою семью, которые часто оскорбляли верования своих родных, которые почти во всех убеждениях — о браке, о чести, о торговле — расходились со своею семьей. Но дело сделано, и родители утешают себя мыслью, что такой век н ы н ч е и что н ы н е ш н е е образование таково; что не в их среде, но по крайней мере сам по себе их сын сделает себе карьеру, найдет свои средства существовать и даже помогать им и по-своему будет счастлив. К несчастию, в 9 случаях из 10 и тут родители ошибаются. Кончивши курс, студент не знает, куда преклонить голову. Странное дело: те сведения, которые он приобрел, никому не нужны, никто за них ничего не дает. Единственное приложение их в литературе и педагогике, т. е. в науке образовывать опять таких же ненужных людей. Странное дело: образование редко в России, следовательно оно должно бы было быть дорого, высоко ценимо, а на деле выходит, наоборот. Машинисты нам нужны, у нас их мало, и машинистов выписывают из всей Европы и платят им дорого; отчего же образованные университетски (образованных людей у нас мало) говорят, что они нужны, а мы не только ими не дорожим, но им деваться некуда? Отчего человек, кончивший курс у плотника, каменщика и штукатура, получает сейчас и везде 15—17 р., если он работник, и в месяц 25, если он мастер, рядчик, а студент рад, — если он получит десять?..

. . . . . .

Итак, в большей части случаев, вернувшийся к отцу сын из университета не оправдывает надежд родителей и, чтобы не стать бременем для семейства, должен занять место, в котором нужно только уметь писать и в котором он становится в конкуренцию со всеми русскими грамотными. Одним преимуществом остается чин, но только для службы, в которой большее значение имеют связи и другие условия; другим преимуществом является либерализм, ни к чему не приложимый... *

Здесь в схеме изложен так называемый анархизм Т[олсто]го, и — здесь Л[ев] Н[иколаевич] не выдержал линию оригинальности — признал, вкупе со многими, самобытность России.

Чтобы покончить с педагогическими взглядами Т[олстого], посмотрим, как он определяет воспитание:

... Если существует веками такое ненормальное явление, как насилие в образовании, — воспитание, то причины этого явления должны корениться в человеческой природе. Причины эти я вижу: 1) в семействе, 2) в религии, 3) в государстве и 4) в обществе (в тесном смысле — у нас, в кругу чиновников и дворянства).

Первая причина состоит в том, что отец или мать, какие бы они ни были, желают сделать своих детей такими же, как они сами, или, по крайней мере, такими, какими бы они желали быть сами. Стремление это так естественно, что нельзя возмущаться против него. До тех пор, пока право свободного развития каждой личности не вошло в сознание каждого родителя, нельзя требовать ничего другого. Кроме того, родители более всякого другого будут зависеть от того, чем сделается их сын; так что стремление их воспитать его по-своему может назваться если не справедливым, то естественным.

Вторая причина, порождающая явление воспитания, есть религия. Как скоро человек — магометанин, жид или христианин — твердо верит, что человек, не признающий его учения, не может быть спасен и губит свою душу навеки, он не может не желать, хотя насильно, обратить и воспитать каждого ребенка в своем учении.

Повторяю еще раз: религия есть единственное законное и разумное основание воспитания.

Третья и самая существенная причина воспитания заключается в потребности правительств воспитать таких людей, какие им нужны для известных целей. На основании этой потребности основываются кадетские корпуса, училища правоведения, инженерные и другие школы. Если бы не было слуг правительству, не было бы правительства; если бы не было правительства, не было бы государства. Стало быть, и эта причина имеет неоспоримые оправдания.

Четвертая причина, наконец, лежит в потребности о б щ е с т в а — того общества, в тесном смысле, которое у нас представляется дворянством, чиновничеством и отчасти купечеством. Этому обществу нужны помощники, потворщики и участники. . . . . .

Резюмируя... мы приходим к следующим положениям:

1. Образование и воспитание суть два различные понятия.

2. Образование — свободно и потому законно и справедливо; воспитание — насильственно и потому незаконно и несправедливо, не может быть оправдываемо разумом и потому не может быть предметом педагогики.

3. Воспитание, как явление, имеет свое начало: a) в семье, b) в вере, c) в правительстве, d) в обществе.

4. Семейные, религиозные и правительственные основания естественны и имеют за себя оправдание необходимости; общественное же воспитание не имеет оснований, кроме гордости человеческого разума, и потому приносит самые вредные плоды, каковы университеты и университетское образование... *

Вот несколько его кратких изречений о воспитании:

392

... Оба вопроса о воспитании и об отношении к людям сводятся в один вопрос, именно в последний: как относиться к людям не на словах только, а на деле. Если этот вопрос решен и жизнь отца идет по такому или другому решению, то в этой жизни отца и будет все воспитание детей. А если решение правильно, то отец и не введет соблазна в жизнь детей; если же нет, то будет обратное. Знание же, которое приобретут или не приобретут дети, — это дело второстепенное и ни в каком случае не важное. К чему будут способности у ребенка, тому он научится, хотя бы жил в захолустьи...

. . . . . .

... Человек всякий живет только затем, чтобы проявить свою индивидуальность.

Воспитание (современное) стирает ее... *

Вот какой оригинальный вывод — семья, религия, т. е. церковь и государство, властны искажать человека, как это надобно им в их интересах, а о[бщест]во,[1] т. е. вся масса людей, строящих государство, церковь и создающих семью, — не властна воспитывать членов своих.

Разнес Л[ев] Н[иколаевич] университеты и принялся за теорию [2] прогресса:

140—5—7

Что же такое понятие прогресса и вера в него? Основная мысль прогресса и выражение его будет следующее: «человечество постоянно видоизменяется, переживает прошедшее, удерживая от него начатые труды и воспоминания». В переносном смысле это видоизменение человеческих отношений мы называем движением, и видоизменение прошедшего мы называем назад, будущее видоизменение называем вперед. Вообще, в переносном смысле, говорим, что человечество движется вперед. Хотя и выраженное неясно, в переносном

[1] не властно

[2] эволюции

смысле, это положение несомненно. Но за этим несомненным положением верующие в прогресс, в историческое развитие делают другое недоказанное положение, что будто человечество в прежнее время пользовалось меньшим благосостоянием, и чем далее назад — тем менее, и чем более вперед — тем более. Из этого выводят, что для плодотворной деятельности необходимо действовать только сообразно с историческими условиями и что, по закону прогресса, всякое историческое действие поведет к увеличению общего благосостояния, т. е. будет хорошо, и что все попытки остановить или противоречить даже движению истории бесполезны. Вывод этот незаконен потому, что второе положение о постоянном улучшении человечества на пути прогресса ничем не доказано и несправедливо.

Во всем человечестве с незапамятных времен происходит процесс прогресса, говорит историк, верующий в прогресс, и доказывает это положение, сравнивая. положим, Англию 1685 года с Англией нашего времени. Но если бы даже и можно было доказать, сравнивая Россию, Францию и Италию нашего времени с древним Римом, Грецией, Карфагеном и т. д., что благосостояние новых народов более благосостояния древних, меня при этом всегда поражает одно непонятное явление: выводят общий закон для всего человечества из сравнения одной малой части человечества Европы в прошедшем и настоящем. Прогресс есть общий закон для человечества, говорят они, только кроме Азии, Африки, Америки, Австралии, кроме миллиарда людей. Нами замечен закон прогресса в герцогстве Гогенцоллерн-Зигмарингенском, имеющем 3 000 жителей. Нам известен Китай, имеющий 200 миллионов жителей, опровергающий всю нашу теорию прогресса, и мы ни минуты не сомневаемся, что прогресс есть общий закон всего человечества и что мы, верующие в прогресс, правы, а неверующие в него виноваты, и мы с пушками и ружьями идем внушать китайцам идею прогресса. Здравый же смысл говорит мне, что ежели большая часть человечества, весь так называемый Восток, не подтверждает законов прогресса, а, напротив, опровергает его, то закона этого не существует для всего человечества, а существует только верование в него известной части человечества. Я, как и все люди, свободные от суеверия прогресса, вижу только, что человечество живет; что воспоминания прошедшего так же увеличиваются, как и исчезают; что труды прошедшего часто служат основой для новых трудов настоящего, часто служат и преградой для них; что благосостояние людей то увеличивается в одном месте, в одном слое и в одном смысле, то уменьшается; что, как бы мне ни желательно было, я не могу найти никакого общего закона в жизни человечества, а что под-

вести историю под идею прогресса точно так же легко, как подвести ее под идею регресса, или под какую хотите историческую фантазию. Скажу более: я не вижу никакой необходимости отыскивать общие законы в истории, не говоря уже о невозможности этого. Общий вечный закон написан в душе каждого человека. Закон прогресса, или совершенствования, написан в душе каждого человека и только вследствие заблуждения переносится в историю. Оставаясь личным, этот закон плодотворен и доступен каждому; перенесенный в историю, он делается праздною, пустою болтовней, ведущею к оправданию каждой бессмыслицы и фатализма. Прогресс вообще во всем человечестве есть факт недоказанный и несуществующий для всех восточных народов, и потому сказать, что прогресс есть закон человечества, столь же неосновательно, как сказать, что все люди бывают белокурые, за исключением черноволосых... *

Озорство — развивается, принимая характер явного реакционерства — реакционерство, по приложению к Т[олстому] — общепризнанному и в Европе гением — резкое, дерзкое слово. Но мы его оставим, раз оно сказано.

Перейдем ко взглядам Л[ьва] Н[иколаевича] на науку; суждения Т[олстого] о ней относятся к [18]98 г[оду], но он мог бы высказать их в этой же отрицающей форме и в [18]58 году.

Дело в том, что всякая наука прежде всего — дисциплина, а дисциплина всегда была врагом мышления Толстого.

Немец Карпентер* написал статью «Современная наука». Суть статьи в следующих строках:

«Каждая наука, — говорит он, — объясняет явления, ею исследованные, по возможности понятиями низшего порядка. Так, этика сведена на вопросы полезности и унаследованных привычек; из политической экономии изъяты все понятия о справедливости между людьми: о сострадании, о привязанности, о стремлениях к солидарности, и она основана на принципе самого низшего порядка, какой только можно было в ней найти, а именно: на принципе личного интереса. Из биологии исключено значение личности как в растениях и животных, так и в людях; вопрос о сознании личности здесь устранен и сделана попытка свести вопросы биологии к взаимодействию клеток и к химическому сродству — к протоплазме и к явлениям космоса. Затем химическое сродство и все удивительные явления физики сведены к движениям атомов, а движения атомов, так же как и движения небесных тел, сведены к законам механики».

Предполагается, что сведение вопросов высшего порядка к вопросам низшего разъяснит вопросы высшего порядка. Но разъяснение это никогда не получается, и делается только то, что, спускаясь в своих исследованиях все ниже и ниже, от самых существенных вопросов к менее существенным, наука приходит, наконец, к области совершенно чуждой человеку, только соприкасающейся с ним, и на этой-то области и останавливает свое внимание, оставляя все самые важные для человека вопросы без всякого разрешения... *

Ничего особенно оригинального в этих словах нет, повторялись они тысячу раз, повторяются и в наши дни, их источник — чувство протеста против тех обязанностей, которые налагает на человека современное развитие знаний.

Каков смысл всей суммы наших знаний? Они говорят нам: главный враг человека — природа, а потому люди, существа разумные, должны соединить всю силу своего разума во единую целостную энергию и противопоставить ее стихиям, в целях победы над ними.

Далее — знание истории учит нас, что, при современных об[щественн]ых отношениях, люди не могут объединиться для дружной борьбы с природой, что классовая рознь создает ряд противоречий, что эти противоречия, развиваясь при сознательном нашем вмешательстве в их игру, пожрут наконец сами себя, и человек освободится от экономического и политического рабства.

С этой точки зрения все, а равно и рост знаний наших — развитие науки, как орудия нашей самозащиты — все стоит в зависимости от общественно-экономических отношений, кои и должны быть изменены прежде всего.

Так учит очевидность, так говорит весь нам известный опыт и, говоря так, он обязывает нас к активному вмешательству во все дела жизни.

Толстой приветствует идеи Карпентера, он говорит, что наука, собственно, обман, что в ней —

XIII — 480

... Простой и разумный рабочий человек по старому, да кроме того по здравому смыслу предполагает, что если есть люди, которые всю жизнь учатся и за то, что он их кормит и содержит, думают за него, то, вероятно, люди эти заняты тем, чтобы изучать то, что нужно людям, и он ждет от науки, что она разрешит для него те вопросы, от которых зависит благо его и всех людей. Ожидает он, что наука научит его, как надо жить, как обходиться с семейными, как с ближними, как с иноплеменниками, как бороться со своими страстями, во что надо, во что не надо

верить и многому другому. И что же ему говорит на все эти вопросы наша наука?

Она с торжеством объявляет ему, сколько миллионов миль от солнца до земли, с какой быстротой пробегает пространство свет, сколько миллионов колебаний эфира в секунду для света и сколько колебаний воздуха для звука; рассказывает о химическом составе млечного пути, новом элементе — гелии, о микроорганизмах и их испражнениях, о тех точках руки, в которых сосредоточивается электричество, об икс-лучах и тому подобном... *

Мы знаем, что это так совершается и говорим: — Надо ускорить процесс совершенствования жизни путем активного вмешательства человеческого сознания во все дела жизни.

Толстой говорит:

521

... Жизнь есть только то, что я сознаю в себе. Сознаю же я всегда свою жизнь не так, что я был или буду (так я рассуждаю о своей жизни), а сознаю свою жизнь так, что я есмь — никогда нигде не начинаюсь, никогда нигде и не кончаюсь. С сознанием моей жизни не соединимо понятие времени и пространства. Жизнь моя проявляется во времени, пространстве, но это только проявление ее. Сама же жизнь, сознаваемая мною, сознается мною вне времени и пространства. Так что при этом взгляде выходит наоборот: не сознание жизни есть призрак, а все пространственное и временное призрачно. И потому временное и пространственное прекращение телесного существования при этом взгляде не имеет ничего действительного и не может не только прекратить, но и нарушить моей истинной жизни. И смерти при этом взгляде не существует... *

Итак: истинная жизнь протекает вне времени и пространства, эта жизнь и важна, земля же и все земное — есть временное, неважное, человек должен, по возможности, освобождать себя от всего земного, и — отсюда вывод:

— самое лучшее для человека дело — «неделание», самая достойная поза для него — поза наблюдателя призрачных явлений так называемой жизни, наблюдателя, бытие которого не прекращается с распадением его земной оболочки.

Раньше мы видели, что Т[олстой] реакционен в отношении к об[щест]ву, что он всегда стремился встать в оппозицию всем прогрессивным течениям о[бществен]ной мысли и, по возможности, осмеивал все, над чем и можно и нельзя было смеяться, — нельзя потому, что некоторые культурные завоевания рус[ского]

о[бщест]ва слишком много требовали кровавого пота и [1] страшных усилий для своего осуществления.

Толстой первый по времени выразитель [2] реакционных течений в рус[ской] мысли, если б мы имели время — мы встретили б его идеи у всех реакционеров-писателей, вроде Маркевича, Крестовского, Орловского, отчасти у Лескова, не мало у Достоевского и т. д. Вы видите, что и его [3] мышление [о] всей жизни — не только о русской — тоже глубоко реакционно.

Но — вспомним, что он [4] признан наиболее полным выразителем всех особенностей т[ак] н[азываемого] «русского духа», с его пассивной покорностью судьбе, с его анархизмом, который всегда направляется против всяких строительских попыток, против дисциплины, без которой невозможен продуктивный труд.

Вред идей Т[олстого] как философа — очевиден для нашей страны, которая нуждается как раз именно в том, что отрицает самый громкий ее голос, — нуждается в знаниях, в науке, в демократизации научных знаний.[5] Еще более вреда приносит проповедь пассивного отношения к жизни, — там, где все спасение — в активности, в работе.

До сей поры мы говорили о Толстом — мыслителе, философе; этого Толстого Европа мало знает, а поскольку узнала, не увлекается им, ибо у нее религиозные мыслители были и раньше и крупнее Толст[ого].[6]

Нам нужно помнить, что основные посылки к своим выводам Т[олстой], по его словам, взял у крестьян-сектантов Сютаева и Бондарева и что Каутским указано на совпадение мыслей Т[олстого] с учением английской секты квакеров; отсюда видно, что мысль Т[олстого] направлялась всегда по линии интересов крестьянской массы.

Теперь обратимся к Т[олстому] как художнику, романисту: в этой области он воистину велик и заслуженно славен.

Основной темой художественного творчества Т[олстого] является такая задача: как найти в хаотической русской жизни удобное место хорошему русскому барину Нехлюдову? Иными словами — гр. Толстой ищет в жизни место для гр. Толстого, ибо Нехлюдов, Левин, Иртеньев, Оленин, — все это портреты автора, все это этапы его духовного развития.

Сначала мы видим его в детстве, отрочестве и юности под именем Коли Иртеньева, мечтательного и крайне самолюбивого

---

[1] нечеловеческих

[2] протеста против

[3] отношение ко

[4] является

[5] в росте, развитии демократической мысли

[6] Руссо. Во Фр[анции] и Ан[глии] его считают последователем Руссо.

мальчика, о котором мы уже говорили. Затем этот мальчик, бросив университет, едет в деревню под именем кн[язя] Нехлюдова, едет с такими целями:

II-я Начало *

[1]Мы уже знаем, как однажды утром в деревне к[нязь] Нехлюдов пошел благодетельствовать мужиков и как они его встретили: — эта первая же неудача, первое столкновение с действительностью вызывает у Нех[людова] такие мысли:

55—7—8

«Боже мой! Боже мой! — думал Нехлюдов, большими шагами направляясь к дому по тенистым аллеям заросшего сада и рассеянно обрывая листья и ветки, попадавшиеся ему на дороге, — неужели вздор были все мои мечты о цели и обязанностях моей жизни? Отчего мне тяжело, грустно, как будто я недоволен собой, тогда как я воображал, что, раз найдя эту дорогу, я постоянно буду испытывать ту полноту нравственно удовлетворенного чувства, которую испытывал в то время, когда мне в первый раз пришли эти мысли». И он с необыкновенной живостью и ясностью перенесся воображением за год тому назад, к этой счастливой минуте...

. . . . . .

Он видел перед собой огромное поприще для целой жизни, которую он посвятит на добро и в которой, следовательно, будет счастлив. Ему не надо искать сферы деятельности: она готова; у него есть прямая обязанность,— у него есть крестьяне... И какой отрадный и благодарный труд представляется ему: «действовать на этот простой, восприимчивый, неиспорченный класс народа, избавить его от бедности, дать довольство, передать им образование, которым, по счастию, я пользуюсь, исправить их пороки, порожденные невежеством и суеверием, развить их нравственность заставить полюбить добро... Какая блестящая, счастливая будущность! И за все это я, который буду делать это для собственного счастия, я буду наслаждаться благодарностью их, видеть, как с каждым днем я дальше и дальше иду к предположенной цели. Чудная будущность! Как мог я прежде не видать этого?»...

. . . . . .

«Где эти мечты? — думал теперь юноша, после своих посещений подходя к дому. — Вот уже больше года, что я ищу счастия на этой дороге, и что ж я нашел? Правда, иногда я чувствую, что могу быть довольным собою; но это какое-то сухое, разумное довольство. Да и нет, я просто

[1] Зачем нужно итти в деревню

недоволен собой! Я недоволен, потому что я здесь не знаю счастия, а желаю, страстно желаю счастия. Я, не испытав наслаждений, уже отрезал от себя все, что дает их. Зачем? За что? Кому от этого стало легче? Правду писала тетка, что легче самому найти счастие, чем дать его другим. Разве богаче стали мои мужики? образовались или развились нравственно? Нисколько. Им стало не лучше, а мне с каждым днем становится тяжеле. Если бы я видел успех в своем предприятии, если бы я видел благодарность..., но нет, я вижу ложную рутину, порок, недоверие, беспомощность. Я даром трачу лучшие годы жизни...» *

В деревню итти надобно было, вероятно, не только по силе тех добрых чувств, о которых рассказывает сам Нех[людов], а еще и потому, что деревня разорялась, ускользала из рук.

Но и добрые чувства субъективно играли здесь роль сильную: человеку необходимо было «полное нравственное удовлетворение», — вещь вообще невозможная, существующая только в области мечты.

Для полного нравственного удовлетворения требуется устройство всего мира, всей жизни по плану, который предначертан неким «я» — субъектом, для которого удовлетворение это необходимо и притом необходимо при жизни, как можно скорее и непременно — полное.

Нехлюдовы [1] так именно и мыслят, того именно и хотят — полного и немедленного удовлетворения своих запросов и, надо правду говорить, так мыслит, к этому стремится большинство русских думающих людей.

«Я не хочу счастья и даром, если не буду спокоен на счет к а ж д о г о из моих братьев по крови!»

«Говорят, что дисгармония есть условие гармонии, может быть, это выгодно и усладительно для любителей музыки, но уж не для тех, которым суждено своей участью выразить идею дисгармонии» * — говорил Белинский.

Достоевский, схватив эти слова, немедля развил их:

Дост[оевский] 289

... Слушай: если все должны страдать, чтобы страданием купить вечную гармонию, то при чем тут дети, скажи мне, пожалуйста? Совсем непонятно, для чего должны были страдать и они, и зачем им покупать страданиями гармонию? Для чего они-то тоже попали в материал и унавозили собою для кого-то будущую гармонию?..

. . . . . .

... Видишь ли, Алеша, ведь, может быть, и действительно так случится, что когда я сам доживу до того мо-

[1] или Толстой

мента, али воскресну, чтоб увидать его, то и сам я, пожалуй, воскликну со всеми, смотря на мать, обнявшуюся с мучителем ее дитяти: «Прав ты, господи», но я не хочу тогда восклицать. Пока еще время, спешу оградить себя, а потому от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стóит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре своей неискупленными слезками своими к «боженьке»! Не стóит, потому что слезки его остались неискупленными. Они должны быть искуплены, иначе не может быть и гармонии. Но чем, чем ты искупишь их? Разве это возможно? Неужто тем, что они будут отомщены? Но зачем мне их отмщение, зачем мне ад для мучителей, что тут ад может поправить, когда те уже замучены?..

. . . . . .

... Не хочу гармонии, из-за любви к человечеству не хочу. Я хочу оставаться лучше со страданиями неотмщенными... *

Вы подумайте — какой смелый этот русский народ! Так прямо и говорит: давай все или ничего не надо!

Но, к сожалению, эта храбрость на мой взгляд — храбрость нищего, храбрость лентяя. Давай! Кричат — давай, но кому же кричат? Прошлому кричат, ибо бог и все прочее — суть уже прошлое; это — просто, как мы знаем, более или менее неудачно организованный опыт поколений, предшествовавших нам. Мы — наследники этого опыта, мы — его законные хозяева, нам некому кричать — давай! Все в мире принадлежит нам, но мы ничего не можем изменить в наследии прошлого жалобами и мечтами, как бы они красиво ни звучали, мы должны переработать его так, как нам нужно в наших целях, взять то, что ценно для фундамента будущего, а то, что излишне нам, — откинуть.

Нехлюдовы, Карамазовы, а за ними современные нам Булгаковы и Бердяевы смотрят на дело иначе — давай все сейчас же, или я отрицаю, не принимаю весь мир!

[1]Возвращаемся к истории Нехлюдова: разочарованный в мужичках, он едет — под именем Оленина — на Кавказ, влюбляется там в казачку, рисуется этой любовью сам пред собой и пишет:

П — 243—39

... Я писал прежде о своих новых убеждениях, которые вынес из своей одинокой жизни; но никто не может знать, каким трудом выработались они во мне, с какою радостью сознал я их и увидал новый, открытый путь в жизни. Дороже этих убеждений ничего во мне не было... Но... пришла любовь, и их нет теперь, нет и сожаления о них! Даже понять, что я мог дорожить таким односторонним, холодным

[1] Не принимай, скажем мы, мир от этого не исчезнет

умственным настроением, для меня трудно. Пришла красота и в прах рассеяла всю египетскую жизненную внутреннюю работу. И сожаления нет об исчезнувшем! Самоотвержение — все это вздор, дичь. Это все гордость, убежище от заслуженного несчастья, спасение от зависти к чужому счастию. Жить для других, делать добро! Зачем? Когда в душе моей одна любовь к себе и одно желание — любить ее и жить с нею, ее жизнью. Не для других, не для Лукашки я теперь желаю счастья. Я не люблю теперь этих других. Прежде я бы сказал себе, что это дурно. Я бы мучился вопросами: что будет с ней, со мной, с Лукашкой? Теперь мне все равно. Я живу не сам по себе, но есть что-то сильнее меня, руководящее мною. Я мучаюсь, но прежде я был мертв, а теперь только я живу...

. . . . . .

Мне пишут из России письма соболезнования; боятся, что я погибну, зарывшись в этой глуши. Говорят про меня: он загрубеет, от всего отстанет, станет пить и еще чего доброго женится на казачке. Не даром, говорят, Ермолов сказал: кто десять лет прослужит на Кавказе, тот либо сопьется с кругу, либо женится на распутной женщине. Как страшно! В самом деле, не погубить бы мне себя, тогда как на мою долю могло бы выпасть великое счастье стать мужем графини Б., камергером или дворянским предводителем. Как вы мне все гадки и жалки! Вы не знаете, что такое счастье и что такое жизнь! Надо раз испытать жизнь во всей ее безыскусственной красоте. Надо видеть и понимать, что я каждый день вижу перед собой: вечные неприступные снега гор и величавую женщину в той первобытной красоте, в которой должна была выйти первая женщина из рук своего творца, и тогда ясно станет, кто себя губит, кто живет в правде или во лжи: вы или я... Надо видеть и понять, что такое правда и красота, и в прах разлетится все, что вы говорите и думаете, все ваши желания счастия и за меня, и за себя. Счастие — это быть с природой, видеть ее, говорить с ней. «Еще он, избави боже, женится на простой казачке и совсем пропадет для света», воображаю, говорят они обо мне с истинным состраданием. А я только одного и желаю: совсем пропасть в вашем смысле, желаю жениться на простой казачке и не смею этого, потому что это было бы верх счастия, которого я недостоин... *

Не понимать здесь нечего, дело ясное: живет на свете человек, которому хочется видеть себя первейшим красавцем в мире, благороднейшим человеком в нем, и чтоб достичь этой цели становится сам пред собою в разнообразные красивейшие позы.

Уже сказано, что основная пружина всех действий Нехлюдова — самолюбие; посмотрим еще раз, как оно выражается у него:

I. Юн[ость] 257 — сле[дующие] *

Так ведет себя Коля Иртеньев, а вот поведение князя Нехлюдова в «Люцерне»:

III—210—218

... И всем им, казалось, так было спокойно, удобно, чисто и легко жить на свете, такое в их движениях и лицах выражалось равнодушие ко всякой чужой жизни и такая уверенность в том, что швейцар им посторонится и поклонится и что, воротясь, они найдут чистую, покойную постель и комнаты, и что все это должно быть, и что на все это они имеют право, — что я вдруг невольно противопоставил им странствующего певца, который, усталый, может быть голодный, со стыдом убегал теперь от смеющейся толпы, — понял, что̀ таким тяжелым камнем давило мне сердце, и почувствовал невыразимую злобу на этих людей. Я два раза прошел туда и назад мимо англичанина, с невыразимым наслаждением оба раза, не сторонясь ему, толкнув его локтем, и, спустившись с подъезда, побежал в темноте по направлению к городу, куда скрылся маленький человек...

. . . . . .

Лакей не понимал меня, и моя немецкая речь пропадала даром. Грубый швейцар вступился было за лакея, но я напал на него так стремительно, что швейцар притворился, что тоже не понимает меня, и махнул рукой. Горбатая судомойка, заметив мое разгоряченное состояние и боясь скандала или разделяя мое мнение, приняла мою сторону и, стараясь стать между мной и швейцаром, уговаривала его молчать, говоря, что я прав, а меня просила успокоиться. «Der Herr hat Recht; Sie haben Recht», твердила она... *

[1]Это очень характерно: [2] гнев Нехлюдова, его активное чувство всегда развивается по линии наименьшего сопротивления: не против того, кто, как кажется князю, действительно оскорбил его, а против товарища Дубкова, не против о[бщест]ва, обидевшего невниманием своим музыканта, а против лакеев.

Взяв всю деятельность Тол[стого] в ее целом, мы увидим, что и она всегда направлялась по той же линии — он учил не перестраивать мир, а подчиниться ему, да, подчиниться. Вот как он рассуждал в [18]57 г[оду] по поводу события в Люцерне с музыкантом:

---

[1] И далее Нехлюдов рассуждает:

[2] Это следует заметить

Седьмого июля 1857 года, в Люцерне перед отелем Швейцергофом, в котором останавливаются самые богатые люди, странствующий нищий-певец в продолжение получаса пел песни и играл на гитаре. Около ста человек слушали его. Певец три раза просил всех дать ему что-нибудь. Ни один человек не дал ему ничего, и многие смеялись над ним.

. . . . . .

... Нет, сказалось мне невольно, ты не имеешь права жалеть о нем и негодовать на благосостояние лорда. Кто свесил внутреннее счастие, которое лежит в душе каждого из этих людей? Вон он сидит теперь где-нибудь на грязном пороге, смотрит в блестящее лунное небо и радостно поет среди тихой, благоуханной ночи; в душе его нет ни упрека, ни злобы, ни раскаяния. А кто знает, что делается теперь в душе всех этих людей, за этими богатыми, высокими стенами? Кто знает, есть ли в них всех столько беззаботной, кроткой радости жизни и согласия с миром, сколько ее живет в душе этого маленького человека? Бесконечна благость и премудрость того, кто позволил и велел существовать всем этим противоречиям. Только тебе, ничтожному червяку, дерзко, беззаконно пытающемуся проникнуть его законы, его намерения, только тебе кажутся противоречия. Он кротко смотрит со своей светлой, неизмеримой высоты и радуется на бесконечную гармонию, в которой вы все противоречиво, бесконечно движетесь. В своей гордости ты думал вырваться из законов общего. Нет, и ты с своим маленьким ношленьким негодованьицем на лакеев, и ты тоже ответил на гармоническую потребность вечного и бесконечного... *

Итак — да здравствует гармония! Все в высокой степени превосходно и остается только наслаждаться радостями бытия. Но это примирение ненадолго — жизнь не позволяет мириться с нею, всячески раздражая человека, требуя от него активности, требуя участия в ней.

Пережив однажды увлечение деревней, Кавказ, Люцерн, Т[олстой] снова возвращается в Я[сную] П[оляну], открывает там школу, учит ребят, пишет статьи по педагогике, полемизирует и пишет величайшее произведение мировой литературы в XIX в[еке] «Войну и мир».

Эта гениальная книга стоит вне линии нашего исследования. Для нашей темы в ней всего ярче тип мужичка П[латона] Каратаева, человека, который лишен сознания своей индивидуальности, считает себя ничтожной частью огромного целого и говорит, что смерть и несчастия одной личности сменяются полнотой жизни и радостью для некоторого другого, и в этом состоит мировой порядок, гармония. Мир оправдан весь, со всем его

злом, со всеми несчастиями и зверской борьбой людей за власть друг над другом.

Но гармония эта сомнительна; ведь зло-то оправдано лишь потому, что русский мужик будто бы добродушно согласился. —

— Ничего! Делай со мной, что хошь; хоть кожу сдирай с живого, — я потерплю! Ничего. Я, ведь, не человек, а так — часть чего-то великого. Валяй, я все готов претерпеть!

Эта же утешительная философия прекрасно изображена в рассказе «Три смерти», где мужик умирает с огромным удовольствием; но как ни великолепно изображай готовность мужичка к страданиям и смерти, ради устроения мирового порядка, однако, в действительности, он ко всему этому не обнаруживает стремления, а, напротив — хочет жить и в этом желании преград себе не видит: он и сохач, и вор, и разбойник, пьяница, он и барина ненавидит, и бунтует, он ищет, где лучше, как лучше и вообще, хоть медленно, неуклюже, а шевелится, подталкиваемый ходом жизни.

И он все-таки растет, этот мужик; если вы вспомните мужиков из «Утра помещика» и сравните их с мужиками «Воскр[есения]» — это уже разные мужики, хотя бы только потому, что у вторых недоверие к барской философии еще более резко выражено. Но эти действительные, реальные мужики совершенно не годятся для гармонии и потому Нехлюдову необходимо создать удобного мужика. Т[олстой] так и делает: все свои наблюдения над мужиком до реформы он влагает в святого Платона Каратаева, а из наблюдения над пореформенным мужичком строит золотаря Акима.

Первый мужик отрицает себя, отрицает в себе личность, чем не то чтобы оправдывает [1] существование рабства, но во всяком случае делает его явлением незначительным, сходится в отношении к нему с митрополитом Филаретом, который на вопрос Николая, надо ли уничтожить креп[остное] право? — ответил:

— Церкви безразлично, кто сын ее — раб или свободный.

[2]Второй мужик [3] критикует, судит и отрицает культуру — всю культуру, вместе с Толс[тым].

— Первое дело — таё — бог — таё. *

И, как мы знаем, ни тот, ни другой ничего общего с действительностью не имеют и нужны они оба только для того, чтоб князь Нехлюдов устроился и внутренно и внешне как можно удобнее.

В промежутке между созданием Каратаева и Акима Толстой написал другую великолепную книгу свою — «Анну Каренину».

В этой книге Нехлюдов является под именем Левина. Левин живет в деревне, учит детей крестьянских, работает в земстве,

---

[1] крепостное право

[2] И для каратаевской гармонии

[3] судья

охотится, но ничто его не удовлетворяет и, наконец, он чувствует, что ему просто «нечем жить», совершенно нечем!

Он собирается жениться и не может понять — любит свою невесту или нет? В бога он, конечно, не верит, но тайно ищет этой веры и несколько стыдится своих исканий, когда они становятся слишком явными.

Неверие его не глубоко: Л[ев] Н[иколаевич] подставил ему Платона Каратаева, одетого в рясу священника, и вот что из этого вышло:

X. 9—13 *

Он уяснит это себе в конце романа и уяснит еще раз, превратившись снова в князя Нехлюдова в романе «Воскр[есение]».

X—454

> ... Левин шел большими шагами по большой дороге, прислушиваясь не столько к своим мыслям (он не мог еще разобрать их), сколько к душевному состоянию, прежде никогда им не испытанному...
>
> . . . . . .
>
> ... Он чувствовал в своей душе что-то новое и с наслаждением ощупывал это новое, не зная еще, что это такое. «Не для нужд своих жить, а для бога...» *

Слава в вышних богу! — и кончено!

А гармонии-то спять не получается, ибо на земле нет мира и нет в человецех благоволения!

На земле идет битва за кус хлеба и нет никакой гармонии, ни вне человека, ни внутри его. Левину же эта гармония необходима и — как можно скорее, сейчас вот, при жизни.

Ясно, стало быть, что он снова взбунтуется, во всем усомнится и накричит, наговорит дерзостей культуре, прогрессу, либералам, революционерам, Бетховену, богу, Шекспиру и т. д. и снова придет туда же, где не однажды был, — к единственной возможной для него гармонии — к единению с неким высшим разумом [1], или богом, отрицающим человека.

В р[омане] «Воск[ресение]» Толс[той] заставляет, наконец, князя Нех[людова] принять кроткий вид и покорную веру мужичка Плат[она] Каратаева, но этим дело не может кончиться.

Здесь самолюбие, разросшееся до небес, т[ак] сказать, и от приниженния оно только еще выше разрастается.

Гармония необходима, а для Нех[людова], даже и одетого в зипунишко мужичка, — нет гармонии. Тогда Л[ев] Н[иколаевич] будет искать оную гармонию путем отрицания:

— На земле много зла — не делайте ничего и не будет зла. [2]Итак, почти все художественное творчество Тол[стого]

[1] для которого земля и все деяния ее — пустяки, достойные только одного — полного отрицания.

[2] Еще лучше — не женитесь и не плодите детей, тогда уже совсем...

сводится к единой теме: найти для князя Нехлюдова место на земле, хорошее место, с которого вся жизнь мира представлялась бы ему гармонией, а он сам себе — красивейшим и величайшим человеком мира.

Увлечение Генри Джорджем, народным образованием и все иные бесчисленные увлечения и отрицания Т[олстого] — есть лишь частные случаи этой главной практики — стремления пристроить к русской жизни хорошего русского барина, последнего представителя вымирающего [1] дворянства, или, вернее, той части дворянства, которое явилось у нас родоначальником и творцом культуры.

Задача эта не так мала, какой она кажется; нет, это задача огромная: она требует, чтоб все лучшие качества психики данного класса были отражены «как солнце в малой капле вод» в одном лице и чтоб это лицо прошло по всем путям русской жизни, столкнулось со всеми ее явлениями.

Эта огромная работа последнего и действительного аристократа русской литературы выполнена им с изумительной силой и полнотой.

60 лет ходил по Р[оссии] князь Нех[людов], заглядывая всюду: в деревню и сельскую школу, в Вяземскую лавру и за границу, в тюрьмы, этапы, в кабинеты министров, в канцелярии губернаторов, в избы, на постоялые дворы и в гостиные аристократических дам.

60 лет звучал суровый и правдивый голос, обличавший всех и все; он рассказал нам о русской жизни почти столько же, как вся остальная наша литература.[2]

Историческое значение работы Т[олстого] уже теперь понимается как итог всего пережитого русс[ким] о[бщест]вом за весь XIX в[ек], и книги его останутся в веках, как памятник упорного труда, сделанного гением; его книги — документальное изложение всех исканий, которые предприняла в XIX в[еке] личность сильная, в целях [3] найти себе в истории Росс[ии] место и дело.

Мы не должны останавливаться на выводах Толстого, на его грубо-тенденциозной проповеди пассивизма; мы знаем, что эта проповедь, в конечных выводах своих, глубоко реакционна, знаем, что она была способна причинить вред и причинила даже— все это так!

Но — за всем этим остаются широко написанные, живые и яркие картины русской жизни во всех ее слоях, остаются глубоко взятые, изумительно просто и правдиво рассказанные человеческие жизни, душевные переживания. И эта работа имеет

---

[1] культурного

[2] с ее крупнейшими людями

[3] принять

цену неоспоримую, она — колоссальна,[1] она есть нечто, чем мы имеем право гордиться, что может научить нас[2] уважать человека, понимать жизнь и безбоязненно думать о всех вопросах.

Т[олстой] глубоко национален, он с изумительной полнотой воплощает в своей душе все особенности сложной русской психики: в нем есть буйное озорство Васьки Буслаева и кроткая вдумчивость Нестора летописца, в нем горит фанатизм Аввакума, он скептик, как Чаадаев, поэт не менее, чем Пушкин, и умен, как Герцен — Толстой это[3] целый мир[4]. Человек, глубоко правдивый, он еще потому ценен для нас, что все его художественные произведения, написанные со странной, почти чудесной силой,— все его романы и повести — в корне отрицают его религиозную философию.

Действительность — живой процесс, постоянно текучий, изменяющийся, этот процесс всегда и шире и глубже всех возможных обобщений.

Он часто бывал грубо-тенденциозен в своих попытках подтвердить выводы свои непосредственно взятой действительностью, но действительность, даже и подтверждая иногда тенденцию пассивизма, все-таки указывала направление, единственно достойное человека — к активизму, к непосредственному вмешательству в жизнь человеческой воли и разума.

Т[олстой] видел это и сам осмеивал свои попытки, но осмеяв их, снова принимался за то же — т. е. желал обработать действительность в интересах своей тенденции.

Лично Т[олстой] всегда стремился отделить себя от всех людей, встать над ними — это естественное побуждение человека, который знает, что именно он является личностью, завершающей целый период истории своей страны, личностью, которая воплощает в себе все, до чего доработался за сто лет его коллектив, его класс.

Он, конечно, должен был отказаться от боевых тенденций своего класса, ибо класс этот кончил свою роль и разлагается, тенденции его — мертвы, реакционны. Толстой осудил их судом строгим, словами резкими и поставил на место их идею христианского анархизма. Мы не в праве требовать от него большего, сообразив, как длинен и труден пройденный им путь, мы увидим, что этот человек сделал поистине огромное дело: дал итог пережитого за целый век и дал его с изумительной правдивостью, силой и красотой.

Не зная Т[олстого] — нельзя считать себя знающим свою страну, нельзя считать себя культурным человеком.

---

[1] и поучительна

[2] многому

[3] огромный

[4] нечто изумительно полное, богатое и яркое. Он — еще тем ценен, что никогда не лгал и ничего не украшал для...

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 5. *демагогией*. В рукописи трудно разобрать: зачеркнута или не зачеркнута фраза. Печатаем ее в основном тексте, поскольку Горький развивает эту мысль в дальнейшем изложении, — в главах, где речь идет о буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции.

совершенно! А. С. Пушкин, «Путешествие из Москвы в Петербург» («Мысли на дороге»), гл. «Горюк (О цензуре)». Горький цитирует по собр. соч. А. С. Пушкина, «Просвещение», СПБ, т. VI, стр. 357—358. Хранится в его библиотеке.

мыслей. Там же, стр. 357.

Стр. 6. Наброски плана на отдельном листе.

Стр. 8. Начало главы не найдено.

Бильб[асов] 170. Горький ссылается на книгу В. А. Бильбасова «История Екатерины II», изд. Штура, Берлин, т. II, гл. X, стр. 170 и след., где автор рассказывает о «заговоре Гурьевых и Хрущевых», имевшем, будто бы, целью возвести на престол Ивана Антоновича. В библиотеке Горького хранится экземпляр книги Бильбасова, в нем отмечены Горьким стр. 170—174, 178, 179, 181—182 десятой главы.

346. Горький ссылается на ту же книгу Бильбасова — XVIII главу, стр. 346 и след., где автор рассказывает о смерти Ивана Антоновича, убитого во время Шлиссельбургского «бунта» 1764 г. Отмечены стр. 346—348.

190—2—[1]94. Горький ссылается на ту же книгу Бильбасова — гл. XI, стр. 190 и след., посвященные указам Екатерины II, в том числе указам о лихоимстве — стр. 190—192 и об иностранных поселенцах в России — стр. 194. Отмечены стр. 189—194.

Стр. 9. *Защитимся*. Источник этой цитаты, как и следующей на той же странице, не разыскан.

вопрос. В. И. Семевский, «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первую половину XIX века», СПБ, 1888, тт. I и II.

Стр. 10. *престол*. Приведено в книге П. П. Фирсова «Пугачевщина. Опыт социолого-психологической характеристики», М., 1908, гл. «Имя Петра III в народе и зарождение самозванческого замысла», стр. 54—55. Горький цитирует, видимо, по этой книге; она имелась в его библиотеке в годы работы над рукописью. Приводится также в ст. Яцымирского «Лже-Петр III у черногорцев», «Исторический вестник», 1907, кн. VIII и «Отголоски Пугачевского бунта по архивным данным», «Русская старина», 1905, кн. VI.

жив. О самозванцах Кремневе, Чернышеве, Асланбекове в связи с волнениями крепостных крестьян рассказывает Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен» М., 1881, т. XXVI, гл. II, стр. 154—155. Приведено также в указанной книге Фирсова — стр. 56, по которой Горький цитирует.

152. Горький ссылается на книгу В. А. Бильбасова, «История Екатерины II», т. II, гл. XI, стр. 198 и след., рассказывающие о «беглых», о положении заводских крестьян. Отметки на стр. 196—203. Тут же ссылка на «Древнюю и новую Россию», 1877, т. II, где Горьким отмечена статья В. И. Семевского «Волнение крестьян, приписанных к Олонецким заводам в 1769—1771 гг.» Отмечены стр. всей статьи в №№ 6 и 7: 151—163 и 251—262.

«времени. Здесь в рукописи, видимо, пропуск: нет «подробной» характеристики положения заводского крестьянства, нет «картины времени». Этот пропуск необходимо иметь ввиду при чтении всей первой главы. Не подлежит сомнению, что написанная Горьким «картина времени» — т. е. картина положения крестьянства в царствование Екатерины II существенным образом дополнила характеристику этого царствования и делала более четкой и правильной оценку исторической роли Екатерины II. В эти годы — 1907 — 1909 — Горький задумал написать роман из истории восстания Степана Разина, для чего была составлена им подробная библиография крестьянского движения, собирались и изучались труды по истории этого движения.

Стр. 11. *13%.* По переписи 1897 года городское население России составляло 16 503 996 душ, т. е. 13% по отношению к общему числу жителей, которое равнялось 126 336 827 душам.

что. Пропуск в рукописи.

неудач[ных]. Горький ссылается на «Записки» А. Т. Болотова, «Жизнь и приключения Андрея Болотова», Изд. «Русской старины», 1871—73 гг.. Болотов приводит факты убийства помещиков крепостными. Статистика убийств помещиков крепостными приведена у Фирсова в указанной книге «Пугачевщина».

подпирай! Стихотворение Дмитриева «Пой, скачи, кружись, Параша...»

свет. Стихотворение Дмитриева «Стансы к Н. М. Карамзину».

Стр. 12. *случаи.* В. Г. Белинский, «Сочинения Александра Пушкина», ст. 1-я — «Обозрение русской литературы от Державина до Пушкина».

Стр. 13. *имеет.* Из возражений поэта Сумарокова на екатерининский «Наказ»: «Примечено, — писал Сумароков, — что помещик крестьян, а крестьяне помещиков очень любит, а наш низкий народ никаких благородных чувствий не имеет». Слова эти, характерные для взглядов крепостников, обсуждавших «Наказ» Екатерины, приводятся во многих исторических и историко-литературных трудах, например: у Соловьева — в его «Истории России с древнейших времен», у Семевского — в указанной книге: «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первую половину XIX века». Оба труда были хорошо известны Горькому. Первоисточник — «Сборник русского исторического общества», т. X, стр. 84—86.

сосредоточивалась. Так в рукописи.

Стр. 14. *полицию.* Приведено в книге Л. Н. Майкова «Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий», изд. Суворина, СПБ, 1881. Статья «Театральная публика во времена Сумарокова».

Басня. Примеры басен в рукописи не приведены.

Стр. 15. *зрители.* Горький цитирует по статье Д. Дмитриева «Русская театральная публика во времена Сумарокова», напечатанной в «Древней и новой России», 1875, т. I, № 3, стр. 313—316. В библиотеке Горького хранится экземпляр журнала с отметками Горького в статье Дмитриева.

Стр. 16. *Франции.* «Jean de France» датского писателя Гольберга.

Стр. 17. *жертвой.* Приведено в статье И. Н. Жданова — «Д. И. Фонвизин», в книге — И. Н. Жданов, Сочинения, 1907, т. II, стр. 165—166. Возможно, что Горький цитирует по этой книге. Она имелась в его библиотеке 1907—1909 годов. Первоисточник — Фонвизин, «О праве государственном», «Исторический сборник», изд. Вольной русской типографии, London, 1861, кн. II, стр. 184—187.

отца. Приведено в книге В. А. Бильбасова «Исторические монографии», СПБ, 1901, т. II, «Памяти императрицы Екатерины второй», стр. 344—345. Горький цитирует, видимо, по этой книге; она имелась в его библиотеке в 1907—1909 гг. На третий том «Исторических монографий» Горький ссылается в дальнейшем изложении. Первоисточник — «Феатр Российский», кн. V, стр. 293. «Сорена и Замир» — трагедия Николая Николаева.

разорительно. Приведено там же, стр. 329. Первоисточник — «Наказ». Гл. II, § 11.

щекотлива. Приведено там же, стр. 351—352. Первоисточник — Ségur, Mémoires, III, 37.

Стр. 18. *системе.* Приведено там же, стр. 362. Первоисточник — «Сборник русского исторического общества», т. XXIII, стр. 493.

234. Горький ссылается на книгу В. А. Бильбасова «Исторические монографии», т. III, «Походы Екатерины II по Волге и Днепру», стр. 234 и след., где подробно рассказывается об отношении Екатерины к роману М. Мармонтеля «Велисарий» — «Bélisaire» — и о переводе ею и в ее придворном кругу этого произведения. Экземпляр «Исторических монографий» В. А. Бильбасова хранится в библиотеке Горького; отметки на стр. 234.

презирать. Приведено у Соловьева в его «Истории России с древнейших времен», т. XXV, стр. 158. Первоисточник — «Сборник русского исторического общества», т. XII, стр. 52.

Стр. 20. *овца!* Фонвизин, «Послание к слугам моим: Шумилову, Ваньке и Петрушке».

науки! Из дневниковых записей Екатерины II; приведено в книге В. А. Бильбасова «Исторические монографии», т. II, ст. — «Памяти императрицы Екатерины II», стр. 318. Первоисточник — «Сборник русского исторического общества», т. VII, стр. 82—84.

славою!.. Приведено там же, стр. 318.

народом! Приведено там же, стр. 318.

хотите. Приведено там же, стр. 322. Первоисточник — «Сборник русского исторического общества», т. XXIII, стр. 403.

Стр. 21. *поздно.* Цитата из письма Екатерины II к генералу-прокурору А. А. Вяземскому от 1775 года, а не из «Наказа». Приведено в той же статье Бильбасова «Памяти императрицы Екатерины II», стр. 332. Первоисточник—«Осьмнадцатый век», Исторический сборник, издаваемый Петром Бартеневым, М. 1869, кн. III, стр. 390—391.

законам. Приведено там же, стр. 325. Первоисточник — «Наказ», гл. V, § 34.

боялись. Приведено там же, стр. 325. Первоисточник — «Наказ», гл. X, § 244.

отменить. Приведено там же, стр. 325. Первоисточник — «Наказ», гл. VIII, § 96.

должно. Приведено там же, стр. 325. Первоисточник — «Наказ», гл. V, § 37.

злыми! Из статьи Екатерины II в журнале «Всякая всячина» за 1769 г.

Стр. 23. *внимание.* Фонвизин, «Вопросы» автору «Былей и Небылиц». Вместе с «Вопросами» были помещены в «Собеседнике любителей

российского слова» за 1783 г., ч. III и «Ответы сочинителя Былей и Небылиц».

оборота. Фонвизин, «К г. сочинителю Былей и Небылиц от сочинителя вопросов».

ненавижу. Там же.

истине. «Друг честных людей, или Стародум. Периодическое сочинение, посвященное истине».

капли. Фонвизин, «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях».

Стр. 24. *витии.* Н. А. Некрасов, Стихотворение «Убогая и нарядная»:

Но умолкни, мой стих!
И погромче нас были витии,
Да не сделали пользы пером...
Дураков не убавим в России,
А на умных тоску наведем.

В работе над Фонвизиным Горький, видимо, пользовался ст. В. Бильбасова «Памяти Фонвизина» в книге «Исторические монографии», т. II, СПБ, 1901.

Стр. 25. *опасаться.* Фонвизин, Письмо к И. П. Елагину 1769 г.

Стр. 26. *чтении.* Указание на то, что работа читалась, была материалом лекций; обращение к слушателям, а не к читателям встречается и в дальнейшем изложении.

Горький читал свою работу пред аудиторией Каприйской школы осенью 1909 года. Однако задумана, подготовлена, отчасти и написана была работа до организации школы — в 1908 году.

В ноябре 1907 года Горький писал К. П. Пятницкому:

«...если Вам попадутся у букинистов или у знакомых книги по фольклору—напр. сборники Барсова, Сахарова, Афанасьева, Данилова—давайте их мне! Купите! Ибо летом, я и Луначарский, вероятно, примемся за историю литературы для народа и все эти вещи нужны».

В феврале 1908 года Горький настойчиво повторяет свою просьбу:

«...Очень прошу прислать книг по литературе, кончив повесть, я немедля займусь подготовкой к работе по истории литературы вместе с Луначарским. Время дорого и дело важно...»

Из документов этих явствует, что замысел создания истории литературы восходит к концу 1907 года; в 1908 году Горький со всей «горячностью», как он сам говорил, занялся подготовкой к работе. Интересна в этом отношении переписка с К. П. Пятницким и С. П. Боголюбовым. В каждом письме Горький просит, требует у своих корреспондентов присылки книг по истории западноевропейской, восточной, русской литератур. Он посылает списки книг; многие из списков не найдены, но и по сохранившимся можно судить о широте охвата, систематичности подбора Горьким исторических и историко-литературных трудов. Характер требований, постоянная к ним приписка—«очень прошу», «очень нужно», «очень необходимо для работы, которую пишу» и все содержание переписки говорит о том, что Горький не просто собирал библиотеку,—он изучал присылаемые книги, работал, по собственному признанию до того, что «спину ломит», «глаза слепнут».

«Сейчас глотаю историю литературы,—писал он Пятницкому (май 1908 г.). —Эх, если б кто-нибудь написал сравнительный очерк по литературным направлениям в первые годы XIX столетия и в наше время. Что за убийственная параллель! И что за удар по твердыням мещанского индивидуализма, который вырождается не век от века, но десятилетиями!»

Немного времени спустя, Горький сам в настоящей работе провел параллель между немецким реакционным романтизмом начала прошлого века и русской мистико-порнографической литературой начала нынешнего века.

Изучая переписку 1908—1909 годов, сопоставляя списки книг, которые просил Горький прислать, с его заметками в этих книгах, сохранившихся до сей поры в его личной библиотеке, сравнивая, наконец, статьи тех лет с рукописью, — приходим к выводу: настоящая работа была осуществлением — частичным, незаконченным — замысла написать «историю литературы для народа».

Этот вывод подтверждает в частности сопоставление рукописи со статьей «Разрушение личности», написанной в 1908 году. Сравнение обнаруживает глубокое идейное единство, совпадение важнейших положений. «Разрушение личности» — законченная, отделанная работа; рукопись «истории литературы» — черновой автограф, работа сырая, несобранная, неотделанная. Можно предположить, что некоторые основные идеи, начерно написанные главы труда, посвященного «истории литературы для народа», были развиты и переработаны в статью «Разрушение личности». Когда же была организована Каприйская школа, Горький использовал в ней ранее задуманный, ранее начатый, подготовленный, отчасти и написанный труд.

Важно указание И. И. Ладыжникова, который вспоминает, что в 1908 году Алексей Максимович прислал ему проспект одной своей историко-литературной работы. К сожалению, проспект этот затерян, возможно, что это и был план или первоначальная редакция настоящего труда, названного по содержанию «Историей русской литературы».

Стр. 26. *Андреева.* Горький резко отрицательно относился к Иссаревской критике Базарова и к Иванову-Разумнику «с его объяснениями творчества Сологуба, Андреева». В последнем случае Горький имеет в виду книгу Иванова-Разумника «О смысле жизни». Ф. Сологуб, Л. Андреев, Л. Шестов. СПБ. 1908, в которой автор так «объяснял» творчество Л. Андреева:

«Шагом вперед в русской художественной литературе является... возвращение Л. Андреева «назад к Достоевскому», возвращение к художественной разработке вечных философско-этических и, говоря шире, философско-религиозных проблем.

Цель, смысл и оправдание отдельной жизни человека; цель, смысл и оправдание общей жизни человечества — на все эти вопросы Л. Андреев дает нам, быть может сам того не сознавая, один из возможных ответов своим творчеством. И в этом — главное его значение в современной русской литературе»...

Известно, что Горький держался противоположных воззрений на творчество Достоевского, Сологуба, Андреева. Горький всемерно боролся с «достоевщиной» — с философским идеализмом, индивидуалистической этикой, реакционной мистикой Сологуба, Андреева, и с критикой, подобной «объяснениям» Иванова-Разумника.

Стр. 27. *правду.* Приведено в ст. В. Якушкина «Радищев». Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон, т. XXVI, 1898 г. Биографическими данными этой статьи Горький, видимо, пользовался. Первоисточник — «Сборник русского исторического общества», т. X, стр. 107.

Стр. 29. *половину.* Радищев говорит о Е. В. Рубановской (сестре своей жены), на которой он женился в ссылке, в Илимске, после смерти жены.

быть, герой. М. Княжнин. Трагедия «Рослав».

угоден. Я. Княжнин, трагедия «Рослав»:

Тот свободен,—
Кто, смерти не страшась, тиранам не угоден.

Стр. 30. *Норика*. «Сентиментальное путешествие» Стерна.

Стр. 31. *писалось*. Горький цитирует по статье А. Брикнера «С.-Петербургские ведомости во время французской революции», «Древняя и новая Россия», 1876, т. 1, №№ 1 и 2, стр. 71—87, 158—173. Экземпляр журнала хранится в библиотеке Горького; отметки его по всей статье.

образумились. Там же, как и последующие цитаты на этой странице.

Стр. 32. *понимает*. Там же, стр. 159.

одинаково. А. Радищев, «Путешествие из С.-Петербурга в Москву», гл. «Хотилов». Горький, видимо, цитирует по лондонскому изданию 1858 г. — «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева с предисловием Искандера. London, 1858, стр. 224—225. Издание это входило в состав библиотеки Горького в 1907—1909 гг.

черни. А. С. Пушкин, «Александр Радищев»; Горький цитирует по собр. соч., изд. «Просвещение», СПБ, т. VI, стр. 394. Отчеркнуто Горьким.

Стр. 33. *в[еке]*. Горький в данном случае название «мартинисты» производил от имени Мартинеса Пасквалиса — учителя видного французского масона-мистика Saint Martin (Сен-Мартена). Историки русского масонства название мартинисты обычно производят от Сен-Мартена, известного в России. Его сочинение «Des Erreurs et de la vérité» — «О заблуждениях и истине» — было популярно среди русских масонов. Русский перевод был издан в 1785 г.

Стр. 34. *нравятся*. Горький цитирует статью Новикова «К читателю», в третьем изд. «Живописца»: ...«Сие сочинение попало на вкус мещан наших: ибо у нас те только книги третьими, четвертыми и пятыми изданиями печатаются, которые сим простосердечным людям, по незнанию их чужестранных языков, нравятся...» «Живописец», Еженедельное сатирическое сочинение, СПБ, 1775, ч. 1, «К читателю», стр. XIII — XIV.

Стр. 35. *Новиков*. Приведено в книге М. Н. Лонгинова — «Новиков и московские мартинисты», М, 1867, стр. 262. Горький цитирует, видимо, по этой книге. Некоторые биографические данные заимствует из статьи «Новиков» в Энциклопедическом словаре Брокгауз-Ефрон, 1898 г.

Стр. 36. *лица*. И. Лопухин, «Изображение мечты равенства и буйной свободы с пагубными их плодами», М., 1794, стр. 3—4.

неприятельского. «Записки из некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника, сенатора И. В. Лопухина, сочиненные им самим». С предисловием Искандера, London, 1860, стр. 171. Приведенные Горьким слова Лопухина относятся к более позднему периоду — 1807 г.

Стр. 38. *есть*. Так в рукописи.

Стр. 40. *пользовались*. Все рассуждение о колониальной политике взято Горьким в двойные скобки, видимо, как редакция, его не удовлетворявшая.

Стр. 44. *закон природы*. Горький цитирует, как и в предыдущем случае, роман Тика «Вильям Ловель» в переводе, сделанном для него М. Ф. Андреевой.

Стр. 45. *обыденной жизни*. Там же. Тот же перевод.

Стр. 47. *малые*. Горький неточно цитирует слова Екатерины II о нижегородском купечестве: «...Как известно, что все почти купцы малые имеют капиталы...» Приведено у Соловьева — т. XXVII, стр. 60. Первоисточник — «Сборник русского исторического общества», т. X, стр. 198.

Стр. 48. *печати*. Горький мог иметь в виду записку скопца камергера Еленского «Известие на чем скопчество утверждается» и проект государственных преобразований, приложенных к этой записке. Еленский был сослан в монастырь, проект его и записка задержаны.

скорби. Н. М. Карамзин, «Бедная Лиза».

ангел. Горький неточно цитирует или, вернее, стилизует и передаче язык повести Карамзина — «Наталья — боярская дочь».

Стр. 49. *море*! Горький ссылается на «Военную новгородскую песню 1170 года» по книге — Н. М. Языков, Стихотворения, СПБ, 1858, ч. 1, стр. 66.

Стр. 50. *Растопчина*. Горький, видимо, говорит о стихотворениях Е. П. Растопчиной: «Две простонародные песни, написанные по просьбе Даргомыжского»: «Я сказала зачем?» и «Обман», также «Простонародные песни»: «Уходили, проходили сотни удалые», «Пусть он неверен, пусть он изменник».

Стр. 51. *разврата*. Пушкин, «К Жуковскому». Горький неточно цитирует. Точно:

Кто выражается правдивым языком
И русской глупости не хочет бить челом!..
Он враг отечества, он сеятель разврата!

Стр. 52. *защищал*. Батюшков, «На смерть И. П. Пнина».

попирал. И. Радищев, «На смерть И. П. Пнина».

вдохновеньем. Измайлов, «На кончину Ивана Петровича Пнина».

нет. С. Глинка, «На смерть Ивана Петровича Пнина».

Стр. 53. *гражданин*. Пнин, «Опыт о просвещении относительно к России».

падел! Пнин, «Человек».

престола. Из статьи Томаса, напечатанной в журнале «С.-Петербургский журнал», 1798, ч. III, стр. 25. Издателем его был Пнин. Горький ошибочно приписывает статью Томаса Пнину; пользуется, очевидно, статьей П. Прыткова — «И. П. Пнин и его литературная деятельность». «Древняя и новая Россия», 1878, т. III, стр. 19—38.

участь. Там же, стр. 28.

V — 3. Знак вставки в рукописи. Вставка эта не найдена. Рассуждение о Пнине написано на отдельном листке и введено в главу также в виде вставки. Возможно, что не найденная вставка была продолжением очерка о Пнине. Очерк этот, видимо, — первоначальный набросок.

Стр. 55. *испытуй*. Горький ссылается, видимо, на стихотворение В. А. Жуковского «Мечта», по собр. сочин. изд. А. Ф. Маркса, СПБ, 1902, т. III, стр. 142. Все последующие ссылки и цитаты из произведений Жуковского даны по этому изданию.

Стр. 56. *ним*. Горький ссылается, видимо, на «Песню» Жуковского. То же изд., т. III, стр. 44.

были. «Воспоминание», там же, стр. 47.

Стр. 57. *призванье*! «О поэте и современном его значении», письмо к Н. В. Гоголю, то же изд., т. X, стр. 87.

Стр. 58. *вздохнул*. То же изд., т. III, стр. 60—61.

власти. «О поэте и современном его значении», письмо к Н. В. Гоголю, то же изд., т. X, стр. 86.

покорился. «К портрету Гёте», то же изд., т. III, стр. 33.

Стр. 59. *бунт*. Горький, вероятно, имеет ввиду то, что восстание декабристов не получило отражения в творчестве Жуковского. В письмах его есть отклики на это событие, есть отзывы о декабристах.

толпы. «О смертной казни», то же изд., т. X, стр. 140.

пред... В рукописи неразборчиво.

все. Горький излагает взгляды Жозеф де Местра, высказанные последним в его книге «Soirées de St. Pétersbourg».

Стр. 60. *132*. Горький ссылается на переводы Жуковского из Уланда: «Сон», «Песня бедняка», «Счастье во сне», «Мщение», «Утешение» и др. То же изд., т. II, стр. 105—132.

взыграла. «Деревенский сторож», то же изд., т. II, стр. 114.

Стр. 61. *73-я* «Торжество победителей», то же изд., т. III, стр. 73.

похищала... То же изд., т. II, стр. 53—54.

Стр. 62. *слез*. «Записка к баронессе» (М. А. Черкасовой), то же изд., т. II, стр. 52.

стоит. «К графине Шуваловой (после ее дебюта в роли мертвеца)», то же изд., т. III, стр. 16.

нет! «Смерть», то же изд., т. II, стр. 78.

Стр. 63. *перешагнет!* «Что такое закон?» То же изд., т. II, стр. 78.

ведет! Строфы стихотворены «Ответы на вопросы в игре, называемой секретарь», «Звезда и корабль». То же изд., т. III, стр. 14.

«*Бык*». Горький ссылается на стихотворения: «Максим», т. II, стр. 79, «Подробный отчет о луне», «В комитет, учрежденный по случаю похорон Павловской векши или белки от депутата Жуковского», «Что радость? — Бабочка вдали...», «Бык и роза», т. III, стр. 14, 33, 46.

тебе. Из письма Жуковского к М. А. Протасовой, март 1815.

Стр. 64. *певец!* Эпиграмма принадлежит Александру Бестужеву. Приписана Пушкину в берлинском издании его стихотворений 1861 г.— «Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений», изд. Р. Вагнера, Берлин, 1861, стр. 105. Горький ссылается на это издание.

человек. «Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение в. к. Александра Николаевича», то же изд., т. II, стр. 126.

тысячи. Здесь описка. Горький выше — стр. 63 — правильно говорит, что Александр I, а не «наследник», т. е. Александр II, предоставил Жуковскому четыре тысячи пенсии в год.

Стр. 65. *Европы*. Горький цитирует по книге А. Н. Пыпина «Характеристики литературных мнений от двадцатых до шестидесятых годов. Исторические очерки», СПБ, 1906, ст. «Романтизм — Жуковский», стр. 34. Отчеркнуто Горьким.

Стр. 66. *личности*. Горький ссылается на свою статью «Разрушение личности», писанную в 1908 году. См. примечание к стр. 26.

Стр. 68. *земли*. «О поэте и современном его значении», письмо к Н. В. Гоголю, то же изд., т. X, стр. 87—88.

Стр. 71. *обычаях*. Горький, видимо, ссылается на ст. «Литературные мечтания. Элегия в прозе» по ст. А. М. Скабичевского, «Жизнь и литературная деятельность В. Г. Белинского». В. Г. Белинский, Собр. сочин., изд. Ф. Павленкова, третье, СПБ, 1906, т. I, стр. 14.

тебе. Горький, видимо, ссылается на письмо Белинского к Д. П. Иванову от 7 августа 1837 г. по той же ст. Скабичевского, там же, стр. 25.

Стр. 73. *успокой*. Горький ссылается, видимо, на стихотворение «Ночь» по указанному изданию сочинений Жуковского, изд. А. Ф. Маркса, СПБ, 1902, т. II, стр. 95—96.

II — 40. Горький ссылается на стихотворение «Пророк» по указанному изданию сочинений Пушкина, «Просвещение», СПБ, т. II, стр. 40.

Стр. 74. *в[еличество]*! Горький имеет в виду слова Пушкина, приводимые в записках его лицейского товарища — М. Корфа. По рассказу М. Корфа, Пушкин на вопрос царя: «Что сделали бы вы, если бы 14 декабря были в Петербурге?.. — Стал бы в ряды мятежников, — отвечал он». «Из записок барона М. А. Корфа», «Русская старина», 1900, т. 101, стр. 574.

оппозиции. Приведено в книге В. Семевского «Общественные и политические идеи декабристов», СПБ, 1904, стр. 76. Первоисточник — Шильдер, «Император Николай I», т. I, стр. 76.

Стр. 75. *уездах*. Горький ссылается, видимо, на письмо Рылеева к Булгарину от 8 августа 1821 г., по книге Н. Котляревского «Рылеев», СПБ, 1908, стр. 33. Ни в одном из вышедших до 1909 года изданий Рылеева на стр. 33 нет произведения, соответствующего мысли Горького. В книге же Котляревского, которая имелась в библиотеке Горького в 1909 г., на 33 странице приведено письмо Рылеева, отвечающее контексту рукописи.

Стр. 76. *В [18]19*. Горький относит «Вольность» к 1819 г., как это было принято в пушкиноведении того времени. Современное пушкиноведение датирует «Вольность» 1817 г.

560-е. Горький ссылается на «Вольность» по указанному берлинскому изданию запрещенных произведений Пушкина — «Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений», изд. Р. Вагнера, Берлин, 1861, стр. 113; ссылается также на примечание, данное в I томе собр. соч., изд. «Просвещение», стр. 560—563. В примечаниях этих приведены сообщения А. И. Тургенева о «Вольности», рассказ Ф. Вигеля о том, как было написано стихотворение, вскрыта путем сопоставлений идейная близость оды Пушкина с одноименной одой Радищева и т. д.

Стр. 78. *«поэзией»*... Горький цитирует в русском переводе слова, будто бы сказанные Александром I по поводу «Деревни»: «Faites remercier Pouchkine des bons sentiments que ses vers inspirent». Приведены в примечаниях, данных в I томе указанного собр. соч. — стр. 555. Первоисточник — статья М. Жихарева «Петр Яковлевич Чаадаев», «Вестник Европы», 1871, № 7, стр. 196.

Стр. 79. *потомство!* Горький ссылается на оду «К временщику»; видимо, также по книге Н. Котляревского «Рылеев», СПБ, 1908, стр. 41—42. Ни в одном из вышедших до 1909 г. изданий Рылеева нет на 40 стр. указанной Горьким в рукописи оды «К временщику», в книге же Котляревского на 41—42 стр. приведены строфы этого стихотворения.

демократом. Горький приводит слова Пушкина о Христе из письма поэта к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 г.: «Я закаялся и написал на-днях подражание басне умеренного демократа И. Х. »... Слова эти отчеркнуты Горьким в VIII томе указанного собр. соч. Пушкина — стр. 51.

и т. д. Горький говорит, очевидно, об известном стихотворении Беранже — «Le bon Dieu», о переводе, сделанном А. Дельвигом, а не В. Л. Пушкиным —

Однажды бог, восстав от сна,
Курил сигару у окна
И, чтоб заняться чем от скуки,
Трубу взял в творческие руки;
Глядит и видит вдалеке

Земля вертится в уголке.
«Чтоб для нее я двинул ногу,
Чорт побери меня, ей-богу!»

«О человеки всех цветов!»
Сказал, зевая, Саваоф:
«Мне самому смотреть забавно,
Как вами управляю славно.
Но бесит лишь меня одно:
Я дал вам девок и вино,
А вы, безмозглые пигмеи,
Колотите друг друга в шеи
И славите потом меня
Под гром картечного огня.
Я не люблю войны тревогу,
Чорт побери меня, ей-богу!

Меж вами карлики-цари
Себе воздвигли алтари,
И думают они, буффоны,
Что я надел на них короны
И право дал душить людей.
Я в том не виноват, ей-ей!
Но я уйму их понемногу,
Чорт побери меня, ей-богу!

Попы мне честь воздать хотят,
Мне ладан под носом курят,
Стращат вас светопреставленьем
И ада грозного мученьем.
Не слушайте вы их вранья,
Отец всем добрым детям я,
По смерти муки не страшитесь,
Любите, пейте, веселитесь...
Но с вами я заговорюсь...
Прощайте! Гладкого боюсь!
Коль в рай ему я дам дорогу,
Чорт побери меня, ей-богу».

А. И. Дельвиг — двоюродный брат поэта и автор воспоминаний о нем рассказывает, что перевод «Le bon Dieu» приписывался другим поэтам. См. А. И. Дельвиг, «Полвека русской жизни» под ред. С. Я. Штрайха, М., 1930, стр. 66.

Стр. 81. *Обществу*. Горький ссылается на «Записки» И. Д. Якушкина, изд. второе, М., 1905, стр. 3—7. Отчеркнуты те же страницы в экземпляре книги Якушкина, хранящемся в библиотеке Горького.

Стр. 82. *невежды*. Слова декабриста В. И. Штейнгеля в ответ на предложение Рылеева принимать в тайное общество купцов. Приведено в ст. В. И. Семевского «Барон Владимир Иванович Штейнгель» в сб. «Общественные движения в России в первую половину XIX века», СПБ, 1905, т. I, стр. 305, книга имелась в библиотеке Горького.

Стр. 88. *Наварин*. Горький ссылается на стихотворение «Моя родословная, или русский мещанин» по указанному собр. соч. изд. «Просвещение» — том II, стр. 141.

Стр. 89. *разница*. Письмо Пушкина к А. А. Бестужеву, апрель 1825 г., то же изд., т. VIII, стр. 107—108. Отчеркнуто Горьким.

молодец. Письмо К. Ф. Рылеева к Пушкину, июнь 1825 г. Горький цитирует его по примечаниям, данным в VIII томе того же изд., стр. 461. Отчеркнуто Горьким.

Стр. 90. *Прощай!* Письмо Пушкина к К. Ф. Рылееву, май 1825 г., то же изд., т. VIII, стр. 108—109. Отчеркнуто Горьким.

нет. Из набросков предисловия к «Борису Годунову» Пушкина, то же изд., т. III, стр. 254. Отчеркнуто Горьким.

Стр. 91. *оду.* Горький ссылается на стихотворение Рылеева «Пустыня» по указанной книге Н. Котляревского «Рылеев», стр. 32. Ни в одном из вышедших до 1909 г. изданий Рылеева на 32 стр. нет произведения, соответствующего мысли Горького, в книге же Котляревского на 32—33 стр. приведен большой отрывок из стихотворения «Пустыня», отвечающий вполне контексту рукописи.

II. II—448. Возможно, что Горький ссылается на ст. Н. Полевого «Утро в кабинете знатного барина» по II т. собр. соч. Пушкина изд. «Просвещение», стр. 488. Здесь в примечаниях к стихотворениям Пушкина напечатан следующий отрывок из статьи Н. Полевого:

> Подлецов. Вот листок какой-то печатный; кажется, — стихи вашему сиятельству.
>
> Князь *(взглянув).* Как? Стихи — мне? А, это — точно стихотворец. Что он врет там?
>
> Подлецов. Да что-то много. Стихотворец хвалит вас, говорит, что вы — мудрец; умеете наслаждаться жизнью, покровительствуете искусствам, ездили в какую-то землю только за тем, чтобы взглянуть на хорошеньких женщин; что вы пили кофе с Вольтером и играли в шашки с каким-то Бомарше...
>
> Князь. Нет? Так он не даром у меня обедал. Как жаль, что по-русски! Недурно, но что-то много, скучно читать. Вели перевесть это по-французски и переписать экземпляров пять, я пошлю кое-кому; а стихотворцу скажи, что по четвергам я приглашаю его всегда обедать у себя. Только не слишком вежливо обходись с ним; ведь эти люди забывчивы, их надобно держать в черном теле...

Статья Полевого «Утро в кабинете знатного барина» была направлена против Пушкина как автора послания «К вельможе». Под стихотворцем в приведенном разговоре между князем и Подлецовым подразумевался Пушкин. Тем не менее, возможно, что Горький ссылался на этот разговор, как на яркую иллюстрацию положения литератора, писателя в дворянском обществе начала прошлого века. Но в то же время, Горький опровергает обвинения Полевого, предъявленные Пушкину, говоря: «Пушкин первый почувствовал, что литература национальное дело первостепенной важности... Он первый поднял звание литератора на высоту до него недосягаемую...» В ссылке Горького значится: II. II. 448. Буквой II и римской цифрой Горький обозначал определенный том собр. соч. Пушкина изд. «Просвещение». В указании страниц возможна у Горького описка: не на 448-й, а на 488-й напечатан отрывок из ст. Полевого, отвечающий контексту рукописи.

Стр. 92. *сказки!* Горький ссылается на указанное берлинское издание запрещенных произведений Пушкина, 1861 г., стр. 11.

Стр. 93. *незлобен.* «Стансы», Собр. сочин. изд. «Просвещение», т. II, стр. 43.

говорю. «Друзьям» («Нет, я не льстец»), то же изд., т. II, стр. 66.

вел[ичество]! Горький приводит в русском переводе слова графа М. С. Воронцова, сказанные им при получении известия о казни испанского революционера Рафаэля Риэго-и-Нуньеца в 1823.: «Quelle heureuse nouvelle, Sire!» Приведено в примечаниях, данных в I томе указанного собр. соч. Пушкина, стр. 653. Отмечено Горьким. Первоисточник — «Записки» Басаргина в сборнике «Девятнадцатый век», М., 1872, т. I, стр. 83.

благородства! Ответ Пушкина М. С. Воронцову, то же изд., т. I, стр. 344. Отмечено Горьким.

Стр. 94. *наконец*. «На графа М. С. Воронцова», указанное берлинское издание, 1861, стр. 100.

развод. Стихотворение Пушкину не принадлежит. Приписано Пушкину в берлинском изд. 1861, стр. 45, по которому Горький цитирует.

отдадут. «В Сибирь», то же берлинское изд., 1861, стр. 48.

Стр. 95. *народы*. «Ответ Пушкину» — стихотворение А. Одоевского, то же берлинское изд., 1861, стр. 223.

самовластья. Горький цитирует одну из приписываемых Пушкину эпиграмм на Карамзина по тому же берлинскому изд., 1861, стр. 103.

Современные издания Пушкина обычно печатают другой текст:

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам без всякого пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

корона. Эпиграмма Пушкину не принадлежит. Приписана Пушкину в берлинском изд. 1861, стр. 230, по которому Горький цитирует.

сэкег. Горький приводит, очевидно, на память, неточно слова Пушкина, сказанные поэтом петербургскому генерал-губернатору Милорадовичу. Ф. Н. Глинка, состоявший при Милорадовиче для особых поручений, рассказывает: Милорадович потребовал у Пушкина его «бумаги», т. е. списки распространявшихся в обществе запрещенных стихотворений и эпиграмм поэта. Он ответил: «Граф! все мои стихи сожжены! — у меня ничего не найдется на квартире; но, если вам угодно, все найдется з д е с ь (указал пальцем на свой лоб). Прикажите подать бумаги, я напишу все, что когда-либо написано мною (разумеется, кроме печатного) с *отметкою*, что мое и что разошлось *под моим именем*». Подали бумаги, Пушкин сел и писал, писал... и написал *целую тетрадь*...» «Удаление А. С. Пушкина из С.-Петербурга в 1820 г.», рассказ Ф. Н. Глинки, «Русский архив», 1866, № 6, стр. 919.

Стр. 96. *1—232. 47.—1—295*. Горький ссылается на стихотворения «К Чаадаеву», «Деревня», «Наполеон», то же изд., т. I, стр. 232, 247, 295. Все три стихотворения отмечены Горьким.

чернь. Державин, «Капнисту».

мудрецы! Державин, «Бессмертие души».

мной! Державин, «О удовольствии».

глупцов. Горький цитирует последние два стиха из «Подражания Горацию» И. И. Дмитриева:

А мне фортуна и природа
Послали в дар клочок земли,
Таланта искру к песнопенью
На лад любимых мной творцов,
И равнодушие к сужденью
Толпы зоилов и глупцов.

дикой. Цитата не разыскана.

Стр. 97. *треножник*. Горький ссылается на стихотворение Пушкина «Поэту», то же изд., т. II, стр. 126.

Стр. 98. *права*. Горький ссылается на стихотворение Пушкина «Из Пиндемонти», то же изд., т. II, стр. 213.

молитв. Горький ссылается на стихотворение Пушкина «Чернь», то же изд., II, стр. 85.

Стр. 99. *России.* Горький неточно цитирует слова Пушкина о Степане Разине из письма поэта к брату, Л. С. Пушкину— октябрь 1824 г. — «...вот тебе задача: историческое сухое известие о Стеньке Разине, единственном поэтическом лице русской истории»...

Пугачева. Горький цитирует ответ Бенкендорфа от 22 августа 1827 г. Пушкину, который принужден был послать на цензуру Бенкендорфу свои «Песни о Стеньке Разине».

Стр. 100. *воле, словом.* Отрывок, от слов — «Способом к сему надежнейшим» до слов — «платя за них цену по своей воле», Пушкину не принадлежит. Это цитата из «Путешествия» Радищева, главы «Вышний Волочек», приводимая Пушкиным в его статье «Путешествие из Москвы в Петербург». Дальше следует текст этой статьи. Отрывок из нее, из главы «Шлюзы, Вышний Волочек», Горький цитирует по указанному берлинскому изд., 1861, стр. 209—210.

Гор[юхина]. Точное название — «История села Горюхина».

схоронил. Горький ссылается на стихотворение «Румяный критик мой, насмешник толстопузый», то же изд., т. II, стр. 134.

Стр. 101. *проклятым.* Горький неточно цитирует слова Пушкина из письма его к брату Л. С. Пушкину — октябрь 1824 г. — «...вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания...»

гоненья. Строки стихотворения Пушкина «Когда твои младые лета».

заблуждений. Строка того же стихотворения.

безмолствует оно. Горький ссылается на стихотворение «Ответ анониму», то же изд., т. II, стр. 129.

Стр. 102. *разврат.* Строфа «Цыган» из черновой рукописи поэмы, не вошедшая в ее канонический текст.

человеком. Горький приводит неточно слова Пушкина из письма его к жене от 18 мая 1836 г.: «... чорт догадал меня родиться в России с душою и с талантом!» Отчеркнуто Горьким в VIII томе собр. соч. изд. «Просвещение», стр. 392.

Стр. 103. *жизни.* Горький ссылается на стихотворения «Эхо», «Пророк», «Памятник» по тому же изд., т. II, стр. 155, 40, 214.

Стр. 104. *зависел.* Из набросков предисловия к «Борису Годунову». Отчеркнуто Горьким в III томе собр. соч., изд. «Просвещение», стр. 254.

Стр. 105. *тьма!* Горький ссылается на стихотворение Пушкина «Вакхическая песня», то же изд., том II, стр. 9.

Стр. 106. В [*18*]*22.* Отрывок на отдельном листе.

дорогой. Горький приводит неточно отзыв Пушкина о Слепушкине из письма к Дельвигу от 20 февраля 1826 г.: « У него истинный свой талант; пожалуйста, пошлите ему от меня экземпляр Руслана и моих стихов — с тем, чтоб он мне не подражал, а продолжал итти своею дорогою».

народа! Источник цитаты не разыскан.

Стр. 109. *в 335 раз.* Приведено в книге И. Прыжова «История кабаков в России в связи с историей русского народа» СПБ, 1862, стр. 286. Книга эта имелась в библиотеке Горького в 1908—1909 годах.

Стр. 110. *десятки.* Горький ссылается на книгу А. Н. Пыпина «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Исторические очерки», изд. третье, СПБ, 1906, стр. 122—123. Отчеркнуты те же страницы в экземпляре книги Пыпина, хранящемся в библиотеке Горького.

Стр. 113. *западный*. Горький ссылается на ту же книгу Пыпина «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов», стр. 257. Отчеркнуто Горьким. Дальше отчеркнуты страницы 258—259, дающие характеристику славянофильских представлений о западной и восточной церкви, о превосходстве православия, о превосходстве старинного русского государственного устройства и т. д.

Стр. 114. *явление*. Горький ссылается на «Апологию сумасшедшего» Чаадаева по той же книге Пыпина «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов», стр. 179—180. Пыпин делает примечание, что в 1829 и даже в 1837 году, когда, вероятно, была написана «Апология», Чаадаев не мог иметь ввиду собственно славянофильскую школу, как она понималась в 40-х годах. Многие черты относятся и к ней, но, главным образом, к школе официальной народности.

Стр. 115. *двух*. Горький ссылается на «Евгения Онегина». Строфы черновой рукописи, не вошедшие в канонический текст романа. Собр. соч., изд. «Просвещение», СПБ, т. IV, стр. 323. Отчеркнуто Горьким.

Стр. 116. *г[ода]*. Отрывки из «Горя от ума» были напечатаны в 1824 г. в альманахе «Русская Талия», изданном Булгариным. «Горе от ума» в 1824 г. было заманчивой новинкой для любого альманаха, журнала, что понимал ловкий в издательских делах Булгарин. Благодаря его хлопотам, отрывки из комедии впервые увидели свет.

нам. В книге, по которой Горький цитирует, слова «нам» и «нашей» зачеркнуты им.

начала. Горький ссылается на ту же книгу Пыпина «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов», стр. 260. Отчеркнуто Горьким.

Стр. 119. *предприятья*. Горький ссылается на «Ганса Кюхельгартена» по собр. соч. Н. В. Гоголя, изд. А. Ф. Маркса, 1900, т. IX, стр. 33—34, 41. Все последующие ссылки и цитаты из произведений Гоголя даны Горьким по этому изданию.

Купала. «Вечер накануне Ивана Купала».

Стр. 120. *Пирогов*. «Невский проспект».

изображенной. Так в рукописи.

Стр. 121. *украинофил*. В фразе о Кулише Горький вычеркнул слово «Прокопович» — имя школьного товарища и друга Гоголя; видимо, случайно осталось незачеркнутым слово «друг», относящееся к Прокоповичу, а не к Кулишу.

сделать. «Старосветские помещики» писались в 1833—1834 гг. Соллогуб же начал литературную деятельность в 1837 г. Здесь у Горького ошибка в хронологии творчества Гоголя и Соллогуба.

Стр. 122. *землю*. Гоголь, «Тарас Бульба».

Стр. 123. *свете*. Гоголь, «Пропавшая грамота».

губу. Л. Н. Толстой, «Смерть Ивана Ильича».

Стр. 124. *ночь*! Горький ссылается на «Майскую ночь, или утопленницу», то же изд. т. I, стр. 111.

слово. Горький ссылается на письмо Гоголя к А. С. Данилевскому, август 1841, по книге П. В. Анненкова «Литературные воспоминания», СПБ, 1909, статья «Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 г.», стр. 51. Отчеркнуто Горьким.

школьник. Горький ссылается на статью Гоголя «О «Современнике», указанное изд. Маркса, т. VIII, стр. 9.

Стр. 125. *нельзя*. Приведено в книге П. В. Анненкова «Литературные воспоминания», стр. 20, по которой Горький цитирует; отчеркнуто Горьким.

выучи! Из воспоминаний П. А. Катенина о Пушкине. Их широко использовал Анненков в своем труде «А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений», СПБ, 1877, стр. 50. Отсюда они перешли в литературу о Пушкине.

Стр. 127. *сожаления*. Горький ссылается на книгу П. В. Анненкова, «Литературные воспоминания», стр. 64—65. Отчеркнуто Горьким.

Стр. 129. *ему*. Горький ссылается на «Авторскую исповедь» Гоголя, указанное изд., т. VIII, стр. 23—25.

умами. Горький ссылается на ту же книгу П. В. Анненкова, «Литературные воспоминания», стр. 18. Отчеркнуто Горьким.

Стр. 130. *приезжал?..* Горький ссылается на книгу А. Я. Головачевой-Панаевой «Воспоминания. Русские писатели и артисты. 1824—1870 гг.», изд. В. Губинского, 1890, стр. 196.

очи? «Мертвые души».

все. Приведено в книге Анненкова «Литературные воспоминания», стр. 29, по которой Горький цитирует. Отмечено Горьким.

Стр. 131. *до 21-ой*. Горький ссылается на первые страницы «Авторской исповеди», где Гоголь пытается оправдать «Выбранные места из переписки с друзьями», указанное изд., т. VIII, стр. 17—21.

Стр. 132. *способности*. Горький ссылается на статью Гоголя «Рассмотрение хода просвещения в России», «Выдержки из карманных записных книжек», то же изд., т. VIII, стр. 145—146.

понятия. П. В. Анненков, «Литературные воспоминания», стр. 69. Отчеркнуто Горьким.

Стр. 133. *верхам*. Горький ссылается на последние страницы «Авторской исповеди», где Гоголь говорит о «Переписке с друзьями» как о лучшем, но непонятом своем произведении. То же изд., т. VIII, стр. 52—53.

незнаема! Горький ссылается на «Выбранные места из переписки с друзьями», то же изд., т. VII, стр. 36—37.

Стр. 134. *всех*. Там же, стр. 39.

известных. «Авторская исповедь», то же изд., т. VIII, стр. 31—32.

Стр. 135. *людьми*. «Выбранные места из переписки с друзьями», то же изд., т. VII, стр. 45.

царь. «Выбранные места из переписки с друзьями», то же изд., т. VII, стр. 47—48. Далее Горький ссылается на страницы 120—122 того же произведения, главу «Русский помещик», где Гоголь говорит о роли священника, который должен помогать помещику управлять крестьянами.

Стр. 137. *бедных*. Гоголь, «Авторская исповедь», то же изд., т. VIII, стр. 20.

Стр. 141. *о[бщест]во*. Горький передает один из разговоров Некрасова, Тургенева и В. П. Боткина, приведенный в «Воспоминаниях» А. Я. Головачевой-Панаевой:

«— Значит, ты, любезный друг, пишешь для русского мужика, но ведь он безграмотен! — язвительно заметил В[асилий] П[етрович].

— Мне лучше тебя известно, что есть много грамотных мужиков, да и скоро русский народ поголовно будет грамотен, несмотря на то, что у него нет учителей.

. . . . . .

— Имеете право потешаться надо мной! — мрачно отвечал Некрасов. — Я вас еще более потешу и удивлю, если высказку вам свою сокровенную мысль, что мое авторское самолюбие вполне было бы удовлетворено, если бы, хотя после моей смерти, русский мужик читал бы мои стихи!

В[асилий] П[етрович] в ужасе схватил себя за голову и воскликнул:

— Боже упаси нас видеть в тебе конкурента автора «Бовы королевича»... Нет, ты сегодня, мой любезный друг, говоришь чистейший абсурд, — и иронически добавил, — хочешь быть русским Беранже; но ведь ты, мой любезный, не сообразил, что во Франции народ цивилизованный, а наш русский — это эскимосы, готентоты!

— Ты бы, В[асилий] П[етрович], лучше молчал о русском народе, о котором не имеешь понятия! — раздражительно воскликнул Некрасов.

— И знать не хочу звероподобную народню на людей, и считаю для себя большим несчастьем, что родился в таком государстве. Ведь вся Европа, любезнейший, смотрит на русского чуть ли не как на людоеда. Ты ведь не путешествовал по Европе, а мы в ней жили и не раз испытали стыд, что принадлежим к дикой нации».

А. Я. Головачева-Панаева, «Воспоминания. Русские писатели и артисты 1824—1870», СПБ, Изд. В. Губинского, 1890, стр. 370.

Стр. 142. *покровительственностью.* Горький ссылается на «Литературные воспоминания» И. И. Панаева по «Современнику», 1861 г. № 2, стр. 625, где «Воспоминания» Панаева впервые печатались.

В. И. Панаев. Горький ссылается на указанную книгу А. Я. Головачевой-Панаевой, «Русские писатели и артисты», стр. 178.

Стр. 143. *его.* Горький ссылается на «Литературные воспоминания» И. И. Панаева, «Современник», 1861, № 11, стр. 64.

пчелу. А. Я. Головачева-Панаева, «Русские писатели и артисты», стр. 180.

пошлость. Там же, стр. 98—99.

пустотою. И. И. Панаев, «Литературные воспоминания», «Современник», 1861, № 2, стр. 660.

Стр. 144. *отвечала я.* А. Я. Головачева-Панаева, «Русские писатели и артисты», стр. 290.

Стр. 145. *увеличивалась?* Там же, стр. 302—306.

Стр. 148. *своих.* Горький ссылается на статью С. Славутинского «Генерал Измайлов и его дворня» (очерк помещичьего быта первой четверти нынешнего столетия), «Древняя и новая Россия», 1876 г. т. III, стр. 40—41, 273—274. Статья Славутинского напечатана в четырех номерах третьего тома «Древней и новой России», № 9, стр. 25—50, № 10, стр. 157—170, № 11, стр. 255—283, № 12, стр. 329—384. Горьким отмечены наиболее сильные, характеристические страницы во всех четырех номерах; экземпляр журнала с отметками Горького хранится в его библиотеке. Статья Славутинского целиком основана на фактическом материале: автор рассказывает о свирепой жестокости Измайлова с крепостными, об истязаниях и пытках, о непосильной барщине, о крепостном гареме, где насиловали малолетних и т. д.

40 [стр.] Слухи о преступлениях Измайлова дошли до Александра I. На имя Тульского губернатора был отдан приказ в 1801 г. о расследовании; однако в 1802 г. Измайлов был избран предводителем дворянства в Рязанской губернии.

Кашкар[ов]. Горький ссылается на ту же статью Славутинского и на аналогичную статью И. Дубасова «Елатомский помещик Кашкаров», «Древняя и новая Россия», 1877, т. I, стр. 127—128. Дубасов приводит факты истязаний, граничащих с пыткой, кончавшихся часто смертью крепостных, самого циничного разврата, самой свирепой и непосильной барщины. Суд над Кашкаровым закончился его оправданием.

Стр. 149. *собою*. Горький неточно цитирует «Воспоминания» Т. П. Пассек. Точно: «Больше всех девушек мне понравилась единственная дочь у матери-вдовы, я указала на нее. Мать упала мне в ноги, девушка рыдала. Я их утешала, ласкала, дарила, обещала, что ей у меня будет жить лучше, чем в деревне, и девушку удержала, и это не казалось мне бесчеловечным!» — Т. П. Пассек, «Воспоминания», «Из дальних лет», изд. второе, А. Ф. Маркса, СПБ, 1906, т. II, стр. 20.

1—122. См. стр. 152.

Стр. 150. *выходим*. Горький ссылается на «Пошехонскую старину» Салтыкова-Щедрина по собр. соч., изд. А. Ф. Маркса» СПБ, 1906, т. XII, стр. 291.

Стр. 152. *семинаристами*. Горький ссылается на «Литературные воспоминания» И. И. Панаева, «Современник», 1861, № 1, стр. 121—122.

Стр. 153. *уланы*. Там же, стр. 122—123.

Стр. 156. *эпиграмм*. Горький ссылается на V строфу 1-й главы «Евгения Онегина» по указанному собр. соч. Пушкина, изд. «Просвещение», т. IV, стр. 32. Отмечено Горьким.

Стр. 157. *нежной*. Строфы VI, VII, VIII 1-й главы «Евгения Онегина», там же, стр. 32—33. Отмечено Горьким.

людей. Там же, стр. 49. Отмечено Горьким.

трудно. Там же, стр. 225. Отмечено Горьким.

Стр. 158. *теснит*. Строфа I «Альбома Онегина». Там же, стр. 222. Отмечено Горьким.

миллионы. Из строфы XIV главы 2-й. Там же, стр. 63. Отмечено Горьким.

офицеру?.. Лермонтов «Герой нашего времени» — «Тамань».

Стр. 159. *себя*. Горький ссылается на «Героя нашего времени» — «Княжну Мери» по книге — М. Ю. Лермонтов, Собр. соч. в одном томе, под ред. А. М. Скабичевского, СПБ, 1895, стр. 582.

шутка! Горький ссылается на стихотворение «И скушно, и грустно» по тому же собр. соч. Лермонтова, стр. 411.

Стр. 161. *степной?*.. Горький ссылается, видимо, на стихотворения: «Монолог», «Молитва», «Желание». То же изд., стр. 298, 359.

кровь. «Предсказание», там же, стр. 335.

66—II. Горький ссылается на стихотворение Пушкина «Друзьям» («Нет, я не льстец») по указанному собр. соч. Пушкина, т. II, стр. 66.

Стр. 162. *твою*. Горький ссылается на стихотворение Лермонтова «К***» («О, полно извинять разврат!»). То же изд., соч. Лермонтова, стр. 381. Горький первый, до специальных исследований литературоведов, расшифровал стихотворение Лермонтова, как обращение к Пушкину, в ответ на пушкинские «Друзьям», «Стансы». Только в 1915 году в семинаре проф. С. А. Венгерова один из студентов прочитал доклад, в котором высказал догадку, что стихотворение Лермонтова «О, полно извинять разврат» было обращено к Пушкину. Доклад этот появился в печати в 1926 г. — см. сборник «Пушкин в мировой литературе».

Стр. 164. *кровь!* «Смерть поэта»; в издании, по которому цитирует Горький, названо «На смерть Пушкина». Весь текст этого стихотворения, так же как и пушкинские стихи, печатаем по изданиям, по которым цитировал Горький. В них есть разночтения, сравнительно с современными изданиями Пушкина и Лермонтова. Там же, стр. 389.

дорога! Слова Николая I. Приведены в ст. А. Васильчикова «Несколько слов о кончине М. Ю. Лермонтова и о дуэли его с Н. С. Мартыновым». Васильчиков пишет: «... при дворе его считали вредным, неблагонамеренным и при том, по фрунту, дурным офицером, и когда его убили, то одна высокопоставленная особа изволила выразиться, «что туда ему и дорога». Все Петербургское великосветское общество, махнув рукой, повторило это надгробное слово...» «Высокопоставленная особа» и есть Николай I. «Русский архив», 1872, № 1, стр. 209.

Стр. 165. *виноват!* «Герой нашего времени» печатался в 1839—40 гг., «Кто виноват» писался в 1845—46 гг.

Стр. 166. *месяцев!* Горький ссылается на роман «Кто виноват» по собр. соч. А. И. Герцена. Genève, 1878, т. III, стр. 157—159. В библиотеке Горького хранится это издание сочинений Герцена с пометками Горького; стр. 157—159 третьего тома отмечены.

Стр. 167. *встреча с...* Там же, стр. 220—221. Отмечено Горьким.

Стр. 168. *договариваем.* Там же, стр. 237, 240—241. Отмечено Горьким.

Стр. 170. *покой!* Там же, стр. 151—154. Отмечено Горьким.

случай. Горький ссылается на роман «Рудин», по собр. соч. И. С. Тургенева, изд. Глазунова, СПБ, 1883, т. III, стр. 30. В библиотеке Горького хранится это издание сочинений Тургенева с пометками Горького. Отчеркивания на стр. 30, также отмечен диалог Рудина и Пигасова на стр. 31.

Стр. 171. *накануне?!!* Там же, стр. 55—56. Отмечено Горьким.

попотчивал. Там же, стр. 63. Отмечено Горьким. Дальше следуют отметки на стр. 64—65, рисующих влияние Рудина на Басистова и Наталью.

Стр. 173. *натура-с.* Там же, стр. 69—70, 75—76. Отмечено Горьким, им же подчеркнуты слова: «политическая натура-с».

85. Горьким отмечены стр. 85—88, рассказывающие о любви Натальи к Рудину.

106. Горьким отмечены стр. 106—110. Это — сцена у Авдюхина пруда, рисующая Рудина в самом неприглядном свете.

сильней. Там же, стр. 125. Отмечено Горьким.

Стр. 175. *Несчастье.* Подчеркнуто Горьким.

Рудина. Там же, стр. 136—139. Отмечено Горьким.

149. Отмечены стр. 149, 151, 153, 154, 157, 159, 160, рассказывающие о попытках Рудина включиться в жизнь, приложить свои силы к действительности.

Стр. 177. *и проч.* Горький ссылается на статью Н. Г. Чернышевского «Русский человек на rendez-vous» по книге В. Богучарского «Из прошлого русского общества», СПБ, 1904, стр. 234—235. (Ст. «Столкновение двух течений общественной мысли».) Отмечены Горьким стр. 234—237.

Стр. 178. *137.* Приведено в книге В. И. Семевского «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века», СПБ, 1888, т. II, стр. 595.

Стр. 180. *подумал я.* Горький ссылается на рассказ «Хорь и Калиныч» по указанному собр. соч. Тургенева, изд. Глазунова, 1883, т. II, стр. 5—7. Отмечено Горьким.

Стр. 181. *головой.* Горький ссылается на рассказ «Малиновая вода», там же, стр. 39—40. Отмечено Горьким.

Стр. 182. *рукавом.* Там же, стр. 41—43. Отмечено Горьким.

Сучок. Там же. В книге, на которую ссылается Горький, отмечены им стр. 94—98, рисующие образ Сучка.

Стр. 183. *Ужас!* Горький ссылается на дневник Герцена от 26 июня 1843 г. по книге Андреевича «Опыт философии русской литературы», изд. «Знание», СПБ, 1905, стр. 132—133.

Стр. 184. *выводов.* Горький ссылается на повесть «Доктор Крупов» по указанному женевскому собр. соч. Герцена, 1878, т. III, стр. 346—347.

много. Там же, стр. 351—352.

Стр. 186. *«Поликушку».* Начало «Утра помещика» можно отнести к 1852 г., закончена была повесть в 1856 г. «Поликушка» же писался весной 1861 г.; в конце 1862 — начале 1863 г. — закончен.

«10-я». Горький ссылается на «Утро помещика» — те страницы повести, где в разговоре Нехлюдова с крестьянином Чурисенком Толстой вскрывает недоверие крестьян к барину, полное взаимное непонимание.

Стр. 188. *науки.* Шевченко, «І день іде, і ніч іде...»

Стр. 189. *Питер.* Энгельгардт отдал Шевченко в ученики живописных дел мастеру — Ширяеву.

Гребенка. Художник И. М. Сошенко, посоветовавшись с литератором Гребенкой, устроил Шевченко в Академию художеств.

Жуковский. Первая попытка выкупить Шевченко «во имя гуманности» была неудачна, вторая принесла Шевченко освобождение. Энгельгардт потребовал за выкуп Шевченко 2500 руб. Чтобы добыть эту сумму, Жуковский попросил К. Брюллова написать с него, Жуковского, портрет, и потом разыграть его в частной лотерее. Портрет был написан, разыгран и на вырученные от лотереи деньги —2500 руб. — 22 апреля 1838 г. была куплена Шевченко свобода.

дня. Горький цитирует неточно слова Брюллова об Энгельгардте: «Это самая крупная свинья в торжковских туфлях».

Наконец. Так в рукописи.

страстям. Некрасов, стихотворение «Ночь. Успели мы всем насладиться».

Стр. 190. *Белинский.* Известно,что, наряду с кружком Петрашевского, действовали идейно ему близкие и связанные с ним — кружки Кашкина, Дурова и других, на которых бывало множество народу. Известно,что посетители и участники кружков различались не только по степени участия в революционном движении, но и по своим общественно-идейным воззрениям. Горький поэтому рассматривает петрашевцев по идейным группировкам и, говоря о каждом из них, имеет в виду весь его жизненный, общественный и творческий путь. Горький, среди участников движения, возглавленного Петрашевским, называет Чернышевского. Последний был связан с Иринархом Введенским, о котором Ф. Ф. Вигель доносил как о «задушевном друге Петрашевского». (См. «Русская старина», 1881, кн. 12, стр. 697). А. П. Милюков в своих «Литературных встречах и знакомствах» пишет, что на вечерах И. Введенского бывал Н. Г. Чернышевский (см. А. П. Милюков, «Литературные встречи и знакомства», изд. Суворина, СПБ, 1890, стр. 172.) Горький называет также Белинского. На «пятницах» Петрашевского Белинский не бывал. Но многие исследователи, в том числе такой авторитетный исследователь, как В. И. Семевский,

некоторые авторы воспоминаний называют имя Белинского, говоря о деле петрашевцев. Чтение письма Белинского к Гоголю было одним из серьезных обвинений, предъявленных петрашевцам. (См. ст. С. А. Венгерова в Энциклопедическом словаре Брокгауз-Ефрон, т. XXIII; В. И. Семевский, «Из истории общественных идей в России в конце 1840-х годов», изд. Н. Парамонова, Ростов-на-Дону, 1905). По единодушному мнению современников и исследователей, смерть избавила Белинского [от ареста по делу петрашевцев. Работу Горького над историей петрашевцев освещают заметки, относящиеся, несомненно, к тому же периоду, когда писалась настоящая глава рукописи. Заметки эти, очевидно, сделаны были в процессе работы над главой. В них Горький указывает прототипы персонажей романа А. Пальма-Альминского «Алексей Слободин», в котором автор-петрашевец изображает людей и события этого движения. Интересно, что в заметках назван Спешнев, в списке участников первым назван Николай Григорьев (их имен нет в рукописи), против имени Сер. Дурова написано: «связь с др[угими] кру[жками]», после перечня имен: Момбели, Спешнев, Николай Григорьев, Ф. Львов, Пав. Филиппов, П. Ахшарумов, Алек, Ханыков, Ипполит Дебу, Конст. Дебу, Ник. Кашкин, Сер. Дуров, Фед. Достоевский, Ал. Плещеев, Головинский, Феликс Толь, Ястржембский, Александр Пальм, Тимковский, Европеус, Петр Шапошников, Катенев, Черносвитов — написано «кроме того» и названы: В. Майков, А. Майков, А. Григорьев, В. Белинский, Благосветлов, Милюков, Чернышевский, Ир. Введенский, Н. Данилевский, Щедрин-Салтыков.

Стр. 191. *разрушения*. Горький приводит доклад Липранди по делу петрашевцев по статье С. Венгерова «Петрашевцы», Энциклопедический словарь, т. 45-й, изд. Брокгауз-Ефрон, 1898.

Стр. 192. *собственности*. Горький ссылается на «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского по собр. соч., изд. А. Ф. Маркса, СПБ, 1895, т. IX, ч. I, стр. 337.

славянофилы. В следственном деле петрашевцев упомянуто и имя Аполлона Григорьева, как одного из посетителей «пятниц» Петрашевского, хотя его участие в этом кружке было незначительно.

подчиниться. Из ст. В. В. Розанова, «Ф. М. Достоевский, Критико-биографический очерк» и в собр. соч. Достоевского, изд. А. Ф. Маркса, СПБ, 1894, стр. XV.

Стр. 193. *вспоминал*. Внешность Петрашевского изображалась и в других воспоминаниях. — См. А. И. Герцен, «Из истории развития революционных идей в России», Д. Д. Ахшарумов, «Из моих воспоминаний 1849 г.», П. П. Семенов-Тянь-Шанский, «Мемуары», и др.

палкой. Горький ссылается на книгу А. Я. Головачевой-Панаевой, «Русские писатели и артисты», стр. 197.

Стр. 194. *яз[ыка]*. Горький имеет ввиду «Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический лексикон)» Толя.

нужды. Горький ссылается на статью В. П. Майкова, «Об отношении производительности к распределению богатства» по собр. сочин. изд. Б. Фукса, Киев, т. II, 1901, стр. 83—84. Отмечено Горьким в экземпляре сочинений В. П. Майкова, хранящемся в его библиотеке.

Стр. 195. *звания*. Собственно провокатором, «подставленным» петрашевцам, был Антонели — родственник Липранди, действовавший по поручению последнего. Антонели бывал на «пятницах» Петрашевского и подробно обо всем доносил Липранди.

надежды. Источник цитаты не разыскан. В опубликованных воспоминаниях Д. Д. Ахшарумова (см. «Из моих воспоминаний 1849 г.») нет слов, приведенных Горьким.

Стр. 196. *сочинения!* Горький ссылается на книгу А. Я. Головачевой-Панаевой, «Русские писатели и артисты», стр. 231.

Стр. 197. *немедля*. Горький ссылается на резолюцию Николая I по поводу доклада о состоянии журналов в 1848 г. Приведено в книге М. Лемке, «Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия», СПБ, 1904, стр. 194—195. Отмечено Горьким в экземпляре книги Лемке, хранящемся в его библиотеке.

мерах. Из постановлений так наз. меньшиковского комитета. Там же, стр. 199.

Стр. 198. *Л[емке] 211*. Горький говорит об инциденте с официальной газетой «Русский инвалид». Одним из первых распоряжений комитета 2 апреля 1848 г., организованного для негласного надзора за цензурой, так называемого Бутурлинского комитета — был выговор военному министру за «неисправности» в «Русском инвалиде». Документы инцидента приведены в той же книге Лемке, стр. 210—212. Отмечено Горьким.

противному. Горький приводит рассказ М. А. Корфа — члена Бутурлинского комитета — по той же книге М. Лемке, стр. 212.

Стр. 199. *лет*. Горький ссылается на книгу В. Бурцева, «За 100 лет». Лондон, 1897, ч. II, стр. 12—19, где приведена хроника политических и общественных движений в России.

Стр. 203. *цели*. Горький ссылается на «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева по книге А. Н. Пыпина, «Характеристика литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов», стр. 158—160. Отмечено Горьким.

сумасшедшего. «Апология сумасшедшего».

страны? Горький приводит «Апологию сумасшедшего» по той же книге Пыпина, стр. 175. Отмечено Горьким.

Стр. 204. *«Правду»*. Не удалось установить—что имел в виду Горький. Возможно, что здесь описка в названии. Но возможно, что Горький имел в виду книгу П. В. Долгорукова, «Правда о России, высказанная П. В. Долгоруковым», ч. I—II. Paris, 1861. Долгоруков начал свою «карьеру» с верноподданнических историй дворянских родов в России, карьера не удалась, он сделался эмигрантом, написал свою «Правду о России», книгу остро, зло обличающую царизм, заслужившую название «ругательной».

потребностей. Горький соединил в цитате слова из «Былого и дум»: «мы умные ненужности» и слова из «Дневника» от 21 апреля 1843 г.: «мы вне народных потребностей».

Стр. 205. *около!* Горький ссылается на статью В. Богучарского «Александр Иванович Герцен» в книге «Из прошлого русского общества», Изд. М. Пирожкова, СПБ, 1904, стр. 146—147. Отмечено Горьким.

Щедрин и. — Так в рукописи.

4—5—6. Указаны страницы той же статьи Богучарского. Это, видимо, заметка для работы: о Герцене Горький намеревался писать возможно более обстоятельно. Но глава эта, судя по рукописи, осталась явно недоработанной, она обрывается.

Стр. 206. *чернорабочих*. Горький ссылается на «С того берега» Герцена по книге Ч. Ветринского, «Герцен», СПБ, 1908, стр. 224. Отмечено Горьким.

Стр. 207. *судьбах*. Горький ссылается на «Письма к противнику» Герцена по той же книге Ч. Ветринского, «Герцен», стр. 177.

86-ю. Указаны страницы той же книги Ч. Ветринского. Заметка для памяти. Глава на этом обрывается.

чтобы. Набросок на отдельном листе, по содержанию примыкающий к главе.

ляжет... «Саша» Некрасова.

столетии. Письмо К. Маркса Л. Кугельману от 12 октября 1868 г.

Стр. 208. *рабов*. Горький ссылается на «С того берега» Герцена, гл. «Omnia mea mecum porto» по указанной книге Адреевича «Опыт философии русской литературы», стр. 127.

Стр. 209. *друга*. Там же, стр. 126.

Стр. 210. *лентяй*. Горький ссылается на эпиграф к статье Герцена «Лишние люди и желчевики».

брандмейстера. Последние четыре строки — видимо, заметка для памяти. Глава обрывается.

Стр. 212. *этом*. Горький ссылается на книгу А. А. Корнилова «Общественное движение при Александре II», изд. журн. «Русская мысль», М., 1909, стр. 13, 24; также ссылается на книгу Пыпина «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов», СПБ, 1906, стр. 34. Пыпин говорит о реакционных взглядах Жуковского — воспитателя Александра II. Эта же страница книги Пыпина, отмеченная Горьким, приведена выше, см. стр. 64—65.

Стр. 213. *недугов*. Горький ссылается на ту же книгу Корнилова «Общественное движение при Александре II», стр. 17, где приведены выдержки из статьи В. И. Васильчикова — «Воспоминание об очищении Севастополя», «Русь», 1880, № 2, стр. 27.

Николая I-го. Источник цитат — приведенных Горьким слов Пирогова, Тотлебена и Норова не разыскан.

отечеству. Горький ссылается на ту же книгу Корнилова, стр. 14.

Стр. 214. *события*. Горький ссылается на письма Погодина к Николаю I, приведенные Корниловым в той же книге, стр. 12.

смущены. Там же, стр. 33.

Стр. 215. *стих. 8*. Там же, стр. 42—43.

мужику! Некрасов, «Кому на Руси жить хорошо».

Стр. 216. *Степанова*. «Листок знакомых» Н. Степанова.

вещей. В рукописи не приведены.

Стр. 217. *шибко*. Горький приводит характеристику «Искры», данную Г. З. Елисеевым, по книге Лемке «Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия», СПБ, 1904, стр. 50—51. Отмечено Горьким.

Стр. 218. *она!* П. Шумахер, стихотворение «Кто она? (в pendant к «Картинке» Майкова)». Стихотворение в «Искре» не появилось, задержанное цензурою. Впервые напечатано в «Сборнике» статей, недозволенных цензурою в 1862 году, т. II, СПБ, 1862, стр. 188.

Л[емке] 85. Горький ссылается на статьи-пародии «Искры» в № 9, 1864, и № 44, 1863, высмеивающие проекты Каткова и Леонтьева об усиленном изучении в школах древних языков. Пародии эти приведены в книге Лемке «Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия», стр. 85.

отпор. Там же, стр. 93.

Стр. 219. *перемены?* Корнилов, «Общественное движение при Александре II», стр. 191.

Стр. 220. *работник*. Горький ссылается на ст. Герцена «Русский народ и социализм» по книге Андреевича (Соловьева), «Опыт философии русской литературы», стр. 152—154.

Стр. 222. *народа*. Горький ссылается на статью Чернышевского о Николае Успенском — «Не начало ли перемены?» по собр. соч. Н. Г. Чернышевского, изд. М. Чернышевского, СПБ, 1906, т. VIII, стр. 340—356. Чернышевский, как известно, с высокой похвалой отзывался о Н. Успенском, как о писателе, которому была чужда идеализация народной жизни. В статье своей Чернышевский подробно анализирует рассказы Успенского, приводит образцы картин, исполненных суровой правды, рисующих без прикрас жизнь крестьянина.

Стр. 223. *утешительная*. Горький ссылается на статью Чернышевского «Замечание на статью «О поземельной собственности» по указанному собр. соч., 1906, т. IV, стр. 88.

развития. Горький ссылается на статью Чернышевского «Критика философских предубеждений против общинного владения». То же изд. 1906 г. т. IV, стр. 309.

формы. Там же, стр. 331.

Стр. 225. *открыть*. Горький ссылается на статью Чернышевского «Вредная добродетель», то же изд., 1906, т. IV, стр. 393—394.

Стр. 226. *194—196—8*. Горький ссылается на книгу В. Бурцева «За 100 лет», Лондон, 1897, стр. 46—52, где приведена хроника политических и общественных движений в России за 1861 г.

В Петербурге демонстрация при похоронах Шевченко, аресты М. Михайлова, Обручева и др., закрытие университета, арест 200 человек, в Москве — уличная демонстрация студентов. Демонстрации в Варшаве, Вильно, где объявлено военное положение. Волнения крестьян по всей России — в Казанской, Пензенской, Калужской и др. губерниях, восстание в Бездне, где убито до 100 крестьян. Главарь восстания — А. Петров расстрелян. Горький ссылается также на книгу Корнилова «Общественное движение при Александре II», стр. 194—198, где автор характеризует общественную борьбу 60-х годов — позиции «Отечественных записок», «Недели», Лаврова — его «Исторических писем». Корнилов приводит слова Герцена: «... Ну, куда же вам деться, юноши, от которых заперли науку? Сказать вам: куда? — Прислушайтесь — благо тьма не мешает слушать—со всех сторон огромной родины нашей: с Дона и Урала, с Волги и Днепра растет стон, поднимается ропот — это начальный рев морской волны, которая закипает, чреватая бурями, после страшно утомительного штиля. *В народ! К народу!* — вот ваше место, изгнанники науки, покажите этим Бистромам, что из вас выйдут не подъячие, а воины, но не безродные наемники, а воины народа русского!» Далее Корнилов цитирует «формулу» Лаврова: «Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении, воплощение в общественных формах истины и справедливости...»

Слова Герцена — «в народ» и «формулу» Лаврова Горький повторяет далее в своем тексте.

Стр. 228. *могу*. Горький ссылается на роман «Что делать», то же изд., 1906, т. IX, стр. 183, 184—185, 186—187, 191.

Стр. 229. *поползновениям*. Горький ссылается на книгу А. Корнилова «Общественное движение при Александре II», стр. 225, 226.

делать. Горький ссылается на статью Н. К. Михайловского «Идеализм, идолопоклонство и реализм», по той же книге Корнилова, стр. 226.

Стр. 230. *народом*. Речь Ипполита Мышкина на «процессе 193-х» Горький приводит по той же книге Корнилова, стр. 214.

Бардиной. Речь Бардиной на «процессе пятидесяти» в рукописи не приведена и не указан источник, откуда Горький мог взять эту речь.

Стр. 231. *сползаются!* Горький, видимо, ссылается на стихотворение Некрасова «Смолкли честные, доблестно павшие». Считалось, что стихотворение это было написано Некрасовым в 1877 г. и посвящено было участникам «процесса пятидесяти», происходившего в феврале и марте 1877 г. в Петербурге. Один из участников процесса—рабочий Петр Алексеев получил список «Смолкли честные, доблестно павшие» в тюрьме. Оно было напечатано в «Земле и Воле» в 1879 г. В 1913 г. К. Чуковский указал, что черновики стихотворения относятся к 1874 г. Горький в 1909 г. не мог этого знать. Более того, ему—знакомому с народнической литературой — было несомненно известно, что «Смолкли честные, доблестно павшие» соединялось с именами участников «процесса пятидесяти». К их числу принадлежит и Бардина, о которой идет речь. К тому же Чуковский, датируя стихотворение 1874 г., указывает, что, возможно, Некрасов сам связал ранее написанное стихотворение с более поздними значительными событиями.

Издание, на которое ссылается Горький, не найдено.

Стр. 233. *известна*. Горький ссылается на роман В. Слепцова «Трудное время» по собр. соч. В. Слепцова, изд. В. Губинского, СПБ, 1903, стр. 308—310.

Стр. 235. Нет начала главы. Уцелевшая ее часть не дает поэтому цельного, полного представления о взглядах Горького на Писарева.

Стр. 236. *глаза*. Горький ссылается на роман «Отцы и дети» по статье Писарева «Реалисты»; указывает собр. соч. Д. И. Писарева, изд. Ф. Павленкова, т. IV, СПБ, 1904, стр. 27.

Стр. 237. *интеллигента*. Горький в данном случае понимает под «пролетарием-интеллигентом» разночинца-интеллигента, принужденного продавать свою умственную силу.

вовсе. Горький ссылается на роман «Отцы и дети» по собр. соч. Тургенева, изд. Глазунова, 1883, т. IV, стр. 221. Отмечено Горьким.

Стр. 238. *знания?* Горький ссылается на статью Писарева «Реалисты», то же изд., т. IV, стр. 36, 37.

Стр. 240. *поползновений*. Там же, стр. 49—50.

герои? Там же, стр. 67—68.

Стр. 241. *Руси*. Горький ссылается на статью Герцена «Еще раз Базаров» по собр. соч. А. И. Герцена, 1879, т. X, стр. 417, 418, 424.

Стр. 242. *грустью*. Горький ссылается на статью Писарева «Роман кисейной девушки», то же изд., т. IV, стр. 256—257.

Стр. 244. *гонор!* Горький ссылается на повесть Помяловского «Мещанское счастье» по собр. соч. Н. Г. Помяловского, изд. «Просвещение», СПБ, 1903, т. I, стр. 115, 122. Отмечено Горьким.

Стр. 245. *скучно*. Горький ссылается на роман Помяловского «Молотов». То же изд., т. I, стр. 376, 377, 379—380, 381, 382—383. Отмечено Горьким.

Стр. 246. *злости*. Горький ссылается на «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского по собр. соч. изд. А. Ф. Маркса, 1894, т. III, ч. II, стр. 71—72.

Все последующие цитаты и ссылки из произведений Достоевского сделаны Горьким по этому изданию.

Стр. 247. *перевести!* Там же, стр. 73.

Стр. 248. *щелочку.* Там же, стр. 74, 75, 77—78.

Стр. 250. *знает.* Там же, стр. 85, 86, 87, 89, 90.

Стр. 251. *болят.* Там же, стр. 81.

Стр. 252. *инерция.* Там же, стр. 92—93, 95, 99, 100.

Стр. 254. *быть.* Горький ссылается на статью Д. И. Писарева «Схоластика XIX века» по книге А. А. Корнилова, «Общественное движение при Александре II», М., 1909, стр. 123.

Стр. 255. *собой.* Там же, стр. 141.
«Недели». Горький ссылается на ту же книгу Корнилова, стр. 197—198, где автор характеризует программу Лаврова-Миртова — его «Исторических писем».

Стр. 256. *стремится.* Горький ссылается на «Признаки времени» М. Е. Салтыкова-Щедрина по собр. соч., изд. А. Ф. Маркса, СПБ, 1906, т. VII, стр. 142—143 и «Дневник провинциала в Петербурге», стр. 506. Все последующие цитаты и ссылки из произведений Салтыкова-Щедрина сделаны Горьким по этому изданию.
Успенский. Г. Успенский — внук священника, сын чиновника.

Стр. 257. *родословную.* Горький ссылается на «Автобиографию» Г. И. Успенского по собр. соч., изд. А. Ф. Маркса, СПБ, 1908, т. I, стр. VIII—IX.

Стр. 258. *земли.* Там же, стр. XI.

Стр. 259. *удовлетворение.* Горький ссылается на «Власть земли» Г. Успенского, то же изд., т. V, стр. 109, 115.

Стр. 261. *много.* Горький ссылается на очерки «Крестьянин и крестьянский труд» Г. Успенского, то же изд., т. V, стр. 3, 4—5, 14—15.

Стр. 262. *и т. д.* Там же, стр. 20, 21, 51, 57.

Стр. 263. *сожалеем.* Горький ссылается на «Введение» к «Ряду статей о русской литературе» Ф. М. Достоевского. То же изд., т. IX, стр. 21, 22, 23, 24, 25—26.

Стр. 264. *договор.* Так в рукописи.

Стр. 265. *Глеба.* Горький ссылается на записи доктора Синани, лечившего Г. И. Успенского. Записи эти приведены в статье Н. К. Михайловского об Успенском, «Глеб Иванович Успенский как писатель и человек», напечатанной в т. I указанного собр. соч. Г. И. Успенского; Горький ссылается на эту статью, стр. LXX.

Стр. 269. *ворона!* Из рассказа А. О. Осиповича-Новодворского «Эпизод из жизни ни павы, ни вороны». Горький ссылается на ст. М. Гроденкого «Очерк жизни и литературной деятельности А. О. Новодворского» в собр. соч. А. О. Осиповича-Новодворского, изд. А. П. Батуева, СПБ, 1897, стр. XIII.
Начало. Горький ссылается на начало рассказа «Эпизод из жизни ни павы, ни вороны», где Новодворский связывает интеллигента-разночинца 70-х годов с «лишними людьми» — героями произведений Лермонтова, Тургенева.

человек! Из речи Достоевского, произнесенной им 8 июня 1880 г. при открытии памятника А. С. Пушкину.

Стр. 272. *антихриста.* Горький ссылается на «Господ ташкентцев» Салтыкова-Щедрина, то же изд., 1907, т. VIII, стр. 284—285, 286—287.
будешь! Там же, стр. 296—297.

Стр. 273. *Жрать!!* Там же, стр. 299—300.
будущего. Там же, стр. 287—288.

Стр. 274. *35.* Горький ссылается, видимо, на сатирическую главу в очерках «За рубежом»: «Мальчик в штанах и мальчик без штанов», там же, стр. 35.

Стр. 275. «*Некуда*». Так в рукописи. Нет разбора романа
Шерамур. Так в рукописи. Горький ссылается на рассказ Лескова «Шерамур»; разбора его нет в рукописи.

Стр. 276. *Меньшиков.* Здесь в рукописи пропуск.

Стр. 277. Нет начала главы. Нехватает, видимо, двух четырехстраничных листов. Авторская пагинация начинается с третьего листа.

Стр. 278. *жизни.* Горький ссылается на ст. Л. Н. Толстого «Воспитание и образование» по собр. соч., изд. одиннадцатое, М. 1903, ч. IV, стр. 109—110.
Все последующие цитаты и ссылки из произведений Л. Н. Толстого сделаны Горьким по этому изданию.

Стр. 279. *не приложимый.* Там же, стр. 104, 105, 111, 126, 129.

Стр. 281. *образование.* Там же, стр. 106, 130, 131.
ее. Горький ссылается на ст. Л. Н. Толстого «Мысли о воспитании», то же изд., ч. IV, стр. 392.

Стр. 283. *черноволосых.* Горький ссылается на ст. Л. Н. Толстого «Прогресс и определение образования», то же изд., ч. IV, стр. 147—149.
наука. В. Карпентер — англичанин.

Стр. 284. *разрешения.* Горький ссылается на предисловие Л. Н. Толстого к ст. Карпентера «Современная наука», то же изд., ч. XIII, стр. 478.

Стр. 285. *подобном.* Там же, стр. 480.
существует. Горький ссылается на статью Л. Н. Толстого «Два взгляда на жизнь», то же изд., ч. XIII, стр. 522.

Стр. 287. *Начало.* Горький ссылается на начало повести «Утро помещика», где Толстой рассказывает о решении Нехлюдова «посвятить себя жизни в деревне» для того, чтобы «заботиться о счастьи» крестьян. Горький указывает II ч. собр. соч. Л. Н. Толстого, изд. 1903 г., где напечатано «Утро помещика».

Стр. 288. *жизни.* Там же, стр. 55, 57, 58.
дисгармонии. Горький цитирует письмо Белинского к В. П. Боткину от 1 марта 1841 г. В цитате изменено одно слово: вместо «меломанов», Горький написал «любителей музыки».

Стр. 289. *неотмщенными.* Горький ссылается на «Братьев Карамазовых» по собр. соч. Ф. М. Достоевского, изд. А. Ф. Маркса, СПБ, 1895, т. XII, стр. 289, 290, 291.

Стр. 290. *недостоин.* Горький ссылается на «Казаков», то же изд., ч. II, стр. 243, 239, 240.

Стр. 291. *сле[дующие]*. Горький ссылается на «Детство, отрочество и юность», на те страницы повести, где Толстой показывает трусливое поведение Николеньки Иртеньева в ссоре с Колпиковым и заносчивость его с Дубковым.

опа. Горький ссылается на «Люцерн — Из записок князя Д. Нехлюдова», то же изд., ч. III, стр. 210, 218.

Стр. 292. *бесконечного*. Там же, стр. 222, 226.

Стр. 293. *таё*. Слова Акима из «Власти тьмы».

Стр. 294. *X. 9—13*. Горький ссылается на «Анну Каренину» — на те страницы романа, где Толстой показывает сцену исповеди Левина, рисует комические стороны исповеди, а вместе с тем заставляет Левина снова глубоко задуматься над вопросом существования бога; то же изд., ч. X, стр. 9—12.

бога. Там же, стр. 454.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Цифры, набранные курсивом, указывают страницы примечаний

Аввакум, протопоп — 296
Авдеев, М. В. — 206
Адлерберг, В. Ф. — 88
Аксаков, К. С. — 215
Аксаков, С. Т. — 148
Аксаковы, И. С. и К. С. — 154
Аксаковы (семья) — 126
Александр I — 6, 29, 35, 47, 48, 50, 63, 74, 78, 79, 82, 88, 91, 93, 95, 109, 111, 121, 137, 148, *304*, *305*, *312*
Александр II — 64, 154, 211, 213, 214, *304*, *318*
Александр III — 276
Александра Федоровна, жена Николая I — 64, *304*
Алексей Михайлович, царь — 107
Алексеев, П. — *320*
Андреев, Л. Н. — 26, 44, 45, *301*
Андреева, М. Ф. — *302*
Андреевич (Соловьев, Е. А.) — 182, 208, 220, *315*, *318*
Анна Иоанновна, императрица — 109
Анненков, П. В. — 124, 126, 129, 132, *310*, *311*
Антонели — *316*
Аракчеев, А. А. — 50, 78, 79, 82
Арина Родионовна (няня Пушкина) — 6, 101
Арцыбашев, М. П. — 2
Асланбеков — 10, *297*
Афанасьев, А. Н. — *300*
Ахшарумов, Д. Д. — 190, 193, 195, *316*
Ахшарумов, Н. Д. — *316*

Байрон, Д. — 55, 57, 58, 84, 96, 102
Бакунин, М. А. — 125, 148, 152, 171, 176, 197, 201
Бакунины (семья) — 126
Бальзак, О. — 1, 4, 185
Бальмонт, К. Д. — 45
Баратынский, Е. Л. — 7, 73
Бардина, С. — 230, 232, *320*
Барсов, Е. В. — *300*
Бартенев, П. И. — *299*
Басаргин, Н. В. — *307*
Батюшков, К. Н. — 14, 36, 52, 102, *303*
Башлык, Максим — 81
Бебель, А. — 3
Белинский, В. Г. — 12, 71, 124, 131, 141, 142, 145, 153, 185, 190, 195, 288, *298*, *304*, *315*, *316*, *322*
Бенкендорф, А. Х. — 88, 99, 102, 115, 116, 160, *309*
Бентам, И. — 78
Беранже, П. — 79, *305*
Бердяев, Н. А. — 242, 265, 289
Бестужев-Марлинский, А. А. — 122, 197, *304*, *306*
Бестужевы — 74
Бетховен, Л. — 294
Бильбасов, В. А. — 8, 10, 17, 18, *297*, *298*, *299*, *300*
Благовещенский, Н. А. — 210
Благосветлов, Г. Е. — 190, 193, *316*
Богданович, И. Ф. — 6
Боголюбов, С. П. — *300*
Боголюбский — 141
Богомолов — 10, 81
Богучарский, В. Я. — 176, 204, *314*, *317*
Болотов, А. Т. — 11, *298*
Бомарше, П. — 1
Бондарев, Т. М. — 286
Боткин, В. П. — 141, *311*, *322*
Боткин, С. П. — 237
Брикнер, А. — 31, 32, *302*
Брюлов, К. П. — 189, *315*
Брюс, Я. А. — 17
Букингэм — 18
Булавин, К. — 108, 188
Булгаков, С. Н. — 242, 265, 289
Булгарин, Ф. В. — 85, 86, 87, 102, 115, 116, 160, *310*
Бунин, А. — 53
Буренин, В. П. — 216

Бурцев, В. Л. — 226, *317*, *319*
Буташевич-Петрашевский, М. В. — 190, 191, 192, 193, *315*, *316*
Быков — 81

Валуев, П. А. — 218
Васильчиков, А. А. — *314*
Васильчиков, В. И. — 213
Введенский, И. И. — 190, 194, *315*, *316*
Вейнберг, П. И. — 216
Великолуцкий — 33
Вельтман, А. Ф. — 7
Венгеров, С. А. — *316*
Веневитинов, Д. В. — 72, 111
Венецианов, А. Г. — 189
Вернадский, И. В. — 223
Ветринский (Чешихин, В. Е.) — 206, 207, *317*, *318*
Вигель, Ф. Ф. — *305*, *315*
Виельгорские (семья) — 126
Витберг, А. Л. — 125, 197
Витте, С. Ю. — 139
Вольтер, Ф. — 1, 6, 11, 14, 18, 20, 22, 24, 27, 28, 29, 34, 36, 41, 118
Воронов, М. А. — 210, 219
Воронцов, В. П. — 224
Воронцов, М. И. — 28
Воронцов, М. С. — 91, 93, *307*
Высоцкий — 199
Вяземский, А. А. — *299*
Вяземский, П. А. — 72

Галич, А. — 44
Ганнибал, А. П. — 87
Гаршин, В. М. — 25, 266, 269
Гебель, И. — 55, 60, 61
Гейден, П. А. — 35
Гейне, Г. — 58
Гельвеций, К. — 27, 41, 78
Гердер, И. — 43
Герцен, А. И. — 71, 72, 125, 141, 148, 149, 152, 154, 155, 165, 166, 167, 168, 171, 176, 182, 183, 184, 197, 200, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 215, 216, 220, 222, 226, 235, 241, 253, 254, 296, *302*, *314*, *315*, *316*, *317*, *318*, *319*, *320*
Гете, В. — 55, 58, 73, *304*
Глинка, С. Н. — 52, *303*
Глинка, Ф. Н. — *308*
Гоголь, Н. В. — 7, 16, 25, 44, 57, 85, 107, 113, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 142, 187, 190, 205, 270, *303*, *310*, *311*, *315*, *316*
Голицын, А. Н. — 50
Головачева-Панаева, А. Я. — 130, 142, 193, 196, *311*, *312*, *316*, *317*
Головинский, В. А. — *316*
Гольбах, П. — 41, 78
Гольберг, Л. — 14, 16, *299*
Гольдсмит, О. — 55
Гончаров, И. А. — 151, 171, 226, 252, 253
Горбунов-Посадов, И. И. — 35
Гофман, А. — 7, 44, 119, 122
Грановский, Т. Н. — 148, 153
Гребенка, Е. П. — 7, 189, *315*
Грей, Т. — 55, 61
Грессе, Ж. — 16
Греч, Н. И. — 85, 115
Грибоедов, А. С. — 7, 16, 25, 107, 115, 159, 273, *310*
Григорович, Д. В. — 25, 150, 184, 185, 186, 187, 189, 220
Григорьев, А. А. — 192, *316*
Григорьев, Н. А. — *316*
Гродецкий, М. — *321*
Гурьевы — *297*

Давыдов, Д. В. — 50
Даль, В. И. — 187, 188
Данилевский, А. С. — 124, 125, *310*
Данилевский, Н. Я. — 190, 192, 193, *316*
Данилов, К. — *300*
Данте, А. — 63
Дарвин, Ч. — 193
Даргомыжский, А. С. — *303*
Дашкова, Е. Р. — 23
Дебу, И. — 190, *316*
Дебу, К. — *316*
Дежнев, С. — 188
Дельвиг, А. А. — 106, *305*, *309*
Дельвиг, А. И. — *306*
Депремениль — 31
Державин, Г. Р. — 6, 11, 14, 90, 96, *308*
Дефо, Д. — 267
Джордж, Г. — 295
Дидро, Д. — 17
Диккенс, Ч. — 1, 4, 190
Дицген, И. — 3
Дмитриев, Д. — 15, *298*
Дмитриев, И. И. — 6, 11, 12, 14, 48, 90, 96, *298*, *308*
Добролюбов, Н. А. — 145, 153, 154, 195, 216
Докучаев, В. В. — 10
Долгоруков, П. В. — 197, *317*
Достоевский, Ф. М. — 1, 113, 127, 190, 191, 192, 195, 197, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 254, 256, 262, 263, 264, 266, 269, 275, 276, 286, 288, 289, *301*, *316*, *320*, *321*, *322*
Драйден — 55
Дубасов, И. — *313*
Дуров, С. Ф. — 190, *315*, *316*

Европеус, А. И. и П. И. — *316*
Екатерина II—6, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 27, 28, 30, 31, 32, 34, 35, 36, 47, 54, 89, 107, 121, 137, *298*, *299*, *300*, *303*
Елагин, И. П. — 25, 33, *300*
Еленский — *303*
Елизавета Петровна, императрица — 14
Елисеев, Г. З. — 145, 216, 217, *318*
Ермак Тимофеевич — 188

Жадовская, Ю. В. — 50
Жадовские (семья) — 126
Жданов, И. Н. — *299*
Жемчужниковы, А. М. и В. М. (Козьма Прутков) — 216
Жихарев, М. — *305*
Жорж-Занд — 178, 185
Жуковский, В. А. — 6, 14, 16, 25, 36, 37, 50, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 72, 73, 90, 96, 102, 112, 118, 189, 211, *303*, *304*, *315*, *318*

Завадовский, П. В. — 30
Засодимский, П. В. — 224
Златовратский, Н. Н. — 224
Золя, Э. — 4

Иван Антонович (Иван III, 1740—1764) — 8, 10, *297*
Иван Грозный — 108, 197
Иванов, Д. П. — *304*
Иванов-Разумник, Р. И. — 26, *301*
Иванович — 224
Измайлов, А. Е. — 52, *303*
Измайлов, Л. Д. — 145, 148, 153, 251, *312*

Кабэ, Е. — 190, 193, 251
Калиостро — 33
Кантемир, А. Д. — 72
Караджич, В. — 99
Карамзин, Н. М. — 6, 14, 16, 25, 36, 48, 58, 69, 95, 112, *303*
Кареев, Н. И. — 209
Карлейль, Т. — 40
Каронин, Н. Е. — 224
Карпентер, В. — 283, 284, *322*
Катенев, В. — *316*
Катенин, П. А. — 72, 79, 125, *311*
Катков, М. Н. — 215, 218, *318*
Каутский, К. — 286
Каховский, П. Г. — 74
Кашкаров — 145, 148, 153, 251, *312*
Кашкин, Н. С. — 190, *315*, *316*
Квинси, Т. — 43
Кернер, Т. — 55
Киреевский, И. В. — 111, 112, 113, 125, 126, 132
Киреевский, П. В. — 99
Киреевские (семья) — 126
Киттара, М. Я. — 109
Клейнмихель, П. А. — 88
Княжнин, Я. Б. — 29, *301*
Козловский, Ф. А. — 20
Кольцов, А. В. — 7, 188
Колюпатов — 9
Консидеран, В. — 193
Константин Павлович — 83
Конт, О. — 118
Корнель, П. — 6, 13, 38
Корнилов, А. А. — 211, 212, 213, 214, 215, 219, 226, 229, 230, 254, 255, *318*, *319*, *321*
Корф, М. А. — 198, *305*, *317*
Котляревский, Н. А. — *305*, *307*
Котошихин, Г. К. — 107
Кошелев, А. И. — 111
Краевский, А. А. — 193
Красный — 81
Крашенинников, С. П. — 188
Кремнев — 10, *297*
Крестовский, В. В. — 286
Критские, бр. — 199
Кропоткин, П. А. — 201, 209
Круглов, А. В. — 273
Крылов, И. А. — 7, 14, 25, 101
Кукольник, Н. В. — 154
Кулиш, П. А. — 121, 219, *310*
Куприн, А. И. — 266
Курочкины, В. С. и Н. С. — 216
Кущевский, И. А. — 210
Кюхельбекер, В. К. — 74

Лавров, П. Л. — 155, 209, 224, 226, 254, 255, *319*, *321*
Ладыжников, И. П. — *301*
Ламенне, Ф. — 7
Ланжерон, А. Ф. — 31
Лафонтен, Ж. — 14, 55
Левитов, А. И. — 210, 219, 220
Лейкин, Н. А. — 219
Лемке, М. К. — 197, 198, 216, 217, 218, *317*, *318*
Леонардо-да-Винчи — 102
Леонтьев, К. Н. — 218, *318*
Лермонтов, М. Ю. — 7, 25, 143, 158, 159, 160, 161, 162, 164, 165, 197, *313*, *314*, *321*
Лесков, Н. С. — 7, 226, 241, 252, 253, 273, 275, 276, 286, *322*
Ливен — 229
Липранди, И. П. — 190, 192, 195, *316*
Ломоносов, М. В. — 6, 14
Лонгинов, М. Н. — *302*
Лопухин, И. В. — 36, *302*

Лувель, П. — 95
Луначарский, А. В. — *300*
Львов, Ф. Н. — *316*
Людовик XV — 27
Людовик XVI — 31, 32

Майков, А. Н. — 25, 190, 193, 218, *316*, *318*
Майков, В. Н. — 190, 194, 195, *316*
Майков, Л. Н. — *298*
Маликов, А. К. — 204
Манструк — 81
Мария Федоровна, императрица — (1759—1828) — 63
Маркевич, Б. М. — 286
Марко Вовчок — 206
Маркс, Карл — 44, 155, 207, *318*
Мармонтель, Ж. — 18, *299*
Мартынов, Н. С. — *314*
Матвеев, А. С. — 107
Мачтет, Г. А. — 204
Мей, Л. А. — 7
Мельников-Печерский, П. И. — 7, 25
Меньшиков, М. О. — 155, 276
Мережковский, Д. С. — 135, 265
Мериме, П. — 99
Де-Местр, Жозеф — 7, 59, 60, *304*
Де-Местр, Ксавье — 59
Микель-Анджело — 102
Милорадович, М. А. — 95, *308*
Мильтон, Дж. — 58
Милюков, А. П. — 190, 193, *315*, *316*
Минаев, Д. Д. — 216
Мирович, В. Я. — 33
Михайлов, М. Л. — 145, 216, *319*
Михайловский, Н. К. — 155, 206, 209 216, 224, 229, *319*, *321*
Могила — 81
Мольер, Ж. — 16
Момбели, Н. А. — *316*
Монтескье, Ш. — 18, 20, 76, 78
Моррис, В. — 61
Де-ля-Мот-Фуке — 55
Мур, Т. — 55, 61
Муравьев, Н. М. — 83
Мышкин, И. Н. — 230, 232, *320*

Надеждин, Н. И. — 48, 201
Наполеон I — 6, 51, 82, 84
Нарежный, В. Т. — 7
Нарышкин, А. В. — 23
Наумов, Н. И. — 188, 216, 219
Некрасов, Н. А. — 24, 100, 152, 189, 195, 196, 207, 215, 230, 231, 266, *300*, *311*, *318*, *320*
Нелединский-Мелецкий, Ю. А. — 49, 72
Нестор, летописец — 296
Нефедов, Ф. Д. — 188, 204, 224
Нечаев, С. Г. — 204, 228
Никитенко, А. В. — 185
Николай I — 48, 64, 74, 81, 83, 92, 94, 109, 111, 112, 139, 149, 156, 161, 164, 196, 197, 198, 199, 201, 204, 211, 213, 293, *305*, *314*, *317*, *318*
Николаев, Н. — 17, *299*
Никон, патриарх — 107
Ницше, Ф. — 20, 155
Новиков, Н. И. — 6, 8, 13, 16, 25, 26, 33, 34, 35, 47, 85, 89, 115, 137, *302*
Новосильцев, Н. Н. — 50, 74
Норов, А. С. — 213, 215
Нуньец, Риего — 93, *307*

Обручев, В. А. — *319*
Огарев, Н. П. — 125, 148, 152, 171
Одоевский, А. И. — 7, 72, 74, 94, 197, *308*
Одоевский, В. Ф. — 111
Озеров, В. А. — 13, 14
Орловский (Головин, К. Ф.) — 286
Осипович-Новодворский, А. О. — 269, 273, *321*
Островский, А. Н. — 7, 14

Павел I — 6, 18, 29, 35, 47, 50, 54
Пальм, А. И. — 190, 193, 195, *316*
Пальм — 195
Панаев, И. И. — 149, 152, *312*, *313*
Панин, Н. И. — 17
Папин, Д. — 188
Парни, Э. — 55
Пасквалис, Мартинес — 33, *302*
Пассек, В. В. — 125
Пассек, Т. П. — 149, *313*
Пестель, П. И. — 83, 84, 109
Петр I — 72, 83, 87, 107, 114
Петр III — 10
Петров, А. — *319*
Петрункевич, И. И. — 35
Печерин, В. С. — 197
Печерский — см. Мельников-Печерский
Пиотровский, И. А. — 145
Пирогов, Н. И. — 213, 237
Писарев, Д. И. — 26, 96, 209, 228, 229, 235, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 254, *301*, *320*, *321*
Писемский, А. Ф. — 7, 25, 189, 241, 252, 253
Платон, митрополит — 35
Плеханов, Г. В. — 155
Плещеев, А. Н. — 190, 193, *316*
Пнин, И. П. — 51, 52, 53, 90, *303*
Погодин, М. П. — 111, 213, *318*
Полевой, Н. А. — 91, *307*
Полежаев, А. И. 197

Полонский, Я. П. — 216
Помяловский, Н. Г. — 210, 242, 243, 244, 245, *320*
Потемкин, Г. А. — 31
Поэ, Э. — 44
Прокопович, Н. Я. — 121, *310*
Протасова, М. — 63, *304*
Протопопов, И. Е. — 141
Прудон, П. — 190
Прыжов, И. — *309*
Прытков, Н. — *303*
Пугачев, Е. — 10, 22, 27, 30, 32, 50, 83, 97, 99, 140, 188
Пушкин, А. С. — 5, 6, 7, 16, 25, 32, 51, 64, 72, 73, 74, 76, 78, 79, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 112, 114, 115, 120, 124, 125, 127, 130, 131, 136, 142, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 164, 165, 201, 208, 253, 296, *297*, *302*, *303*, *304*, *305*, *306*, *307*, *308*, *309*, *310*, *311*, *313*, *322*
Пушкин, В. Л. — 72, 79, *305*
Пушкин, Л. С. — *309*, *311*
Пущин, И. И. — 74, 125
Пыпин, А. Н. — 64, 109, 113, 114, 116, 202, 203, 211, *304*, *309*, *310*, *317*, *318*
Пятницкий, К. П. — *300*

Радищев, А. Н. — 6, 8, 13, 16, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 32, 33, 34, 52, 76, 85, 89, *302*, *309*
Радищев, Н. А. — 52, *303*, *305*
Разин, С. — 50, 97, 99, 108, 188, *298*, *309*
Расин, Ж. — 6, 13, 38
Растопчина, Е. П. — 49, 50, 126, *303*
Репнин, Н. В. — 51
Решетников, Ф. М. — 187, 220, 224
Робеспьер, М. — 118
Родичев, Ф. И. — 35
Розанов, В. В. — 192, *316*
Рокфеллер — 3
Ростовцев, Я. И. — 229
Ротшильд — 3
Рубановская, Е. В. — *301*
Рузавин — 81
Русанов, Н. — 206
Руссо, Ж.-Ж. — 6, 11, 27, 28, 41, 78, 118, 286
Рылеев, К. Ф. — 7, 74, 78, 82, 83, 89, 90, 125, 197, *305*, *307*
Рюккерт, Фр. — 55

Сазонов, Н. И. — 125, 126
Салтыков-Щедрин, М. Е. — 16, 25, 125, 127, 141, 149, 150, 151, 190, 193, 197, 205, 241, 245, 255, 256, 269, 270, 272, 273, 274, 276, *313*, *316*, *317*, *321*, *322*
Салтычиха (Салтыкова, Д. И.) — 251
Сальха — 53
Самарин, Ю. Ф. — 197
Сатин, Н. М. — 125
Сахаров, И. И. — *300*
Segur (Сегюр) — *299*
Семевский, В. И. — 9, 10, 74, *297*, *298*, *305*, *306*, *314*, *315*, *316*
Семенов — 199
Семенов — Тянь-Шанский, П. П. — *316*
Семенова, Е. С. — 79
Сенковский, О. И. — 85, 106, 115
Сен-Мартен — *302*
Сен-Симон, А. — 209
Сеченов, И. М. — 237
Синани — 265, *321*
Скабичевский, А. М. — *304*
Скотт, Вальтер — 55, 58
Славутинский, С. — *312*, *313*
Слепцов, В. А. — 25, 219, 232, 233, 253, *320*
Слепушкин, Ф, Н. — 106, *309*
Смит, А. — 78, 82
Смирнов — 141
Смоллет, Т. — 38
Соллогуб, В. А — 7, 119, 121, *310*
Соловьев — см. Андреевич
Соловьев, В. С. — 113, 276
Соловьев, С. М. — *297*, *298*, *299*, *303*
Сологуб, Ф. К. — 25, 26, 44, 45, *301*
Сошенко, И. М. — *315*
Соути, Р. — 55, 61
Сперанский, М. М. — 30
Спешнев, Н. А. — *316*
Степанов, Н. А. — 216, *318*
Стерн, Л. — 7, 30, 121, 122, *302*
Стопановский, М. М. — 219
Стремоухов — 81
Строганов, П. Я. — 50, 74
Струве, П. Б. — 44, 69, 226, 242, 265
Суворин, А. С. — 193
Сумароков, А. П. — 6, 12, 13, 14, *298*
Сунгуров, Н. П. — 199
Сухинов, И. И. — 199
Сэй, Ж. Б. — 78, 82
Сютаев, В. К. — 286

Терпигорев-Атава, С. Н. — 273
Тик, Л. — 44, 45, *302*
Тимковский, А. И. — *316*
Тихомиров, Л. — 276
Толстой, А. К. — 154, 216
Толстой, Л. Н. — 1, 2, 4, 16, 25, 35, 123, 149, 150, 154, 155, 184,

186, 187, 189, 201, 209, 215, 220, 224, 252, 253, 254, 256, 257, 266, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, *310*, *315*, *322*, *323*
Толстой, Ф. П. — 154
Толль, Ф. — 190, 194, *316*
Томас, Г. — *303*
Тотлебен, Э. И. — 213
Тредьяковский, В. К. — 6, 190
Трубецкие (семья) — 126
Трубецкой, Н. Н. — 35
Тургенев, А. И. — *305*
Тургенев, И. С. — 2, 16, 25, 26, 124, 141, 143, 149, 150, 151, 154, 170, 171, 172, 173, 175, 176, 177, 179, 180, 181, 182, 184, 186, 189, 196, 206, 220, 224, 226, 235, 236, 237, 241, 253, 254, *311*, *314*, *320*, *321*
Тургенев, Н. И. — 83, 84, 109, 154
Тютчев, Ф. И. — 7, 16, 25

Уваров, С. С. — 50
Уланд, И. — 55, 60, *304*
Успенский, Г. И. — 16, 25, 188, 219, 220, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 265, 268, 269, *321*
Успенский, Н. В. — 219, 220, 224, *319*
Устя — 81

Федотов, П. А. — 189
Феокрит — 106
Фет, А. А. — 16, 25
Филарет, митрополит — 48, 293
Филиппов, П. П. — 190, *316*
Фильдинг, Г. — 38
Фирсов, Н. П. — 10, *297*, *298*
Флориан, Ж. П. — 14, 55
Фонвизин, Д. И. — 6, 8, 13, 14, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 36, 67, 72, 89, 90, 115, *299*, *300*
Фридрих II — 42
Фурье, Ш. — 190, 193, 209, 251

Хабаров, Е. П. — 188
Ханыков, А. — 190, *316*
Хемницер, И. И. — 14
Херасков, М. М. — 13, 14
Хомяков, А. С. — 111, 126
Хрущев, П. Ф. — 8, 20

Циммерман — 31
Цыганов, Н. Г. — 6, 50

Чаадаев, П. Я. — 114, 116, 201, 203, 296, *305*, *310*, *317*
Чайковский, Н. В. — 204
Чарторийский, А. Ю. — 50, 74
Черкасова — 61, *304*
Чернышев — 10, *297*
Чернышевский, Н. Г. — 72, 145, 153, 154, 155, 176, 177, 190, 193, 215, 216, 218, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 228, 230, 254, *314*, *315*, *316*, *319*
Черносвитов, Р. А. — 190, *316*
Чехов, А. П. — 16, 25
Чосер, Г. — 38
Чулков, М. Д. — 6

Шамиссо, А. — 55
Шапошников, П. Г. — 190, *316*
Шатобриан, Ф. — 7, 18, 27, 28
Шевченко, Т. Г. — 188, 189, 197, *315*, *319*
Шевырев, С. П. — 111
Шекспир, В. — 38, 57, 294
Шеллер-Михайлов, А. К. — 4
Шиллер, Ф. — 55, 61, 82, 84
Шильдер, Н. К. — *305*
Ширяев — *315*
Штейнгель, В. И. — 82, *306*
Шувалова — *304*
Шумахер, Н. В. — 218, *318*

Щапов, А. П. — 71, 72
Щепкин, М. С. — 153

Энгельгардт — 188, 189, *315*
Энгельсон, Н. А. — 190
Эртель, А. И. — 182, 276

Языков, Н. М. — 49, *303*
Якушкин, В. — *301*
Якушкин, И. Д. — 79, 88, *306*
Яцымирский, А. И. — 10, *297*

УКАЗАТЕЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, НАУЧНЫХ РАБОТ И ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ, УПОМИНАЕМЫХ В КНИГЕ

В указатель вошли под именем автора художественные произведения, письма, воспоминания, публицистические и научные работы, упоминаемые Горьким в рукописи. Кроме того, в указатель введены исторические и литературные источники, названные в примечаниях. Цифры страниц, набранные курсивом, указывают на страницы примечаний.

1. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ПИСЬМА, АВТОБИОГРАФИИ ПИСАТЕЛЕЙ

Арцыбашев, М. П.
«Санин»—2, *44*

Байрон, Д.
«Шильонский узник» — перевод В. А. Жуковского—57, 58, *303*

Бальзак, О.
«Крестьяне» — 185

Баратынский, Е. А.
«На смерть Гете» — 73

Беранже, П.
«Le bon Dieu» («Однажды бог...») — перевод А. Дельвига—79, *305*, *306*

Батюшков, К. Н.
«На смерть И. П. Пнина» — 52, *303*

Бестужев-Марлинский, А. А.
«Амалат-Бек» — 122
«Жуковскому» — 64, *304*

«Бова-королевич» — 38

«В России нет закона» — 95, *308*

«Встарь Голицын мудрость весил» — 94, *308*

Гебель, И.
«Деревенский сторож» — перевод В. А. Жуковского — 60

Герцен, А. И.
«Былое и думы» — 183, 184, 204, *317*
«Доктор Крупов» — 183, 184, *315*
«Кто виноват?» — 165, 166, 167, 168, 169, 170, 206, *314*
«Сорока-воровка» — 206

Гете, В.
«Страдания молодого Вертера» —1

Глинка, С.
«На смерть Ивана Петровича Пнина» — 52, *303*

Гоголь, Н. В.
«Авторская исповедь» — 127, 128, 129, 131, 132, 133, 134, 137, *311*
«Вечер накануне Ивана Купала»— 119, *310*
«Вечера на хуторе близ Диканьки» — 44, 119, 127
«Вий» — 119
«Ганс Кюхельгартен»—118, 119, *310*
«Женитьба» — 124
«Записки сумасшедшего» — 119
«Майская ночь, или утопленница»—119, 123, 124, *310*
«Мертвые души» — 117, 124, 125, 126, 127, 130, 131, 133, 136, 142, 205, *311*
«Миргород» — 120
«Невский проспект» — 120, *310*
«Нос» — 44, 119
«Ночь перед рождеством» — 119
Письмо Н. В. Гоголя к А. С. Данилевскому — август 1841 г. — 124, *310*
«Пропавшая грамота»—119, 123, *310*
«Ревизор»—117, 124, 125, 126, 130, 131, 133, 136, 142, 273, 274
«Старосветские помещики» — 120, 121, *310*

«Страшная месть»—119
«Тарас Бульба» — 121, 122, 123, *310*
«Шинель» — 124, 127
Гольберг, Л.
«Иван из Франции» — «Jean de France» — 16, *299*
Гончаров, И. А.
«Обломов»—120, 151, 171, 226
«Обрыв» — 253
Грибоедов, А. С.
«Горе от ума» — 7, 23, 115, 116, 159, 273, 274, *310*
Григорович, Д. В.
«Антон-Горемыка» — 185, 186
«Деревня» — 185
«Гуак» — 38

Державин, Г. Р.
«Бессмертие души»—96, *308*
«Каннисту» — 96, *308*
«О удовольствии» — 96, *308*
Дефо, Д.
«Радости и горести знаменитой Молль Флендерс» — 267
«Робинзон»—267
Дмитриев, И. И.
«Подражание Горацию» — 96, *308*
«Пой, скачи, кружись, Параша»...— 11, *298*
«Стансы к Н. М. Карамзину» —11, *298*
«Стонет сизый голубочек» — 48
«Чужой толк» — 12
Достоевский, Ф. М.
«Бесы» — 192
«Братья Карамазовы»—288, 289, *322*
«Записки из подполья» —192, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, *320*, *321*

Жуковский, В. А.
«Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди» — 61
«Бык и роза» — 63, *304*
«В комитет, учрежденный по случаю похорон вещи или белки от депутата Жуковского» — 63, *304*
«Воспоминание»— 56, *303*
«Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение в. к. Александра Николаевича» — 64, *304*
«Записка к баронессе (М. А. Черкасовой)» — 61, 62, *304*
«Звезда и корабль»—62, 63, *304*
«К графине Шуваловой (после ее дебюта в роли мертвеца)» — 62, *304*
«К портрету Гете»—58, *304*
«Кольцо души девицы» — 50
«Максим» — 63, *304*
«Мечта» — 55, *303*
«Ночь» — 73, *304*
«Ответы на вопросы в игре, называемой секретарь» — 63, *304*
«Песня» — 56, *303*
«Подробный отчет о луне»—63, *304*
«Смерть»—62, *304*
«Что радость? — бабочка вдали...» 63, *304*
«Что такое закон?» — 62, 63, *304*

Измайлов, А. Е.
«На кончину Ивана Петровича Пнина» — 52, *303*

Карамзин, М. Н.
«Бедная Лиза» — 48, *303*
«Наталья—боярская дочь»—48, *303*
Княжнин, Я.
«Рослав» — 29, *301*, *302*

Лесков, Н. С.
«Некуда» — 275, *322*,
«Шерамур» — 275, *322*
Лермонтов, М. Ю.
«Герой нашего времени»—158, 159, 164, 165, 166, *313*, *314*
«Желание»—161, *313*
«И скушно и грустно...»—159, *313*
«К***» («О, полно извинять разврат!») — 162, *313*
«Княжна Мери»—см. «Герой нашего времени»
«Когда волнуется желтеющая нива» — 164
«Молитва» — 160, 263, 164, *313*
«Монолог» — 160, 161, *313*
«Песня про купца Калашникова» — 165
«Предсказание» — 161, *313*
«Прощай, немытая Россия» — 164
«Смерть поэта» — 162, 163, 164, *313*
«Тамань»—см. «Герой нашего времени»
«Я, матерь божия, ныне с молитвою...» — 164

Мармонтель, М.
«Велисарий» — «Bélisaire»—18, *299*
Де-Местр, Ж.
«Вечера в Петербурге»—59, *304*
Де-Местр, К.
«Параша Сибирячка»—59

Некрасов, Н. А.
«Кому на Руси жить хорошо» — 215, *318*
«Ночь, уснели мы всем насладиться» — 189, *315*
«Рыцарь на час» — 207
«Саша» — 207, *318*
«Смолкли честные, доблестно павшие» — 231, *320*
«Убогая и нарядная» — 24, *300*
Николаев, П.
«Сорена и Замир» — 17, *299*

Одоевский, А. И.
«Ответ Пушкину» — 95, *308*
Осипович-Новодворский, А. О.
«Эпизод из жизни ни павы, ни вороны» — 269, *321*

Пальм, А. И.
«Алексей Слободин» — 193, *316*
«Наш друг Неключев» — 193
«Старый барин» — 193
Плещеев, А. Н.
«Вперед без страха и сомненья» — 269
Нинн, И. П.
«Ода на правосудие» — 52, 53
«Человек» — 53, *303*
Помяловский, Н. Г.
«Мещанское счастье» — 243, 244, *320*
«Молотов» — 224, 226, 241, 242, 244, 245, 253, 256, 275, *320*
Пушкин, А. С.
«Борис Годунов» — 103
«В Сибирь» — 94, *308*
«Вакхическая песня» — 105, *309*
«Вольность» — 76, 78, 95, *305*
«Граф Нулин» — 103
«Деревня» — 78, 96, *305*, *308*
«Друзьям» («Нет, я не льстец») — 93, 161, *307*, *313*
«Дубровский» — 103
«Евгений Онегин» — 7, 73, 102, 103, 115, 120, 124, 156, 157, 158, 159, 164, 166, *310*, *313*
«Из Пиндемонти» — 97, *308*
«История села Горюхина» — 100, *309*
«К вельможе» — *307*
«К Жуковскому» — 51, *303*
«К Чаадаеву» — 96, *308*
«Кинжал» — 79
«Когда твои младые лета» — 101, *309*
«Моя родословная, или русский мещанин» — 86, 87, 88, 102, *306*
«На выздоровление Лукулла» — 102
«На графа М. С. Воронцова» — 93, 94, *308*
«На плаху истину влача» — 95, *308*
«Наполеон» — 96, *308*
«Ответ анониму» — 101, *309*
«Памятник» — 103, *309*
«Песни о Стеньке Разине» — 99, *309*
Письмо А. С. Пушкина к А. А. Бестужеву — апрель 1825 г. — 89, *306*
Письмо А. С. Пушкина к А. А. Дельвигу от 20 февраля 1826 г. — 106, *309*
Письмо А. С. Пушкина к жене от 18 мая 1836 г. — 102, *309*
Письмо А. С. Пушкина к Л. С. Пушкину — октябрь 1824 г. — 99, 101, *309*
Письмо А. С. Пушкина к К. Ф. Рылееву — май 1825 г. — 89, 90, *307*
«Письмо А. С. Пушкина к А. И. Тургеневу от 1-го декабря 1823 г. — 79, *305*
«Повести Белкина» — 124
«Поэту» — 97, *308*
«Пророк» — 73, 103, *305*, *309*
«Румяный критик мой, насмешник толстопузый» — 100, *309*
«Сеятель» — 207
«Сказали раз царю, что наконец...» — 93, *308*
«Сказка о золотом петушке» — 99
«Сказка о попе и работнике его Балде» — 99
«Сказка о рыбаке и рыбке» — 99
«Сказка о царе Салтане» — 99
Сказки — 92, *307*
«Стансы» — 93, *307*, *313*
«Станционный смотритель» — 127
«Цыганы» — 102, *309*
«Чернь» — 98, *308*
«Эхо» — 103, *309*

Радищев, А. Н.
«Бова» — 29
«Вольность» — 76, *305*
«Осьмнадцатое столетие» — 32
Радищев, П. А.
«На смерть И. П. Нинна» — 52, *303*
Растопчина, Е. П.
«Обман» — *303*
«Пусть он неверен, пусть он изменник» — *303*
«Уходили, проходили сотни удалые» — *303*
«И сказала зачем?» — *303*
Рылеев, К. Ф.
«К временщику» — 78, 79, *305*

Письмо К. Ф. Рылеева к Ф. В. Булгарину от 8 августа 1821 г.— 75, *305*
Письмо К. Ф. Рылеева к А. С. Пушкину—июнь 1825 г.—89, *306*
«Пустыня» — 90, 91, *307*

Салтыков-Щедрин, М. Е.
«Господа ташкентцы» — 270, 271, 272, 273, *321*, *322*
«Дневник провинциала в Петербурге» — 256, *321*
«За рубежом» — 274, *322*
«История города Глупова» — 274
«Пошехонская старина»—150, 151, *313*
«Признаки времени» — 256, *321*
«Приключение с Крамольниковым» — 127
Слепцов, В. А.
«Трудное время»—232, 233, 253, *320*
Соути
«Суд божий над епископом Гаттоном» — перевод В. А. Жуковского — 61
Стерн, Л.
«Сентиментальное путешествие» — 30, *302*

Тик, Л.
«Вильям Ловель» — 44, 45, *302*
Толстой, Л. Н.
«Анна Каренина» — 286, 293, 294, *323*
«Власть тьмы» — 293, *323*
«Война и мир» — 292, 293, 294
«Воскресение»—2, 4, 293, 294
«Детство, отрочество и юность» — 286, 291, *323*
«Казаки» — 286, 289, 290, *322*
«Люцерн — из записок князя Нехлюдова» — 291, 292, *323*
«Поликушка» — 186, *315*
«Смерть Ивана Ильича» — 123, *310*
«Три смерти» — 293
«Утро помещика» — 186, 287, 288, 289, 290, 293, *315*, *322*
Тургенев, И. С.
«Ася» — 176
«Гамлет Щигровского уезда» — 176
«Записки охотника»—179, 182, 206
«Малиновая вода» — 180, 181, 182, *315*
«Накануне» — 226
«Новь»—151, 171, 176
«Отцы и дети»—1, 2, 26, 224, 230, 235, 236, 237, 239, 241, 242, 253, *301*, *320*
«Рудин»—2, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, *314*
«Хорь и Калиныч»—176, 179, 180, 182, *315*
Уланд, И.
«Мщение» — перевод В. А. Жуковского — 60, *304*
«Песня бедняка» — перевод В. А. Жуковского — 60, *304*
«Сон» — перевод В. А. Жуковского —60, *304*
«Счастье во сне» — перевод В. А. Жуковского — 60, *304*
«Утешение» — перевод В. А. Жуковского — 60, *304*
Успенский, Г. И.
«Автобиография» — 257, 258, *321*
«Власть земли» — 258, 259, *321*
«Крестьянин и крестьянский труд» — 260, 261, 262, *321*

Фонвизин, Д. И.
«Бригадир»—13, 16
«Выбор гувернера» — 21
«К уму моему» — 24
«Корион» — 16
«Лисица-кознодей» — 18, 19
«Недоросль» — 13, 16, 21, 22, 67, 273, 274
Письмо Д. И. Фонвизина к И. П. Елагину — 25, *300*
«Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» — 19, 20, *299*
«Французыль Венециан» —38

Чернышевский, Н. Г.
«Что делать?» —223, 226, 227, 228, 229, 230, 234, 253, *319*
Чосер, Г.
«Кентерберийские рассказы» — 38

Шевченко, Т. Г.
«І день іде, і нічь іде» — 188, *315*
«Кобзарь» — 189
Шекспир, В.
«Гамлет» — 57
Шиллер, Ф.
«Торжество победителей» — перевод В. А. Жуковского — 61, *304*
Шумахер, П. В.
«Кто она?» (в pendant к «Картинке» Майкова) — 218, *318*

Языков, Н. М.
«Военная новгородская песня 1170 года» — 49, *303*
«Я лив поле не березонька была» — 49

II. ПУБЛИЦИСТИКА, НАУЧНЫЕ ТРУДЫ, МЕМУАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Анненков, П. В.
«Литературные воспоминания» — 124, 125, 126, 127, 129, 130, 132, *310*, *311*.
«А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений» — *311*.
Андреевич (Соловьев, Е.)
«Опыт философии русской литературы» — 182, 208, 220, *315*, *318*, *319*.
Ахшарумов, Д. Д.
«Из моих воспоминаний 1849 года» — *316*, *317*.

Басаргин, Н. В.
«Записки» в сборнике «Девятнадцатый век», издаваемом Петром Бартеневым, 1872, т. 1. — *307*.
Белинский, В. Г.
«Литературные мечтания» — 71, *304*.
Письмо Белинского к В. П. Боткину от 1 марта 1841 г. — 288, *322*.
Письмо Белинского к Д. П. Иванову от 7 августа 1857 г. — 71, *304*.
«Сочинения Александра Пушкина» — 12, *298*.
Бильбасов, В. А.
«История Екатерины II» — 8, 10, *297*, *298*.
«Памяти императрицы Екатерины II» — в книге «Исторические монографии», т. II. — 17, 18, 20, 21, *299*, *300*.
«Памяти Фонвизина» — в книге «Исторические монографии», т. II. — *300*.
«Походы Екатерины II по Волге и Днепру» — в книге «Исторические монографии», т. III. — 18, *299*.
Богучарский, В. Я.
«Александр Иванович Герцен» — в книге «Из прошлого русского общества» — 204, 205, *317*.
«Столкновение двух течений общественной мысли» — в той же книге. — 176, *314*.
Болотов, А.
«Жизнь и приключения Андрея Болотова» — Записки — 11, *298*.
Брикнер, А.
«С.-Петербургские ведомости во время французской революции» — в журн. «Древняя и новая Россия», 1876, т. I, №№ 1 и 2. — 31, 32, *302*.
Бурцев, В. Л.
«За сто лет» — 199, 226, *317*, *319*.

Васильчиков, А.
«Несколько слов о кончине М. Ю. Лермонтова и о дуэли его с Н. С. Мартыновым» — в «Русском архиве», 1872, № 1. — 164, *314*.
Васильчиков, В. И.
«Воспоминание об очищении Севастополя» — в «Руси», 1886, № 2. — 213, *318*.
Венгеров, С. А.
«Петрашевцы» — ст. в энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона — 191, *316*.
«Вестник Европы»
— журнал — 25.
Ветринский (Чешихин, В. Е.)
«Герцен» — 206, 207, *317*, *318*.
«Вечера»
— журнал — 15.
«Вехи»
— сборник — 135, 226.
«Всякая всячина»
— журнал — 21, 34, *299*.

Герцен, А. И.
«Дневник» — 182, 183, 204, *315*, *317*.
«Еще раз Базаров» — 241, *320*.
«Из истории развития революционных идей в России» — *316*.
«Крещеная собственность» — 220, *318*.
«Лишние люди и желчевики» — 209, 210, *318*.
«Письма к противнику» — 207, *317*.
«Русский народ и социализм» — 220, *319*.
«С того берега», гл. «Omnia mea mecum porto» — 208, 209, *318*.
«С того берега» — 206, *317*.
Глинка, Ф. Н.
«Удаление А. С. Пушкина из С.-Петербурга в 1820 г.» — ст. в журн. «Русский архив», 1866, № 6. — *308*.
Головачева-Панаева, А. Я.
«Воспоминания. Русские писатели и артисты» — 130, 141, 142, 143, 144, 145, 193, 196, *311*, *312*, *316*, *317*.

Гоголь, Н. В.
«Выбранные места из переписки с друзьями» —131, 133, 134, 135, 190, *311*.
«О Современнике» —124, *310*.
«Рассмотрение ходя просвещения в России» (Выдержки из карманных записных книжек). — 131, 132, *311*.
Горький, М.
«Разрушение личности» —66, *301*, *304*.
Гродецкий, М.
«Очерк жизни и литературной деятельности А. О. Новодворского» —*321*.

Даль, В. И.
«Толковый словарь великорусского языка» —187.
Данилевский, Н. Я.
«Россия и Европа» —193.
«Дарвинизм» —192, 193.
«Дело»
— журнал —190.
Дельвиг, А. И.
«Полвека русской жизни» —*306*.
Дмитриев, Д.
«Русская театральная публика во времена Сумарокова» — в журн. «Древняя и новая Россия»—1875, т. I, № 3—15.—*298*.
Докучаев, В. В.
«Исследование о русском черноземе» — 10.
Долгоруков, П. В.
«Правда о России, высказанная П. В. Долгоруковым» — *317*.
«Домашняя беседа»
— газета —218.
Достоевский, Ф. М.
«Дневник писателя» —191, 192, *316*.
«Речь на открытии памятника Пушкину» —269, *321*.
«Ряд статей о русской литературе» — Введение — 262, 263, *321*.
«Древняя российская вифлиофика» —34.
Дубасов, И.
«Елатомский помещик Кашкаров» — в журн. «Древняя и новая Россия», 1877, т. I.—148, *313*.

Екатерина II
«Ответы сочинителя Былей и Небылиц» —23, *300*.
«Наказ» — 18, 21, 32, *298*, *299*.
Письмо Екатерины II к А. А. Вяземскому —21, *299*.

Еленский
«Известие, на чем скопчество утверждается» —*303*.

Жданов, И. Н.
«Д. И. Фонвизин» — в книге «Сочинения», 1907, т. V.—17, *299*.
«Живописец»
— журнал —13, 34, *302*.
Жихарев, М.
«Петр Яковлевич Чаадаев» — ст. в журн. «Вестник Европы», 1871, № 7.—*305*.
Жуковский, В. А.
«О поэте и современном его значении» —57, 58, 67, 68, *303*, *304*.
«О смертной казни» —59, *304*.

Иванов-Разумник, Р. И.
«О смысле жизни» —*301*.
«Искра»
— сатирический журнал—145, 216, 217, 218, 219, *318*.
«Исторический сборник»
Изд. Вольной русской типографии, London, 1861, кн. II.—*299*.

Карамзин, Н. М.
«История государства российского» — 95.
Карлейль, Т.
«О героях и героическом в истории» —40.
Карпентер, В.
«Современная наука» —283.
«Квали»
— газета —195.
«Колокол», изд. Герцена—209, 216.
Корнилов, А. А.
«Общественное движение при Александре II»—211, 212, 213, 214, 215, 219, 226, 229, 230, 254, 255, *318*, *319*, *321*.
Корф, М. А.
«Из записок барона М. А. Корфа»— ст. в журн. «Русская старина», 1900, т. 101. — стр. *305*.
Котляревский, Н.
«Рылеев» —*305*, *307*.
«Кошелек» — журнал —34.
Кулиш, Н. А.
«Записки о южной Руси» — 219.

Лавров-Миртов, П. Л.
«Исторические письма» — 226, 255, *319*, *321*.

Лемке, М.
«Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия»— 197, 198, 216, 217, 218, *317*, *318*.
«Листок знакомых» — журнал Н. А. Степанова —216, *318*.
Лонгинов, М. Н.
«Новиков и московские мартинисты» —*302*.
Лопухин, И. В.
«Изображение мечты равенства и буйной свободы с пагубными их плодами» —36, *302*.
«Записки из некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника, сенатора И. В. Лопухина, сочиненные им самим»—36, *302*.

Майков, В. Н.
«Об отношении производительности труда к распределению богатства» —194, *316*.
Майков, Л. Н.
«Театральная публика во времена Сумарокова» — ст. в книге «Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий» — *298*.
Маркс, К.
Письмо К. Маркса к Людвигу Кугельману от 12 октября 1868 г.— 207, *318*.
Милюков, А. П.
«Литературные встречи и знакомства» —*315*.
Михайловский, Н. К.
«Глеб Иванович Успенский как писатель и человек» — 265, *321*.
«Идеализм, идолопоклонство и реализм» —229, *319*.

«Наше время» — газета —218.
«Неделя» — журнал — 255.
Новиков, Н. И.
«К читателю» —34, *302*.
«Новиков» — статья в энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона — *302*.
«Новое время» — газета —193.

«Общественное движение в России в первую половину XIX века» —сборник, т. I.— *306*.
«Осьмнадцатый век» — Исторический сборник, издаваемый Бартеневым, 1869, кн. III.— *299*.
«Отечественные записки» — журнал —145, 193, 198, 216.
«Отголоски пугачевского бунта по архивным данным» —в журн. «Русская старина», 1905, VI. —*297*.

Панаев, И. И.
«Литературные воспоминания» — 142, 143, 152, 153, *312*, *313*.
Пассек, Т. П.
«Воспоминания» —149, *313*.
Писарев, Д. И.
«Мыслящий пролетариат» —241.
«Реалисты» —237, 238, 239, 240, 241, *320*.
«Роман кисейной девушки» —242, *320*.
«Схоластика XIX века» —254, *321*.
Пнин, И. П.
«Опыт о просвещении относительно к России» —53, *303*.
Полевой, Н. А.
«Утро в кабинете знатного барина» — 307.
«Полярная звезда»—альманах, издан. А. И. Герцена—190.
Прыжов, И.
«История кабаков в России в связи с историей русского народа» — 109, *309*.
Прытков, Н.
«И. П. Пнин и его литературная деятельность» — в журн. «Древняя и новая Россия», 1878, т. III.—53, *303*.
Пушкин, А. С.
«Александр Радищев»—32, *302*, *309*.
«Путешествие из Москвы в Петербург» («Мысли на дороге») —5, *297*, *309*.
«Набросок предисловия к «Борису Годунову»—90, 104, *307*, *309*.
«Пушкин в мировой литературе» — сборник —*313*.
Пыпин, А. Н.
«Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов» —64, 65, 109, 110, 113, 114, 116, 203, 211, *309*, *310*, *317*, *318*.

Радищев, А. Н.
«Путешествие из С.-Петербурга в Москву» —13, 28, 30, 32, 52, 76, *302*, *309*.

Розанов, В. В.
«Ф. М. Достоевский». Критико-биографический очерк —192, *316*.
«Русская мысль» — журнал —226.
«Русская Талия» — альманах, изд. Ф. В. Булгариным —*310*.
«Русский инвалид» — газета — 198, *317*.
«Русское богатство» — журнал —206, 267.
«Русское слово» — журнал —190, 193.

«Сборник русского исторического общества» — т. VII—*299*; т. X—*298*, *301*, *303*.
— т. XII—*299*.
— т. XXIII—*299*.
«Песни, собранные П. В. Киреевским» — 99.
Сборник сербских народных песен —«Мала простонародна сербска песнарица» — Вука Караджича—99.
«Свод мнений о средних ценах на хлеб», издание Вольно-экономического общества, 1847 г. —10.
«Северная почта» — газета — 218.
Ségur — «Mémoires»—Сегюр — Мемуары — *299*.
Семевский, В. И.
«Барон Владимир Иванович Штейнгель» — ст. в сборнике «Общественное движение в России в первую половину XIX века» —*306*.
«Волнение крестьян, приписанных к олонецким заводам в 1769—1771 гг.» — в журн. «Древняя и новая Россия», 1877, т. II. — 10, *298*.
«Из истории общественных идей в России в конце 1840-х годов» — *316*.
«Крестьянский вопрос в России в XVIII и первую половину XIX века» —9, *297*, *298*, *314*.
«Политические и общественные идеи декабристов» —74, *305*.
Семенов-Тянь-шанский, П. П.
«Мемуары» —*316*.
Сен-Мартен
«О заблуждениях и истине» —*302*.
Скабичевский, А. М.
«Жизнь и литературная деятельность В. Г. Белинского» — *304*.

Славутинский, С.
«Генерал Измайлов и его дворня» — ст. в журн. «Древняя и новая Россия», 1876, № 9, 10, 11, 12.—145, 146, 147, 148, *312*.
«Собеседник любителей российского слова» — журнал —23, *299*, *300*.
«Современник» — журнал—141, 142, 145, 193, *312*.
Соловьев, С. М.
«История России с древнейших времен» —*297*, *298*, *299*, *303*.
«С.-Петербургские ведомости»—газета — 31, 32, *302*.

«Телескоп» — журнал —202.
Толль, Ф.
«Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический лексикон)» —194, *316*.
Толстой, Л. Н.
«Воспитание и образование»— 277, 278, 279, 280, 281, *322*.
«Два взгляда на жизнь» —285, *322*.
«Мысли о воспитании» —281, *322*.
«Предисловие к ст. Карпентера «Современная наука» — 284, 285, *322*.
«Прогресс и определение образования» — 281, 282, 283, *322*.
«Трутень» — журнал —13, 34.

Фирсов, Н. Н.
«Пугачевщина. Опыт социологопсихологической характеристики» —10, 11, *297*, *298*.
Фонвизин, Д. И. «Вопросы» автору «Былей и Небылиц» —23, *299*, *300*.
«Друг честных людей, или Стародум — периодическое сочинение, посвященное истине» —23, *300*.
«К г. сочинителю «Былей и Небылиц» от сочинителя вопросов»— 23, *300*.
«О праве государственном» — в «Историческом сборнике», изд. Вольной русской типографии — 17, *299*.
«Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» —23, *300*.

Чаадаев, П. Я. «Апология сумасшедшего» — 203, *310*, *317*.

«Философические письма» — 201, 203, *317*.
«Черноморский вестник» — газета —195.
Чернышевский, Н. Г.
«Вредная добродетель»—224, 225, *319*.
«Замечание на статью «О поземельной собственности» —223, *319*.
«Критика философских предубеждений против общинного владения» —223, *319*.
«Не начало ли перемены?» —221, 222, *319*.
«Русский человек на rendez-vous»—177, *314*.
Шильдер, Н. К.
«Император Николай I» —*305*.

Якушкин, В.
«Радищев» — статья в энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона —27, *301*.
Якушкин, И. Д.
«Записки» — 79, 80, 81, *306*.
Яцымирский
«Лже-Петр III у черногорцев» — ст. в «Историческом вестнике», 1907, кн. VIII.—10, *297*.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От редакции V

Введение 1

Наброски плана 6

Литература второй половины XVIII столетия. — Царствование Екатерины II. — Характеристика классовых отношений, общественной борьбы и мысли. — Фонвизин. — Радищев. — Масоны. — Новиков. 8

Романтизм. — Возникновение его. — Влияние западноевропейского романтизма на русскую литературу.—Тик.—Романтизм и народность.— Народность дворянской литературы. — Пнин. — Жуковский . . . 37

Романтизм. — Направления его.— Характеристика общественных отношений и литературы в первую половину XIX века. — 1812 год, его значение в истории развития русского общества. — Крестьянское движение начала XIX века. — Декабристы.—А. С. Пушкин. 69

Слепушкин 106

Западничество и славянофильство 107

Гоголь 117

Очерк развития русского общества в 30-е—40-е годы. — Положение мещанства, духовенства, расслоение и разорение дворянства. — Разночинцы. — Белинский. — Характеристика отдельных групп дворянства. — Расслоение в среде разночинцев и характеристика ее отдельных групп 137

«Дворянская самокритика». — Онегин, Печорин. — Характеристика М. Ю. Лермонтова. — Герцен — «Кто виноват?», Бельгов. — Рудин. — Характеристика И. С. Тургенева 156

Крестьянское движение в первую половину XIX века. — Литература о крестьянстве: Тургенев, «Записки охотника», Герцен, Григорович, Лев Толстой, Гоголь. — Даль, Кольцов, Шевченко 178

Петрашевцы. — 1848 год. — Правительственная реакция в России. — Революционное движение от декабристов до петрашевцев 190

Чаадаев. — Герцен. — «Драма русского барства» 201

Пятидесятые годы. Крымская война, поражение николаевской монархии в войне, значение этого события. Крестьянская реформа, отношение к ней различных общественных групп. — Демократическая литература того времени. — «Искра». — Чернышевский. — Николай Успенский. — Вопрос об общине. — Народническая литература. — Положение разночинной интеллигенции, ее расслоение. — Рахметов.—«Реалисты»—последователи Писарева во вторую половину 60-х годов. — Революционная борьба в 70-е годы. — «Трудное время» В. Слепцова 211

Писарев. — Базаров и Молотов в понимании Писарева. — Помяловский, «Молотов». — Проблема индивидуализма 235

339

Достоевский. — Писарев и нигилизм. — Экономическое развитие и общественная борьба в 70-е годы. — Глеб Успенский 246
Осипович-Новодворский. — Салтыков-Щедрин. — Лесков 269
Лев Толстой 277
Примечания 297
Указатель имен 324
Указатель художественных произведений, научных работ и периодических изданий, упоминаемых в книге 330

Редактор В. Щербина. Технический редактор Н. И. Гарвей. Корректоры Л. Р. Каплан и Е. А. Павлова. Изд. № 111. Х-20. Г. 71. Тираж 20 000 экз. Формат бумаги 60×92 в $^1/_{16}$ д. 22 печ. л. 22,56 авт. л. Сдано в набор 22 мая 1939 г. Подп. к печ. 9 декабря 1939 г. Уполном. Главлита № А-13184. Цена в переплете 8 р. 50 к.

1-я Образцовая типография Отдела РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Валовая, 28. Заказ № 2334.